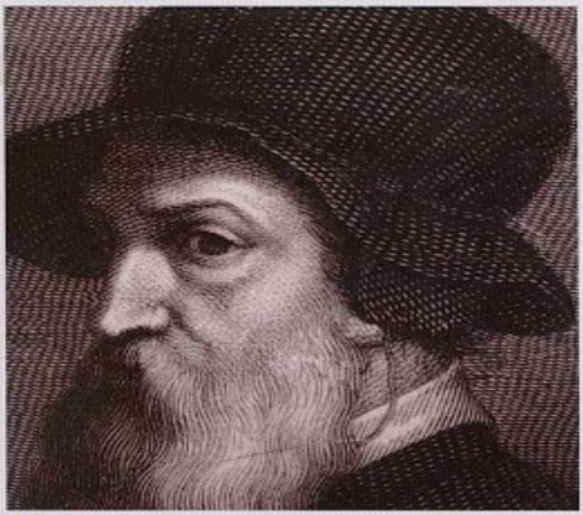
КУЛЬТУРА И НАУКА

Бенвенуто Челлини



Нина СОРОТОКИНА

ВЕЛИКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРСОНЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Челлини родился в 1500 году, в самом начале века называемого чинквеченто. Он был гениальным ювелиром, талантливым скульптором, хорошим музыкантом, отважным воином. И еще он оставил после себя книгу, автобиографические записки, о значении которых спорят в мировой литературе по сей день. Но наше издание о жизни и творчестве Челлини — не просто краткий пересказ его мемуаров. Человек неотделим от времени, в котором он живет. Поэтому на страницах этой книги оживают бурные и фантастические события XVI века, который был трагическим, противоречивым и жестоким. Внутренние и внешние войны, свободомыслие и инквизиция, высокие идеалы и глубокое падение нравов. И над всем этим гениальные, дивные работы, оставленные нам в наследство живописцами, литераторами, философами, скульпторами и архитекторами — современниками Челлини. С кем-то он дружил, кого-то любил, а кого-то мучительно ненавидел, будучи таким же противоречивым, как и его век.

- Нина Соротокина
  - Предисловие
  - Часть I
    -
    - Несколько слов об истории Флоренции
    - Отец
    - Мать
    - Знаки на пути
    - Ах, эта музыка!
    - Шутки молодости
    - Медичи на папском престоле
      - Папа Лев X
        -
        - Папа Климент VII
  - Часть II
    -
    - Рим
    - Отцовское благословение
    - Работа
    - Пир во время чумы
    - Войны
    - Осада замка Святого Ангела
    - Замок пал

- Горе и радость идут вместе
- Флоренция и Рим
- На службе у папы
- Смерть брата
- Месть
- Обида
- Состязание в гордости и упрямстве
- О любви
- О смерти

○ Часть III

-
- О чем не рассказал Челлини
- Флоренция, Венеция и опять Флоренция
- Хвори Бенвенуто
- Герцог Алессандро и Лорензаччо
- Отношения с папой и встреча с императором
- Путешествие
- Дома
- Нравственность в эпоху Возрождения
- В замке Святого Ангела
- Тюремная жизнь
- Побег
- В Риме
- Страсти по Бенвенуто
- Небольшое отступление
  - Папа Павел III (1534–1549)
  - Папа Павел III (Продолжение)
- Освобождение
- Челлини и литература Возрождения

○ Часть IV

-
- Париж
- Французский король Франциск I
- Благодеяния
- Жены и фаворитки
- Заказ на источник в Фонтенбло и некая вазочка
- Интриги, склоки и суды
- Любовь и суд
- Солонка
  -
  - Шедевр в лесу
- Жизнь продолжается
- Обида
- Дьявол кроется в деталях

- Часть V
  -
  - Козимо I, великий герцог Тосканы (1519–1574)
  - Неудобства
  - Трудно работать
  - Диспут
  - Персей с головой Медузы
  - Дела военные и мирные
  - Триумф
  - Триумф или хождение по мукам
    -
    - Смута вокруг мрамора
  - «Жизнь…» и «Жизнеописание…»
  - Драма на охоте
  - Последние годы
  - Франческо Медичи и Бьянка Капелло
- Послесловие
- Иллюстрации

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

Нина Соротокина
Бенвенуто Челлини

Предисловие

Челлини родился в 1500 году, в самом начале века, называемого в культурном мире чинквеченто. Он был гениальным ювелиром, талантливым скульптором, хорошим музыкантом, отважным воином и плохим поэтом. И еще он оставил после себя книгу, автобиографические записки, о значении которых спорят в мировой литературе по сей день. Книга называется «Жизнь Бенвенуто, сына маэстро Джованни Челлини, флорентийца, написанная им самим во Флоренции».

Что это — придуманный роман или подлинная история нашего героя? Мюнхгаузен, как известно, «самый правдивый человек на земле». А не примерил ли Челлини на себя его одежды, опередив «самого правдивого» на двести с лишком лет? Иные серьезные исследователи творчества Челлини утверждают, что он не только с чистой душой преувеличивает свои подвиги, но попросту врет. Беда в том, что от работ Челлини мало что осталось. Со скульптурой ему повезло больше — знаменитый Персей, Нимфа и мраморное распятие, конечно, бюсты Козимо I и Биндо Альтовити, а из ювелирных изделий вообще сохранилась одна солонка. Еще дошли до нашего времени его медали, выбитые им монеты, оттиски печатей, но бесчисленные работы из золота и драгоценных камней погибли, и не от руки варваров. Сами хозяева изделий, папы и герцоги, приказывали в трудные времена выковыривать камни, а металл пускать в переплавку. Иногда работы Челлини уничтожались в угоду моде, словом, о качестве их мы можем судить только по его собственным описаниям. Но зато как ярко, вкусно и образно Челлини их описывает! Сейчас появились высказывания: не сочини-де Челлини своего бытописания, ему вообще не нашлось бы достойного места в Высоком Возрождении, о нем попросту бы забыли рядом с такими титанами, как Микеланджело и Донателло. Это не так. М. Л. Лозинский: «… целая эпоха в истории прикладных художеств, эпоха их исключительного расцвета — справедливо или нет, это уже другой вопрос — названа челлиневской». Современники ценили Бенвенуто как замечательного ювелира, кто-то говорил, что он лучший модельер своего времени, ценили его Персея, правда, иные добавляли, что «таких скульпторов было много». Вазари считал Персея достойным соперником Юдифи Донателло. Вот только писателем Челлини никто не называл, но именно своей прозой он застолбил себе место, теперь в XVI веке в Италии, и не только в ней, без него просто не обойдешься.

Челлини не вел дневников. Книгу он начал писать в пятьдесят восемь лет, рукой он не сам водил, а надиктовывал секретарю, четырнадцатилетнему мальчику, только конец рукописи написан его рукой. Были списки с рукописи, а потом неведомым образом сама рукопись в XVII веке пропала и была обнаружена только в 1805-м в книжной лавке во Флоренции. Драгоценную рукопись тут же передали в библиотеку Лауренцина. Там она и хранится по сей день.

«…я старался не говорить ничего такого, чтобы мне памятью идти на ощупь, а говорил чистую правду», — сообщает читателю Челлини. Он иногда путает даты, при этом не делает попыток их уточнить, но память у него цепкая, она удерживает необозримое количество имен, всем этим людям он дает характеристики, и все эти люди интересны автору потому, что они имеют прямое или косвенное отношение к искусству. Н. Томашевский: «Книга Челлини совершенно особенная. Она и в ряду художественных сочинений автобиографического жанра, начавших появляться в предшествующем веке, и резко от них отличается. Это книга не столько о повседневной жизни художника, сколько об облике творца, подвластного одной лишь артистической своей сути».

Посмертная судьба книги была трудной. Рукопись валялась в каких-то ящиках, потом чудом нашла издателя и была впервые опубликована в 1728 году в Неаполе и сразу была замечена. Знаменитый критик XVIII века Джузеппе Баретти написал о ней: «На нашем языке нет книги, которую было бы так приятно читать, как «Жизнь» Бенвенуто Челлини, написанную им самим на чистом и беспримесном наречии флорентийского простонародья». И прибавляет: «Удовольствие, ею доставляемое, мне, кажется, немного сродни тому, которое мы испытываем перед клеткой с красивыми, но разъяренными зверями. Мы можем глядеть на них совершенно безопасно: их страшные когти и клыки не могут нас ни задеть, ни поранить». Когда Баретти говорит о клыках, он имеет в виду отчаянный, взрывной характер Челлини. Этот ювелир и скульптор не расставался с оружием, жилетом его часто была кольчуга. Он ввязывался в драку не раздумывая, защищая честь и справедливость (добавим — так, как он ее понимал).

Потом появились переводы — в 1771 году в Англии, в 1803-м — в Германии в переводе не «абы кого», а Гете. Шиллер был в восторге от «Жизни…» Челлини. Надо сказать, что первые издания книги были неполными и некачественными, использовались плохие списки, но в 1829 году книга выходит во Флоренции по оригинальному тексту рукописи. Во Франции горячим поклонником Челлини становится Стендаль, он сам сознается, что «Жизнь Бенвенуто…» оказала влияние на его

творчество.

В России «Жизнь Бенвенуто…» была издана в 1848 году, это был перевод с французского языка, конечно, текст сильно разнился с подлинником. А только в 1931 году у нас выходит полноценный перевод с оригинала, выполненный блестящим переводчиком М. Л. Лозинским. Сейчас «Жизнь Бенвенуто…» признается всеми шедевром литературы Возрождения. «Книга и человек друг друга стоят», — написал в своем эссе о Челлини А. К. Дживелегов. Кто бы в России ни писал о Бенвенуто Челлини, все первым делом ссылаются на Дживелегова: армянин, советский ученый, один из лучших у нас специалистов по Возрождению, человек глубокого ума и ясного слова. Диву даешься, как он умудрялся в своих работах обходиться без цитат из Маркса — Ленина — Сталина и сохранять живой язык. Советское искусствоведение пользовалось своим, казенным словом, главное, чтобы читать было скучно. Я еще не раз буду цитировать Дживелегова.

Моя книга о жизни и творчестве Челлини не просто краткий пересказ его «Жизни Бенвенуто…», хотя и в этом я не вижу ничего плохого. Есть замечательные адаптации, скажем, «Дон Кихота» или «Моби Дика», правда, они предназначены для детей, но сейчас и взрослые мало читают. И надо помнить, что Челлини писал не только о бурных и фантастических событиях XVI века. Для нас в первую очередь кватроченто и чинквеченто — это понятия гуманизма и дивные работы, оставленные нам в наследство живописцами, литераторами, философами, скульпторами и архитекторами. Век этот был трагическим, противоречивым и жестоким. Войны, раздоры внутренние и внешние, свободомыслие, а рядом инквизиция, циничное правление католических пап и возникновение лютеранства, высокие идеалы и глубокое падение нравов. Папа-воин Юлий II и двор папы Александра VI, славившийся изысканным развратом. А великий утопист, фанатик и мученик Савонарола, при котором «королем» Флоренции голосованием выбрали Иисуса Христа! Савонаролу сожгли за два года до рождения Челлини.

Конечно, моя «адаптация» ни в какое сравнение не идет с подлинником. Я не хочу, как пишет М. Веллер, «ставить в тени великого свою раскладушку», но если у кого-то возникнет желание прочитать «Жизнь Бенвенуто, сына маэстро Джованни Челлини, флорентийца, написанная им самим во Флоренции», я буду считать мою задачу выполненной.

Часть I
Предки

Имя Бенвенуто переводится как Желанный. Так оно и было, его любили родители, родственники, у него было много врагов, но не меньше друзей. Начинает Челлини свое бытописание такими словами: «Все люди всяческого рода, которые сделали что-либо доблестное или похожее на доблесть, должны бы, если они правдивы и честны, своею собственной рукой описать свою жизнь; но не следует начинать столь благого предприятия прежде, нежели минет сорок лет». Описание жизни, как и должно, Бенвенуто начинает с родителей. Отец — Джованни, дед — Андре. Прадед Кристофано Челлини. Матушка — «мадонна Элизабетта, дочь Стефано Граначчи». Челлини подчеркивает — все достойные флорентийские граждане, но ему мало помнить прадеда, ему нужны стародавние предки, и он с головой ныряет в историю полуторатысячелетней давности.

Флоренцию (город цветов) основал Юлий Цезарь. У Цезаря был храбрый и достойный военачальник Фиорино из Челлини (Челлини — название замка). Бенвенуто не только нашел мифологического предка, он замечательно обыграл его имя. Дальше он мимоходом сообщает о «больших вельможах Челлини, живущих в Равенне, имеются они и в Пизе, и во многих государствах христианского мира». Искусствоведы ухмыляются в усы — мало ли Челлини в мире? А. К. Дживелегов пишет: «Бенвенуто серьезно верит, что какие-то особенные явления провиденциально указывали в разные моменты его жизни на то, что он человек избранный. Начать с того, что — он этого прямо не говорит, но представляет читателю догадаться самому — его предком был «храбрый первый полководец Юлия Цезаря по имени Фиорино де Челлино», основавший Флоренцию». А мне кажется, что в этом наивном утверждении есть одно искреннее желание — прославить свой род и себя заодно, как если бы кто-то с гордостью писал: да, я Иванов, на Ивановых русская земля держится. Челлини пишет: «Я горжусь тем, что восхожу к доблестным «людям»», ну и бог с ним, в конце концов. Мы все произошли от Адама и Евы, но честность Бенвенуто берет верх, и он добавляет: «…причем я гораздо больше горжусь тем, что, родясь простым, положил своему дому некоторое почтенное начало, чем если бы я был рожден от высокого рода и лживыми качествами запятнал его имя или очернил». Фраза эта очень характерна для людей Возрождения, в ней весь смысл того, что

называли в XVI веке гуманизмом. На эту тему мы еще поговорим позднее.

Несколько слов об истории Флоренции

Прежде чем начать рассказ о родителях Бенвенуто, его рождении и жизни, я должна привести за руку читателя в его эпоху. Русский читатель вполне легко поймет, о чем идет речь, когда называют имена Ивана III Великого, супруги его Софьи Палеолог, внука ее Ивана Грозного или преподобного Сергия Радонежского, но, боюсь, ему мало что скажут имена Лоренцо Великолепного, папы Александра VI Борджиа, папы Клемента VII, Франциска I, короля французского, и так далее. А ведь это все были заказчики гениев Возрождения. Так что же это за удивительный город — Флоренция, который в Европе называют «яйцом нового мира»?

В кратком изложении истории Флоренции здесь не будет никаких исторических изысков. Я не историк и не искусствовед, я писатель. Главные мои источники — это энциклопедия и «История Флоренции» Макиавелли. Начнем, как говорится, от печки. В римскую эпоху Флоренция процветала, богатая своими ремеслами. Падение благосостояния, как и всей Италии, случилось при нашествии варваров в V и VI веках. При Карле Великом (VIII век) Флоренция вошла в состав Тосканского государства. В 962 году император Оттон I Саксонский был коронован в Риме, и Флоренция вошла в состав Великой Римской империи. (Для ориентира — у нас в это время Киевской Русью правил Святослав, сын Ольги Мудрой.) Император был далеко, и власть во Флоренции фактически приобрели епископы и папа. Естественно, в городе начались распри между сторонниками папы — их называли гвельфами — и приверженцами империи — гибеллинами, к последним в основном принадлежали рыцарство и богатые землевладельцы. В правление знаменитой графини Матильды (1046–1115) город поддерживал папство. После смерти Матильды город юридически перешел под суверенитет Римской церкви.

Каждый, рассказывая о средневековой истории Флоренции, произносит слово «коммуна». В результате упорной борьбы коммуна добилась получения некоей грамоты — бумаги, защищающей ее права от посягательства синьоров. Община состояла из коллегий, или цехов. Свои коллегии имели суконщики (их называли купцами), производители шелковых тканей, менялы и ростовщики (предтечи банкиров), врачи и аптекари, скорняки и меховщики, судьи и нотариусы (то есть юристы) и т. д.

А где рыцарство, дворянство? Они оставили свои замки и

живут тут же в городе, они составляют ядро армии и, конечно, претендуют на судебно-административную власть. Флоренция гордо называла себя республикой, правда, правила там не конституция, а традиция. Во главе города стоит «совет», что-то вроде сената. Война гвельфов и гибеллинов не утихает.

К XII веку все эти коллегии были полностью оформлены. Власть в городе склоняется в сторону цехов, дворянство вынуждено уступить свою власть буржуазии. Высшим, как бы сказали сейчас, исполнительным органом власти были приоры. Приоры выбирались по одному от цехов, все они принадлежали к разным семьям. Приоры жили отдельно во дворце, который не имели права покидать, так же не имели права никого принимать у себя, кроме служебных лиц. Вначале приоров выбирали на два месяца, потом на более длинные сроки. Данте был приором от цеха врачей и аптекарей (записался в цех, чтобы быть избранным). Приорам принадлежала судебная, дипломатическая и политическая власть. Закон обещал защиту приорам после отставки, но, судя по судьбе Данте, видно, что это не так. Данте принадлежал к партии гвельфов. После очередного их поражения он был изгнан, заплатил штраф и получил запрет являться в родной город под угрозой казни — сожжения на костре.

Законодательная власть принадлежала Советам коммуны и народа. Они выдвигали из своей среды руководителей муниципалитета. В 1250 году была введена должность капитана народа для ограничений власти подеста. Новые правители получили наименование синьоров, а главное учреждение — название Синьории. В 1293 году вводится новая должность главы Совета приоров. Она носит пышное название «знаменосца правосудия», или «гонфалоньера справедливости». Гонфалоньер выбирается «народом из народа» сроком на один год.

Макиавелли пишет: «Никогда город наш не был в лучшем и более счастливом состоянии, чем в те времена, ибо никогда он не достигал такой многолюдности, богатства и славы. Граждан, способных носить оружие, в городе было не менее тридцати тысяч человек, а в подвластных ему областях — не менее семидесяти тысяч. Вся Тоскана подчинялась Флоренции — все там были ее подданными или ее союзниками». Коллегии и аристократия примирились на время, но это был хрупкий мир. Люди были вооружены, настроены воинственно, дня не проходило, чтобы кто-нибудь не был убит. Ожесточенная борьба между сторонниками гвельфов и гибеллинов выходила на улицы. Дело кончалось стычками со смертельным исходом, а потом высылкой неугодных за пределы города.

Внутренние склоки разъедали городской быт, но и этого

мало: Флоренция постоянно воевала. Она воевала с Пизой, Сиеной, Арецци, Лукой и т. д. Зримые экономические успехи требовали рынка сбыта, и Флоренция оружием пробивала пути для своих товаров и денег. Война была сложной, иногда катастрофической, чаще геройской и всегда очень жестокой. Красно-белое флорентийское знамя с лилией, символом города, реяло над всей Италией. В XIV веке новые беды свалились на Флоренцию — и чума была, и народные восстания.

В эпоху Возрождения было особое отношение к сильной личности, ей доверяли. Именно так пришел к власти Козимо Медичи, прозванный Старым. Это случилось в 1434 году. Конечно, сила Медичи была прежде всего в его огромном богатстве, он был банкиром всей Европы, при этом обладал талантом государственного правителя. Враги недаром называли его «хитрой и лукавой лисой». Козимо Старый, фактически правя городом, не вылезал на первый план, номинально Флоренция оставалась республикой. Так скромно, спокойно, не имея никаких титулов, своего двора и защитницы-гвардии, покровительствуя торговле, ремеслу, литературе и искусству, гражданин Козимо Медичи правил городом до самой смерти — 1464 года. Флорентийцы с легкостью продали свою гражданскую свободу за стабильность, за справедливое налоговое обложение (богатые платили в восемь раз большую долю от доходов, чем бедняки). Козимо Старый стал родоначальником династии правителей Флоренции — Медичи.

После смерти Козимо Старого власть перешла к его сыну Пьеро. Правителей под этим именем много, но ввиду полной незначительности их даже не обозначали цифрой — не запутаетесь. Этот Пьеро не был достойным государем, он правил пять лет и оставил двух сыновей — Лоренцо и Джулиано. К ним и перешла власть после смерти отца, но в 1478 году Джулиано был зверски убит заговорщиками из семейства Пацци. Джулиано был любимцем города. Это был красавец, воин и рыцарь. Его возлюбленной была гордость Флоренции — красавица Симонетта Виспуччи, в девичестве Каттанео. Все, кто любит полотна Сандро Боттичелли, отлично ее знают. Купеческая дочь из Генуи, она стала на его полотнах Венерой, Флорой, Мадонной. На картине «Марс и Венера» Джулиано Медичи выступает в роли Марса. И вот он убит, зарезан в церкви.

Об этом убийстве подробно рассказывает Николло Макиавелли в свой «Истории Флоренции»: «Пацци обсуждалось много вариантов убийства, главное — надо было застать двух братьев вместе. Наконец все сошлось так, как желали заговорщики». Местом убийства был назначен собор Санта-

Репарата, на службу должен был прийти кардинал Санзони, братья Медичи непременно должны были быть в церкви. Франческо Пацци и Бернардо Бандини должны были убить Джулиано, расправиться с Лоренцо было поручено Джованну Баттиста. Но Баттиста отказался, он не совершит святотатства — убийства в церкви. Времени было в обрез, и покончить с Лоренцо было поручено мессеру де Вольтера и священнику Стефано. Ничего не скажешь — подходящее занятие для священника!

Лоренцо Медичи вовремя явился к службе, а Джулиано задерживался. Тогда Франческо и Бернардо отправились к нему домой и уговорили его идти на службу. «… они всю дорогу, а затем уже в храме забавляли его всякими остротами и шуточками, которые в ходу у молодежи». Обнимая «дружески», они ощупали Джулиано, искали оружие. Макиавелли удивляется их самообладанию, их «твёрдости и непреклонности», но нигде не употребляет слова «подлость».

В церкви было полно народу. В толпе, на глазах у всех, Джулиано нанесли огромное количество ударов кинжалом, потом били уже по мертвому. Мессер и священник действовали бестолково — ранили, но не убили. Лоренцо стал защищаться, на помощь ему пришли друзья. Убийцы бросились вон из церкви, но толпа настигла их и растерзала.

В своем эссе о Макиавелли А. К. Дживелегов пишет: «В 1478 году девятилетним мальчуганом Николло видел, как обезумевший народ гонялся по улицам за членами семьи Пацци и их сторонниками, как висели в окнах Дворца Синьории архиепископ Сальвиати в лиловой рясе, Франческо Пацци, совсем голый, с окровавленной ногой, и трое Якопо: два Сальвиати, родственника архиепископа, и один Браччолини, сын Поджио. Четвертый Якопо, Пацци, повешенный тоже два дня спустя и похороненный в Санта-Кроче, был удален из церкви и закопан где-то под стенами. Его вырыли из второй могилы, и мальчишки, захлестнув труп за шею, волокли его по городу, подтащили к собственному его дому, громко крича, чтоб отворили хозяину. Потом бросили в Арно». И все это в наш обожаемый век кватроченто, в нашей обожаемой средневековой Италии. Все не так просто, господа! Я остановилась подробно на этом роковом дне, потому что сын убитого Джулиано — Джулио Медичи, ему не было и года, будет в свое время под именем папы Климента VII тесно связан с Бенвенуто Челлини.

После подавления заговора Пацци Лоренцо, прозванный Великолепным, стал единовластным правителем Флоренции. Лоренцо был блестяще образован, меценатствовал, сам писал стихи, собрал при своем дворе лучшие умы Италии — писателей

и философов-гуманистов. А какие художники на него работали! Жизнь была бесконечным праздником: турниры, карнавалы, концерты, Сандро Боттичелли не только писал дивные полотна, но и был устроителем народных гуляний. В церкви Санта-Мария Новелла несравненный Гирландайо писал свои фрески. Как счастливо и разумно живут на этих фресках флорентийцы! Время Лоренцо Великолепного было самым блестящим в истории Флоренции, но он был тиран, республика при нем осталась только в памяти людей и «в льстивых панегириках, расточаемых Лоренцо гуманистами», а уже выросла почка, из которой со временем расцвел сорняк, он и заглушил все, и наступил «упадок».

Своей расточительностью Лоренцо Медичи совершенно расстроил городскую казну, да и собственное богатство, завещанное отцом, сильно преуменьшил. Он не обладал талантами делового человека. Макиавелли пишет: «В делах торговых он (Лоренцо Великолепный) был очень несчастлив, ибо из-за недобросовестных служащих, которые управляли его делами не как честные люди, а как владетельные особы, во многих местах он понес значительные потери». У нас в России это называется коротко: «Крадут!»

Лоренцо Великолепный умер в 1492 году, его место занял сын Пьеро, прозванный Несчастным, одежды отца ему были явно не по размеру. Этот Медичи скоро надоел горожанам. Флорентийцы вспомнили забытое слово «республика» и решили вернуть ее с помощью французских войск. Собственно, с этого 1494 года и начались на Апеннинском полуострове длительные Итальянские войны. Король Карл VIII, под предлогом «возвращения Франции Анжуйского наследства», шел на Неаполь, по дороге заглянул во Флоренцию. Несчастный Пьеро и его братья — Джованни и Джулио (будущие папы) — были объявлены врагами республики и изгнаны. В 1503 году Несчастный утонул, а Джованни и Джулио, уже с испанскими войсками, в 1512 году вернулись во Флоренцию и вновь обрели власть.

Но это все потом, а пока Флоренции диктует свои законы доминиканский монах Джироламо Савонарола. Он был честным человеком, фанатиком, всей душой преданный идее христианства, недаром с его подачи «королем» Флоренции голосованием был выбран Иисус Христос. Савонарола хотел провести церковную реформу, от города он требовал высокого аскетизма в быту и культуре. В костер летели полотна Боттичелли, рукописи гуманистов. Папа Александр VI люто ненавидел Савонаролу за призывы к реформе, за обличительные речи против его побочного сына Чезаре Борджиа (имя это стало в

Италии синонимом злодейства). Флоренции вскоре надоели инквизиция, костры и аскеза. В 1498 году Савонарола был судим, пытан, повешен, труп его сожгли, а прах бросили в Арно.

Во Флоренции воцарилась республика. Теперь главным человеком в городе стал «пожизненный» гонфалоньер (раньше выбирали на два года) Пьеро Содерини, толковый, здравомыслящий человек. Правой рукой его стал Николло Макиавелли, секретарь в канцелярии Дворца Синьории. Макиавелли ведал делами военными и дипломатическими. Вот мы и добрались до времени, когда Бенвенуто Челлини появился на свет.

Отец

Челлини пишет, что предки его имели «великое множество владений». Очевидно, это было мелкопоместное дворянство, люди ратные и небогатые. Случилось, что один из сыновей Челлини — Кристофано (прадед нашего героя) — повздорил с молодым человеком из соседней семьи. Причина ссоры была неизвестна, но стала серьезной и могла перейти в кровную вражду. Умные родители решили удалить двух скандалистов от греха подальше: соседского сына отправили в Сиену, а Кристофано во Флоренцию. Последнего не бросили на произвол судьбы, а купили ему «домик» на Виа Кьяра и еще, видимо, землицы прикупили.

Кристофано зажил городской жизнью, имел семью и детей. После его смерти дом на Виа Кьяра достался Андреа. Дед Бенвенуто стал архитектором. Профессия эта пользовалась большим спросом, поэтому семья его жила безбедно. У Андреа было четверо сыновей. Третий сын, Джованни, был одаренным ребенком. Он хорошо рисовал, очень увлекался музыкой. Со временем он стал тем, кого в Средневековье называли инженером — мастером на все руки. Он делал машины для наведения мостов, снаряды для валяльных машин, а при этом изготовлял большой красоты и качества музыкальные инструменты: виолы, арфы, флейты и даже органы.

Музыку Джованни любил самозабвенно, флейтой владел виртуозно и потому был приглашен во Дворец Синьории выступать вместе с оркестром. Лоренцо Медичи его очень отличал. С флейтой Джованни забросил все свои инженерные дела, правителю это не понравилось, и Лоренцо велел убрать Челлини из оркестра.

Джованни смертельно обиделся, и чтобы подтвердить свой талант, он из простой слоновой кости сделал зеркало размером около метра. «Зеркало имело вид колеса; посередине было зеркало; вокруг было семь кругов, в каковых были вырезаны и выложены слоновой черной костью семь добродетелей и все зеркало, а также и сказанные Добродетели находились в равновесии; так что если вращать сказанное колесо, то все Добродетели двигались: а в ногах у них был противовес, который держал их стоймя. А так как он (Джованни) имел некоторые познания в латинском языке, то вокруг сказанного зеркала он сделал латинский стих, который гласил: «В какую бы сторону ни вращалось колесо Фортуны, Добродетель стоит твердо»».

Потом Джованни вернули в оркестр. Вот таким человеком

был отец Бенвенуто.

Мать

Соседом семейства Челлини был некий Стефано Граначчи, у которого было пять дочерей и пятеро сыновей. Все дочери были красавицы, Джованни приглянулась Элизабетта. О браке родители сговорились быстро, но дело застопорилось, когда стали обсуждать количество приданого. Андреа Челлини говорил:

— У меня такой сын, что я могу рассчитывать на самое большое приданое, которое дают за невестой люди нашего звания.

Граначчи разумно возражал:

— Все это так. Но у меня пять дочерей, и всех я должен выдать замуж. Где я возьму столько денег?

Препирались долго. Дело решил сам Джованни:

— Я люблю эту девушку. И если я столь хорош, как ты, отец, утверждаешь, то неужели я не смогу сам содержать свою семью без всякого приданого?

На этом спор и окончился. Джованни и Элизабетта поженились и «услаждались своей молодостью и своей святой любовью восемнадцать лет». Одна беда — детей не было. Потом Элизабетта забеременела, но выкинула двух младенцев — оба мальчики. Третья беременность протекала нормально, но родилась девочка, назвали Никколоза, уменьшительно Коза. Через два года Элизабетта опять на сносях. По всем признакам на свет должна была опять появиться девочка, ей даже имя придумали. 3 ноября 1500 года в День Всех Святых Элизабетта неожиданно для всех родила младенца мужского пола. «Сложив престарелые ладони (отцу, надо полагать, еще и пятидесяти не было. — Авт.), он поднял вместе с ними очи к Богу и сказал: «Господи, благодарю Тебя от всего сердца; этот мне очень дорог, и пусть он будет Желанным»». «Так я и живу с помощью Божьей», — добавляет Бенвенуто Челлини.

Знаки на пути

Есть такое выражение — «знаки на пути» (не путать с дорожными знаками), оно имеет философский и мистический смысл. Это некие события, картины, люди, которые посланы судьбой как указатель, призыв к правильному поведению в жизни. Главное — эти знаки увидеть и запомнить. Правда, можно их еще придумать, но это особый разговор. Бенвенуто совершенно искренне уверен, что два происшествия в его раннем детстве были знаковыми. Первое называется «скорпион». В доме меняли трубу для водостока. Из нее вывалился огромный скорпион и уполз под лавку. Трехлетний Бенвенуто успел схватить насекомое и с криком: «Смотрите, какой у меня красивый рак!» — подбежал к деду. Старый Андреа пришел в ужас, укус скорпиона считался смертельным. Дед хотел отнять скорпиона у мальчика, но никакие уговоры и приказы не действовали. На крик прибежал отец. Он тут же оценил ситуацию. Весело, словно играя, он отстриг ножницами у скорпиона клешни и хвост, торчащие из кулачка Бенвенуто. Мальчик был спасен.

Второй случай называется «саламандра». Печь, дубовые дрова разгорелись ярко. Джованни сидит с виолой, поет и смотрит на огонь. Вдруг он увидел «маленького зверька, вроде ящерицы, который резвился в этом наиболее сильном пламени». Джованни тут же позвал детей: смотрите! А Бенвенуто при этом дал затрещину. Пятилетний мальчик от неожиданности расплакался, но отец тут же обнял его и сказал:

— Сынок, я бью тебя не потому, что ты сделал что-то дурное. Но я хочу, чтобы ты запомнил, что эта ящерица в огне — саламандра, «каковую еще никто не видел из тех, о ком доподлинно известно».

Отец понимает, это — знак. У Бенвенуто был хороший слух, отменный голос, и Джованни решил сделать из сына великого музыканта. Мальчику вручили флейту и начали учить петь и играть по нотам. Он делал успехи, и честолюбивый отец уверился в правильности своего выбора: Бенвенуто станет лучшим «игрецом» в мире!

Когда в правительство Флоренции пришел «великолепный Пьеро Содерини», Джованни Челлини уже вернули в оркестр. Там пожизненный гонфалоньер с ним и познакомился. Позднее, узнав об инженерных талантах Челлини, он не раз использовал его в «самоважнейших делах». Джованни показал свое инженерное искусство во всем блеске, а для услаждения души Содерини продолжал играть на флейте. Часто отец брал с собой маленького

сына. Бенвенуто сидел на плечах у служки, пел сопрано вместе с дворцовыми музыкантами, а потом играл. Содерини нравился бойкий и талантливый мальчик.

— Маэстро Джованни, научи сына, помимо пения, и другим твоим искусствам.

Но Джованни стоял твердо: нет, пусть мальчик не растрачивает себя на пустяки, только играть, петь, ну и разве что сочинять стихи. Ко всему этому надо добавить, что Бенвенуто ненавидел флейту. «Это казалось мне искусством гораздо более низким, чем то, которое было у меня в душе». Ладно, он согласен ублажать отца и играть на опостылевшей флейте, но позвольте ему уделять время и рисованию!

Флоренция жила искусством. Из Милана вернулся Леонардо да Винчи и был восторженно встречен народом. У всех на устах было имя молодого скульптора Микеланджело Буанарроти. Он сделал мраморного Давида, его стали называть гением. Когда прекрасного гиганта устанавливали на площади Синьории, смотреть на него собрался весь город, в честь столь знаменательного события звонили колокола. Пятилетний Бенвенуто мог быть в толпе с отцом и тоже смотреть на прекрасного Давида и слышать рукоплескания. О такой судьбе мечтает Бенвенуто и при чем здесь флейта?

Избавление пришло неожиданно. Как всегда в жизни Бенвенуто, в решение его проблем вмешались высшие силы. В 1512 году Медичи — братья Джованни и Джулиано — с помощью испанских войск захватили власть во Флоренции. Джованни был сыном Лоренцо, Джулиано побочным сыном убитого при заговоре Пацци брата Лоренцо Джулиано. Оба брата были кардиналами.

Бенвенуто, равно как и его отец, всегда хорошо относился к Медичи. В своей «Жизни…» он никогда не высказывает скорби по поводу павшей коммуны. «Тот герб, что был на дворце Медичи, пока они отсутствовали, с него были убраны шары, а на нем написали большой красный крест, каковой был гербом и эмблемой коммуны; так что, как только они вернулись, красный крест соскоблили и в сказанном щите пометили его красные шары и сделали золотое поле, устроив все очень красиво». Эти шары в гербе Медичи называли в городе «таблетками», намекая на древнюю профессию семьи Медичи — их предки были медиками.

Когда скончался папа Юлий II, старший Медичи, Джованни, поехал в Рим и был избран папой — Львом X. В иерархии католической церкви кардинал — это духовное лицо, следующее сразу после папы. Кардинал выше епископа. Кардинала назначает сам папа. При всем этом Джованни, будущий папа Лев X, стал

кардиналом в четырнадцать лет. Так в России дворяне в XVIII веке записывали грудных сыновей в Преображенский полк, подрастет — и уже чин на руках. О папе Льве X Бенвенуто пишет, что он был «щедрый и великодушный», историки относятся к нему более строго.

С приходом Медичи власть во Флоренции поменялась, Содерини был изгнан. Теперь гонфалоньером был назначен Якопо Сальвиати. Он и лишил Джованни Челлини дворцовой должности музыканта. Теперь уже не до игры на флейте, отец уступил просьбам сына и отдал Бенвенуто в обучение весьма известному в городе ювелиру Микеланджело Биндини, сыну угольщика. Бенвенуто недолго у него задержался, отец затребовал сына назад, потому что скучал, потому что боялся, что с ювелирными делами Бенвенуто забросит флейту. О ювелире Биндини я пишу потому, что у него был сын Баччо. Этот Баччо со временем стал известным во Флоренции скульптором. Он поменял фамилию, стал Бандинелли, чтобы народ думал, что он принадлежит к богатейшей семье из Сиены. Этот Баччо стал потом лютым врагом Бенвенуто Челлини — запомните имя Бандинелли.

В пятнадцать лет Бенвенуто опять поступил в обучение к ювелиру. В Средние века юноши мужали рано, в пятнадцать лет ты уже взрослый, отвечающий за свои поступки человек. Учителей у него было много, первым он считает Антонио ди Сандро, по прозвищу Марконе. От каждого он брал лучшее, при этом неплохо зарабатывал и помогал семье и отцу. Джованни не оставил мысли сделать из сына музыканта, игра на флейте была обязательной, но иногда судьба помогала юноше вырваться на время из ласковых, но крепких и докучливых отцовских объятий.

У Бенвенуто был младший брат (разница в два года). Джовани Франческо, по прозвищу Чеккино, в свои четырнадцать лет был мальчишкой горячим и своенравным. И вот как-то поздним вечером он подрался на шпагах с таким же строптивым юнцом и даже успел легко ранить его в руку. Рядом находились родичи противника. В Чеккино полетели пращи, одна из них попала ему в голову, и мальчик «упал наземь, как мертвый». Рядом случайно проходил Бенвенуто, он тут же схватил шпагу брата и приготовился к обороне. Положение спасла городская стража. Дома Чеккино пришел в себя, но драка не осталась безнаказанной. Суд восьми выслал противников Чеккино на несколько лет за пределы Флоренции, пострадавшую сторону судили легче — братья должны были уехать за десять миль от города на полтора года.

Так Бенвенуто с братом очутились в Сиене. Здесь он опять учился ювелирному делу и уже работал самостоятельно.

Вернуться в родной город Бенвенуто помог кардинал Медичи (будущий Климент VII).

Ах, эта музыка!

Как часто желания детей и родителей не совпадают! Если из Бенвенуто отец твердо решил сделать музыканта, то младшего сына он видел в будущем «великим ученым-законником». Чеккино засадили за латынь, а он мечтал об армии и даже тайком поступил на военную службу. Бенвенуто одобрил поступок брата, «который был прекрасного сложения и изящества и всецело склонен к ратному делу». Это не помешало Бенвенуто из-за сущей мелочи обидеться на брата, на отца и на весь белый свет и опять уйти из дома. Горячий был юноша, вначале делал, а потом думал.

Бенвенуто на «сбереженные от заработка деньги» справил себе новое платье — красивый камзол и плащ. Тут как раз Чеккино решил отметить поступление на службу, а приличной одежды нет. Сердобольные сестры нашли выход — обрядили его в камзол и плащ старшего брата. Бенвенуто вернулся после работы домой, не нашел ни своей одежды, ни брата и тут же закатил отцу сцену: я на вас работаю, а вы же меня и обираете. Добрый Джованни стал увещевать сына: надо-де делиться с ближним, и Господь воздаст тебе сторицей.

Ах так? Бенвенуто в чем был в великой обиде ушел из дома и пошел в прямом смысле «куда глаза глядят». Так он прошел ворота, очутился за городом, пришел в Луку, а оттуда в Пизу. Шел, наверное, всю ночь. В Пизе он дошел до Рыбного рынка. Рядом с рынком находилась лавка золотых дел мастера. Бенвенуто остановился посмотреть, как работает этот мастер. Слово за слово, ювелир понял, что юноша знает толк в его делах, и предложил ему кров и работу. Спустя малое время Бенвенуто написал отцу: мол, не волнуйся, все хорошо. Джованни тут же откликнулся. Он звал Бенвенуто домой, призывал совершенствоваться в игре на флейте. Припиской было трогательное напутствие в стихах:

> В какой бы ни пришел ты дом,
> Живи не кражей, а трудом.

Сколько их было в жизни Бенвенуто, таких взрывных, в секунду принятых решений! И по большей части выходило, что он был прав. Но кто в наше время в шестнадцать лет решится вот так, с рублем в кармане, уйти пешком из родительского дома в соседний город? В Пизе Бенвенуто «работал из золота и серебра красивые и значительные вещи». Отец писал часто, звал домой,

где его ждала флейта. У Бенвенуто тут же пропадала охота возвращаться — «до того я ненавидел эту проклятую музыку». «Мне казалось, что я жил в раю целый год, когда жил в Пизе, где я никогда не играл».

Вернуться во Флоренцию Бенвенуто заставила болезнь, он схватил «во вредоносном воздухе Пизы» лихорадку. Два месяца провел в постели, грудь побаливала, но он играл отцу — что делать? Джованни был счастлив.

Выздоровев, Бенвенуто вернулся к ювелиру Марконе. Здесь он и повстречался с флорентийским скульптором Пьеро Торриджани. Многие годы тот служил при дворе Генриха VIII и теперь приехал в родной город, чтобы набрать молодых людей себе в помощь для работы на английского короля. Торриджани посмотрел рисунки Бенвенуто, и они ему понравились. На юношу при первом взгляде скульптор произвел сильное впечатление: красивый, с зычным голосом, свободными манерами, он казался отчаянно смелым человеком, похожим скорее на воина, чем на ваятеля.

Отрезвление пришло очень быстро. Рассматривая работы Бенвенуто, Торриджани обратил внимание на его копию с картона Микеланджело — «божественного», как пишет Бенвенуто. «Пожизненный гонфалоньер» Содерини заказал расписать две стены в большом зале Дворца Синьории двум великим — Леонардо и Микеланджело. Между ними устроили что-то вроде соревнования, за которым следил весь город. Прежде чем писать фрески, необходимо было нанести рисунок на огромный картон.

Леонардо взялся изобразить на стене счастливую для Флоренции битву при Ангиари в июле 1440 года. «Изображали они, как Пиза была взята флорентийцами; и удивительный Леонардо да Винчи взял для выбора изобразить конный бой со взятием знамен, столь божественно сделанные, как только можно вообразить». А Микеланджело, желая изобразить битву при Кашине в июле 1364 года, выбрал почти бытовую сцену. Тема — самое начало боя, собственно, и боя еще нет, воины купаются в реке, и вдруг бьют тревогу. «…и эти нагие пехотинцы бегут к оружию, и с такими прекрасными телодвижениями, что никогда ни у древних, ни у других современных невидано произведения, которое достигло бы такой высокой точки». До изображения фресок дело не дошло, но картоны, над своим Микеланджело работал семь месяцев, остались. (Правда, до нашего времени они не дошли.)

И вот, глядя на копию Бенвенуто, Торриджани начал разглагольствовать о Микеланджело. Слова его звучали не только нагло и развязно, но и кощунственно. «Этот Буонарроти и я

ходили мальчишками учиться в церковь дель Кармине, в капеллу Мазаччо; а так как у Буонарроти была привычка издеваться над всеми, кто рисовал, то как-то раз среди прочих, когда он мне надоел, я рассердился гораздо больше обычного и, стиснув руку, так сильно хватил его кулаком по носу, что почувствовал, как хрустнули у меня под кулаком эти кость и хрящ носовые, как если бы это была трубочка с битыми сливками; с этой метиной он останется, пока жив». Ни о какой поездке в Англию не могло быть и речи. Бенвенуто слышать не мог, как наглец «каждый день повествовал о своих подвигах у этих скотов англичан». Англичанам досталось уже потому, что они принимали у себя «этого мерзавца».

Еще несколько слов о Торриджани. Это был неуживчивый, с трудным характером человек. За увечье, нанесенное Микеланджело, он был выслан из Флоренции. После Англии он попал в Испанию, где его обвинили в кощунстве и посадили в тюрьму. Там он и умер спустя пять лет. Если бы не перебитый нос Микеланджело, имя Торриджани вообще бы затерялось в веках.

Шутки молодости

Бенвенуто очень много работал и учился. В это время он познакомился и подружился с милым юношей Франческо, они работали в одной мастерской. Франческо был сыном Филиппо и внуком фра Филиппо Липпи. Фра Филиппо — великий флорентийский художник, он принял монашеский сан, отсюда приставка «фра». Дед был гением, сын — хорошим художником, внук стал ювелиром. В то время ювелирное дело считали высоким искусством, а не ремеслом. Дом Франческо был полон работ отца, были там «изображения прекрасных римских древностей», иллюстрированные отцом книги. Бенвенуто полюбил эти работы на всю жизнь, у него развился вкус к антикам. Дом художника стал его университетом.

Дживелегов пишет: «В XVI веке, за немногими исключениями, художники малообразованны. У Бенвенуто — какие-то обрывки знаний: он успел их нахватать отовсюду понемногу между занятиями флейтой, ударами шпаги и чеканкой благородных металлов. Совсем без образования ювелиру нельзя. Нужны античные темы, античные мотивы. Особенно важно все это Челлини, ибо он в ювелирном деле работает all antica».

В мастерской Бенвенуто уже считали лучшим работником молодого цеха. Ему же хотелось и мир посмотреть, и себя показать, о чем он неоднократно говорил. В мастерской работал молодой человек, резчик по дереву по прозвищу Тассо. Как-то за разговором Тассо сказал Бенвенуто: мол, надумаешь поехать в Рим, я составлю тебе компанию. А тут все совпало разом. Бенвенуто в очередной раз поссорился с отцом «из-за проклятой флейты», а Тассо поругался с матерью. После обеда они шли по улице и жаловались друг другу на непонимание и ограниченность родителей.

— Пора закрывать эту лавочку и уезжать в Рим, — твердил Тассо.

— Ты мастер на слова, а не на дела, — возражал Бенвенуто.

— Да нет же! Будь у меня деньги…

— У меня мало денег, но на двоих хватит.

Так, беседуя, они достигли ворот Сан-Пьеро Гаттолини, дорога от них вела в Рим. Не поворачивать же назад? «И вот мы привязали фартуки за спиной и почти втихомолку дошли до Сиены». Здесь Тассо одумался и заскулил: он не может дальше идти, он устал, натер ноги, а потому просит у Бенвенуто ссудить ему денег на обратную дорогу. Но он не понял, с кем имел дело.

— Ну уж нет, — сказал Бенвенуто, — дай я тебе денег, мне

самому не хватит, чтобы добраться до Рима. Лучше достанем лошадь, она нас и довезет.

Бенвенуто не пишет, как он «достал лошадь» — купил, украл или взял напрокат, но оба приятеля благополучно достигли великого города. «Было мне тогда ровно девятнадцать лет, так же как столетию». В Риме Бенвенуто сразу поступил к мастеру Фиренцуоле, который «был искуснейший человек по выделке утвари и крупных вещей». Джаванбатиста по прозвищу Тассо не задержался долго в Риме, он вернулся в родной город (со временем он стал известным архитектором), а Бенвенуто остался, он успешно трудился и хорошо зарабатывал.

Теперь о заработках. Моя соседка по квартире с ехидцей говорит о писателях: «Они люди искусства, их интересуют только деньги». Конечно, я с этим не соглашусь, думаю, и вы меня поддержите, но в ее словах есть доля правды. Все, кто пишет романы и сочиняет музыку, рисует и лепит, то есть делает штучную работу, всегда чувствуют себя обделенными: им, таким талантливым и уникальным, недоплатили. Бенвенуто тоже вряд ли стал бы спорить с моей соседкой. Честности ради скажем, что искусство он любил больше, чем деньги, но какую бы работу ни делал, она, с его точки зрения, всегда была шедевром. Он был уверен, что ему заплатили гораздо меньше, чем она того заслуживает. Что правда!

В Риме Бенвенуто, как обычно, часто переходил из одной мастерской в другую, чем нарушал цеховые правила. Хозяевам, он их называет учителями, это не нравилось, отсюда ругань, склоки и драки, а иногда бряцание оружием. Бенвенуто со вкусом описывает склоку между Фиренцуолой и ювелиром Паголо Арсаго, к которому он ушел. Ругань перекинулась на ученика, и тогда Бенвенуто сказал:

— Я родился свободным и таким же свободным хочу быть. Я вольный работник и могу идти, куда мне нравится. А ты, — он обратился к прежнему хозяину, — не расплатился со мной полностью и должен мне еще несколько скудо.

Что тут началось! Учитель и ученик схватились за шпаги, но их помирили. Бенвенуто был потом крестным отцом у сына Фиренцуолы.

Уступая мольбам отца, Бенвенуто через два года вернулся во Флоренцию, и здесь повторилась та же историю, но уже с грустным концом. Бенвенуто приступил к работе, заказов было много, хозяева мастерских были разные, некоторые, как первый учитель Марконе, честные и порядочные люди, но были и такие, которые, как считал Бенвенуто, обманывали его и наживались. Флоренция был городом небольшим, обидные слова Бенвенуто

достигли ушей некоего Микеле Гуасконте, и тот заявил, что молодой Челлини позорит репутацию его мастерской и это ему даром не пройдет. «Я же, не зная, какого цвета бывает страх, ни во что или мало во что их ставил».

Как-то днем на рынке между Бенвенуто и одним из семьи Гуасконте — молодым Герардо — началась словесная перепалка, которая быстро обернулась руганью. Мимо проезжал вьюк с кирпичами, его вез осел. Не долго думая, обозленный Герардо ловко обрушил на Бенвенуто вьюк кирпичей. Больно, обидно, оскорбительно! Бенвенуто отряхнулся и так хватил обидчика в висок, что тот «упал, как мертвый». Все это происходило рядом с лавкой Гуасконте, семья приникла к окнам. Бенвенуто выхватил нож:

— Если кто-то высунется из лавки, другой пусть бежит за духовником. Врачу здесь нечего будет делать!

Молодой Герардо пришел в себя, а семья Гуасконте обратились в Совет восьми: «Бенвенуто средь бела дня напал на нашего родича с ножом!» Напасть ночью — куда не шло, но днем — вещь во Флоренции небывалая! Бенвенуто вызвали в суд. Вначале его обругали за то, что он одет не по форме. Сарри (плащ) имели право носить только военные. Потом судьи устроили ему форменный нагоняй. Особенно усердствовали «обмотанные в куколи» — остроконечные капюшоны. Это были приверженцы казненного Савонаролы, люди сурового нрава. Бенвенуто настолько был уверен в своей правоте, что держался гордо и заносчиво. Он только пытался объяснить, что Герардо нанес ему «великую обиду и оскорбление», за что он и дал ему пощечину. За Бенвенуто заступился делла Стуфа, сторонник дома Медичи, известный в городе человек:

— Ты дал Герардо не пощечину, а удар кулаком.

Во Флоренции удар кулаком считался меньшим проступком, чем пощечина. На Новом рынке за пощечину полагалось пени (штраф) в 25 скудо, а удар кулаком вообще можно было замять. Но Бенвенуто стоял на своем: он дал пощечину — и точка! В зале уже начали смеяться.

Когда судьи остались одни, делла Стуфа дал Бенвенуто характеристику: хороший юноша, отличный работник, содержит семью отца. Наказание ему назначили самое малое: он должен был пожертвовать четыре меры муки в монастырь Заточниц. Осталось только обоим драчунам представить поручителей. Здесь Бенвенуто узнал, что его обидчику вообще не назначили никакого штрафа. Кроме того, поручитель, родственник отца, хирург, вообще отказался идти в суд. Бенвенуто вспомнил, сколько добрых дел сделал его отец этому самому хирургу.

«Рассердившись на такое дело, распаляясь, я стал как аспид и принял отчаянное решение. Здесь познается, как звезды не только направляют нас, но и принуждают». Совет ушел обедать, а Бенвенуто, как он пишет о себе, «будучи по природе немного вспыльчивым», вышел из дворца и направился к себе в мастерскую. Там он взял «кинжальчик» и пошел в дом Гуасконте вершить правосудие.

Семья обедала. Герардо тут же бросился на Бенвенуто и получил удар в грудь. Видно, удар пришелся по касательной, кинжал проткнул камзол, колет, рубаху, но каким-то неведомым образом не задел тела. Однако Герардо упал, и Бенвенуто был уверен, что убил его. Главная драка состоялась уже на улице. Наш герой размахивал кинжалом, а его били лопатами, палками, молотками и железными трубами. «И так как Господь иной раз милосердно вступается, то он сделал так, что ни они мне, ни я им не причинили ни малейшего вреда».

Оперетка, да и только, но мы пока не знаем ее конца. Учинив разгром в доме своего противника, Бенвенуто прибежал в церковь Санта-Мария Новелла. Там он встретился с монахом Алессо Строцци, который служил в этом храме. Алессо укрыл Бенвенуто в своей келье. Меж тем Совет восьми уже был в полном сборе и вынес свой приговор: каждый, кто приютит Бенвенуто Челлини, будет сурово наказан. Самого Бенвенуто ждала тюрьма. Джованни, несчастный отец, на коленях стоял перед советом, умоляя о помиловании. Но друзья уже позаботились о Бенвенуто. Отец сам принес ему деньги, кольчугу и шпагу, брат Алессо одел его монахом, в условленном месте ждали лошади. Назад, в Рим!

Когда Бенвенуто со спутником проезжал через Палью, им встретился гонец, который вез во Флоренцию важное известие. Папа Лев X скончался, новым понтификом выбран его брат под именем Климент VII. Шел 1521 год.

Медичи на папском престоле

Папа Лев X

Джованни Медичи стал папой в 1512 году в возрасте тридцати восьми лет. Была надежда, что он положит конец бесконечным войнам не только внутренним, но и внешним. В Европе шел раздел собственности. Возвысился австрийский дом Габсбургов. Его объединение с испанским двором грозило нарушением равновесия сил в Европе. Папство переживало за свою автономию, поэтому ждало от Льва X активных действий. Он и работал, наладил отношения с Франциском I — с христианнейшим королем Франции, пытался реформировать церковь, утвердил официально появление банков, он назвал их «благочестивыми», а также подтвердил тезис о наивысшей папской власти.

Лев X старался сохранить власть католического Рима, но именно при нем в 1517 году виттенбергский священник Мартин Лютер вывесил на двери своей церкви 95 тезисов против индульгенций. Это положило начало Реформации в Германии, а потом во всей Европе. Папа Лев X жил широко. Балы, музыка, танцы, театр, охота, заказы на произведения искусства, при дворе папы блистал Рафаэль, паслась целая армия поэтов и философов. Блистательный двор Льва X посетил Эразм Роттердамский, побывал там и сам Лютер, то есть видел излишества, расточительство и безнравственность собственными глазами.

Роскошь требует больших денег. Лев X растратил все то, что оставил ему предшественник — папа Юлий II, а потому вынужден был увеличить печатание индульгенций. Возможность спасти душу в обмен на деньги приняла слишком большие размеры. Папский двор и до Льва X вел себя в высшей степени предосудительно — пьянство, разврат, а тут, когда индульгенциями стали торговать, как луком или редиской, чаша и переполнилась.

Лев X не увидел опасности в выступлении Лютера, он решил, что с реформаторами можно договориться. Он и читать тезисы Лютера не стал. Мало ли было противоцерковных бунтов. На переговоры с Лютером был послан кардинал Фома де Вио. Переговоры не дали ожидаемых результатов. Два года спустя была торжественно оглашена папская булла, осуждающая Лютера, его признали еретиком и отлучили от церкви. Все его сочинения было велено сжечь.

Реформация церкви — такое значительное событие, а Бенвенуто и словом о нем не обмолвился. Но его не интересовали все эти энциклопедические глупости, он писал только о том, что сам видел, а как там немцы с ума сходят, это их дело.

Покончив, как считал папа, с Лютером, папа вернулся к привычному образу жизни. Никому в Риме и в голову не приходило, что в католической церкви наступил раскол. Лев X скончался неожиданно, он даже не успел собороваться. Ему было сорок шесть лет. Папский престол перешел к его двоюродному брату Джулиано Медичи.

Я повторяюсь, но так удобнее читать. Лучше повтор, чем листать книгу назад и искать плохо узнаваемое имя. Кроме того, за недостатком гимназического образования мы так плохо и мало знаем культуру Возрождения, что можно и несколько раз прочитать одно и то же.

Папа Климент VII

Джулиано был незаконнорожденным сыном убитого брата Лоренцо Великолепного, тот усыновил племянника. История упоминает, что папой Климент стал благодаря подкупу, впрочем, это было вполне в обычаях того времени. При Клименте VII произошло три значительных события. Первое — он, как и его брат Лев X, поддерживал в европейских распрях короля Франциска I, из-за чего произошло ужасное событие — имперские войска в 1527 году заняли и разорили Рим. Все это подробно описано Бенвенуто Челлини.

Второе значимое для истории событие — Климент VII отдал замуж свою племянницу Екатерину Медичи за сына Франциска I — Генриха II. Генрих погиб на турнире, после чего Екатерина Медичи — королева-мать — играла очень серьезную роль при французском дворе при всех своих сыновьях, поочередно занимавших трон. Она интриговала, травила, колдовала, ее личным медиком был Нострадамус. Все история Французского дома в XVI веке великолепно описана Александром Дюма.

Третье событие — именно Климент VII спровоцировал отделение Англии от папства и создание Англиканской церкви. Генрих VIII Английский хотел развестись со своей женой Екатериной Арагонской. Формально причиной развода было отсутствие наследника. Конечно, слабохарактерный Климент VII согласился бы на развод, но император Карл V был категорически против. Дело тянулось долго, Генрих VIII устал ждать, развелся, а для того, чтобы его обвенчали по всем правилам, откололся от католического Рима.

Часть II
Католицизм и папство

При жизни Бенвенуто Челлини сменилось двенадцать пап. Это понятно, они принимали сан в преклонном возрасте, но умирали не только от старости. Папа Александр VI умер в августе 1503 года. А. К. Дживелегов: «Шесть носильщиков и шесть плотников втащили в капеллу (собора Св. Петра) гроб, в котором лежало в пышных украшениях огромное, раздувшееся, страшное на вид тело с черным лицом и широко раскрывшимся ртом. Несшие шутили и дурачились, и так как распухшее тело упорно вылезало из тесного гроба, труп бесцеремонно впихивали туда ударами кулаков, срывая с него украшения. То были останки папы Александра VI, умершего накануне».

Страшная картина! Дело в том, что папа был отравлен, вернее сказать, отравился по недомыслию ядом, который сам приготовил для другого человека. Накануне Александр VI вместе с сыном Чезаре Борджиа напросился в гости к кардиналу Адриану да Корнето. Еду и выпивку, как было принято, принесли с собой. Как отравленное вино попало в рот папе и его сыну, а сам хозяин избежал отравления — неизвестно. Очевидно, кардинал угадал замысел своих гостей. Страшные деяния Александра VI послужили сюжетом для многих драматургов, романистов, сценаристов, более того, о них стали сочинять анекдоты. К. Г. Шахназаров снял на «Мосфильме» фильм «Яды, или Всемирная история отравлений». Очень смешная и поучительная история, в роли папы Александра выступил несравненный О. Басилашвили. Через пятьсот лет это действительно смешно, а рядом с неостывшими трупами жутковато, прямо скажем.

После смерти Александра VI конклав кардиналов выбрал нового папу, больного Пия III, через двадцать шесть дней правления он умер. Вот список следующих понтификов с указанием года смерти: Юлия II (в миру Джулиано делла Ревере — 1513), Лев X (1521), Адриан VI (1522), Климент VII (1534), Павел III (1549), Юлий III (1555), Марцелл (1555), Павел IV (1559), Пий IV (1565), Пий V — аскет и ревностный реформатор (1572).

Дальше школьная информация под названием «знал, но забыл». Монархическое правление во главе с папой («отцом») появилось в V веке, когда римские епископы добились подчинения прочего епископата. Папство римского архиепископа опиралось на культурное и политическое значение Рима —

«вечного города, столицы мира». В VIII веке появилась Папская область со столицей Римом, папы получили светскую власть.

Были среди пап и яркие личности, им приходилось долго и настойчиво внедрять в сознание людей идею о превосходстве духовной власти над светской. Отношения Восточной и Западной христианских церквей было, мягко говоря, сложным.

После смерти папы Иоанна VIII наступило политическое и нравственное падение папства, продолжавшееся в течение двух веков. Французский историк культуры Эмиль Жебар пишет: «История пап с IX по XIII века напоминает все безумства Калигулы, всю жестокость Нерона… В X веке тускуланские графы отдают святой престол в руки куртизанок и разбойников. Семнадцатилетний Иоанн XII помещает в Латеране свой герм и рукополагает диакона в конюшне. Бонифаций VIII, свергнутый с папского престола через сорок два дня после своего избрания, убегает в Константинополь, унося с собой церковную казну». Был папой и двенадцатилетний ребенок, и женщина занимала папский престол, но это полбеды, зверства тогда были страшные. Но времена менялись, церковь богатела, постепенно забирая власть в свои руки. Возрождение папства началось с Климента II. Была отменена симония (покупка церковных должностей), непотизм (раздача чинов родственникам), запрещены браки среди белого духовенства и т. д.

Зачем я об этом пишу, какое отношение имеет Бенвенуто Челлини к событиям многовековой давности? Но папы были заказчиками ювелира, он с ними тесно общался. Все папы, с которыми он имел дело, исповедовали гуманизм, но что касается нравственности, духовного осмысления заповедей Христа, своего долга перед паствой, можно сказать, они недалеко ушли от своих предшественников. Папы возглавляли Папскую область, и светской власти они уделяли куда больше внимания, чем церковной.

За чистотой веры наблюдала святая инквизиция (дословно — расследование), по сути, это был трибунал, цель которого — розыск, суд и наказание еретиков. Фактически этот суд появился в I веке, только иначе назывался. Суд был отдан в руки епископов. Время для христианства было трудное, шла борьба с «ложными пастырями», оформлялась доктрина христианства, надо было отделить черное от белого. Тогда же появилось понятие «ортодоксия» — верная точка зрения на религию и, соответственно, неверная — ересь (ересь — «выбор»).

Со временем власть суда-инквизиции усилилась, наказания ужесточились, и каждый раз основанием тому служили вполне реальные причины. Различают три периода инквизиции. Первый

— до XIII века. «Человек может найти спасение только в вере: отсюда долг христианина и особенно служителя церкви обращать верующих на путь спасения». А как? Проповедью, увещеванием, а если и это не действует — отлучением от церкви. Позднее еретиков, дабы не было соблазна для других, подвергали тюремному заключению, до сожжения на костре было еще далеко.

Но чем сильнее становилась церковная власть, тем строже были наказания. Вторым периодом инквизиции считают время после Тулузского собора 1229 года, когда появилась серьезная угроза папской власти — альбигойцы, катары и пр. Новой духовной власти предписывается действовать независимо от епископов, и она развернулась в полную мощь. С еретиками боролись беспощадно. Если в IV веке еретиков приговаривали к конфискации имущества, то с 1229 года, помимо этого, уже наказывали смертью — сожжением на костре. В 1252 году папа Иннокентий IV разрешил пытки при допросе еретиков.

Третьи периодом инквизиции называют испанскую, особенно лютую. Появилась она с полного согласия Рима. Папа Сикст IV в 1483 году направил в Испанию доминиканского монаха Томаса Торквемаду, он стал духовником королевы Изабеллы, а позднее возглавил испанскую инквизицию. После объединения Арагона и Кастилии католической церкви было чем заняться, надо было очистить страну от арабов, а заодно и от евреев. Государству нужны были деньги, конфискация имущества осужденных в ереси — самый простой путь обогащения.

Конец XV века — это смутное время, тогда в Европе ждали конца света, судя по Библии, истек срок жизни человеков. Каждому истинному христианину известно, что зачал Бог мир и творил его семь дней, а затем дал тому миру жизни по тысяче лет на каждый год создания. Значит, через семь тысяч лет должен наступить тому миру конец. Дата эта как раз приходилась на 1491–1492 годы и возбуждала во всем христианском мире величайшее волнение. Филипп Монотроп Пустынник, византийский мудрец, еще пятьсот лет назад писал, что существование мира седьмично, то есть дата конца мира должна делиться на семь, потому на Руси были столь уверены в конце света, что митрополит Геронтий отказался даже составлять Пасхалии — таблицу праздников Пасхи — на последующее тысячелетие. Что стараться, если завтра все перед Богом предстанем?

По версии католического мира Бог всемогущий назначил миру жить семь тысяч лет и еще восемь лет. Цифра «восемь» была взята не с потолка. Бог, творя мир, так определил мироздание: «Будете добродетельны — прибавлю вам, а будете злы —

отниму». По католическому календарю выходило, что Господь уже признал мир добродетельным, потому что в противном случае тьма наступила бы уже два года назад. Савонарола был с этим не согласен, сумел внушить свои опасения флорентийцам, так что этим частично можно объяснить успех его проповедей. А через четыре года этот же народ привел Савонаролу на виселицу.

Был еще еврейский «Шестокрыл» — таблица лунных фаз и затмений. Согласно этим лунным таблицам выходило, что до конца света людям еще жить и жить. Иудейский счет велся по еврейской Библии, то есть по оригиналу, а не по александрийскому переводу. По «Шестокрылу» получалось, что от создания мира прошло только 6250 лет. Следовательно, человечеству предстоит еще целых 750 лет ждать второго пришествия.

Конец света не наступил, но через пятнадцать лет после назначенной даты возникла страшная угроза в католическом мире — протестантизм, или Реформация. Одним из серьезных обвинений папства была система индульгенций.

Индульгенция — первоначально это милость, разрешение от наложенной церковью епитимии за неправедные дела. Согрешившего исключали из общины, за этим следовало долгое, годовое публичное раскаяние. Еще в IV веке епископы получили право сокращать этот срок, если отлученный подтверждает свое раскаяние различными добрыми делами. «Осталось сделать один шаг, чтобы признать добрые дела удовлетворением за совершенный грех; это и случилось в Западной церкви под влиянием германских правовых понятий» — так пишет энциклопедия. Все началось, как ни странно, с древних германских законов. Эти законы допускали замену наказания денежной вирой, если пострадавшая сторона была этим удовлетворена.

Еще в IX веке купить за деньги «Божью благодать» казалось кощунственным, богохульством, но скоро жертвование денежных средств монастырям — ради отпущения грехов — стало обычным делом. Само официальное название «индульгенция» появилось при папе Александре II. Индульгенция понадобилась для поощрения крестовых походов, заявленных на Клермонском соборе. Полное или частичное отпущение грехов давалось участникам, их близким родственникам, живым и умершим, а также тем, кто помог денежно великой борьбе за освобождение Гроба Господня. Со временем индульгенции вошли в быт, ими торговали направо и налево. Появилась привычка легко относиться к прощению грехов.

Католическая церковь выработала новую философию:

Христос, Божья Матерь, апостолы и святые «образовали неисчерпаемую сокровищницу добрых дел, которая предоставлена в распоряжение церкви для раздачи из нее благодати достойным». Климент VI в первой половине XIV столетия утвердил это решение, причем признал апостола Петра и его наместников, римских епископов, «хранителями накопленного сокровища». Делай добрые дела, и будешь безгрешен, беда только, что покупка индульгенций входила в разряд «добрых дел». Можно было купить индульгенцию и для умершего, тем самым избавив его от чистилища.

Во время войн индульгенция, по сути, превращалась в налог. «Бесстыдство, с которым папа Лев X в 1514 и 1515 годах, под предлогом ведения войны с турками, на самом же деле для постройки храма Св. Петра в Риме и для покрытия издержек своего двора, отдал на откуп индульгенции и наложил контрибуцию почти на всю Европу, было одним из главных поводов к германской и швейцарской Реформации».

Папа Лев X не отнесся к Лютеру серьезно: подискутирует-де и успокоится. Клименту VII было не до борьбы с Реформацией, при нем сам Рим лежал в развалинах. Павел III был последним из пап, который мог позволить себе меценатствовать и закрывать глаза на все эти безобразия — раскол в церкви. Он был стар, постоянно обеспокоен обеспечением многочисленной родни — сыну дал герцогство, внуку кардинальскую шапку, племяннику аббатство, — тут не до церковных склок. Но у Павла III были рьяные помощники, которые хорошо понимали опасность протестантизма. В Италии наступило время реакции, вдохновителем которой стал кардинал Караффа. Помощники папы были молоды, активны, безжалостны и фанатично преданы церкви. Для борьбы с инакомыслием был создан новый орден иезуитов. Павел III долго противился созданию этого ордена, но в конце концов учредил его в 1540 году. В 1545 году Тридентский собор собрал трибунал для активной борьбы с Реформацией.

Основателем монашеского ордена иезуитов (1534 год) был Игнатий Лойола. Орден был создан для борьбы «против адских чудовищ и порождений сатаны», то есть для подавления Реформации, и наделен очень большими полномочиями. Одним из главных его обетов было безоговорочное подчинение папе. Во имя служения Богу и «высокой цели» иезуиты создали свою теорию нравственности. «Цель оправдывает средства», то есть допустимы ложь, клятвопреступления, убийства, любые виды разврата и т. д. Иезуиты были неподвластны ни светскому, ни церковному суду. Их мог судить только папа, недаром Юлий II очень расширил их привилегии.

Борьба с Реформацией набирала силу. В 1587 году с реформой папы Сикста V была учреждена Верховная Священная Конгрегация Римской и Вселенской инквизиции, которая просуществовала до 1908 года.

В своей «Жизни…» Бенвенуто Челлини ни разу не упоминает слова «инквизиция, индульгенция, иезуиты», и слава богу, его это не коснулось. Был ли он верующим человеком? Конечно, вопрос — насколько. Дживелегов пишет, что религиозность у Бенвенуто была скорее данью обычаю, чем истинной, глубокой верой, общается-де он с Всевышним только в самые трудные, критические минуты жизни. Здесь Бенвенуто не исключение, масса людей, считающих себя верующими, так и поступает, а Челлини как раз обращался к Богу и со словами благодарности. Вообще это вопрос сложный, тонкий, и не буду я на этом задерживаться, скажу только, что Дживелегов издал свое эссе о Бенвенуто в 1929 году, тогда все были атеистами или хотели ими казаться, и автору хотелось видеть веру своего героя поверхностной и чисто формальной.

Рим

Главным заказчиком и покровителем Бенвенуто в Риме стал папа Климента VII, но удивительно, что первую должность при его дворе ювелир получил в оркестре. Об этом рассказ впереди.

По приезде в Рим Бенвенуто устроился в мастерскую Санти, условия обычные: треть хозяину, две трети мастеру. Старый Санти умер, его место занял сын. Сам он не работал, только деньги собирал, а лучшим мастером и фактическим руководителем мастерской был молодой Лука Аньоло. Он «с большим изяществом» делал серебряные вазы, тазы и прочую дорогую утварь. Бенвенуто удалось получить заказ от епископа Саламанки, испанца, он стал делать для него подсвечники.

В Риме Бенвенуто продолжал учиться, ходил рисовать в Сикстинскую капеллу, расписанную Микеланджело, а также в дом богатого сиенца — банкира Агостино Киджи. Дом этот был истинный дворец, там были росписи самого Рафаэля, а также Содомы и Джулио Романо. Хозяин дома очень гордился своими фресками и привечал желающую учиться молодежь. В этом доме Бенвенуто и встретил прекрасную молодую даму — «мадонну Порцию». Дама была женой брата хозяина, который приехал в Рим погостить.

Порция увидела рисунки Бенвенуто, восхитилась ими и, узнав, что он ювелир, показала ему маленькую вещицу — алмазную лилию в старинной золотой оправе.

— Во сколько вы оцените эту вещь?

— Восемьсот скудо, — не задумываясь, ответил Бенвенуто.

— Цена названа точно. А не возьметесь вы для нее сделать новую оправу, сохранив при этом старую?

Он тут же согласился и быстро набросал рисунок новой оправы. Тут в комнату вошла вторая «прекрасная благородная римская дама».

— Что вы тут делаете, Порция?

— Любуюсь, как рисует этот достойный молодой человек, который и мил, и красив.

Бенвенуто покраснел от смущения.

— Каков бы я ни был, мадонна, я буду всегда готов служить вам.

Порция тоже слегка покраснела.

— Ты сам знаешь, что мне хочется, чтоб ты мне служил.

Она отдала лилию Бенвенуто и добавила к этому двадцать золотых скудо. Вторая благородная римская донна рассмеялась и сказала:

— Будь я на месте этого юноши, я бы ушла себе с Богом.

— О нет! — воскликнула Порция. — Талант редко уживается с пороком. До свидания, Бенвенуто.

Дома он сделал маленькую восковую модель будущей оправы, затем показал ее в доме Агостино Киджи. Обе дамы были в восторге и «учинили мне такую похвальбу, что, движимый чуточкой гордости, я им обещал, что самая вещь будет еще вдвое лучше, чем модель». Наш герой редко говорит о себе с подобной скромностью, «чуточка гордости» — словцо не из его лексикона.

Двенадцать дней — таков был срок работы над оправой. Бенвенуто забросил всю работу, и это сразу было замечено Луканьоло (так зовет мастера Бенвенуто). Он считал, что от крупных ваз и кувшинов гораздо больше пользы и заработка, чем от алмазной безделицы. Конечно, Бенвенуто возражал: мол, такие заказы редкость, а заплатят ему не меньше, чем за вазу. Разговор шел при свидетелях, вся мастерская принимала в нем участие. Спорщики говорили «немножко с презрительным смешком, свирепо нагнув головы».

— Устроим испытание, — сказал один.

— Идет, — согласился второй. — Кому больше заплатят, тот и выиграл.

Луканьоло делал огромную вазу для папы Климента VII. Ваза ставилась на стол, чтобы в нее во время трапезы бросали кости, очистки фруктов и прочее. «Была эта ваза украшена двумя красивыми ручками, и множеством макшер, больших и малых, и множеством красивых листьев, такой прелести и изящества, какие только можно себе представить». Бенвенуто сказал Луканьоло, что это самая красивая ваза из всех, которые ему приходилось видеть. Папа Климент VII остался очень доволен этой работой и щедро наградил мастера.

Объясню сразу: устаревший термин «машкера» — это маска, слепок, образина, личина, через «полные изящества листья» проглядывали лики людей, не исключено, что это были звери или рыбы, чьи-то изображения, одним словом. Оправа, сделанная Бенвенуто для алмазной лилии, была украшена машкерками, младенцами и животными, «так что алмазы, из которых была лилия, стали по меньшей мере вдвое лучше».

— Ах, какое чудо! — воскликнула мадонна Порция. — И что вы хотите за труды? Вы заслужили столько, что если бы я подарила вам замок, то и этого было мало. Но замок я не могу вам подарить. Так сколько?

— Величайшая награда за труды — это ваша милость, — в тон ей с улыбкой отозвался Бенвенуто, поклонился учтиво и направился было к двери.

Понятное дело, «вторая благородная римская дама» тоже здесь присутствовала. Порция сказала ей:

— Теперь видите, что таланты, которые мы в нем угадали, сопровождаются вот чем, а не пороками, — и, обращаясь к уходившему молодому ювелиру, добавила: — Мой Бенвенуто, знаешь ли ты пословицу: «Когда бедный дает богатому, дьявол смеется»?

— Ему так невесело, что на этот раз мне хочется, чтобы он посмеялся, — нашелся Бенвенуто.

— Ну уж нет, я не окажу ему такую милость, — возразила она, улыбаясь.

На следующий день слуга принес сверток от мадонны Порции. Судила исход соревнования вся мастерская, то есть дюжина работников, еще и соседи подошли. Всем было интересно, кто выиграл спор. Луканьоло и Бенвенуто сверили свертки с вознаграждением, они были почти одинаковы, но у Луканьоло, пожалуй, чуть больше. Он высыпал свои деньги на прилавок «с великим шумом», денег было много, все закричали и захлопали. Бенвенуто высыпал свои монеты без малейшего шума, и все поняли, кто выиграл. У Луканьоло было серебро, и только одна монета золотая, у Бенвенуто было только золото.

Лука очень обиделся и сказал, что «отныне впредь не желает больше выделывать этих крупных вещей», а будет заниматься выделкой такой вот мелкой дряни. Бенвенуто, утешая, ответил, что «всякая птица поет на свой лад», но не преминул добавить, что сам бы он отлично справился с выделкой его хлама, но еще неизвестно, справился бы Луканьоло с выделкой его, Бенвенуто, дряни.

Я подробно остановилась на этом случае не только из желания описать соревнование в мастерской, исход его был ясен сразу. Мне хотелось рассказать о благородных дамах, которые смущались при общении с красивым художником и его самого вгоняли в краску. Сам Бенвенуто описывает встречи с ними с явным душевным трепетом, потому что привык общаться с женщинами совсем другого сорта, там он не краснел, он знал, как себя вести. Позднее ему приходилось общаться и с фавориткой короля, и с герцогиней, но там и намека не было на бескорыстие, но зато были интриги, обиды и неприязнь.

Отцовское благословение

Письма от отца приходили часто, Бенвенуто тосковал по родному городу и, к своему удивлению, часто играл. У него был ученик Паулино — мальчик четырнадцати лет, он был очень хорош собой, наделен кучей добродетелей и очень любил слушать музыку. Бенвенуто очень к нему привязался. А точнее сказать — «возымел к нему такую любовь, какая только может вместиться в груди человека. Эта страстная любовь была причиной тому, что, дабы видеть как можно чаще просветленным это чудесное лицо, которое по природе своей бывало скромным и печальным; но когда я брался за свой корнет, на нем вдруг появлялась такая милая и такая прекрасная улыбка, что я нисколько не удивляюсь тем басням, которые пишут про небесных богов; если бы этот жил в те времен, они, пожалуй, еще не так соскакивали с петель». Словом, играл Бенвенуто на этот раз с упоением.

Приближался ежегодный праздник лета — папский Феррагосто — его праздновали в Риме 1 августа. Через третьи руки Бенвенуто позвали сыграть для папы несколько мотетов сопрано на корнете. Бенвенуто в это время делал вазу для епископа-испанца Саламанки, с работой надо было торопиться, но он согласился поиграть во дворце. Он напишет об этом на родину, и старик отец будет счастлив. За неделю до праздника Бенвенуто вместе с оркестром тратил не менее двух часов в день на изучение этих прекрасных мотетов.

Во время обеда оркестр услаждал папу музыкой. Он остался очень доволен. «Никогда музыка не звучала столь сладостно и согласованно», — чистосердечно пишет Бенвенуто, и, конечно, Климент VII поинтересовался, где они нашли такой хороший корнет для сопрано. Флейтист Джаньякомо назвал имя Бенвенуто Челлини.

— Так это сын маэстро Джованни?

Еще будучи кардиналом, папа не раз слушал игру Челлини-отца, немудрено, что и сын музыкален, потому он сказал, что хочет взять Бенвенуто к себе на службу.

— Всеблаженный отче, — ответил глава-флейтист, — я вам не поручусь, что вы его заполучите в качестве музыканта, потому что главное его художество — золотых дел мастерство и в нем он работает изумительно и извлекает из него большую прибыль, чем мог бы извлечь, играя.

Но папа стоял на своем и велел назначить Бенвенуто приличное жалованье.

— Ну, решай, — сказал Джаньякомо.

— Я подумаю до завтра, — ответил Бенвенуто.

Дома он стал думать: мол, не уведет ли его занятие музыкой в сторону от основного дела, да и хватит ли у него времени тянуть две телеги сразу — ювелирную работу и игру на корнете? Но, как всегда, в судьбу Бенвенуто вмешалось Провидение. Во сне явился плачущий отец, он умолял сына пойти в оркестр. Бенвенуто пробовал возражать, но тогда старый Джованни сказал сурово:

— Если ты этого не сделаешь, тебя постигнет отцовское проклятие, а если сделаешь, то будешь благословлен навеки.

Выбор был сделан. Бенвенуто записался в оркестр, о чем тут же написал отцу. «…от чрезмерной радости» с отцом случился припадок, он чуть не умер, а потом написал сыну, что ему приснилось почти то же самое, что и самому Бенвенуто.

Что тут правда и что выдумка? Бенвенуто всегда «на коне». Он не перестает собой восторгаться, иногда чуть-чуть иронизирует, но всегда искренне верит, что так оно и было. И ведь смотрит он на себя, двадцатилетнего, с высоты почти шестидесяти лет. А может быть, он в назидание молодежи так беззастенчиво хвалит себя: мол, будьте решительны, напористы и все получится? Во всяком случае, я очень бы порекомендовала его книгу юношам с устойчивым комплексом неполноценности.

Меж тем епископ Соломанки торопил Бенвенуто с вазой, посылал слуг проверить, успешно ли идет работа, а те зачастую не заставали Бенвенуто в мастерской, музыка действительно сжирала много времени. Через три месяца ваза была готова. Была она с такими «красивыми зверьками, листьями и машкерами, какие только можно изобразить». Луканьоло, участник соревнования, высоко оценил эту работу, теперь он понимал, что слава Бенвенуто была не случайной. Он отнес вазу епископу.

— Передай Челлини, — важно сказал тот, — я так же буду медлить с оплатой, как он тянул с работой, — и тут же пошел хвастать перед друзьями-испанцами новой прекрасной вазой.

Бенвенуто пришел в ярость и проклял всю Испанию. Он уже был уверен, что не увидит ни денег, ни своей вазы, но помог случай. Один из друзей-испанцев в отсутствие хозяина повредил тончайшую, искусно сделанную пружинку, с помощью которой ваза закрывалась крышкой. Перепуганный, он тут же послал дворецкого к мастеру — починить немедленно! Пружинка была починена, но когда взмыленный от быстрого бега служитель, видно, на нем срывали зло, явился за вазой, Бенвенуто ему сказал:

— Я не отдам тебе вазу. И передай твоему хозяину,

монсеньору, что я желаю деньги за свои труды, прежде чем она выйдет из этой мастерской.

Вначале дворецкий епископа ругался и угрожал, потом, «показывая вид, что одной рукой берется за шпагу, другой намеревался и силился вломиться в мастерскую» и, наконец, почти на коленях стал умолять вернуть вазу. Бенвенуто был непреклонен.

Дворецкий ушел, выкрикивая угрозы и обещая привести к мастерской целое войско испанцев, а Бенвенуто начал чистить свою пищаль: «Если у меня отнимают мое имущество, заодно с трудами, то еще уступить им и жизнь?» Дворецкий не обманул, войско не войско, но испанцев пришло много. От лица всех он угрожал страшными карами. Бенвенуто направил на незваных гостей пищаль, в другой руке он держал зажженный факел.

— Нехристи, предатели, — кричал он, — нешто громят таким способом дома в Риме? Первого, кто подойдет к двери, уложу на месте.

На крик высыпали из домов соседи:

— Бенвенуто, стреляй в этих нехристей, а мы тебе поможем! — Подвиги испанской инквизиции были хорошо известны в Риме. «Нехристи» ушли ни с чем.

Дело приняло широкую огласку. Познакомил Бенвенуто с епископом Саламанки в свое время живописец Джанфранческо, ученик и помощник Рафаэля. Теперь он невольно принял участие в этой истории. Он пришел к Бенвенуто со словами:

— Одумайся! Епископ грозит, что если ты не отдашь вазу, то от тебя «самым большим куском останутся уши».

— А я пожалуюсь папе!

Можно было и не жаловаться. Папа и так все знал. Епископ успел показать Клименту VII прекрасную вазу, только не назвал имени мастера. Теперь оно стало ему известно, и папа откровенно веселился. Весь Рим с удовольствием и смехом ждал конца этой истории. Многие именитые граждане Рима были на стороне Бенвенуто и обещали ему свою поддержку.

Покричали, помахали оружием и успокоились. У епископа прошел гнев, у Бенвенуто страх, он вернул епископу вазу и получил сполна деньги за работу. После скандала Бенвенуто стал необычайно популярен. Заказчиками теперь у него были и папа, и важнейшие кардиналы Чибо, Ридольфи и Сальвиати (все из семьи Медичи — племянники покойного папы Льва X). Мадонна Порция уговаривала Бенвенуто открыть собственную мастерскую. Другом Бенвенуто стал гонфалоньер Рима Габриелло Чезерино, от него он тоже получил заказ — сделать большую золотую медаль с изображением Леды и лебедя. Работа очень понравилась

Чезерино, и он обещал дать за нее хорошую справедливую плату, но «справедливая плата» оказалась много ниже, чем назначили цеховые оценщики. История с вазой повторилась, но с той разницей, что медаль осталась у Бенвенуто. Но теперь мелкие неудачи его не волновали. Благословение отца сбывалось, музыка открыла Бенвенуто все двери.

Работа

Здесь речь пойдет о работе Бенвенуто Челлини, а кто расскажет о ней лучше его самого? «Хоть и движимый благородной завистью, желая создать еще какое-нибудь произведение, которое настигло бы и еще превзошло произведения сказанного Луканьоло, я все же отнюдь не отстранялся от своего прекрасного ювелирного искусства; таким образом, и то и другое приносило мне большую пользу и еще большую честь, и в том и в другом я постоянно делал вещи, не похожие на чужие».

Жил тогда в Риме искусный перуджинец Лаутицио Ротелли, который занимался изготовлением печатей и, как утверждает Бенвенуто, больше ничего не умел. Такие печати были в большом ходу у кардиналов, и платили за них отлично. Величиной печати были «с руку ребенка лет двенадцати», на них обычно вырезался титул кардинала, украшенный различными фигурками — по усмотрению заказчика. Бенвенуто освоил это ремесло, в чем и преуспел.

Одновременно он занялся изготовлением чеканных медалей. Здесь его соперником стал Амброджо Фоппа, прозванный Карадоссо, блестящий медальер, некоторые его работы дошли до нашего времени. Иные медали он делал в виде пластин — паче, на которых изображались святые. Эти паче подносились пастве для поцелуя во время торжественных молебнов. Карадоссо работал замечательно, но медленно, поэтому и Бенвенуто не оставался без заказов. Золотые медальки носили тогда на шляпах, любой знатный господин или синьор желал иметь красиво украшенную медаль со своей эмблемой. Особенно ценились медали с несколькими фигурками, за такие Карадоссо просил до 100 скудо за штуку.

Работа эта была сложной и кропотливой. Вначале по эскизу изготовлялась из цветного скульптурного воска модель будущей медали. Формат модели был обычно в три-четыре раза больше будущей медали. Работа производилась специальными заостренными палочками. Далее с восковой модели отливали гипсовый слепок. С него изготавливалась отливка из металла, и только после этого делали матрицу из стали, которая точно соответствовала размеру медали, уже с помощью матрицы чеканилась медаль.

Конечно, Бенвенуто захотелось посостязаться с искусным мастером. Он сделал для некоего синьора медаль с четырьмя фигурами. Синьор сравнил медаль Бенвенуто с медалью

искусника и сказал, что первая работа лучше, чем вторая, а потому он заплатит больше, чем платил Карадоссо, на что Бенвенуто с несвойственной ему скромностью сказал:

— Величайшая награда, которую я больше всего желаю за мои труды, — это сравниться с произведением великого мастера. И если ваша милость считает, что я достоин сравнения, то я вполне вознагражден.

Такая скромность паче гордости. Но Бенвенуто, конечно, не удержался. Чтобы не похвастаться, добавил в заключение: «Когда я на этом ушел, то они тотчас же послали мне щедрейший подарок…»

Критик пишет: «Как медальер Челлини не достиг совершенства в медальерном искусстве, но среди его работ есть одна наиболее впечатляющая. Это медаль с изображением Франциска I. Создав портрет короля Франции, Бенвенуто Челлини сумел выявить в чертах лица этого крупного государственного деятеля не только величие и ум, но и придал портрету оригинальную выразительность. Челлини создал немного крупных медалей. Его маленькие медали более многочисленны и нередко играли роль драгоценных украшений».

Очень популярна была финифть. Бенвенуто относился к этому делу с огромным уважением. О мастере Америго Рики он позднее рассказал в своем «Трактате о ювелирном искусстве». Работы этого Америго, по мнению Бенвенуто, столь прекрасны, что он не знает, «чтобы кто-нибудь хоть отдаленно приблизился к такой божественности».

Бенвенуто очень любил оружие, пищаль у него была собственной работы. Однажды ему в руку попали турецкие «кинжальчики», на которых железом было насечено много листьев «на турецкий лад». Конечно, Бенвенуто тоже захотелось сделать несколько кинжалов, и, конечно, в улучшенном варианте, что он и сделал. Этим «турецким кинжальчикам» мы обязаны красочному описанию Бенвенуто ювелирного декора: «…турецкие листья только и бывают, что листья арума с цветочками подсолнечника; хоть в них и есть некоторая прелесть, но она перестает нравиться, не то что наша листва. Правда, в Италии мы делаем листву различными способами; так, ломбардцы делают красивейшую листву, изображая листья плюща и ломоноса с красивейшими перегибами, каковые очень приятны на вид; тосканцы и римляне в этом роде сделали гораздо лучший выбор, потому что подражают листьям аканта, иначе — медвежьей лапы, с его листьями и цветами, разнообразно изогнутыми; и среди сказанных листьев отлично размещаются всякие птички и различные звери».

Бенвенуто был фантастически работоспособен и очень ответствен. Это в жизни он был вздорен, капризен, обидчив, прежде делал, потом думал, но в отношении работы его поведение было безукоризненным. Дживелегов пишет о Челлини: «В искусстве для него нет ничего, что он считал бы недостойным себя. Все моменты создания художественного произведения для него одинаково дороги и интересны. Он никогда не мог решиться поручить своим ученикам выполнение таких работ, при несовершенстве которых могло пострадать целое. Его нельзя было упрекнуть в том, что становилось чуть не общим правилом всех художников чинквеченто: что он дает лишь наброски, предоставляя ученикам исполнять самую вещь. У некоторых, например у живописца Перино дель Вага, это стало правилом: он делает только картоны. Правда, и искусство Бенвенуто было другое, чем живопись».

В молодости самый большой заработок давала оправка драгоценных камней, а Бенвенуто хотелось сложной, творческой работы. И уж если она появлялась, он пишет о ней с истинной любовью. Некоторые его работы высоко оценил сам великий Микеланджело. Дело было во Флоренции где-то после 1527 года, когда испанцы захватили Рим и Бенвенуто ненадолго уехал на родину. Некий сиенец заказал Бенвенуто медаль для шляпы с изображением Геркулеса, разрывающего пасть льву. В мастерскую заглянул Микеланджело и похвалил работу, потому что «положение фигуры и лютость зверя были совсем другие, чем у всех тех, кто до сих пор это делал». Добрые слова из уст великого скульптора были для Бенвенуто высшей похвалой, знаком качества.

А тут судьба послала еще одного заказчика, «некий Федериго Джинори, юноша весьма возвышенной души», заказал медаль в подарок своей возлюбленной, принцессе из Неаполя. Юноша желал видеть на медали «Атланта с миром на плечах». Он пошел к Микеланджело и попросил его выполнить рисунок для этой работы.

— Сходите прежде к некоему молодому ювелиру по имени Бенвенуто, — сказал мастер, — и он вам услужит очень хорошо. Рисунок он сделает сам, и попросите его еще сделать модельку. Я тоже сделаю вам небольшой рисунок. Тот, который вам больше понравится, и возьмете в работу.

Заказ достался Бенвенуто. Модель видел «превосходнейший Микеланджело» и так ее хватил, что «это было нечто неописуемое». Бенвенуто, как одержимый, принялся за работу. «Это была фигура, выбитая в пластине; на плечах у нее было небо в виде хрустального шара с вырезанным на нем его зодиаком, на

лаписно-лазоревом фоне, внизу была назидательная надпись латинскими буквами».

Бедный заказчик-жених вскоре умер от чахотки, медаль с Атлантом купил известный писатель Луиджи Аламанни. Спустя некоторое время он уехал в Париж и подарил «вместе со своими писаниями» медаль с Атлантом королю Франциску I. Королю очень понравилась работа Бенвенуто, он даже высказал желание познакомиться с ювелиром. Эта рекомендация со временем очень пригодилась Бенвенуто Челлини.

А. К. Дживелегов: «Бенвенуто — художник. Он художник, взысканный небом, одаренный сверхъестественным талантом, поднятый на щит великими мира сего и крупнейшими из собратьев по искусству. Таково его мнение о себе. В царстве искусства он если не первый — есть ведь и Микеланджело, — то один из первых. А искусство — это лучшая, самая светлая, самая прекрасная, самая возвышенная, самая чистая сфера деятельности человеческой. Кто первый в сфере искусства, тот должен быть отмечен свыше. Это прежде всего. Это объясняет все видения и сияния. А затем и другое. Человека, который блистает среди служителей искусства, нельзя равнять с другими людьми. Он особенный. Его положение в обществе исключительное. Он должен быть осыпан всеми привилегиями. Он должен быть огражден от всех неприятностей — больших и малых. Горе тому, кто его заденет или оскорбит. Он сам себя помазал и короновал абсолютным монархом искусства, и каждый проступок по отношению к нему становится оскорблением величества».

Пир во время чумы

Чума 1524 года обошла Бенвенуто стороной. Кажется, как соблазнительно для бытописателя изобразить страшные сцены, коих ты был свидетелем, — мертвые дома, горы трупов на телегах, страшные мартусы с железными крючьями. Нет, эти ужасы, с его точки зрения, не стоят воспоминаний, жизнелюбие в Бенвенуто всегда брало верх над страшными мыслями.

Он пишет: «… объявилась моровая язва, столь неожиданная, что в Риме каждый день от нее умирали многие тысячи. Немало устрашенный этим, я начал доставлять себе некоторые развлечения». Какие? Он уходил за город, подальше от этого кошмара, а на природе рисовал античные развалины, а между делом охотился на голубей — отличная еда, между прочим! Сельский пейзаж, чистый воздух — что может быть лучше? «Хотя по природе своей я меланхоличен (вот уж не похоже! — *Авт.*), стоило мне предаться этим развлечениям, как у меня сразу веселело сердце».

За городом он «завел дружбу с некоторыми искателями», которые за бесценок скупали у крестьян то, что отдавала им земля, — останки древней римской цивилизации. Это уже зачатки археологии. Крестьяне окапывали виноградники и находили в земле сказочные вещи: медали, сердолики, прочие камни, иногда драгоценные. Бенвенуто перекупал у «искателей» эти находки, приводил их в надлежащий вид и очень выгодно продавал. Например, голова Минервы, вырезанная из топаза величиной с орех, украсила перстень, камея с Гераклом и цербером потребовала новой оправы.

Беда подстерегала Бенвенуто с другой стороны, и виной тому была любовь. Двадцать четыре года, куда же без любви? Он писал мимоходом, что у его ученика Паулино была сестра Фаустина и была она столь хороша, что перед ней меркла красота другой знаменитой Фаустины — супруги Марка Аврелия, и уже в семье Паулино поговаривали о свадьбе, но потому все ушло в песок. О женитьбе он тогда вообще не думал. Но судьба вывела на сцену «другую Фаустину» — болонскую блудницу.

Эта Фаустина принадлежала другу, и на нее Бенвенуто не посягал. Но у блудницы была хорошенькая служаночка, «совсем новенькая», ей было от роду тринадцать лет. Вот на нее Бенвенуто с обоюдного согласия и посягнул.

Проведенная со служаночкой ночь была волшебной, на другой день уже к вечеру у Бенвенуто начались головные боли, руку обсыпали прыщи и вскочил большой нарыв. Когда ему стало

совсем плохо, слуга Паголино вызвал врача. Тот осмотрел больного и очень огорчился.

— Раз я пришел, — сказал он больному, — буду тебя лечить. Но хочу тебя предупредить — если ты имел соитие, ты не жилец.

— Я имел соитие сегодня ночью, — сознался несчастный Бенвенуто.

— С каким созданием и сколько?

— Этой ночью с премолоденькой девочкой.

— Твои язвы совсем свежие и еще не смердят, поэтому надежда на выздоровление пока есть.

Французская болезнь, а именно ее подхватил Бенвенуто, была очень распространена в то время. Особенно она «дружила с духовенством». Еще до моровой язвы, как раз накануне, в Риме появился «превеликий хирург» Якомо да Карпи. Он лечил все, в том числе безнадежные случаи французской болезни, с помощью неких курений. Деньги за лечение лекарь брал вперед, а это были не десятки, а сотни. Зато результаты были поразительные. Папа хотел, чтобы сей медицинский гений остался служить при его дворе, но тот категорически отказался и уехал. Через несколько месяцев обнаружилось, что хирург был чистой воды шарлатан. Всем его пациентам стало совсем плохо, хуже, чем до его лечения.

Бенвенуто рассказал историю про Якомо да Карпи, явно желая лишний раз похвастать — какой он замечательный ювелир. «Превеликий хирург» успел заказал ему, по его же рисункам, две вазочки «необыкновенной красоты». В цехе говорили, что никогда не видели «более красивого и лучше исполненного». Через много лет, пребывая в Ферраре, Бенвенуто показали его же работу, выдавая его вазочку за прекрасный антик, за каковой были заплачены бешеные деньги.

Хорошо, что Бенвенуто попал со своей французской болезнью не в руки к да Карпи, а к настоящему врачу. Лечился он долго, друзья преданно за ним ухаживали. Ну и выздоровел, наконец.

Моровая язва тоже отступала. Много близких Бенвенуто людей ушло из жизни, оставшиеся счастливцы с особой нежностью относились друг к другу. Так возникло содружество творческих людей: живописцев, ваятелей и ювелиров. Два раза в неделю, а то и чаще, они собирались вместе для разговоров и веселого пиршества. Были в этом содружестве люди весьма известные и знатные: Джулио Романо, живописец и архитектор, помощник великого Рафаэля из Урбино, а также Джан Франческо — ученик славного Перуджино. Душой всей компании был Бернардино ди Микеле, Бенвенуто называет его Микеланьоло. «Он был самый сердечный и самый веселый человек. Из всего

сказанного содружества он был самый старый (ему было тридцать четыре года. — *Авт.*), но по телесной крепости самый молодой».

И вот этот Микеланьоло как-то позвал друзей и велел каждому привести с собой «галку», то есть женщину веселого поведения. Не выполнивший этого условия должен был оплатить весь ужин. Бенвенуто решил взять с собой Пантасилию, красавицу, которая была в него влюблена, но по доброте сердечной уступил ее другу Бакьякке, который сам был влюблен в красавицу. Что же делать? Не платить же в самом деле на весь ужин? Да и не мог Бенвенуто привести к друзьям абы кого, его «галка» должна была быть самой лучшей.

И тут в голову Бенвенуто пришла отличная идея. А что, если сделать «галку» из юноши, обряженного в женское платье? И юноша был на примете, сын испанца мельника Диего. Ему было шестнадцать лет, он был хорош собой, «очертания его головы были куда красивее, чем у Антиноя». Юноша был скромен, он занимался латынью, прилежно учился, и до всего другого ему и дела не было. Бенвенуто пригласил его в дом, вначале нарядил его в прекрасные женские одежды, украсил драгоценностями, подвел к зеркалу и только потом рассказал о придуманном розыгрыше. Юноша подумал и сказал:

— С Бенвенуто я пойду.

— Назовем тебя Помоной.

Шутка удалась на славу. «Галка» Бенвенуто была лучше всех. Помону называли ангелицей, ей посвящали сонеты. Диего-Помона в долгу не остался и на комплименты отвечал по-латыни. Микеланьоло сказал со смехом, что в их компании среди галок появился павлин. Пели, играли, веселились весь вечер. Помона сидела среди женщин, те трещали без умолку, требуя, чтобы и она принимала участие в разговоре. Помона молчала.

— Может тебе нездоровится? — спросила одна из «галок».

Что на Помону нашло — неизвестно. Не иначе ей надоела эта бабская болтовня, и она сказала:

— Боюсь, я беременна. Поэтому мне плохо.

Соседки тут же прильнули ухом к ее животу, принялись его ощупывать. Тут и обнаружилось, что Помона мужчина. Что тут поднялось! Мужчины хохотали, женщины бранились. Друзья признали, что Бенвенуто выкинул с ними отличную шутку. Его даже подбрасывали вверх, крича хором: «Да здравствует синьор!» А влюбленная в Бенвенуто Пантасилия затаила на него великую злобу.

Сценка с шуткой на дружеской пирушке сама по себе хороша, но остановилась я на ней подробно, потому что в этой сцене просвечивает, хоть и сам этого Бенвенуто не хотел, некоторая

опасная и противоестественная для того времени склонность. Да, собственно, и попал он под арест уже в зрелые годы из-за этой самой склонности. Я говорю о содомии, или как бы мы сегодня сказали, гомосексуализме.

Диего сразу исчез с горизонта, но появился другой юноша, его звали Луиджи Пульчи. Он был красив, изящен, знал латынь. Походя Бенвенуто сообщает, что Луиджи был сыном того Пульчи, которому отрубили голову за то, что он спал со своей дочерью. К слову скажем, что дядей юноши был знаменитый Пульчи, автор известной поэмы про великана Моргайте. Луиджи великолепно пел, многие собирались его слушать. Часто такие распевки происходили прямо на улицах. Слушать Луиджи приходил и «божественный Микеланджело», Бенвенуто иногда составлял ему компанию. Там он и познакомился с юношей.

Прекрасный Луиджи, как выяснилось, «весь был полон французской болезнью», которой наградил его некий епископ. Бенвенуто взял его к себе в дом, долго лечил и вылечил. Луиджи благодарил его со слезами на глазах, на что Бенвенуто ответствовал: «Долг человеческих тварей помогать друг другу. Будет случай, помоги и сам кому-нибудь, кто будет нуждаться в помощи, а меня считай своим другом». Выздоровев, юноша стал бывать при дворе, поступил на службу к епископу, но вскоре вступил в связь с племянником этого епископа. На одном из ужинов Луиджи познакомился с «этой блудницей Пантасилией». Той понравился красавец Луиджи. И она решила через него отомстить Бенвенуто, вступив с красавцем в любовную связь.

Бенвенуто заклинал Луиджи остерегаться Пантасилии, но тот все-таки его не послушал, за что ему Бенвенуто и отомстил. Сцены были поистине кровавые. Не буду пересказывать как да что, если интересно, прочитаете у самого Челлини. А вообще-то, кого и как любил Бенвенуто, это исключительно его личное дело. За гомосексуализм по законам того времени можно было попасть на костер. Удивительно, что высокая мысль и дивное искусство Возрождения связаны с полным падением нравов. Я посвящу этому целую главу, но позднее, сейчас у нас на подходе войны.

Войны

Войны, которые в истории называются Итальянскими, начались в 1494 году и с перерывами продолжались до 1559 года, то есть шестьдесят пять лет. Из них двадцать девять лет мира и тридцать шесть лет войны. Воевали в основном профессионалы наемники. Кондотьеры, как наши футболисты, могли воевать на любой стороне, только бы платили. Николло Макиавелли написал великолепную книгу — руководство «О военном искусстве». К началу XVI века Апеннинский полуостров состоял из независимых государств, из которых крупнейшими были: Миланское герцогство, Венецианская республика, Флорентийская республика, Папская область и Неаполитанское королевство.

Войны начались с того, что в 1494 году в Неаполе, не оставив наследника, умер Ферранте I Арагонский. Кто будет наследовать трон? Вся правящая верхушка Европы находилась в родственных связях. Французский король Карл VIII заявил права на Неаполь, потому что до 1442 года Неаполитанское королевство принадлежало не Арагонскому, а Анжуйскому дому. По юридическому праву Франция могла вернуть потерянные права, а заодно пограбить богатых итальянских соседей.

Италии бы объединиться против французского нашествия, но нет. Дживелегов пишет: «В непримиримости политических интересов было главное несчастье Италии. Она порождала все ее национальные беды. Она мешала политическому объединению по примеру Франции и Испании. Она была причиной ее беззащитности перед чужеземцами». Словом, Карла VIII поддержали в его притязаниях папа Александр VI и герцог Милана Лодовико Моро. По дороге на юг французские войска без всякого сопротивления заняли Флоренцию, навели там свой порядок, проследовали дальше и в 1495 году овладели Неаполитанским королевством. Неаполитанцы ликовали, кончилась ненавистная власть испанцев!

Но французы были еще бесцеремоннее испанцев, творя грабеж, насилие. Это вызвало взрыв негодования «общественности», и вскоре была организована для войны уже с французами Святая лига, в которую вошли Венеция, Милан, Ватикан, Испания и император Священной Римской империи Максимилиан I. Карл VIII ушел из Неаполя, главное сражение при Форново лига выиграла, и французы оставили Италию. Так окончилась Первая Итальянская война.

Далее… После ухода французов на полуострове началась перегруппировка политических игроков. Теперь итальянцы

воевали внутри своего государства: Флоренция с Пизой, Венеция враждовала с Миланом и просила помощи у Франции. На французском троне уже новый король — Людовик XII, бывший герцог Орлеанский. Он тоже решил повоевать и при этом вспомнил, что приходится внуком Валентине Висконти, единственной дочери первого герцога Милана, по матери принцессы Орлеанской. Отличный повод к войне! В 1499 году Людовик XII занял Милан и провозгласил себя миланским герцогом. Лодовико Моро пытался сопротивляться, но безуспешно. Он окончил жизнь в темнице.

Каждое из итальянских государств искало свою выгоду, заключало договоры и тут же рвало их. Папа Александр VI, например, хотел создать государство для своего побочного сына Чезаре Борджиа. Это был сущий дьявол — отважный воин, умный, расчетливый, вероломный. В 1504 году он занял государства Средней Италии — Романью и Урбино.

Франция решила: если получилось с Миланом, должно получиться и с Неаполем. Людовик XII попробовал договориться с испанцами о разделе Неаполитанского королевства, но стороны не смогли поделить некоторые области и опять начали махать саблей. Испанцы победили. В 1503 году умер папа Александр VI, его место занял Юлий И, который придерживался происпанской политики. Франция согласилась пойти на переговоры, в результате которых вся Южная Италии перешла под власть Испании. В Северной Италии главенствовала Франция, Средняя Италия подчинялась папе. Так в 1505 году окончилась Вторая Итальянская война.

Третья Итальянская война — 1508–1516 годы. Обычно папы принимали сан в преклонном возрасте и потому быстро уходили со сцены. Папе Юлию II было шестьдесят четыре года, он был полон сил. Чезаре Борджиа уже умер, был отравлен. Юлий II хотел усилить папские владения присоединением оставшейся без хозяина Романьи, но на нее уже наложила руки Венеция. Эта всесильная республика откровенно, если не сказать нагло, и безнаказанно действовала в своих интересах. Папа Юлий II сам стал во главе войска и пошел завоевывать Романью и Перуджу.

Папа Юлий II — воин в латах, на боевом коне — он брал вражеские крепости. Этот папа был одержим идеей изгнать иностранцев из Италии и создать сильное государство под гегемонией католической церкви. Наводить порядок он начал с того, что в 1504 году создал антивенецианскую лигу, в которую вошли Франция, Испания, к ним присоединилась Священная Римская империя. Максимилиан I был обижен на Венецию за то, что она помешали его желанию короноваться в Риме,

республиканские войска просто преградили ему дорогу. И вот объединенные силы бросились на Венецию. В мае 1509 года венецианцы были разбиты наголову, казалось, что это конец… но обошлось, смогли договориться, правда, ценой больших жертв. Романья осталась за Папской областью. Но французы к этому времени успели прочно обосноваться в Романье и не собирались из нее уходить.

Юлий II решил избавиться от французов и выдвинул лозунг: «Выгнать варваров!» Затем он организовал Святейшую лигу. Произошла кардинальная перегруппировка: Папская область объединилась с Испанией, Венецией, Священной Римской империей, даже Англию, исконную врагиню Франции, привлекли. Война шла с переменным успехом. Вначале везло объединенным силам лиги, с помощью швейцарцев удалось занять Милан и восстановить на троне герцога Сфорца — сына Лодовика Моро.

Но идея «изгнания варваров» и образования единого государства провалилась. В 1513 году папа Юлий II умер. Не буду давать оценку его личности, не мое это дело, но позволю себе помянуть его добрым словом. Он был тонким ценителем искусства, при дворе его трудились величайшие художники Возрождения: Перуджино, Содома, архитектор Браманте, Рафаэль и, наконец, Микеланджело. Это Юлий II поручил ему расписать плафон Сикстинской капеллы, это для гробницы Юлия был создан микеланджеловский Моисей.

Папский престол занял Лев X Медичи. Новый папа, тучный, неповоротливый, любитель поесть и повеселиться, не любил воевать. Но он очень хотел восстановить в родном городе власть Медичи. Он разрешил испанцам и швейцарцам в награду за их успехи в Милане занять нейтральную Флоренцию. Чтобы избежать резни и разграбления, Флоренция заплатила контрибуцию и согласилась на власть Медичи. С республикой было покончено.

Но война продолжалась. В 1515 году французский трон занял новый король Франциск I. В битве при Мариньяно французы одержали внушительную победу. Милан вновь был занят французами. За этим последовало перемирие. Северная Италия была поделена между испанцами и французами.

Следующая Итальянская война (1521–1526) началась с восшествия на трон Священной Римской империи Карла V Габсбурга (в Испании он назывался Карлос I). Его империя объединяла огромные пространства, туда входили Испания, Нидерланды, Германия, Сицилия, не будем забывать и Америку. Открытый Колумбом материк приносил Испании золото и серебро, империя была фантастически богата. Но ей все мало,

Карл V предъявил права на Бургундию и Милан.

В Германии Лютер (1517 год) уже заявил о себе, Карл V активно боролся с Реформацией, и это обеспечивало ему поддержку Ватикана. И опять, какой уже раз, имперские войска захватили в 1521 году Милан, затем Геную, а потом и вовсе вытеснили французов из Италии. В 1525 году Франциск I перешел Альпы, но ему не повезло. В битве при Павии он попал в плен и вынужден был подписать кабальный Мадридский договор, по которому он отказывался от любых притязаний на Италию и уступал империи Бургундию.

Пятая резня, называемая войной Коньякской лиги, началась в 1526 году. Как только Франциск I освободился из плена, он тут же признал Мадридский договор несостоятельным. На папском престоле Климент VII. Ему, как и всей Италии, самовластие испанцев тоже поперек горла. В Коньякскую лигу вошли, кроме Франции, Венеция, Флоренция, Папская область и скинутый с Миланского престола Сфорца. Лигу организовали, но пока Франциск I ничего не предпринимал, выжидал, а Карл V собрал в Северной Италии армию готовых к действию наемников.

Теперь посмотрим на все это глазами Климента VII. В традициях дома Медичи было дружить с испанцами. Именно испанцы в 1512 году вернули Медичи утраченные бразды правления. Папскую тиару Климент VII тоже получил не без помощи испанцев, но теперь он сидел между двумя стульями. После того как испанская армия была разбита под Марселем, а французы заключили союз с Венецией и этим очень усилились, папа решил «завязать» с Испанией и благословил Франциска I на дружбу с Ватиканом. Но случилась Павия, и Франциск попал в испанский плен.

Папа пришел в ужас. Он боялся, что Карл V распространит свое влияние по всей Италии. Раньше Климент VII хотя бы в своей Папской области был полновластным хозяином, а быть вассалом Испании — что может быть унизительнее для католической церкви! Климент тоже поучаствовал в создании Коньякской лиги, надеясь на помощь Франциска I. Но французский король бездействовал, от лиги не было пользы.

Климент послал в Мадрид своего дипломата Кастильоне, надо было замиряться с испанцами, просить прощения. Кастильоне был воин, рыцарь, гуманист, писатель, умница, но поставленная перед ним задача была чрезвычайно трудна. Кастильоне удалось уговорить Карла V заключить мир, но это было только бумажное перемирие. Император Карл уже собрал свои войска на расправу с Римом. На севере в Апеннинах стояло около тридцати тысяч воинов-головорезов. Здесь были испанцы,

швейцарские ландскнехты, отряды конницы под началом принца Оранского. Армия была собрана, только император забыл, а может, не смог ей во время заплатить. А тут еще Флоренция подняла восстание против Медичи, в воздухе пахло порохом. Голодная армия рвалась в бой и сама приняла решение — вначале пошла в Ареццо, разграбила его, а потом решила — на Рим! Там было чем поживиться.

Осада замка Святого Ангела

«Уже весь мир был под оружием», — пишет Бенвенуто. Был в те времена великий кондотьер Джованни Медичи, по прозвищу Джованни делла Банде Неро (Черные Отряды), который служил и папе Льву X, и Милану, и Франции. Вот этих наемников и позвал папа Климент VII год назад, в 1526-м. Помощь черных отрядов тогда понадобилась, потому что в Рим явились наемники семейства Колонна. Они осадили Ватикан, понуждая папу заключить с Карлом V выгодный для испанцев мир. Нападение колоннцев было отбито, но сам Джованни делла Банде Неро в это время погиб в бою под Говерно. Папа распустил его отряды, и, как оказалось, зря.

6 мая 1527 года к Риму подошли испанские войска под предводительством коннетабля Карла Бурбона. Началась осада. Бенвенуто не собирался воевать, но, направляясь с друзьями на городские стены, аркебузу на всякий случай с собой захватил. «Мы пришли к стенам Санто-Кампо и здесь увидели это изумительное войско, которое уже прилагало все свои усилия, чтобы войти. В том месте стен, куда мы подошли, много молодежи было побито теми, что снаружи; дрались что было мочи; стоял такой густой туман, какой только можно себе представить». Вид боя так возбудил Бенвенуто — «те лезут, а эти бегут», что он не удержался, направил свою аркебузу в самую большую гущу неприятеля и выстрелил. Он метил в самого высокого молодца, нельзя даже было понять, на лошади он или пеший. Друзья его тоже взялись за оружие. Меж тем среди неприятеля поднялись необычайный шум и величайшее смятение. Оказывается, «высоким молодцом» был сам Бурбон. В том, что именно Бенвенуто убил Карла Бурбона, есть некоторые разночтения, стреляли все, но то, что он видел, как убили предводителя испанского войска, — это точно.

Гибель Бурбона привела к трагическим событиям. Она не только не остудила пыл армии, но привела ее к полной анархии. Защищать Рим было практически некому: около пяти тысяч ополченцев под командованием кондотьера Ренцо де Чери да швейцарская гвардия, личная охрана папы. Швейцарцев порубили прямо на ступенях дворца Сан-Петро. Из 189 гвардейцев чудом уцелело тридцать девять. Это был роковой день для ватиканской охраны. До сих пор гвардейцы принимают присягу именно 6 мая.

Город был взят, христианское войско расправилось с Римом с величайшей жестокостью. Защитники были казнены. Хроники пишут, что четыре тысячи горожан были изрублены алебардами,

шел поголовный грабеж. Грабили и частные дома, и церкви. Среди наемников были протестанты, которые с ожесточением выливали на католический Рим свою ненависть. Позднее писали, что Лютер не одобрил подобной жестокости.

Командовать испанцами стал принц Оранский. Вся ватиканская власть — кардиналы, епископы, охрана, а также олигархическая верхушка города антииспанского направления — укрылись в замке Святого Ангела. Папа тоже покинул свой дворец Сан-Пьеро, ушел в замок по тайному ходу пассетто. Бенвенуто числился папским музыкантом, поэтому он в числе прочих попал в замок и стал его защитником. Произошло это как бы само собой. Он поднялся на башню, где стояли сакры и фальконеты — артиллерийские орудия того времени. Глядя через зубцы стен, как враги разрушают город, как горят жилища, где прячутся жены и дети, пушкари впали в отчаяние и не могли стрелять. Бенвенуто в отчаяние не впал. Он схватил фитиль, навел правильно орудие и дал залп. Так он и стрелял без остановки весь день. «Некоторые кардиналы и синьоры благословляли меня».

Обороной руководил мессер Антонио Санта-Кроче. Этот вельможа лично поблагодарил Бенвенуто и распорядился, чтобы его, как самого меткого, разметили вместе с орудиями на самой высокой точке, у подножия скульптуры Ангела, венчающего замок. В помощь дали людей, провиант, хорошо заплатили и приказали «продолжать, как начал».

Осада замка продолжалась месяц, и все это время Бенвенуто был при пушках. Папа Климент попросил помощи у герцога Урбинского — Франческо Мария делла Ровере (1491–1538). Герцог был племянником папы Юлия II и командовал ранее папскими войсками. Позднее он перешел на службу в Венецию. Делла Ровере, блестящий воин, всегда был верен Ватикану. Обращаясь к герцогу, Климент VII фактически просил помощи у Венеции. С послом герцогу передали, что каждую ночь будут зажигать на башне замка три огня, а также трижды стрелять из пушек. Это должно означать, что замок не сдался. Зажигать огни и стрелять было поручено Бенвенуто. Папа знал об этом и проникся еще большим доверием к своему музыканту и ювелиру.

Не откажу себе в удовольствии пересказать забавный, а может, трагический случай, героем которого был Бенвенуто. Он находился, как обычно, наверху при орудиях, когда мессер Санта-Кроче приказал ему пройти на нижнюю площадку замка, чтобы обстрелять соседние, занятые испанцами дома. К Бенвенуто часто захаживал знаменитый кондотьер Орацио Бальони, человек добрейший и очень активный. На этот раз внимание Бальони привлекла к себе гостиница с вывеской в виде красного солнца,

намалеванного между окон. Окна были закрыты, но из гостиницы доносился великий шум.

— Бенвенуто, — сказал Бальони, — наверняка в этой гостинице засели важные испанцы. Если ты берешься попасть на локоть от этого солнца из твоей полупушки, ты сделаешь великое дело.

Бенвенуто пожал плечами. Рядом с жерлом полупушки стояла бочка, полная камней.

— Я попаду в это солнце, но боюсь, что «сила огня и этого ветра, который поднимает пушка», сбросит бочку вниз.

(От автора: я право не понимаю, какой силы должен быть этот ветер, чтобы столкнуть с места бочку с камнями. Может быть, Бенвенуто имел в виду отдачу орудия? Видимо, Бальони разделял мое мнение.)

— Не теряй времени, Бенвенуто, — сказал он. — Во-первых, не может быть, чтобы ветер от пушки свалил бочку, а во-вторых, даже если она упадет, а там кто-то стоит, хоть бы и папа, беда не так уж велика. Стреляй!

И Бенвенуто выстрелил. Бочка, как и было предсказано, упала вниз. Папы там не было, но были два важных господина, которые отчаянно ругались. Кардинал Фарнезе обвинял Якопо Сальвиати, что последний и есть та причина, по которой погиб Рим. Дело в том, что именно Сальвиати посоветовал папе отказаться от услуг черных отрядов Джованни делла Банде Неро. Бочка упала как раз между спорящими.

Снизу раздались отчаянные крики и ругань, кто-то выкрикнул: «Убить надо этих пушкарей!» Синьор Бальони стремительно кинулся вниз, а Бенвенуто развернул свою пушку дулом к двери и на всякий случай запалил факел. Послышался топот ног, это слуги кардинала Фарнезе шли чинить расправу.

— Если кто-то войдет сюда, я превращу его в порошок, — крикнул Бенвенуто. — Передайте своему хозяину, что я делал то, что мне было приказано. И сделано было в защиту духовенства, а не в обиду ему.

Слуги исчезли, но вслед за ними появился Бальони. Бенвенуто думал, что его сопровождают солдаты, и потому крикнул:

— Не входите, а то я вас всех убью. Я поставлен на службу защищать других, но уж себя-то я сумею защитить!

— Бенвенуто, я твой друг. Я пришел один. Успокойся. — А далее мудрый кондотьер сказал: — И попомни мои слова, придет время, что мы оба пожалеем, что ты не убил этих двух мошенников, потому что первый причина всех наших бед, а второй, быть может, станет причиной худшего. Пока не говори,

что я приказал тебе стрелять, а остальное я улажу.

Дело действительно утряслось, а что касается предсказания, то тут Бальони как в воду глядел. Мессер Якопо Сальвиати был тем самым гонфалоньером Флоренции, который лишил отца Бенвенуто работы и причинил ему много бед. А второй — Александр Фарнезе — стал со временем папой Павлом III (1534–1549) и засадил Бенвенуто в этот самый замок Святого Ангела уже в качестве арестанта.

Замок пал

Помощь от герцога Урбинского так и не пришла. Город лежал в развалинах. Жизнь оставшихся в живых была ужасна. Бенвенуто не заостряет на этом своего внимания. Сам он при деле, стреляет отлично, им довольны, семья, слава богу, находилась во Флоренции. Что ныть, если уже ничего нельзя поправить?

Папа Климент VII понимал, что осада не может длиться вечно, Ватикан был обречен, поэтому и случилось, что Бенвенуто принял участие в крайне секретном и необычном деле — спасении драгоценностей апостолической камеры.

Неожиданно папа вызвал к себе Бенвенуто. В комнате, кроме святейшего, был еще слуга Кавалерино, «человек рождения самого подлого», однако за безупречную службу и преданность папа сделал его очень богатым человеком и доверял ему безгранично. Надо представить себе удивление Бенвенуто, когда перед ним выставили тиары — тройные короны римских пап, украшенные крупными драгоценными камнями. Их надо было спасти от разграбления. Но как? Бенвенуто предстояло вынуть драгоценные камни, а тиары и прочие изделия переплавить в золото.

Трое заперлись в комнате, и ювелир приступил к работе. Бенвенуто вынимал камни и каждый завертывал в бумагу, а Кавалерино зашивал их в подкладку плащей — своего и папы. Тиары и прочие украшения весили около 200 фунтов. Это сколько же получается? Если аптекарских фунтов, то 60 килограммов, если английских, то все восемьдесят. Работать Бенвенуто должен был тайно. Он перенес все это богатство в свою комнатенку, размещенную на самой верхотуре — у Ангела, благо комнату можно было запереть.

«Соорудив себе здесь из кирпичей самодувную печурку и приладив к поду сказанной печки довольно большой зольник в виде блюдца, бросая туда золото сверху на уголья, оно понемногу падало на это блюдо». Бенвенуто не пишет, что он думал, уничтожая труд таких же, как он, ювелиров, наверное, ему и в голову не приходило, что такая же участь постигнет большинство его собственных работ. Жизнь в замке была суровая, уже кончалось продовольствие, что ждало впереди — может быть, смерть? Поэтому и желания, и мысли у него были соответствующие. «Пока печка работала, я постоянно бдил, чем бы мне повредить нашим врагам; а так как до окопов наших врагов было ближе, чем камнем бросить, то я причинял им вред в сказанных окопах некоим древним ломом, которого было

несколько куч, прежние замковые запасы. Взяв один сакр и один фальконет, у каковых были у обоих пообломаны жерла, я их набивал этим ломом; и когда я затем эти орудия запаливал, он летел вниз как сумасшедший, причиняя сказанным окопам много неожиданных бед».

Дело шло к развязке, то есть к заключению мира на выгодных для испанцев условиях. И в это самое время Бенвенуто, на беду себе, подстрелил «сказанным ломом» знатного, проезжающего внизу вельможу. Вельможе он попортил лицо, а конь упал замертво. Раненого тут же подхватили солдаты и с великим криком потащили в ближайшую гостиницу. Это был ни много ни мало принц Оранский.

Бенвенуто не знал, кого он ранил, но по суете во вражеском стане понял, что мужчина знатный. Он тут же сообщил об этом папе, папа в свою очередь вызвал мессера Санта-Кроче. Сверху было видно, что вокруг гостиницы собралось огромное количество народу. Санта-Кроче уже отдал приказ по условному сигналу — выстрелу из аркебузы — палить по этой гостинице из всех пушек. И тут появился кардинал Орсино. Он пришел в страшное негодование, только что ногами на папу не топал.

— Отмените приказ! Это безумие! Завтра или послезавтра будет заключен мир, уже идут переговоры. Но если мы убьем принца Оранского и его штаб, то испанцы, ворвавшись без предводителей, немедленно займут замок, а нас всех перережут!

Приказ был отменен, но не все это услышали. Не в натуре Бенвенуто было подчиняться несправедливым приказам, а также их отменам. «Узнав, что ко мне идут с приказом не стрелять, я запалил полупушку, которая у меня была, каковая попала в столб во дворе этого дома, где я видел множество людей. Этот выстрел причинил врагам столь великий вред, что они готовы были покинуть дом». Кардинал Орсино после этого приказал повесить Бенвенуто, но папа его отстоял. По счастью, принц Оранский остался жив, но смерть настигла его через три года (1530 год) при осаде Флоренции.

Кардинал был прав: перемирие было близким. 6 июня 1527 года Джованни Бартоломео ди Гаттинара от имени Карла V подписал соглашение о капитуляции папы Климента VII. Тогда же в июне пришла помочь, подошли верные Клименту войска, и папа мог вернуться в свои дворцовые апартаменты. Мир был заключен на очень тяжелых для Ватикана условиях. Во-первых, был заплачен фантастический по тем временам выкуп в 400 тысяч дукатов. Во-вторых, Папская область потеряла Парму, Модену и еще ряд городов. Кроме того, пока папа сидел в осаде, произошла перегруппировка сил во всей Италии. Историки пишут, что

разграбление Рима в 1527 году было переломным моментом в истории папства. Теперь Реформация церкви пошла полным ходом.

Горе и радость идут вместе

После перемирия Орацио Бальони уехал в Перуджу, и Бенвенуто, уже ощущая себя воином, с тремястами товарищами направился к нему. Бальони хотел назначить его начальником отряда, но Бенвенуто рвался домой. Надо было повидать отца и уладить старые дела — «выкупить изгнание», благо деньги на это были. Читатель помнит, при каких обстоятельствах Бенвенуто расстался с родным городом. Бальони одобрил это решение, тут же сообщил, что сам он назначен капитаном во Флоренцию и скоро примет пост, так что Бенвенуто будет служить под его началом, а пока он должен в родном городе подобрать отряд, которым и станет командовать.

Флоренция бедствовала. В то время как папа сидел в осаде, флорентийцы подняли восстание и выгнали опостылевших им Медичи. Была восстановлена республика, но порядок наводили с трудом. Кроме того, в город пришла чума. В семействе Челлини, по счастью, все были живы. Радость отца при появлении Бенвенуто была неописуема. Про разграбление Рима рассказывали такие ужасы, что он не чаял увидеть сына живым. А сын приехал на коне, со слугой, да еще и с деньгами. Во Флоренции жил брат Чеккино — военный человек — и две сестры. Старшая Никколоза, которую Бенвенуто звал Коза, не пожелала выходить замуж и приняла постриг в монастыре Сант-Ореоло. Вторая сестра Репарата вышла замуж за скульптора Бартоломео.

Дело с выкупом изгнания было улажено, теперь Бенвенуто мог считать себя полноправным гражданином. Он похвастался отцу, что синьор Бальони, вместе с которым они так славно держали осаду в Риме, поручил ему набрать во Флоренции отряд, чем он сейчас и займется.

— Ты будешь делать военную карьеру? — с испугом спросил отец.

— А почему нет? Мне это нравится.

Но старый Джованни был другого мнения. Он уже отдал младшего сына армии, а теперь старший, такой талантливый, такой великолепный музыкант и ювелир, пойдет по этой опасной тропе. Нет и еще раз нет! Он стал с горячностью убеждать Бенвенуто, что он должен остаться верен своему ремеслу. Он денно и нощно уговаривал его заняться делом, но во Флоренции практически не было ювелирной работы. Тогда старый Джованни сменил тему:

— Сын мой, во Флоренции чума. Ты все время где-то ходишь.

Я каждый день боюсь, что ты подцепишь заразу. Заказов нет. А не поехать ли тебе в Мантую? В молодости я прожил в этом городе несколько лет. Там хорошо. Я тебя прошу, я тебе приказываю — поезжай в Мантую!

Бенвенуто боялся чумы, но старался об этом не думать. Он уже избежал в Риме этой заразы, надеялся, что она минует его и на этот раз. Собирать отряд он тоже медлил. Война — грязное дело, а он соскучился по работе. В словах отца ему послышался призыв той самой музы странствий, которая всю жизнь не давала ему покоя. И он поехал в Мантую.

Понятно, почему отец любил этот город. Муратов в своей книге «Образы Италии» пишет про Мантую: «Ни один из городов Италии не пользовался так миром и благополучием на продолжении всего XV и XVI веков». Правда, кроме Мантуи, были еще два герцогства — Феррара и Урбино. Там тоже не было ни испанцев, ни французов.

Мантую красиво называли «озерный город», хотя скептики писали, что стоит она только на краю озер, но среди болот. В Мантуе Бенвенуто навестил своего друга Джулио Романо, «превосходнейшего живописца» и хорошего человека. Он жил вельможей, выполняя заказы герцога Федерико II Гонзаго (тогда еще маркиза, герцогом он стал в 1530 году). Джулио помог найти Бенвенуто хорошую работу.

Федерико II (он был ровесником Бенвенуто) заказал ему сделать ковчежец, в котором он собирался хранить частицу крови Христовой, принесенную легендарным Логином, римским центурионом, командовавшим казнью Христа. Бенвенуто тут же принялся за работу. Вначале сделал рисунок, потом принялся лепить модель из воска. Модель включала в себя скляницу и была украшена фигурой Христа. «Это был сидящий Христос, который левой рукой, поднятой кверху, придерживал большой свой крест, прислоняясь к нему, а правой как бы раскрывал у себя пальцами рану на груди». Из нашего времени даже описание смотрится жутковато, но Федерико II так понравилась работа, «что милости их величества были неописуемы», он предложил Бенвенуто службу и очень хорошие деньги. Брат герцога — кардинал Эрколе — тоже сделал заказ: изготовить архипастырскую печать. Над этой печатью Бенвенуто работал четыре месяца.

Вот, собственно, и весь рассказ Бенвенуто о Мантуе, и это удивительно, потому что с кардиналом Эрколе он познакомился еще в Риме во время недавней войны. Кроме того, он не мог не знать мать герцога Федерико и кардинала, удивительную женщину Изабеллу д'Эсте Гонзаго. Она тоже была в Риме в ужасное время разграбления города. Время оценивается людьми

издалека, возможно, Бенвенуто и в голову не приходило, что Изабелла д'Эсте станет со временем «первой дамой эпохи Возрождения». Сейчас ей было пятьдесят пять лет. Умная, образованная, жизнелюбивая, она была связана родством почти со всеми правителями Италии. Она рано вышла замуж, брак ее был неудачен. Муж воевал, попал в плен, в его отсутствие она правила в Мантуе. Чтение, арфа, шахматы, меценатство, астрология, география, активная переписка со всеми значительными людьми того времени (сам Леонардо был ее корреспондентом), а также воспитание любимых детей — вот круг ее интересов. Муж вернулся из плена, отношения совсем обострились. Изабелла уехала в Рим. Она вообще много путешествовала.

Федерико унаследовал престол в 1519 году после смерти отца. Изабелла д'Эсте (я забыла сказать, что это ее девичья фамилия, это по мужу она Гонзаго) вернулась в Мантую. Ее двор был одним из самых культурных в Европе. Она собрала дивную коллекцию картин: Мантенья, Перуджино, Коста, Корреджо, когда-то в Мантуе Ариосто писал свою поэму «Неистовый Роландо». В Мантуе умели ценить талантливых людей. Это Изабелла позвала Джулио Романо, «превосходнейшего живописца».

Судьба сулила Бенвенуто безбедную, может, даже роскошную жизнь, и вдруг разом все кончилось. Во время работы над медалью он заболел «перемежной лихорадкой». Понятно, климат плохой, влажно, что хорошего ждать от болот? От лихорадки, лишившей его «разумения», он принялся проклинать Мантую, и хозяев этого города, и всех, кто в этом городе живет. Что-то здесь Бенвенуто темнит. «Разумение теряют» при высокой температуре. Должен был на сцене появиться врач, все свои болезни Бенвенуто описывает подробно и красочно. А здесь он только сообщает, что обругал двор, наговорил лишнего и некий золотых дел мастер, работающий на герцога, все бенвенутовские бредни до герцога донес, получился скандал. Понятно, что «золотых дел мастер» хотел выдавить Бенвенуто из Мантуи и он сделал это простым и привычным способом. А может быть, тесно Бенвенуто было в маленькой Мантуе, может быть, скучно, вот и появилась «перемежная лихорадка». Сделанный там ковчег до наших дней не дошел, известны только его рисунок и бронзовая его копия, но без фигуры Христа.

Так же внезапно, как Бенвенуто уехал в Мантую, он ее и оставил. Домой поехал через Говерно. «Здесь меня постиг небольшой приступ лихорадки, каковая нисколько не помешала моему путешествию и, оставшись в сказанном месте, никогда уже

потом у меня не бывала». А дальше, можно сказать — через абзац, он описывает свою жизнь сплошным полотном — Бенвенуто деловым тоном сообщает, что вся его семья умерла от чумы. Вот краткое изложение текста: подъехал к своему дому, постучал, в окно выглянула незнакомая горбунья.

«— Скажи ты мне, горбунья непотребная, неужели в доме нет другого лица, кроме твоего?

— Нет, будь ты неладен.

— А твоего пусть не хватит и на два часа».

На крик вышла соседка и сообщила страшную весть. Бенвенуто очень любил отца, все время заботился о нем и о сестрах, посылал им деньги, писал письма. «Так как я об этом уже догадывался, то по этой причине скорбь была меньше». Когда Бенвенуто сочинял свое бытописание, прошло тридцать лет, горе притупилось, но мы не можем знать, что он чувствовал, надиктовывая эти строки.

И вдруг на улице он встречает брата, живого и здорового. Радость Бенвенуто описывает куда щедрее, чем скорбь. Ах, как они обрадовались друг другу, тут и «ласкание», и «превеликий смех»! И удивление. А потом Чеккино сказал:

— Идем, брат, я тебя отведу в такое место, какого ты бы никогда и не вообразил. Я выдал второй раз замуж нашу сестру Репарату. А она уверена, что ты умер.

Да, чума забрала четырех его близких: отца, монашку Козу, мужа и сына младшей сестры. К счастью, случился новый брак. Как тут не вспомнить Иова! Увидев брата, Репарата упала в обморок, «и если бы при этом не присутствовал мой брат, действие было такое, что ее муж сперва не думал, что я ее брат». То есть, видимо, драться полез. Но все разъяснилось. Репарату привели в чувство, она стала собирать ужин, «и на этой веселой свадьбе больше не говорили о мертвых, а велись только свадебные разговоры; и так мы с радостно и удовольствием поужинали».

Что это? Кажется, да пропадите вы со своей свадьбой, дайте оплакать мертвых! Но у Бенвенуто и горе на свой лад, он избранный для великой судьбы, и она, судьба, всегда пошлет ему утешение.

А вот слова разумнейшего Эразма из Роттердама: «… любая вещь имеет два лица, подобно Алкивиадовым селенам, и лица эти отнюдь не схожи с другими. Снаружи как будто смерть, а загляни внутрь — увидишь жизнь, и наоборот, под смертью скрывается жизнь, под красотой — безобразие, под изобилием — жалкая бедность, под позором — слава, под ученостью — невежество, под мощью — убожество, под благородством — низость, под весельем

— печаль, под преуспеванием — неудача, под пользой — вред; коротко говоря, сорви маску с селена, и увидишь как раз обратное тому, что рисовалось с первого взгляда». Алкивиад — древнеафинский царь, жизнь которого была полна взлетов и падений, книга Эразма называется «Похвала глупости». Вряд ли Бенвенуто читал эту книгу и, уж наверное, не знал о судьбе Алкивиада, но мудрость их была ему понятна.

Флоренция и Рим

Когда испанцы грабили Рим, а папа Климент VII сидел пленником в замке Святого Ангела, Флоренция, желая избавиться от власти Медичи, подняла восстание и восстановила республику. Первым гонфалоньером был выбран Николло Каппони. По просьбе брата и сестры Бенвенуто задержался во Флоренции. Верный его друг Пьеро Ланди посоветовал — не торопись в Рим, посмотри, как дальше дела будут складываться. Бенвенуто внял совету и не проиграл: заказы были, работа спорилась. Он работал на Новом рынке, «оправлял великое множество драгоценных камней и хорошо зарабатывал». Но были и интересные заказы. Именно тогда он делал для неаполитанского жениха «Атланта с миром на плечах» и получил одобрение Микеланджело.

А события в Италии разворачивались неблагоприятным для республики образом. Первое время после освобождения Клименту VII было не до Флоренции, самому бы быть живу, но потом все стало на свои места, и папа решил любым способом восстановить в родном городе династическую власть Медичи. На этом настаивал и император Карл V, а папа теперь полностью зависел от испанцев. Флоренция начала готовиться к обороне.

В 1529 году выбрали нового гонфалоньера, им стал купец Франческо Кардуччи, представитель среднего класса. По всем околоткам собирали народное ополчение, Бенвенуто тоже принимал в этом участие. На площадях и улицах слышались призывы, звучали патриотические речи. Говорили о республике, о верности старым традициям. Любили на эти темы поговорить и в мастерской Бенвенуто. Много приходило народу, заходили и люди из высшей знати. На этих сходках звучал призыв: «Шары не пройдут!»

Микеланджело в это время трудился в капелле Медичи Сан-Лоран, многие в городе смотрели на это косо, что не помешало республике обратиться к нему за помощью. В апреле 1529 года Коллегия десяти (военное министерство коммуны) назначила Микеланджело «верховным заведующим укрепления города». Под его руководством на холме, где стоит церковь Сан-Миниато, стали строить бастионы.

Историк Франческо Гвиччардини, он фактически руководил дипломатией Климента VII, писал в своих «Заметках»: «Флорентийцы держатся против неприятеля уже семь месяцев, в то время как никто не думал, что они способны продержаться семь дней». Оборона Флоренции в 1530 году — героическая страница в истории города. Семь месяцев осады — это значит

блокада, голод, конина стала на столе роскошью. Полноценный хлеб получали одни солдаты, население питалось ржаным хлебом с водой. Ловили кошек и крыс. Многие, особенно богатые флорентийцы, оставляли город, их объявляли преступниками, имущество их конфисковывалось. Ипполито и Алессандро Медичи давно оставили город. Вся ненависть к этому семейству обрушилась на голову девочки Екатерины Медичи. Чтобы объяснить, какие там разгорелись страсти, скажу только, что девятилетнюю Екатерину предлагали поставить между зубцами крепостной стены под пули. Другое предложение было еще более лютым — отдать ее в бордель, чтобы ненавистный Климент VII уже никогда не мог выдать ее замуж. Город сильно пострадал, у прекрасного Давида Микеланджело, который стоял на площади Синьории, снарядом оторвало руку.

Тем не менее друг Микеланджело делла Пала писал из Флоренции: «Говорю вам, я не только не чувствую никакого страха, но питаю твердую надежду на славную победу, а в последнее время душа моя полна великой радостью. Граждане преисполнены пренебрежения к денежным утратам и ко всякого рода жизненным удобствам, которые окружали их на виллах. Царит единение и удивительный пыл, пламенный порыв спасти свободу». Из письма Коллегии десяти своему послу в Париже: «Мы готовы взвалить на себя какое угодно бремя ради спасения свободы, сладость которой мы ощущаем тем больше, чем свирепее кипит война против нас».

Флоренция пала в августе 1530 года. Власть Медичи во Флоренции была восстановлена. Дальше казни, тюрьмы, изгнание, все как обычно. А что Бенвенуто? Выполнил он свой гражданский долг? С точки зрения любых борцов за свободу, нет. Но с точки зрения здравого смысла мне, например, поведение Бенвенуто кажется вполне оправданным. Возвышенные слова о свободе и сама свобода — это, как говорят в Одессе, «две большие разницы». При Сталине у нас была лучшая в мире конституция, слова о свободе пресса и радио выливали на нас сплошным потоком. Люди моего поколения стали скептиками. Революция — удел молодых и еще тех, кто самим своим рождением нацелен на ниспровержение старых порядков. Сейчас ученые говорят, что обнаружили особый ген, который отвечает за религиозность человека, это значит, что атеисты и верующие никогда не договорятся. Наверное, у человека есть ген (а может, мозг у этого человека так устроен), который вечно зовет к борьбе за свободу, а дальше «мы за ценой не постоим». Знать бы только, что это такое — свобода и от чего свобода.

Приведу высказывание Эмиля Жебара: «Итальянская коммуна

только казалась делом свободы и равенства. В ней община постоянно надзирала и стесняла отдельную личность, ибо все вольности республиканской ассоциации обеспечивались только отречением от всякой личной воли… Человек всегда включался в одну из тех групп, совокупность которых и составляла коммуну; вся его жизнь принадлежала какому-нибудь определенному классу, цеху, корпорации, приходу, кварталу. Консулы и советы не только отмеряли ему его долю политической свободы, но управляли каждым актом его частной жизни, предписывая, сколько именно фиговых и миндальных деревьев он может посадить на своем поле, сколько священников будут сопровождать его гроб и сколько свечей зажечь на его похоронах; они запретили ему входить в трактиры, определенные для иностранцев, делать подарки новобрачным, носить украшения и ткани высшей стоимости, чем установленная…»

Вернемся к нашим баранам. В самом начале войны Климент VII, уверенный, что город будет взят, вызвал всех работающих на него художников в Рим. Микеланджело тоже получил такое письмо, но он не поехал, а Бенвенуто поехал. Случилось это так. В самый разгар патриотических прений в мастерской у Бенвенуто ему вдруг принесли письмо из Рима от старого знакомца. Делла Барка писал, что он узнал-де со слов самого папы, как тот относится к Бенвенуто, то есть замечательно, и что если бы он, папа, узнал, где находится его ювелир, то немедленно призвал бы его к себе. Поэтому, писал делла Барка, бросай Флоренцию и приезжай в Рим. Гости стали расспрашивать хозяина, что за письмо он получил да от кого. Бенвенуто ушел от ответа, а в Рим написал: мол, забудьте мое имя, я не приеду и «никоим образом, ни ради хорошего, ни ради худого, никоим образом мне не писать».

Но делла Барка не успокоился и написал еще одно письмо, «которое настолько выходило из границ, что, если бы его увидели, мне пришлось бы плохо». Делла Барка, теперь уже от имени папы, велел ехать немедленно, потому что в Риме Бенвенуто ждали дела необычайной важности, а потому он должен был все бросить и ехать, а «не оставаться действовать против папы заодно с этими сумасшедшими бешеными».

Вот здесь Бенвенуто задумался. Нельзя сказать, чтобы с него разом сдуло весь патриотический пыл, но он понял, что папа прав. Его ли дело судить, кто лучше, а кто хуже правит Флоренцией, тем более что за всю его жизнь родным городом правили плохо. А папа искренне его любил и желал ему добра. Да и узнал он уже, что такое война — не сладкое занятие.

Прибыв в Рим, Бенвенуто стал налаживать старые связи.

Бежать сразу к Клименту ему мешала тяготившая его тайна, о ней речь впереди. Словом, Бенвенуто решил положиться на случай. И случай вскоре представился. С делла Баркой он нос к носу столкнулся на улице, вслед за этим тут же последовало свидание с папой.

Папа принял Бенвенуто в кровати, он был болен. Рядом с ним были двое — Якопо Сальвиати и архиепископ Капуанский. Папа очень обрадовался Бенвенуто, и тот, «облобызав его ноги со всем смирением, с каким только мог, подошел к нему, показывая, что хочу сказать нечто важное». Папа отослал своих посетителей в глубь комнаты и велел своему ювелиру говорить. Речь Бенвенуто была возвышенна и витиевата. Смысл ее таков — за все время после осады замка он не мог ни исповедаться, ни причаститься, поэтому ему не дают отпущения. После тайной плавки золота в замке Ангела он должен был получить награду, но Кавалерино не только не дал ему никаких денег, но еще грубо обругал. Поэтому, вернувшись к себе в каморку и найдя в золе крупицы золота «величиной с просо», где-то около полутора фунтов, Бенвенуто взял их себе в зачет награды, с желанием «возвратить их потом, когда мне представится удобство». Теперь он хочет исповедаться и причаститься.

Так оно и было. Когда в замке после плавки Бенвенуто принес папе золото, тот очень его благодарил и велел Кавалерино заплатить за работу 25 скудо, прося при этом прощения, что сумма мала. Вспомните, сколько денег Клименту VII пришлось заплатить в качестве контрибуции. А плут Кавалерино и этих денег не заплатил. Вот Бенвенуто и оставил себе это золото «в виде проса».

«Тогда папа, со смиренным вздохом, видимо, вспоминая свои горести, сказал такие слова» (ай да Бенвенуто — папа! ему! со смиренным вздохом! Но что делать — таков наш герой):

— Бенвенуто, я именно тот, «который может отпустить тебе всякое прегрешение, тобой сделанное». Выскажись откровенно, сколько ты взял? Даже если бы ты взял целиком стоимость одной тиары, «я вполне расположен тебя простить».

— Другого я не брал, всеблаженный отче, как только то, что сказал. Еще я получил деньги в Перудже, и с ними поехал к моему старому отцу.

— Твой отец был добродетельный и честный человек, и ты у него не выродок. Жаль, что денег было мало, но те, что ты взял, я тебе прощаю. Скажи об этом своему духовнику. И потом, исповедавшись и причастившись, приходи опять. И благо тебе будет.

Папа уже отпускал грехи Бенвенуто во время осады замка

Святого Ангела. Это случилось после небывалого события. Папа увидел со стен замка знакомого испанца полковника, который когда-то у него служил, и вступил с ним в разговор, наверное, кричали оба во весь голос. Бенвенуто был, как всегда, наверху, у фигуры Ангела, оттуда он и увидел испанца во всем розовом, который распоряжался рытьем окопов и что-то кричал. То ли Бенвенуто розовый цвет не понравился, ишь — вырядился, то ли непонятны были крики, но он взял свой кречет (орудие больше и длиннее сакра), зарядил его, навел на этого человека и… Он не рассчитывал попасть, слишком далеко было, но попал. Щеголеватый испанец нацепил шпагу спереди, видно из щегольства, ядро попало точно в эту шпагу, и несчастного полковника «разрезало пополам». Вдоль или поперек, Бенвенуто не пишет, но примечательна реакция наихристианнейшего владыки: «Папа, который ничего того не ожидал, пришел в величайшее удовольствие и изумление». Он послал узнать, кто совершил этот фантастический выстрел. Привели Бенвенуто. Тот сразу преклонил колени и попросил отпущение грехов и за это убийство, и за все прочие, ранее совершенные. Папа не поскупился, он благословил нашего героя и заодно простил и будущие убийства, которые он совершит на апостольской службе. После этого случая Климент VII проникся к Бенвенуто полным доверием.

Дело о переплавке папских сокровищ получило продолжение, и не зря Бенвенуто этого боялся. Суждения по поводу переплавки золота самые разные. Украл или не украл, а если украл, то сколько? Действительно ли взял принадлежащее ему по праву в счет заработка или думал, что под шумок, кто там станет проверять, присвоил куда большую сумму? Я думаю, что в этом деле совесть Бенвенуто все-таки была неспокойна. Может, именно поэтому он уехал из осажденной Флоренции? Ясно ведь, что папские войска одержат верх. А если бы Бенвенуто попал в плен, то он уже не смог бы сознаться в своих грехах, и папа, в свою очередь, не был бы столь великодушен.

На службе у папы

По прибытии в Рим Бенвенуто был отлично встречен друзьями. Долго искать заказов не пришлось. Его тут же позвал в свою мастерскую «некий старичок, золотых дел мастер» Раффаэлло Моро. «Старичок» был весьма почитаемым флорентийским ювелиром, позднее Бенвенуто часто упоминает его в своих «Трактатах о ювелирном искусстве». Но главным заказчиком стал понтифик Климент VII. Исповедавшись и причастившись, то есть сделав все то, что было велено, Бенвенуто явился к папе. Тот его встретил такими словами:

— Если бы ты поторопился приехать в Рим раньше, я бы дал тебе восстановить те две мои тиары, которые мы погубили. Но это вещи малостоящие. Тиары делают другие мастера. А для тебя у меня есть особый заказ.

Папа хотел, чтобы Бенвенуто сделал ему застежку для ризы: круглую, в виде блюдца, величиной в треть локтя. Локоть — пятьдесят восемь сантиметров. Следовательно, диаметр застежки около двадцати сантиметров. На этом «блюдце» должен быть изображен Бог-отец, да так, чтобы посередине сиял большой, красивой огранки алмаз и прочие драгоценные камни.

— И поторопись, — добавил папа, — я хочу успеть полюбоваться твоей работой.

Папа знал, что говорил. Ему было пятьдесят два года, и это был уже больной старик. К смерти он совсем ослеп, а жить ему оставалось четыре года. Все в один голос ругают папу Климента VII, он слабый человек, плохой правитель, интриган, он совершенно безволен и допустил разграбление Рима, после чего католическая власть навсегда потеряла былую силу. Это все равно что обвинять в Смутных временах на Руси последнего Рюриковича на троне — царя Федора или Бориса Годунова. Автор нашей Смуты — Иван Грозный. Это он закрутил гайки до упора, измучил страну, поколебал древние устои и убил наследника. Вот Смута и полыхнула. А то, что в Италии возникла Реформация и от католического Рима отпала Германия и прочий протестантский мир, виноваты предшественники Климента VII на папском престоле. Они точно знали, что им надо — деньги и власть. Воевали, развратничали, вели «гибкую» политику, способствующую не объединению Италии, а ее разобщению. Когда при Клименте VII осадили Рим, он звал итальянские города на помощь. Но Венеции не надо было спасать Рим, она не хотела сильного, объединенного государства. Венеция хотела быть сама себе хозяйкой, а не рядовым, пусть и богатым городом

объединенной Италии.

Мне лично папа Климент VII симпатичен. Красивое, тонкое, нервное лицо, он изображен Тицианом на групповом портрете вместе с двоюродным братом — папой Львом X. Воевать папа Климент не умел и не любил, это бывает. Да, он распустил отряды Джованни делла Банде Неро, но ведь после победы над колоннцами эти ландскнехты стали грабить мирное население. Бенвенуто пишет про эти отряды, что «они выделывали в Риме такие дела, что нельзя было оставить открытых мастерских».

Климент VII покровительствовал искусствам. Еще в бытность свою кардиналом он заказал Никколло Макиавелли написать «Историю Флоренции». Это был тот период, когда от писателя и мыслителя все отвернулись. Макиавелли с честью справился со своей задачей, он сам привез в Рим первые восемь книг. К сожалению, он не успел окончить свой труд — умер в июне 1527 года, когда Рим уже был взят. По заказу Климента Микеланджело создал во Флоренции капеллу — мавзолей для умерших членов семьи Медичи — «с четырьмя свободно стоящими памятниками». И даже то, что Климент VII призвал испанцев в 1530 году для восстановления власти Медичи во Флоренции, можно понять. Он всю жизнь помнил лютую смерть отца и, конечно, не мог ее простить родному городу. Дживелегов ненавидит папу Климента VII, называя его «старым развратником». Он имеет в виду, конечно, его побочного сына, незадачливого герцога Алессандро. Но бастардов вокруг папского двора пруд пруди, Климент VII сам был «побочным сыном», но это не его вина. Думаю, мои рассуждения покажутся историку и искусствоведу не только спорными, но и наивными, но что делать, если папа Климент VII для меня реальный, живой человек, а не «представитель феодального, загнивающего», как пишут, XVI века.

Вернемся в ватиканский дворец. Получив заказ от папы, Бенвенуто «вылетел от него стрелой» и тут же принялся за работу. Но зависть, господа, и дрязги — вечные ее спутники! Папские тиары делал некий Микелетто, человек старый, опытный и отличный мастер. Прослышав о заказе, сделанном Бенвенуто, он тут же явился к нему в мастерскую.

— Их святейшество велел мне наблюдать за всем, что для него делается.

— Сперва я узнаю об этом у самого их святейшества, а потом буду знать, что ответить.

Неучтивый ответ? Конечно, но, если дело касалось работы, Бенвенуто забывал об учтивости.

— Ты еще об этом пожалеешь.

Микелетто ушел, размышляя, как поставить выскочку на место. И придумал. Он не стал действовать в одиночку, а посоветовался с цеховыми мастерами. Вместе измыслили план: заказать лучшим в городе художникам сделать тридцать различных рисунков будущей застежки для ризы. Обычно ювелиры не делали рисунки сами, это только Бенвенуто практиковал, и Микелетто был уверен, что уж один-то из тридцати рисунков будет наверняка лучше, чем предложенный Бенвенуто.

Здесь на сцене появляется новое лицо — ювелир Помпео, запомните это имя. Помпео был любимцем папы и родственником первого папского камерария Трояно. А поскольку Микелетто тоже «имел в своем распоряжении папское ухо», то эти двое, Помпео и Микелетто, стали в это ухо дуть: мол, видели мы модельку Бенвенуто, так себе, ничего интересного, а потому кажется им, что Бенвенуто «неподходящее орудие для столь удивительного предприятия».

Когда Бенвенуто принес показать свою модель во дворец, то у покоев папы уже толпились тридцать рисовальщиков со своими эскизами. Папа начал с осмотра рисунков. «А так как рисовальщики не ювелирного цеха не знают расположение камней, а те, что были ювелирами, их этому не научили, — потому что ювелиру необходимо, когда среди его камней располагаются фигуры, чтобы он умел рисовать, иначе у него ничего хорошего не выйдет, — то все эти рисунки укрепили этот чудесный алмаз посреди груди у этого Бога-отца». Папе эта идея не понравилась.

— Бенвенуто, покажи-ка твою модель, чтобы я увидел, не сделал ли ты той же ошибки, что и эти художники.

Бенвенуто раскрыл круглую коробочку, и «словно блеск ударил папе в глаза».

— Если бы ты сидел у меня в теле, — сказал папа Бенвенуто, — ты бы сделал это как раз так, как я вижу.

Художники и папская знать толпились вокруг, а папа объяснил им разницу между работой Бенвенуто и рисунками художников. Главным в работе было сочетание Бога-отца и алмаза. Художники укрепили алмаз посередине груди у Творца, а Бенвенуто пошел по другому пути. Вот как он описывает свою работу: «Этот алмаз я поместил по самой середине вещи, а над этим алмазом я расположил сидящего Бога-Отца, в красивом повороте, что давало прекрасное сочетание и нисколько не мешало камню; подняв правую руку, он давал благословение. Под этим алмазом я поместил трех младенцев, которые поднятыми кверху руками поддерживали сказанный алмаз. Один из этих

младенцев был в полный рельеф; остальные двое в половинный, кругом было большое количество разных младенцев, в сочетании с остальными красивыми камнями. Сзади у Бога-Отца была мантия, которая развевалась, из каковой появлялось множество младенцев, со многими другими прекрасными украшениями, каковые являли чудесное зрелище. Вещь была сделана из белого гипса по черному камню».

Прекрасная была работа, судя по описанию, младенцев многовато, целый роддом. Кто они — ангелы или души, еще не рожденные? Впоследствии об этой работе отзывались как о подлинном шедевре. Микелетто и Помпео стояли рядом, «испуганные и неуклюжие». В заключение папа сказал:

— Я здесь вижу только одну беду, но она важна. С воском, мой Бенвенуто, работать легко, вся штука в том, чтоб сделать ее из золота.

— Всеблаженный отче, — вскричал Бенвенуто, — если я не сделаю в десять раз лучше, чем эта моя модель, то пусть будет условлено, вы мне за нее не платите!

Дерзко, конечно, но в этом весь Бенвенуто. Кто это будет мерить, в десять раз конечная работа лучше модели или, скажем, в пять. Бахвальство смешной, но безобидный порок, тем более когда знаешь, что при любом раскладе тебе будет заплачено сполна. Среди гостей папы был некий «превеликий философ», который поддержал Бенвенуто:

— От этой красивой физиономии и симметрии тела, которые я вижу у этого юноши, я жду всего того, что он говорил, и даже большего.

— Вот потому я ему и верю, — согласился папа.

Вот, наконец, Бенвенуто и написал, что он красавец, видимо, так оно и было. Почти тридцать лет, это далеко не юноша, тем более в XVI веке. Но Бенвенуто так себя воспринимал — вечно юным. Папа послал камерария за деньгами, и нашему красавцу тут же выдали 500 золотых дукатов. Сюда входили и деньги на материал, но даже с учетом этого оплата была щедрой. Обычно сильные мира сего экономили на каждой копейке, говоря языком Рима, на каждом квартино.

Через малое время папа поручил Бенвенуто еще более ответственную работу, а именно — делать чеканы для монет римского двора. Каждый папа хотел выпустить собственные деньги, Климент VII не был исключением. Бенвенуто никогда не занимался чеканом, но, не раздумывая, принял заказ. Кардинал Томмазо Кортезе, юрист и датарий папы, случившийся рядом, высказал сомнение: мол, этот молодой человек «нарочито смел» и «готов пообещать хоть новый мир» (весь земной шар по-нашему),

но по силе ли ему будет сделать одновременно и застежку для ризы и чеканы?

«Папа гневно обернулся к нему и сказал, чтобы он занимался своим делом, а на меня возложил, чтоб я сделал модель большого золотого дублона, на каковом он хотел, чтобы был обнаженный Христос со связанными руками, с надписью, которая бы гласила: «Esse Homo»; и оборот, где были бы папа и император, которые бы совместно утверждали крест, каковой являл бы, что падает, с надписью: «Unus spiritus et una fides erat In eis»»[1].

Здесь первый раз на сцене появляется скульптор Банделло (напоминаю — сын первого учителя Бенвенуто в ювелирном деле), извечный враг Бенвенуто. Когда папа объяснял тему, скульптор вдруг вмешался в разговор:

— Этим ювелирам для таких красивых вещей надо давать рисунки.

Баччо Банделло (1488–1560) пользовался вполне заслуженной славой и имел право давать советы. Он был обласкан семейством Медичи и поступил на службу к папе Льву X еще в 1515 году. Он занимался антиками и был знатоком в этом искусстве, недаром ему доверили реставрацию известной мраморной группы под названием Лаокоон, найденной в 1505 году в винограднике. Банделло не только ваятель, но и художник, он был своим человеком при папском дворе. Император Карл V в 1530 году сделал его рыцарем ордена Святого Яго. И кто для него был Бенвенуто Челлини? Выскочка, ремесленник, хвастун и вообще человек ненадежный. Конечно, Бенвенуто ему завидовал, хоть и никогда в этом не сознавался. И здесь этот Баччо, «со своим обычным самомнением, облаченным в невежество», дает ему указания. Конечно, Бенвенуто ответил подобающе:

— Я не нуждаюсь в ваших советах, но, надеюсь, в скором времени моими рисунками вашему искусству и досажу.

Папа только улыбнулся.

— Ступай, мой Бенвенуто, — сказал он, — и старайся усердно служить мне и не обращай внимания на слова этих сумасбродов.

«Сумасбродов» Бенвенуто, конечно, сочинил, но очень ему хотелось хотя бы в рукописи поставить ненавистного Банделло на место. Он сделал два чекана для золотого дублона. Затем сделал чекан для монеты ценой в два карлино. На одной стороне голова папы, на другой «Христос на море, каковой протягивает руку св. Петру» с надписью вокруг.

Папа остался очень доволен его работой. Это дало Бенвенуто возможность испросить для себя должность чеканного мастера монетного двора. А это твердый заработок и шесть золотых скудо

жалованья каждый месяц. Бенвенуто пишет об этом ликуя.

С кем бы Бенвенуто ни состязался в ювелирных или в скульптурных работах, в споре или в драке, он всегда в выигрыше, а соперник посрамлен и унижен, так пишет он в своей «Жизни…». Хочу защитить моего героя от откровенной насмешки. «Тем отличен от дурня мудрец, — пишет Эразм Роттердамский, — что руководствуется разумом, а не чувствами». Нет, Бенвенуто не дурень и не обычный хвастун — он простодушен и наивен. «Одни дураки бывают вполне искренни и правдивы», — пишет тот же Эразм. Все верно, но грань между наивностью и дуростью очень размыта. А вообще-то хвастовство было в большой моде в XVI веке, как, впрочем, и сейчас, в славном XXI.

Смерть брата

Ни об одной смерти Бенвенуто не писал с такой горечью и скорбью. Когда чума забрала четырех членов семьи, он смирился, тогда стоны стояли во всех домах, это была словно и не болезнь, а бич Божий. А здесь — случай, глупость, нелепица, и любимого брата Джованни Франческо по прозвищу Чеккино дель Пифферо, отважного воина, уже нет, он ушел в никуда.

Чеккино в свое время учился военному ремеслу в школе Джованни делла Банде Неро, а теперь находился в Риме на службе у герцога Алессандро Пеннского. Брат был на хорошем счету и почитался храбрейшим, вместе с ним служило много выпускников той же школы. В роковой день Чеккино находился в мастерской у некоего Баччино дель Кроче, просто сидел после обеда на стуле и спал.

Случилось, что мимо мастерской отряд барджелло — начальника городской стражи — вел в тюрьму капитана по имени Чисти. За что был арестован этот Чисти, история умалчивает. На улице было полно солдат, которые служили вместе с братом Бенвенуто. Увидев приятелей, а среди них кондотьера дельи Строцци, арестованный крикнул ему:

— Я вам нес несколько скудо, которые занял у вас. Если хотите получить их, подойдите, пока я не унес их в тюрьму.

Может быть, никаких этих скудо и в помине не было, просто капитан надеялся на помощь товарищей, может быть, в этих словах Строцци уловил насмешку, но он не захотел сам идти за деньгами. Бенвенуто пишет, что этот Строцци, по прозвищу Каттиванца, «охоч выставлять вперед других вместо себя». Получать чужой долг пошли четверо — «некие храбрейшие молодые люди», безбородые, горячие и озорные. Среди них был и любимый ученик и воспитанник Чеккино — Бертино. Кондотьер Строцци сказал молодежи: мол, подойдите к арестованному, возьмите деньги, а если стража окажет сопротивление, можете постоять за себя, если хватит духу — разрешаю.

Стражников было человек пятьдесят, все отлично вооружены. Конечно, они попытались воспрепятствовать общению с арестованным капитаном. Крики, ругать, молодежь взялась за оружие. Они были настоящие воины, отчаянно храбрые, вмешайся Строцци, хоть и без оружия, стража обратилась бы в бегство. Но Каттиванца не торопился, в результате один из молодых был ранен в руку, он не мог держать шпагу и отступил, а Бертино, весь исколотый кинжалами, «был поднят с земли, люто раненный».

Бенвенуто сидел в той же мастерской. Брат уже ушел. Заслышав шум драки, сын хозяина Джованни побежал посмотреть, в чем дело. Бенвенуто пытался его остановить:

— Сделай милость, не ходи! В подобного рода делах мы всегда находим верную гибель и без всякой выгоды!

Но юноша не послушался. Фразу эту Бенвенуто, безусловно, сочинил для усиления драматического эффекта. Не было такой драки, в которую бы он в молодости ни ввязывался, и в эту бы ввязался, будь он рядом. Джованни быстро домчался до места сражения, увидел, как Бертино поднимают с земли, и с криком побежал обратно. На беду, ему повстречался Чеккино, ему он и сообщил о смерти его любимого ученика. «Бедный мой брат испустил такой рев, что за десять миль было слышно», — пишет Бенвенуто.

— Ты видел, кто его убил?

— Да, — ответил Джованни, — это тот, у кого был двуручный меч и голубое перо на шляпе.

Чеккино быстро распознал убийцу и, «бросившись с этой удивительной быстротой и отвагой в середину всей этой стражи», всадил обладателю голубого пера в живот шпагу и пронзил его насквозь. После этого Чеккино «обернулся ко всем с такой яростью и отвагой, что всех бы он обратил в бегство», но аркебузир остановил его выстрелом. Чеккино был ранен в ногу выше колена.

Шум на улице стал еще яростнее. Здесь уже и Бенвенуто не выдержал. Вначале он не узнал брата, не захотел узнать, но Чеккино обратился первый:

— Дорогой брат, пусть тебя не расстраивает моя великая беда, потому что мое ремесло мне это сулило. Вели поскорее унести меня отсюда. Мне немного осталось жить.

Бенвенуто ответствовал:

«— Брат, это величайшая скорбь и величайшее огорчение, которое только может меня постигнуть во все время моей жизни. Но будь покоен, потому что раньше, чем потеряешь зрение, ты увидишь месть за себя твоему злодею, совершенную моими руками».

К этому высокому диалогу Бенвенуто добавляет: «Его слова и мои были такого содержания, но очень кратки».

Бедный Чеккино «потерял зрение» очень скоро, жить ему оставалось всего сутки. Видимо, выстрел повредил аорту, и молодой человек скончался от потери крови. Был собран целый консилиум врачей. Бенвенуто сокрушался, что врачи не решились отнять ему ногу совсем, «он, может быть, был бы спасен». Навестить раненого явился сам герцог Алессандро. Чеккино был

еще в сознании, речи его были возвышенны: «Об одном скорблю, что ваша светлость теряет слугу, который может быть и не самый искусный, но зато самый верный».

«…изобилие крови, которая не могла остановиться, была причиной тому, что он лишился разумения». Его причастили. Всю ночь Чеккино бредил, а потом впал в совершенное беспамятство. «И, выпростав ту и другую ногу, каковую мы ему положили в очень тяжелый ящик, он ее занес, как бы садясь на коня, повернувшись ко мне лицом, он сказал трижды: «Прощай, прощай» и последнее слово ушло с этой храбрейшей душой». Тут невольно вспоминается театр, «Прощай, прощай, и помни обо мне!», но Гамлет будет написан только через семьдесят лет. И весь этот романтизм, вся театральная напыщенность исчезают при упоминания об этом «очень тяжелом ящике», куда упрятали раненую ногу. Так они лечили в их прекрасном XVI веке. Бедный юноша, бедный Чеккино!

Его похоронили в церкви Сан-Джованни дей Фьорентини. Это случилось в мае 1529 года, то есть Флоренция еще не была взята испанскими войсками. Чеккино было двадцать семь лет. Могильная плита была мраморной, Бенвенуто позаботился, чтобы она выглядела самым лучшим образом. «Некоторые удивительные писатели», которые знали брата, сочинили подобающий текст для плиты, но не указали в нем полное имя, а только прозвище — Чеккино дель Пифферо, так его знали сослуживцы. Бенвенуто велел исправить ошибку. Он приказал вырезать имя брата — Джованни Франческо Челлини — «прекрасными древними буквами, каковые я велел сделать сломанными», поскольку «этот чудесный снаряд его тела поломан и мертв». Только первые и последние буквы имени были целыми. Первая буква символизировала нетленную душу, последняя — великие военные доблести Чеккино.

На этом Бенвенуто не остановился. На мраморной могильной плите он изобразил герб якобы родственников — знатных равеннских однофамильцев. При этом он его несколько видоизменил. Золотой лев на лазоревом фоне у «тех Челлини» держал в правой лапе лилию. В новом варианте геральдический лев держал в руке топор. Страшное оружие должно было напоминать Бенвенуто о мести.

Месть

Бенвенуто уже выведал, кто был убийцей брата, даже узнал, где проклятый аркебузир живет. Особенно злило, что этот мерзавец похвалялся содеянным. Он говорил всем и каждому: «Не убей я этого Чеккино, он бы заставил нас всех бежать. Какой урон для городских стражников!» И все-таки Бенвенуто медлил привести в исполнение свой план. Одно дело, когда в драке или в честном бою нанесешь человеку вред, тогда ты весь во власти стихий, и совсем другое — обдуманное, хоть и справедливое убийство.

Да и работа не ждала. Папа торопил с заказом, то и дело он посылал в мастерскую людей справиться, как идет дело. Но у Бенвенуто все валилось из рук. Наблюдая за своим противником издали, он весь извелся, тоска его сжигала, и «уже не заботясь о том, что делаю такое низкое и не очень похвальное дело, однажды вечером решил захотеть выйти из такой муки».

Аркебузир жил около дома известной куртизанки Антеи. Пишу о ней потому, что нам в наследство остался ее чудесный портрет кисти Пармиджанино. Портрет этот я не видела въяве, он находится в Неаполе в музее, но по Интернету его легко можно найти. В эпоху Возрождения кто только не рисовал куртизанок — рыжеволосые венецианские красавицы с пышными формами. А эта, «самая излюбленная в Риме», как пишет о ней Бенвенуто, совсем не похожа на прочих — стройная, большеглазая девочка с умным личиком, скромной прической, в огромных, словно не по размеру, одеждах.

Итак, аркебузир жил около дома Антеи. Пробило полночь. Сцена убийства описана у Челлини люто, ярко. Ничего не подозревающий аркебузир сидел на пороге своего дома со шпагой в руке. «Я с великой ловкостью подошел к нему с большим пистольским кинжалом, и когда я ударил наотмашь, думая начисто перерубить ему шею, он точно так же очень быстро обернулся, и удар пришелся в конец левого плеча и расколол всю кость; вскочив, выронив шпагу, вне себя от великой боли, он бросился бежать; я же, следуя за ним, в четыре шага его настиг, и, подняв кинжал над его головой, а он сильно нагнул ее, кинжал пришелся как раз между шейной костью и затылком, и в то и в другое так глубоко вошел, что я, как ни старался его вытащить, не мог». Не только не мог, но и не успел, потому что из дома Антеи вышло четверо солдат, гости или стража, и Бенвенуто, из страха быть узнанным, оставил место убийства.

Он побежал в дом герцога Алессандро. Рассказ Бенвенуто был

краток. Герцог принял весть об убийстве как должную, велел держать язык за зубами и вернуться в мастерскую к своим делам, что Бенвенуто и сделал.

Но в руках у солдат осталась улика — кинжал. Они с большим трудом вытащили его из шеи трупа. Быстро узнали и имя убитого, и имя убийцы. Бандини, он находился на службе у герцога, вовсе не пытался что-либо скрывать.

— Это мой кинжал, — сказал он стражникам, — я ссудил его Бенвенуто, который хотел отомстить за своего брата.

А Бенвенуто укрылся за дверью мастерской, работал днем и ночью, на улицу старался не выходить. Он уже знал, что папе все известно. Прошло малое время, неделя или около того, как Бенвенуто был призван во дворец. Папа встретил его холодно, отчужденно, взглянул «эдаким свиным глазом» и уже этим взглядом «учинил жуткую острастку», а потом стал смотреть вещи, которые были у Бенвенуто в работе. Наверное, эти вещи были действительно прекрасны, потому что папа «посветлел лицом», стал хвалить своего ювелира и, наконец, сказал:

— Теперь ты выздоровел, мой Бенвенуто, живи дальше.

Может, и не говорил папа Климент VII этой участливой фразы, не важно, а важно то, что он простил Бенвенуто и это убийство, и другое, которое вскоре последовало, но об этом речь впереди. Удивляет легкость этого прощения. Надо полагать, папа признал, что Бенвенуто совершил справедливое убийство, атавизм Средневековья — кровная месть. Если бы дело попало в суд, Бенвенуто был бы сурово наказан, но папа был всесилен, в его руках был и суд человеческий, и суд Божий.

А вот и заключительный, оптимистический аккорд. Бенвенуто отлично понял своего благодетеля, открыл прекрасную мастерскую в Банки (рядом с местом убийства брата) и принялся за окончание заказанной папой застежки для ризы.

Но судьба готовила ему новые беды, не столь трагические, но неприятные, унизительные и нервные. Бенвенуто уже приобрел при папском дворце репутацию человека своевольного, непредсказуемого и опасного. А тут в Риме вдруг появились фальшивые деньги, выбитые по собственным чеканам Бенвенуто. Начальник монетного двора не знал, что и думать, и, конечно, подозревал автора чеканов, о чем и сообщил папе.

— Не верю, — сказал Климент VII, — Бенвенуто честный человек.

— Дай бог, всеблаженный отче, чтобы вышло так, как вы говорите, потому что у нас имеются кое-какие улики.

При встрече с Бенвенуто папа прямо спросил его:

— Взялся бы ты делать фальшивые деньги?

Конечно, нет, ответил наш герой. Зачем ему заниматься этим гнусным делом, если он в своей мастерской зарабатывает больше, чем эти бездельники-фальшивомонетчики. Папа удовлетворился этим ответом, но губернатор Рима запретил Бенвенуто уезжать из города и установил за ним слежку. Вскоре подлинные фальшивомонетчики были пойманы. Ими оказались чеканщик монетного двора Макерони, гражданин Рима, и гуртильщик, тот, кто отделывал ребра денег.

Подозрения с Бенвенуто были сняты. Папа по-прежнему доверял своему ювелиру. Он еще раньше отдал ему все камни для пряжки, только алмаз не отдал, потому что по бедности заложил его на время генуэзским банкирам. Бенвенуто сделал слепок с алмаза и успешно работал над застежкой.

И тут вдруг ночью в его мастерской случилась кража. Пес лаял всю ночь, но Бенвенуто спал как убитый. Сам он охотно объясняет причину своего ночного беспамятства. У Бенвенуто работала служанка, весьма изящная и красивая. «Я этой самой пользовался, чтобы ее изобразить, для целей моего искусства». А ночью, не пропадать же добру, «она ублажала также и мою молодость плотской утехой». После этих утех сон становится «весьма тяжел и глубок». Что тут распространяться — проспал!

Утром работники мастерской подняли шум — все ларчики сломаны, серебряные и золотые вещи пропали. Бенвенуто пришел в ужас. Не столько украденного добра ему было жалко, сколько боялся он навета недоброжелателей. Он так и слышал, как шепчут они в ухо папе: не верьте Бенвенуто, он сам украл ваши драгоценные камни, а вора придумал, чтобы оправдаться. Вещь папы и все его камни хранились обычно в сундуке. Вечером было жарко, работники разделись до рубашек, а снятую одежду оставили ворохом на сундуке. Это и спасло его содержимое от воров. Видно, в те времена Рим был «большой деревней», потому что слух об ограблении Бенвенуто тотчас же разнесся по всему городу и достиг папского дворца. Начались ахи и охи:

«— Как вы доверяете, всеблаженный отче, такие ценные камни молодому человеку, который весь огонь и погружен не столько в искусство, сколько в оружие и которому еще нет тридцати лет?»

Когда Бенвенуто предстал перед папой, тот принял его сурово.

— Зачем явился? Что тут у тебя? — Он указал на сверток в руках ювелира.

— Здесь ваша работа и все камни в целости и сохранности.

Дальше все как обычно, «папа посветлел лицом».

— Ступай и будь по-прежнему честен.

Как просто и легко в те стародавние времена было общаться творческому человеку с сильными мира сего. А папа — живой Бог на земле, а поди ж ты. Зашел Бенвенуто, туда-сюда, поговорили, расстались. В эпоху Высокого Возрождения много воевали, подличали, дрались из-за каждой ерунды, развратничали, но не рушили «малый бизнес», которым занимался Бенвенуто, и уважали тех, кого позднее стали называть интеллигенцией.

Тут, кстати, нашелся и «некий ювелир», который ограбил мастерскую, но все украденное отдал, что не спасло его от виселицы. С главным фальшивомонетчиком поступили так же, повесили в Банки, против дверей монетного двора, второго сослали на каторгу. Знаете современный анекдот: фальшивомонетчик сделал из двух золотых один и попал на каторгу. Это не про Бенвенуто.

Обида

В начале октября 1530 года в Риме случилось наводнение, Тибр вышел из берегов. Высокая вода стояла два дня и нанесла городу огромный ущерб. Много людей погибло. Как в таких условиях работать? «Я стоял и смотрел, что делается, и уже день кончался, пробило двадцать два часа, а воды росли непомерно. А так как мой дом и мастерская выходили спереди на Банки, а сзади возвышались на несколько локтей, потому что приходились со стороны Монте-Джордано, то я, подумав прежде всего о спасении своей жизни, а затем о чести, а самую золотую работу оставил на попечение моим работникам, и так, босиком, спустился из задних моих окон и пошел, как мог, через эти воды, пока не пришел на Монте-Кавалло, где я встретил мессира Джованни Ганди, камерального клирика, и Бастиано, венецианского живописца». Им он отдал на сохранение драгоценные камни. Через несколько дней можно было опять приниматься за работу.

Наконец Бенвенуто окончил главный заказ — пряжку для папской ризы. Восторгу не было предела. Эта работа не дошла до нас, но, видимо, она и впрямь была прекрасна. Даже строгий Вазари, художник и бытописатель живописцев, ваятелей и зодчих Италии, восхищался этой работой. М. Л. Лозинский пишет: «Вазари, вряд ли питавший к Бенвенуто особо дружеские чувства, прямо говорит, что в золотых дел мастерстве он был всех знаменитее в свои времена и что лучшего, чем его работы, нельзя и вообразить; монеты, выбитые им для папы Климента и для герцога Алессандро, он считает красивейшими из когда-либо виданных, совершенными образцами искусства, которые справедливо берегутся, как прекраснейшие из античных медалей».

Папа Климент VII хотел быть щедрым, но не мог. Ватиканская казна была пуста.

— Если бы я был богатым государем, — сказал он, — я бы подарил моему Бенвенуто столько земли, сколько бы мог охватить его глаз; но так как по теперешним временам мы бедные, разоренные государи, то, во всяком случае, мы ему дадим столько хлеба, что хватит на его малые желания.

Но Бенвенуто не растерялся. «Выждав, когда у папы пройдет этот его словесный зуд», он попросил должность булавоносца, которая на этот момент была свободна. Должность эта была чистой синекурой. Булава — символ папской власти, а весь фокус в том, что носить ее мог любой человек, нанятый Бенвенуто за

гроши. Должность булавоносца Бенвенуто получил, правда, папа заметил, что Бенвенуто достоин гораздо большего, чем эта должность. Бенвенуто с достоинством ответил, что готов принять ее как задаток. Булавоносцем он был до 1535 года и получал за нее 200 скудо в год, по тем временам очень неплохие деньги.

Помимо пресловутой застежки для ризы и чеканки монет Бенвенуто исполнял для папы очень много мелких заказов, а тут вдруг получил большой: изваять богатую золотую чашу. Он тут же сделал рисунок и макет из дерева и воска, «…вместо ножки чаши я сделал три фигурки изрядной величины, круглые, каковые были Вера, Надежда и Любовь; на подножии затем я изобразил соответственно три истории в трех кругах, полурельефом: и в одной было Рождество Христово, в другой Воскресение Христово, в третьей святой Петр, распятый стремглав; потому что мне так было поручено».

Папа внимательно следил за работой, и она ему нравилась. Бенвенуто решил попытать счастья второй раз и попросил для себя освободившуюся должность брата из Пьембо. Брат — монах, обязанность которого состояла в прикреплении к папским буллам — грамотам, постановлениям и распоряжениям — свинцовой папской печати. Обычно эта должность — лакомый кусок — отдавалась своим, но случалось, что печати привешивали и светские люди. Далее последовал очень интересный разговор.

Папа сказал: мол, не слишком ли жирно? Мол, должность эта приносит 800 скудо в год. При таких деньгах ты, любезный ювелир, начнешь лениться, «почесывать живот», а это чудесное искусство, которое у тебя в руках, пропадет, и все скажут, что вина на мне. Сразу и не поймешь, забыл ли папа о своих обещаниях быть щедрым, или он просто шутит, поддразнивая Бенвенуто.

Но Бенвенуто нельзя было поддразнивать, он все всегда понимал буквально. Приведу его ответ полностью, хотя, по утверждению Лозинского, а лучшего переводчика трудно себе представить, мы не в состоянии полностью оценить самобытность его речей. Лозинский пишет о Бенвенуто: «Язык его — язык флорентийского Volgo XVI века, не тот, на котором писали в ту пору образованные люди, а живая речь простолюдина. Самый тщательный перевод бессилен воспроизвести диалектологические особенности, придающие оригиналу немалую долю прелести. Стараться заменить челлиневские солецизмы системой русских простонародных форм («хочим», «иттить», «ушодши», «своёй») было бы глубоко ложным приемом». И вот представьте: папа, глава католического мира, при этом человек образованный, меценат, и наш безмерно талантливый обиженный умник со

своими «иттить» и «ушодши».

— Породистые кошки лучше охотятся с жиру, чем с голоду, — ответил Бенвенуто, — так и те честные люди, которые склонны к талантам, гораздо лучше их применяют к делу, когда у них есть в преизбытке чем жить; так что те государи, которые содержат таких людей в преизбытке, да будет известно вашему святейшеству, что они орошают таланты; а в противном случае таланты хиреют и паршивеют; и да будет известно вашему святейшеству, что я попросил не с намерением получить. Уж и то счастье, что я получил этого бедного булавоносца! А тут я так и ожидал. Ваше святейшество хорошо сделает, раз он не пожелал дать ее мне, дать ее какому-нибудь даровитому человеку, который ее заслуживает, а не какому-нибудь неучу, который станет почесывать живот, как сказало ваше святейшество. Возьмите пример с доброй памяти папы Юлия, который такую должность дал Браманте, превосходнейшему зодчему.

Вот такая речь. После этого взбешенный Бенвенуто откланялся и ушел. Дальнейшее в его описании выглядело так. Папа, несколько опешив, сказал:

— Этот дьявол Бенвенуто не выносит никаких замечаний. Я был готов дать ему эту должность, но нельзя же быть таким гордым с папой, теперь я не знаю, что и делать.

Папе подсказали, что ему надо делать. Тут же нашелся «даровитый человек, который ее заслуживает», Бастиано, венецианский живописец. Бастиано выступил вперед и с подобающей скромностью сказал: мол, «соблаговолите, ваше святейшество, я вот он, усердно тружусь…». И ходатаи у Бастиано нашлись. А сердобольному папе было жалко Бенвенуто, и он попросил мессира Бартоломео Валари, своего союзника в делах Медичи, передать при встрече Челлини, что первое же освободившееся место, может быть, и получше этого, будет его. Это не уменьшило обиды Бенвенуто. Он ответил Валари вежливо, но смысл его ответа был дерзкий. Он будет со старанием работать над заказанной чашей, но «без малейшей надежды получить когда-либо что-либо от папы».

Так не разговаривают с наместниками Бога на земле. Папа не вызывал Бенвенуто во дворец целых два месяца, а когда вызвал, наконец, то мельком посмотрел работу и сказал озабоченно:

— Кончай ее скорее.

А как это сделать, да еще скорее? У Бенвенуто возникли в связи с этой вазой серьезные проблемы. Она требовала много золота, а чтобы купить недостающий металл, требовались деньги. Он заикнулся об этом, но папа его словно не услышал. На этом и расстались.

Бенвенуто был уверен, что Валари донес до папы его дерзкий ответ и поэтому он так холоден со своим ювелиром. Но дело было совсем в другом. Папу Климента VII можно обвинить во многих грехах, но злопамятным он не был, он был как раз слишком мягкотел, а время ему досталось жесткое. В это время папа собирался в Болонью на ответственную встречу с императором Карлом V.

Состязание в гордости и упрямстве

Встреча в Болонье произошла в ноябре 1532 года. Два года назад в этой же Болонье папа короновал Карла I, короля испанского, как главу Римской империи Карла V. Теперь предстояло решить несколько вопросов. Вопрос политический: создать союз против Турции, которая все время грозила войной. Престол Османской империи занимал Сулейман I Кануни, прозванный Великолепным. При нем Турция достигла величайшего расцвета. Далее, вопрос религиозный: выработать способы борьбы со всеми видами протестантизма. Лютер со своими идеями нанес величайший, небывалый удар по католицизму. Был еще вопрос семейный, который, собственно, тоже был политическим, — выдать замуж бедную сироту Екатерину Медичи.

Отец Екатерины — Лоренцо, герцог Урбинский — был внуком Лоренцо Великолепного и приходился племянником папе Льву X. В 1519 году в знак скрепления союза между Франциском I и папой Львом X состоялся брак герцога Урбинского с француженкой Мадленой де ла Тур. В этом же 1519 году молодые родители умерли, сироту Екатерину воспитывали тетка, а потом папа Климент. Теперь он решил продолжить традицию. В женихи Екатерине назначили дофина французского престола Генриха, сына Франциска I. Брак состоялся в 1533 году. После смерти отца Генрих II занял трон. Это тот самый Генрих, который увлекся Дианой де Пуатье, а потом глупейшим образом погиб на рыцарском турнире, обычной королевской забаве.

Первый сын Екатерины Франциск стал мужем Марии Стюарт. Увлеклась, но не могу не рассказать об этих людях, потому что их жизнь — готовые сюжеты для множества романов, драм, сценариев, поэм и опер. Дюма просветил нас, как никто другой, но я не знала, что к свадьбе Екатерины, отравительницы, интриганки и фактической инициаторши Варфоломеевской резни, имел отношение папа Климент VII.

О болонских делах Бенвенуто не пишет ни слова. Он вообще удивительно аполитичен. Папа для него — работодатель, главный герой любого действия — он сам. Уезжая в Болонью, папа оставил легатом кардинала Якопо Сальвиати, того самого, который, будучи гонфалоньером во Флоренции, обижал отца Бенвенуто, на кого сам Бенвенуто сбросил бочку с камнями при осаде замка Ангела. Словом, это был давний и злопамятный враг. Ему папа поручил присмотреть за Бенвенуто и «поторопить его с работой, чтобы, вернувшись, он застал ее законченной».

Далее Бенвенуто иначе как «эта скотина кардинал» Сальвиати не называет. Кардинал сделал недопустимое, он обидел Бенвенуто, назвав его чудесную вазу «мешаниной с луком», то есть «простонародной похлебкой», — это серьезное оскорбление. После этого на просьбу Бенвенуто дать золото для окончания работы (ну, кончился материал, что делать?!) Сальвиати принялся орать и угрожать, что пошлет его на каторгу: мол, там он быстро доведет дело до конца. «Я окостенел и сказал ему…» Бенвенуто старался быть вежливым. Общий смысл ответа: хотите, «чтобы я окончил эту мешанину, пришлите луку», а пока я работать не буду и не присылайте за мной — не приду!

Папа вернулся из Болоньи. Узнав о поведении ювелира, описанном в самых черных тонах, он тут же повелел Бенвенуто явиться. С этой минуты начался серьезный разлад между высокочтимым заказчиком и наглым гением-исполнителем. Направляясь во дворец, Бенвенуто обдумал линию защиты. В отсутствие Климента он работал над чашей, но мало, помешала болезнь. Что совсем ужасно, у него воспалились глаза, и настолько сильно, что он боялся ослепнуть. Недоделанную чашу он взял с собой. Папа встретил его так:

— Ты окончил вазу?

Бенвенуто молча развернул сверток.

«— Божьей истиной говорю тебе, который взял себе за правило ни с кем не считаться, что, если бы не уважение к людям, я бы тебя вместе с этой работой велел выбросить из этих окон.

Поэтому, видя, что папа стал таким сквернейшим скотом, я решил поскорее от него убираться, пока он продолжал грозиться, я, спрятав работу под плащом, сказал, бурча: «Целый свет того не стоит, чтобы слепой человек был обязан работать над такими вещами».

— Что ты там бормочешь?

Бенвенуто упал на колени.

— А если я из-за болезни ослеп, обязан я работать? — крикнул он еще громче, чем сам папа.

— Как же ты дошел сюда, если ослеп?

— Спросите у вашего врача, и ваше святейшество узнает правду.

Тут папа несколько приутих, а Бенвенуто продолжал:

— Причина моей болезни кардинал Сальвиати, потому что он послал за мной, как только ваше святейшество уехал. Он обозвал бранными словами мою работу и обещал сослать меня на каторгу! И таково было действие этих несправедливых слов, что я от крайнего волнения вдруг почувствовал, что у меня вспыхнуло лицо, и в глаза мне хлынул такой непомерный жар, что я не

находил дороги, чтобы вернуться домой. Несколько дней спустя на глаза мне пало два катаракта, по этой причине я не видел ни зги, и после отъезда вашего святейшества я уже не мог ничего работать».

Папа отпустил его с миром. Болел Бенвенуто долго, но все время «продвигал модели этой самой работы, с каковыми я создал самые красивые вещи и самые редкостные измышления, какие я когда-либо создавал». Тем временем ненавистный Сальвиати, теперь он стал легатом в Парме, присмотрел там ювелира по имени Тоббия. Этот самый Тоббия был схвачен как фальшивомонетчик, его присудили к виселице или к костру, но Сальвиати отсрочил его наказание. Тоббия был простой малый, в темные дела ввязался по глупости. Сальвиати не был таким тонким ценителем искусства, как папа, поэтому он с чистой душой написал в Рим, что нашел лучшего в мире ювелира, который поможет «сбить великую спесь с нашего Бенвенуто». Папа ответил — везите вашего мастера.

Тоббия приехал в Рим, и ему тут же устроили состязание с Бенвенуто. Нужен был достойный подарок для Франциска I в честь свадьбы Екатерины Медичи и Генриха Валуа. По случаю в руки папы попал «рог единорога» (во как! Словно зуб дракона). «Прекраснейший из когда-либо виденных, этот рог был куплен за 17 тысяч дукатов». Прежде чем подарить, папа хотел украсить этот рог золотом, придать ему вид. Тоббия и Бенвенуто должны были сделать рисунки. Тоббия сделал рисунок «в виде подсвечника, на который, подобно свече, натыкался этот красивый рог, а из подножия он сделал четыре единорожьих головки самого простого измышления, так что, когда я это увидел, я не мог удержаться от того, чтобы осторожным образом не усмехнуться». Рисунок Бенвенуто был иной: подставкой для рога была голова единорога, а кто знает, как он выглядел? «Я сделал самую красивую голову, какая только видана; причиной этому было то, что я взял частью облик конской головы, а частью оленьей, обогатив прекраснейшего рода шерстью и другими приятностями». Даже в описании видно, что рисунок Бенвенуто больше соответствовал общей идее. Но здесь выступили «некии весьма влиятельные миланцы», они присутствовали во время спора. Миланцы дали такой совет:

«— Всеблаженный отче, ваше святейшество посылаете этот великий подарок во Францию. Знайте же, что французы люди грубые и не уразумеют превосходства этой работы Бенвенуто; а такие вот сосуды им понравятся, каковые и к тому же сделаны будут быстрее».

Так и решили. Бенвенуто пусть доделывает свою чашу, а

Тоббия будет украшать единорожий рог. Для Бенвенуто это был удар, он не привык проигрывать. Папе очень понравился совет миланцев, он хотел скорее получить свою чашу.

Обиженный Бенвенуто завел прежнюю песню: я давно бы окончил эту чашу, если бы ее надо было делать «из другого вещества, а не из золота». Дайте золото, будет чаша. Ведь нельзя испечь хлеб, не имея муки! Слова эти Бенвенуто передал через посыльного. Папа обозлился страшно и два месяца не вспоминал о Бенвенуто, а тот, между прочим, «с превеликой любовью» работал над чашей.

Страсти накалялись. Весь ватиканский двор с нескрываемым удовольствием наблюдал за состязанием в упрямстве понтифика с безумным ювелиром. Помпео помните? Того самого придворного ювелира и родственника любимого слуги папы. Изо дня в день эти двое объясняли всем желающим слушать, какой Бенвенуто бездельник и негодяй. Говорили они это и папе Клименту и между делом дали совет: «Отнимите у него монетный двор, может, тогда у него будет больше времени для работы над чашей, и он закончит работу». Сказано — сделано. Сообщать о том, что Бенвенуто лишился важной и денежной должности, отправился сам Помпео. Этот пронырливый человек, как говорят на Руси, был «в каждой бочке затычка». Бенвенуто он ненавидел, поэтому нес плохую весть с удовольствием. Зависть — страшная штука! Бенвенуто не удивился известию.

— Скажите его святейшеству, что он отнял монетный двор не у меня, а у себя, и если его святейшество захочет мне его вернуть, я ни в коем случае не возьму его обратно.

Злополучный посыльный живо описал во дворце реакцию Бенвенуто и «кое-что добавил ртом от себя». Прошла неделя, и Помпео опять пошел к Бенвенуто (как в сказке, честное слово: «Третий раз старик направился к морю…»).

— Их святейшество велел сказать тебе, что не желает, чтобы ты окончил эту чашу, а требует, чтобы ты вернул ее обратно в том виде, до которого ее довел.

Здесь Бенвенуто взъярился:

— Это не монетный двор, который можно было у меня отнять. Те 500 скудо, которые я получил от папы, я немедленно верну, но чаша — это моя работа, она принадлежит мне по праву, и я сделаю с ней все, что захочу.

Были и еще некоторые «зубастые слова», которые Бенвенуто сказал Помпео лично. Что все это значит — дурость, упрямство, бахвальство? Положим, папа недоплатил ему денег, но Бенвенуто должен был знать наверняка, что по предъявлению чаши получит все сполна и даже больше обещанного. Скорее всего, что-то

Челлини здесь недоговаривает, но при этом с удовольствием присочиняет для красоты жанра. Кто-то из исследователей творчества Бенвенуто говорил, что он, видно, был замечательным рассказчиком и за годы настолько «обкатал» свои бойки, что уже сам не помнит, где правда, а где вымысел. Дживелегов, однако, читает, что только в творчестве Бенвенуто искренен, а свои подвиги просто сочиняет. А хоть бы и сочиняет, байка-то замечательная. Но я думаю, что костяк истории, так сказать, шампур вполне правдив, а гарнир Бенвенуто готовил по своему вкусу, о себе и о своей работе он был очень высокого мнения.

Во всей этой истории Бенвенуто отстаивает право художника на независимость. Дживелегов пишет: «Бенвенуто — художник. Он художник, взысканный небом, одаренный сверхъестественным талантом, поднятый на щит великими мира сего и крупнейшими из собратьев по искусству. Таково его мнение о себе. В царстве искусства он если не первый — есть ведь и Микеланджело, — то один из первых. А искусство — это лучшая, самая светлая, самая прекрасная, самая возвышенная, самая чистая сфера деятельности человеческой. Кто первый в сфере искусства, тот должен быть отмечен свыше. Это прежде всего. Это объясняет все видения и сияния. А затем и другое. Человека, который блистает среди служителей искусства, нельзя равнять с другими людьми. Он особенный. Его положение в обществе исключительное. Он должен быть осыпан всеми привилегиями. Он должен быть огражден от всех неприятностей — больших и малых. Горе тому, кто его заденет или оскорбит. Он сам себя помазал и короновал абсолютным монархом искусства, и каждый проступок по отношению к нему становится оскорблением величества.

И разве факты, бывшие на глазах у всех, факты, о которых, захлебываясь, трещала вся богема, не подтверждали сотни раз такого самомнения? В первый свой приезд в Рим Челлини мог видеть Рафаэля, появлявшегося верхом на мосту Св. Ангела, красивого, как молодой бог, нарядного, как принц крови, окруженного учениками, поклонниками и толпой, под ярким солнцем, от которого мрамор моста и его статуй казался еще более белоснежным. Он знал, что Рафаэль купается в золоте и что нет такого каприза, которого не исполнил бы для него Ватикан».

Через три дня в мастерскую явились два папских камерария, люди весьма достойные, один из них стал впоследствии епископом. Они знали Бенвенуто и хорошо к нему относились.

— Его святейшество нам приказал сказать тебе следующее, — сказали они ласково и с улыбкой. — Раз ты не захотел поладить по-хорошему, то у тебя сейчас выбор. Или ты отдаешь нам чашу понтифика, или мы отведем тебя в тюрьму.

Надо ли объяснять, что Бенвенуто выбрал тюрьму. Тут же присутствовал этот ничтожество Тоббия, который с гонором потребовал модель чаши. Глядя «превесело» на своих гостей, Бенвенуто ответил:

— Синьоры, это моя чаша, а не его. Это моя работа, и я не хочу, «подвигнув ее немного вперед своими великими трудами, чтобы она досталась в руки какому-нибудь невежественному скоту, чтобы он с малым трудом все испортил».

Здесь Бенвенуто совершенно честен. Он всегда делал все сам, не доверяя ученикам делать даже мелкие детали. А «этот скот» Тоббия начнет клепать что-то свое. Он надел плащ, а уходя, повернулся к образу Христа на стене. Первый раз за все свое повествование Бенвенуто произнес слова молитвы. Он просил защиты и благодарил Господа, что «ни разу до сих пор ему не сулили темницы». Здесь он лукавит. В молодости, во Флоренции, его приговорили не только к темнице, но к смертной казни. Но все забывается. Память даже на исповеди избирательна.

Бенвенуто отвели к губернатору, там уже сидел фискальный прокурор. Камерарии вернулись во дворец и рассказали папе о решении Бенвенуто. Узнав, что тот выбрал тюрьму, папа хотел рассердиться, но передумал и рассмеялся. Но губернатор с прокурором были серьезны. Они приступили к допросу, потом к уговорам и, наконец, к угрозам, доказывая, что заказчик вправе потребовать свою работу, если он за нее уплатил. Но не полностью! Золота-то не хватило.

— Я верну их святейшеству 500 скудо, выплаченные мне, но работа принадлежит мне! — разглагольствовал Бенвенуто, приводя примеры из жизни. — Их святейшество — «это не то что какие-нибудь государики-тиранщики, которые делают своим народам все то зло, какое могут, не соблюдая ни закона, ни справедливости. Но папа наместник Христа, и ничего подобного он сделать не может. Ваши угрозы не пугают меня нисколько, потому что я честный человек».

Губернатор с прокурором отправились во дворец с докладом, а к Бенвенуто направилась вся городская знать с увещеваниями — опомнись, ты что, с ума сошел?

Губернатор с прокурором вернулись с такими словами:

— Папа говорит, чтобы ты принес сюда свою работу, при нас ее положат в коробку и запечатают. Я отнесу коробку папе, который обещает своим словом не ломать печати и тотчас же тебе ее вернет.

Бенвенуто не пишет, на каких условиях, но я так понимаю: ты мне — деньги, а тебе назад коробку с чашей. Бенвенуто согласился на такие условия, при этом сказал, смеясь: мол,

теперь я имею возможность судить, что стоит слово папы.

Коробка с чашей была отнесена во дворец. Папа спросил у губернатора, видел ли он работу Бенвенуто, тот ответил: мол, конечно, видел, раз сам ее паковал, и работа эта показалась губернатору изумительной. Папа повертел коробку в руках.

— Вы скажете Бенвенуто, что «папы имеют власть решать и вязать вещи куда важнее этой».

С этими словами он снял печать, открыл коробку, долго рассматривал недоделанную чашу, а потом показал ее Тоббию. Тот был в восторге от работы Бенвенуто.

— Сможешь сделать такую же? — спросил папа ювелира. Потом обратился к губернатору: — Узнай у Бенвенуто, захочет ли он нам ее отдать в этом недоделанном виде? Ему заплатят полную сумму, какую назовут сведущие люди. Если он согласен кончить ее, пусть назначит срок, его обеспечат всем необходимым. Но если он откажется от этих моих предложений, пусть забирает себе эту чашу, а 500 скудо вернет Помпео.

Губернатор вернулся с «ярыжным взглядом», бросил распечатанную коробку на стол:

— Папы имеют право решить и вязать весь мир, и тотчас же это утверждается на небесах как правильно сделанное.

— Я благодарю Бога, — ответил Бенвенуто, — что теперь могу судить, на что похоже папское слово.

С этими словами он отправился домой и на следующий день отдал 500 скудо Помпео. «А так как, по-видимому, папа, полагая, что по затруднительности или по какой-либо иной причине я не смогу так скоро отнести деньги, желая снова завязать моего служения, когда он увидел, что Помпео является к нему улыбаясь, с деньгами в руках, папа наговорил ему грубостей и очень горевал, что это дело обернулось таким образом».

— Пойди к Бенвенуто, — сказал он Помпео, — будь с ним ласков и узнай, не может ли он сделать из этой недоделанной работы ковчежец, чтобы носить в нем Corpus Domini, когда я иду в процессии. Я дам Бенвенуто все, что он пожелает.

Что оставалось Помпео — пошел и был очень любезен, то есть «учинил самые непомерные ослиные ласки». Бенвенуто был на высоте, ответ его был достойным и безукоризненно вежливым. Оказывается, самое большое сокровище, которое он бы сейчас желал иметь, — это вновь обрести милость столь великого папы — Климента VII, милость эта была утрачена не по его вине, а по вине болезни и по злобе завистников. А что касается самого Помпео, то пусть он поостережется сюда ходить. У папы много слуг, пусть он присылает других. Днем и ночью Бенвенуто будет мечтать о службе папе, а вы, Помпео, ни в коем случае не

вмешивайтесь больше в мои дела, в противном случае это для вас добром не кончится.

Читая Челлини, так и видишь, как бедный понтифик, встав утром, тут же начинает горевать о своей неоконченной чаше и думать, как наказать негодника Бенвенуто. А между тем у негодника были свои дела, а у папы свои. Теперь на карту была поставлена Англия, она грозила отколом от католического мира, и это было страшным ударом для Ватикана и империи Карла V.

Английский король Генрих VIII занял трон в 1509 году и женился на вдове своего старшего брата Артура — Екатерине Арагонской, дочери Изабеллы и Фердинанда. Брак был политическим, но, как говорят, вполне счастливым, одна беда — за 18 лет королева так и не родила Англии наследника, дочь Мария (будущая Кровавая) не в счет. Были внебрачные дети, но об этом даже не вспоминали. Это только папы и кардиналы в Риме признавали своих бастардов.

Генриху было тридцать шесть лет, когда он познакомился с Анной Болейн, влюбился и решил на ней жениться, но для этого надо было аннулировать первый брак. Развод в католическом мире вообще невозможен, но иногда, в случае крайней государственной необходимости, случается и такое. Но на это необходимо было разрешение самого папы. В мае 1527 года король поручил кардиналу Томасу решить дело с разводом и новым браком.

Кардинал Томас постарался. Папа Климент VII получил от англичан по всем правилам оформленное прошение на пергаменте, прошение было заверено 75 печатями высокопоставленных лиц королевства, к документу было прикреплено 75 лент с сургучными печатями. Красиво! Но Екатерина Арагонская категорически отказалась расторгать брак. Она была истинной католичкой, носила под платьем францисканскую власяницу, помогала бедным, ну и прочее. Она попросила заступничества у своего племянника — Карла V, и, естественно, он стал на сторону тетки. На какую сторону стал папа, тоже ясно: он находился в полном подчинении у Карла V. «Служить империи, жить и умереть в этом качестве» — такой клятвы потребовал Карл V после разгрома Рима.

Дело о разводе короля тянулось шесть лет. Генрих VIII обратился за юридической помощью в профессорам Оксфорда и Кембриджа, те нашли лазейку в законе, вынесли вердикт о несостоятельности эдикта папы Юлия II на брак короля с Екатериной Арагонской, поскольку она ранее состояла в браке с Артуром. Папа Климент VII нашел измышления английской

профессуры несостоятельными. Тогда король начал войну с католической церковью — вначале на своей территории. Он обвинил своих епископов в измене за то, что они обращались по судебным делам (что было вполне законно) к Ватикану, а не к королю. Тут нашелся умный советчик: а почему бы Генриху по примеру немецких герцогов не объявить себя главой Церкви?

Время подпирало, Анна Болейн была беременна, все надеялись, что она родит мальчика. В январе 1533 года Генрих VIII и Анна обвенчались. Папа был в панике. Что случилось с Европой? В 1522 году Генрих VIII собственноручно написал памфлет против немецких реформаторов и получил от благодарного Ватикана титул «Защитник веры», а теперь он сам воткнул нож в тело католицизма. Климент VII потребовал, чтобы король сам приехал в Рим для покаяния. Куда там… Генрих успел объявить себя главой Английской церкви. Тогда папа отлучил его от церкви, брак с Анной Болейн признал недействительным, а дочь Елизавету незаконнорожденной. Анне так и не удалось родить сына.

Трагическую развязку этой истории папа Климент VII уже не увидел. Через три года Анна Болейн была казнена «отрубанием головы» за измену мужу, а в стране начался погром монастырей и казни несогласных. Даже ближайший друг короля великий гуманист Томас Мор поплатился головой. Статистика утверждает (кто там считал?), что цена королевской свадьбы — 72 тысячи человеческих жизней — пытанных, замученных, повешенных. При том количестве населения это страшная цифра.

А Бенвенуто Челлини? Ему не было никакого дела до трудностей папы и уж тем более до забот английского короля. Мы так всегда живем. В мире черт-те что творится, а обыватель пьет себе кофе со сливками и всем доволен. И Бенвенуто был доволен, он выиграл «нравственную тяжбу» с проклятой чашей. Теперь папа требовал его к себе, Бенвенуто при всякой возможности передавал, что, как только отдохнет от великой болезни, тут же будет делать ковчежец, а сам тайно работал в своем доме над золотой медалью с изображением понтифика. Вначале он должен был приготовить стальные чеканы. Медаль должна была быть прекрасна. На одной стороне красивое изображение папы, а на другой он задумал изобразить Мир. «Это была маленькая женщина, — так описывал Бенвенуто уже готовую медаль, — одетая в тончайшие одежды, препоясанная, с факельцем в руке, которая сжигала груду оружия, перевязанного в виде трофея; и там была изображена часть храма, в каковом был изображен Раздор, скованный множеством цепей, а вокруг надпись, гласившая: «Clauduntur belli portae»»[2].

И работал бы он тихо и успешно, если бы не помешала любовь. Предметом страсти была юная, совсем девочка, сицилийка по имени Анджелика, замечательная красавица. Анджелика жила с матерью Беатриче, женщиной ловкой и пронырливой, и мать и дочь были куртизанками. Анджелика тоже полюбила Бенвенуто, и они договорились бежать на год во Флоренцию. Видно, Рим Бенвенуто опостылел.

Но мать не обманешь, она узнала о планах дочери и, не долго думая, однажды ночь тайком уехала с семейством из города. Надо полагать, что она боялась Бенвенуто, потому что успела пустить слух, что уехала в Чивитавеккью, а на самом деле отбыла совсем в другое место. Обезумевший от горя Бенвенуто бросился в эту самую Чивитавеккью и «натворил неописуемых безумств, чтобы отыскать девочку». Подробностей этих безумств мы не знаем, но об одном, совершенном уже при возвращении в Рим, он рассказывает.

Дело касалось некромантии. В XXI веке, когда мы уже на Луне побывали, придумали клонирование и компьютер, огромная часть вполне разумного человечества помешана на магах, колдунах, сглазах и приворотах. Можно представить себе любопытство средневекового люда к этим секретным забавам мироздания. Про Бенвенуто нельзя сказать, чтобы он был как-то особенно суеверен или заражен мистикой. Религиозен он был тоже вполне умеренно, но был очень любопытен. Любопытство двигает вперед прогресс, науку, но также приводит к невообразимым глупостям. Это любопытство и привело Бенвенуто к сицилийскому священнику, человеку «возвышенного ума» и образованного сверх меры, он знал не только латынь и греческий, но и еврейский язык. Как-то зашел разговор о некромантии, и Бенвенуто сознался, что всегда хотел узнать что-либо об этом искусстве.

— Я могу показать тебе, но только в том случае, если ты умеешь сохранять спокойствие в любой ситуации и имеешь твердый дух.

Что-что, а тверже духа, чем у Бенвенуто, вообще не бывает. И они пошли ночью в «Кулизей» (так называл великий театр античности), Бенвенуто прихватил с собой друга, нагруженный книгами священник взял с собой помощника. Священник облачился в подобающее случаю одеяние и со страшными заклинаниями принялся чертить на земле круги. Устойчивая традиция: Фома Брут у Гоголя тоже чертил круги. Внутри кругов разложили костер и стали жечь курения. «Длилась эта штука полтора с лишним часа; явилось несколько легионов, так что весь Кулизей был переполнен». Надо думать, что это был легион

демонов, из-за сильного дыма толком ничего не рассмотреть.

— Проси, Бенвенуто, — сказал священник, и тот попросил:

— Хочу быть опять со своей Анджеликой.

Ответа не последовало, но Бенвенуто был очень доволен увиденным, однако священник сказал, что опыт надо повторить — для крепости. И повторили спустя некоторое время. На этот раз Бенвенуто взял с собой по наущению священника двоих своих товарищей, а также двенадцатилетнего чистого отрока — своего ученика. Опять круги, огонь, курения. Священник дал в руки Бенвенуто пентакул — талисман пятиугольной формы — и велел поворачивать сей пентакул соответственно его указаниям, держа его над головой мальчика. Все дальнейшее было описано со слов ребенка: взрослые видели только дым и тени. «Я, который боялся столько же, сколько и они, старался этого не показывать и всем придавал изумительнейшего духу, но я считал себя наверняка мертвым из-за страха, какой я видел в некроманте». Бедный мальчик спрятал голову между коленями. Он видел миллионы свирепейших демонов, они грозили людям. «Кулизей горит, он идет на нас!» — кричало дитя. Бенвенуто опять выкрикнул желание и получил положительный ответ: мол, через месяц увидишь свою Анджелику.

Удивительна концовка этого некромантического сеанса, совсем в духе Рабле. Демоны все пребывали. Но теперь главным было от них избавиться с помощью сильно пахнувших курений. Для этих целей принесли с собой смолу цафетику. Страшно было всем. Бедный Аньоло Гадди, друг Бенвенуто, до того перепугался, что «свет очей вылез у него на лоб».

— Аньоло, подбрось в костер цафетики!

И тут с беднягой приключилась медвежья болезнь. «Сказанный Аньоло, что хотел тронуться, издал громогласную пальбу с таким изобилием кала, какого возмогло гораздо больше, нежели цафетика». От сильного зловония мертвецы и демоны начали поспешно удаляться. Наша компания, дрожа от страха, покинула Кулизей, только когда стали звонить к заутрене.

Священник-некромант сказал, что, сколько раз он ни вступал в круги, никогда еще не было такого сильного эффекта, а потому Бенвенуто должен вместе с ним заклясть некую книгу. Книга поможет им найти клады, «коими полна земля». Бенвенуто сказал, что не может этим заниматься, потому что надо кончать медали для папы, а и вообще-то его больше волнует, исполнится ли его желание, увидит ли он свою Анджелику. Некромант стоял на своем: любовь-де есть суета и вздор, а богатство — это серьезно. И еще говорил, что если Бенвенуто не будет заклинать с ним книгу, то с ним непременно случится беда.

Бенвенуто уже было согласился искать с некромантом клады, но в Рим приехал некий Джованни, великий модельер, и ему хотелось потягаться с ним в мастерстве. Месяц был на исходе, когда Бенвенуто понял, что «влюблен до такой степени в свою медаль», что уже не вспоминал об Анджелике.

Но от демонов так просто не отвяжешься, предсказание некроманта начало сбываться. Как-то вечером Бенвенуто встретил на улице «своего большого друга Бенедетто», нотариуса. Отец у него был сиенец, сам Бенедетто флорентиец, работал он в Неаполе, а сейчас приехал в Рим. Удивительное дело, единой Италии на карте нет, все отдельные герцогства и республики, а по сути дела, все живут вместе. В мастерской у Бенвенуто работал некто Феличе. Этот Феличе вел свои дела с нотариусом, и вышел у них какой-то денежный разлад, не будем входить в тонкости этого скандала. Встретив случайно на улице Бенвенуто, нотариус обрушил на него весь свой гнев, хотя Бенвенуто был здесь совсем ни при чем. Слово за слово, началась ругань, потом оскорбления, вокруг начали собираться люди. «Вынужденный грубыми словами, я быстро нагнулся к земле и схватил ком грязи, потому что прошел дождь», и запустил им в лицо «своему большому другу». Тот успел нагнуть голову, ком грязи, в котором, на беду, находился камень с острыми краями, угодил нотариусу в темя. Залитый кровью, он упал. Народ решил, что он мертв.

Мимо проходил ювелир Помпео, он всегда оказывался в нужном месте в нужнее время.

— Кто убил этого человека?

— Бенвенуто, — ответили из толпы. — Этот дурак сам напросился.

Помпео все понял по-своему и поспешил во дворец:

— Ваше святейшество, Бенвенуто убил ювелира Тоббия. Я видел это собственными глазами.

Что мог сказать папа? Он уже настрадался от самовольства Бенвенуто. «Поймать немедленно и повесить! Повесить в том самом месте, где было совершено смертоубийство!»

Вначале Бенвенуто укрылся в доме своего друга, но посыльный от кардинала Медичи, брата Льва X, объяснил суть дела, стало ясно, что надо немедленно бежать из Рима. Друзья быстро собрали Бенвенуто в дорогу, достали вороного турецкого коня. Мимо отряда борджелло он промчался с такой скоростью, что его просто не узнали.

Бенвенуто направился в Неаполь. По дороге его нагнал друг, ваятель Солосмео, так Бенвенуто называет живописца и скульптора Антонио да Сеттиньяно, ученика великого Сансовино. Солосмео ехал в Сан-Джермоно закончить гробницу Пьеро де

Медичи, того самого, который утонул в 1504 году. Солосмео и сообщил Бенвенуто новости. Оказывается, как только папа узнал, что Тоббия жив и здоров, он обозвал Помпео негодяем и сказал, что он плохо кончит. Бенвенуто и Солосмео ехали «весело распевая песни», о нотариусе Бенедетто разговора не было. Кажется, поинтересуйся, жив он или умер? Ан нет. На все воля Божья, дело сделано, что ж теперь переживать.

И вот на окраине Неаполя в трактире Бенвенуто вдруг встречает свою Анджелику, радости влюбленных не было предела. Красавица «учинила мне самые непомерные ласки».

Это был тот самый день, который предсказали демоны в «Кулизее». Неаполь встретил Бенвенуто доброжелательно. Он был хорошо известен местным ювелирам, ему даже устроили встречу с Педро Альваресом де Толедо, неаполитанским вице-королем, который тут же позвал Бенвенуто к себе на службу. От службы тот деликатно отказался, но зато очень выгодно продал вице-королю алмаз, который случайно оказался в кошельке. В Риме Бенвенуто взял его, чтобы показать ювелирам, с ним и бежал.

Теперь Бенвенуто был при деньгах, он принялся баловать свою Анджелику и завалил ее подарками. Жизнь была прекрасна! Вдруг из Рима пришло письмо от кардинала Медичи, он был заказчиком Бенвенуто и принимал в нем участие. Он звал Бенвенуто в Рим, папа хотел вернуть своего ювелира на службу.

Бенвенуто стал собираться в дорогу, а Анджелика повисла у него на руке — возьми меня с собой! Тут мать Беатриче очень оживилась, решив вытянуть из Бенвенуто как можно больше денег. Купи платье черного бархата девочке, да еще шелкового, потом платье тонкого сукна для самой мамаши, а еще детей обеспечь. Вы пока поезжайте вдвоем, а я (это мать-то!), когда рожу, тоже к вам приеду. Бенвенуто устал делать подарки.

— Беатриче, дорогая, хватит тебе того, что я предложил?

— Нет, — ответила хитрая сводница.

— Если не хватает тебе, то мне вполне хватило, — рассмеялся Бенвенуто, расцеловал плачущую Анджелику и был таков. Они расстались навсегда. Вот и вся любовь.

О смерти

Приехав в Рим, Бенвенуто бросился к доброму кардиналу Медичи. Он поблагодарил его за письмо и попросил спасти его от ареста, а также, если можно, избавить от пени — штрафа. Тут выяснилось, что «большой друг» нотариус Бенедетто не умер, а выздоравливает, но, узнав о скором приезде Бенвенуто, заявил, что желает умереть, лишь бы досадить этому негодяю. Посмеялись…

— Для нашего и твоего приличия, — сказал затем кардинал, — потерпи дня четыре или пять и не показывайся на Банки. Потом ходи где хочешь, а полоумные пусть умирают, если им так нравится.

Бенвенуто последовал совету и активно принялся за работу, выполняя для папы мелкие заказы, но больше всего времени отдавая медали с изображением понтифика и женщины, изображающей Мир. В апреле медаль была выполнена в золоте, серебре и латуни, и он понес ее во дворец. Папа тут же принял Бенвенуто. От его работы он пришел в восторг: «Никогда у древних не было таких больших и красивых медалей!» Это была лучшая похвала, «древние» были знаком качества. Все присутствующие с интересом рассматривали и медали, и чеканы, а Бенвенуто «смиреннейше» произнес речь:

«— Если бы над властью моих зловредных звезд не было еще большей власти, которая помешала им в том, что они насильно чуть было не явили, ваше святейшество без своей и моей вины лишились бы верного и любящего слуги. А между тем, всеблаженный отче, в таких делах, где идешь на все, не будет ошибкой поступать так, как говорят некоторые бедные простые люди, когда они говорят, что надо семь раз примерить и раз отрезать. Если недобрый лживый язык одного моего злейшего противника, который так легко разгневал ваше святейшество, что он пришел в такую ярость, велев губернатору, чтобы, как только поймает, он меня повесил; то увидев потом такое неудобство, причинив самому себе великий вред, чтобы лишить себя слуги, о котором ваше святейшество само говорит, каков он, я думаю, наверное, что и перед Богом, и перед людьми ваше святейшество испытывало потом немалое угрызение…»

Это не вся речь, Бенвенуто дал папе «поученьице» на целую страницу и даже, по его утверждению, вогнал понтифика в краску, а потом сам же «отвел этот стыд», поменяв тему разговора. Папа заказал еще одну медаль со своим изображением, но с другим оборотом, на котором Моисей выбивал бы воду из

скалы. Этим Бенвенуто и занялся. Помпео, узнав, что Бенвенуто в городе, нанял неаполитанских солдат то ли для защиты, то ли для нападения, а может быть, и для убийства своего врага, так что Бенвенуто без кольчуги и наручей из дому не выходил.

А папа Климент VII еще больше занемог, и врачи считали, что болезнь его очень опасна. Бенвенуто он принял ласково, принесенной медали с Моисеем очень обрадовался, хотя уже не мог оценить ее по достоинству. Даже в очках он плохо видел. «Он начал щупать их слегка пальцами; поделав так немного, он испустил великий вздох и сказал некоторым там, что ему меня жаль, но что если Бог вернет ему здоровье, он все устроит. Три дня спустя папа умер…» Это случилось 25 сентября 1534 года.

Все это как-то очень вдруг! В нашей литературе так не умирают. Мы гораздо бережнее и внимательнее относимся к моменту ухода человека из жизни. У нас уж умирают, так умирают, вспомните Льва Николаевича — смерть старого князя Безухова или смерть Андрея Болконского. А здесь — раз! И нет человека. Стендаль, который очень любил бытописание Челлини и ссылается на него несчетное количество раз в «Истории живописи в Италии» и в письмах, говорил, что Челлини оказал большое влияние на его прозу. В «Пармской обители», когда человек в одном абзаце пошел погулять, подрался, бежал, потом угодил в тюрьму, это особенно чувствуется.

В этой краткости изложения своя сила. После этой фразы — «Три дня спустя папа умер…» — создается ощущение, что в споре с Бенвенуто папа вел себя более достойно и вообще выиграл эту моральную тяжбу, хотя сам автор «Жизни…» все оценивает наоборот: мол, ишь какой я смелый и независимый! Папа тихо и достойно ушел со сцены, а Бенвенуто остался с неоплаченными долгами. Климент VII так хорошо к нему относился, а Бенвенуто и ковчежец не сделал, и с чашей затеял невообразимую бузу, и врал напропалую. Фраза Бенвенуто имеет окончание: «Три дня спустя папа умер, и я, хоть мои труды и пропали, не упал духом и сказал себе, что благодаря этим медалям я сделал себя настолько известным, что всяким папой, который придет, буду применен, быть может, с большей удачей».

Да, Бенвенуто не пал духом и, «похерив раз навсегда великие обиды, которые мне учинил Помпео; и вооружившись с ног до головы, пошел в Сан-Петро, поцеловал ноги покойному папе не без слез, потом вернулся в Банки поглядеть на великую сумятицу, которая наступает в таких случаях».

Дальше нельзя понять, в тот ли это было день или какое-то время спустя он сидел со своими друзьями, когда мимо проходил недруг-ювелир Помпео. Он шел с группой отлично вооруженных

солдат, числом около десяти. Увидев Бенвенуто, он остановился и с наглым, вызывающим видом уставился на него. Друзья все обратили взоры к Бенвенуто, они готовы были в любой момент ввязаться в драку, но тот подал знак — нет! Это была его забота, и он не хотел, чтобы пострадали невинные люди. «Постояв эдак с две авемарии», то есть время для двух молитв, малое время, Помпео расхохотался и гоголем пошел прочь. Вся его компания тоже с хохотом последовала за ним. Все, кто окружал Бенвенуто, пришли в бешенство.

— Свои дела я сам улажу, и мне никто не нужен храбрее, чем я сам, — остудил он их пыл.

Друзья, хоть и понимали, что не трусость и не малодушие руководят Бенвенуто, «ушли ворча», а он сам направился следом за своим врагом. По дороге Помпео хвастал, какую «острастку» он задал Бенвенуто. На перекрестке ювелир зашел к аптекарю, а когда вышел, тут Бенвенуто и подоспел. Он так стремительно направился к Помпео, что его вооруженные молодцы невольно расступились. Дальнейшее произошло очень быстро. «Маленький колючий кинжальчик» в руке… жесткое объятие левой рукой. Помпео только и успел, что отвернуть голову, как получил удар под самое ухо, потом туда же еще раз… На втором ударе «он выпал у меня из рук мертвецом, что вовсе не было моим намерением, но, как говорится, бьешь не по уговору». Бенвенуто левой рукой выдернул кинжал из шеи поверженного, а правой выхватил шпагу, но никто не хотел на него нападать, все бросились к Помпео.

Бенвенуто медленно пошел прочь, размышляя, где бы укрыться, ясно, что домой в Банки идти нельзя. У него всегда находились друзья, которые с готовностью предлагали свой кров. Случилось так и на этот раз. А дальше — «двадцать тыщ курьеров», «явилась знать банкинской молодежи всех наций, кроме миланцев; и все мне предлагали отдать свою жизнь ради спасения моей жизни».

Понятно, что место пребывания Бенвенуто вскоре стало известно. Утром за ним явились вооруженные солдаты. Это был еще не арест, солдаты должны были препроводить Бенвенуто в дом кардинала Корнаро. Этот кардинал служил верой и правдой папе Клименту VII, к Бенвенуто он относился вполне благосклонно. Бенвенуто вели по улице, а следом шла молодежь Банки, все это напоминало не конвой, а триумфальное шествие.

Понятно, что родственники убитого Помпео стали искать на убийцу управу. Страсти разгорались. Кардинал Медичи сказал: «Постарайтесь отыскать моего Бенвенуто и приведите его сюда ко мне, потому что я хочу помочь ему и защитить его, а кто пойдет

против него, тот пойдет против меня». Кардинал Корнаро обращался с Бенвенуто с величайшей учтивостью. Все словно раздумывали, что с ним делать.

13 октября, то есть на восемнадцатый день после смерти Климента VII, был избран новый папа. Им под именем Павла III стал шестидесятишестилетний Алессандро Фарнезе. Среди важных дел новый папа нашел время, чтобы справиться, какую там скандальную историю рассказывают про Бенвенуто Челлини. И получил ответ: «Этот Бенвенуто пребывает в бегах из-за убийства ювелира Помпео».

— Я не знал о смерти Помпео, — сказал папа, — но хорошо знал основания Бенвенуто. Так что пусть ему выправят охранный лист, с ним он будет вполне безопасен.

Такое решение папы не всем понравилось. Убийство есть убийство, и секретарь папы, миланец (Бенвенуто не жаловал жителей этого города) мессер Амбруоджо, заметил, что не стоит-де в первые дни своего папства оказывать милости убийцам. На это папа ответил:

— Знайте, что такие люди, как Бенвенуто, единственные в своем художестве, не могут подчиняться общему закону.

Вскоре Бенвенуто получил охранный лист и приготовился служить Павлу III. Папа поручил ему чеканить новые монеты. Похоже, что предсказания и надежды Бенвенуто сбывались, но враги его и недоброжелатели, а их было много, тоже не сидели сложа руки. Он заикнулся было, что хотел бы вернуть себе должность чеканщика монетного двора, но нашлись люди, которые посоветовали папе, кстати вполне резонно, до времени этого не делать. Человек, находящийся под следствием, не мог исправлять государственную должность, а получить прощение за убийство можно было только определенным образом. По обычаю в августе, в День святых Марий, по постановлению римских капориони (старшин) городских районов двенадцать осужденных получали прощение. Август — это когда еще будет, а до августа надо жить и жить!

Тут новая напасть. После убийства Помпео у Бенвенуто появился новый враг, куда более сильный и коварный. Это был внебрачный сын папы Павла III Пьеро Луиджи Фарнезе, отменный негодяй, интриган и развратник, он еще не раз появится на этих страницах. Кажется, зачем синьору Пьеро Луиджи Бенвенуто? Сам он, описывая всю интригу, явно что-то недоговаривает. У покойного Помпео была дочь, отец оставил дочери наследство в 3 тысячи дукатов — очень значительную по тем временам сумму. А у Луиджи был любимый слуга, молодой парень. Синьор решил женить слугу на богатой наследнице, а деньги, если не все, то

значительную их часть, прикарманить. Но невеста требовала мести за отца и тянула со свадьбой.

Пьеро Луиджи подослал к Бенвенуто убийцу-корсиканца, предприятие сорвалось. Тогда он решил засадить Бенвенуто в тюрьму, но папе Павлу III нужны были новые монеты и медали руки Бенвенуто. Прошло два месяца или около того, благоволение папы к своему ювелиру несколько поубавилось, просто было не до него, и Луиджи отдал приказ об аресте. Друзья сообщили Бенвенуто день и час ареста. Здесь он понял, что, как сейчас говорят, «пора делать ноги». За два часа до назначенного срока Бенвенуто оставил Рим и направился во Флоренцию, которой правил «вечный и наследный герцог» Алессандро Медичи.

Часть III
Был ли Бенвенуто гуманистом

Современный словарь дает такое определение понятия «гуманизм»: «Мировоззрение, проникнутое любовью к людям, уважением к человеческому достоинству, заботой о благе людей». Это трактовка нашего времени. Энциклопедия Брокгауза и Эфрона сто лет назад трактует гуманизм так: «Движение, освободившее на Западе Европы личность и культуру от порабощения католической церковью и положившее прочное начало новой независимой науке, светской философии, литературе, школе и самостоятельному искусству». Сами гуманисты XIII–XVI веков вообще себя никак не называли. Термин «гуманизм» появился в начале XIX века, а точнее в 1808 году, его употребил педагог Ф. Нитхаммер, и за двести лет термин оброс новыми качества, как то: сострадание к маленькому человеку, вселенская доброта, «равенство и братство» и «возвышение ценности человеческой жизни». Итальянские гуманисты в Средние века если и думали об этом, то весьма отдаленно. Больше всего на свете они ценили знания и образованность, а человек был для них ценен как индивидуальность и незаурядность. Человек делает себя сам, а способствуют ему в достижении духовных и бытовых вершин не власть, деньги и родовитость, а образованность, талант и успех.

Возрождение как понятие тоже появилось значительно позже его времени, и до сих пор аналитики спорят о причине его появления. А. К. Дживелегов пишет: «Культура Возрождения — организм сложный и противоречивый. Различные ее элементы сталкивались между собой в резкой непримиримости, но, в конце концов, все-таки уживались вместе. Разложение быта и семьи, моральный скептицизм, апофеоз удачи, преклонение перед человеком и силами его духа, перед красотой в природе и в человеческих творениях, расцвет искусства и литературы. Первые серьезные завоевания науки. Разрыв с церковными идеалами и утверждение мирских — все это переплеталось между собой и сливалось в видение необычайного блеска, который ослеплял чужестранцев, а итальянцев наполнял гордостью и высокомерным сознанием превосходства над другими народами».

Так кто же такие гуманисты? Это некое содружество людей, которые в силу своих природных данных и характера одинаково смотрят на мир и отдают предпочтение определенному роду занятий и самому образу жизни. Сами гуманисты определяли

Studia humanitatis как «ревностное изучение всего, что составляет целостность человеческого духа». Ренессанс — это возрождение античных искусств, античной мысли, это эпоха активного развития самостоятельной личности. Деятельность гуманистов состояла, во-первых, в изучении латыни, греческого, а также поэзии, риторики, истории и литературы древних. На базе этих знаний они создавали свою литературу, свою риторику. Это новое миропонимание шло вразрез с тем, которое навязывала миру средневековая схоластика. Это, так сказать, общее место.

Появился новый тип философствования. Л. М. Баткин пишет: «В центре этого философствования стояло Слово, культ прекрасной и чистой классической речи. Слово отождествлялось со «знанием» и «добродетелью»… Слово было синонимом культуры. Отсюда идея окультуривания, возделывания души посредством изучения античных авторов…» Очень заманчивая и живучая идея. Недаром на ниве русского просвещения разгорелся горячий спор: изучать детям греческий и латынь или нет? Кажется, зачем такая архаика? И что вы думаете? Русские гимназисты корпели над латынью весь XIX век. Реальные училища могли себе позволить обойтись русским языком, а дворянин должен быть «знающим» и «добродетельным». И учили наизусть Цицерона и Овидия.

Условно гуманистов можно назвать интеллигентами, но они никак не были связаны сословно. Понятие «интеллигенция» появилось в России, и она стала «прослойкой». Другое дело — во времена кватроченто и чинквеченто. Гуманистом мог считать себя купец, преподаватель университета, рыцарь, скромный переписчик, теолог, лекарь, папский чиновник и нотариус. Гуманистами могли быть женщины. И никому из этих людей не могло прийти в голову, что между ними есть что-то общее, кроме — назовем это условно привычным словом — хобби (вульгарно, но понятно), недаром больше всего на свете гуманисты ценили правильно проведенный досуг.

Все они где-то служили, и коммуна платила им жалованье, но главное занятие в жизни было бесплатным. Даже великий Ариосто получал у герцога д'Эсте деньги за службу в военной администрации, но никак не за стихи. Но гуманистическая подготовка и образованность помогали получить хорошую должность при дворе герцога или папы, помогли стать канцлером в коммуне или дипломатом. Гуманистом и поэтом был сам Лоренцо Великолепный. Николло Макиавелли (1469–1527) был чиновником, Леонардо Бруни, очень известный гуманист, папским секретарем, многие были священниками и жили за счет папских бенефиций. Пьетро Бембо (1470–1547), теоретик

литературы и реформатор стиля, был кардиналом, Карло д'Ареццо преподавал во Флорентийском университете философию. Всех этих людей объединял род деятельности, к которой они относились с истинной страстью. Марсилино Фичино, основатель «платоновской академии», был священником.

Существовало такое понятие otium — досуг, и очень важно было, как ты его проводишь. Конечно, досуг существует для самоусовершенствования, для учебы, чтения и высоких разговоров. Читать, во-первых, божественную латынь и греков, но можно и по-итальянски, читать, забывая все на свете, пренебрегая голодом, телесными недугами и бытовыми бедами. Жажда словесности — ближайший путь к Богу, потому что так они преобразуют свою душу. Читать, думать, писать стихи, сонеты, канцоны, секстины и философские эссе, а потом в соответствующей приятной обстановке обсуждать свои творения и мысли с себе подобными.

Местами встреч гуманистов служили загородные виллы, монастырские библиотеки, книжные лавки и дворцы правителя. Любой мог позвать компанию друзей к себе в дом и там наговориться вдосталь, обменяться рукописями, полюбоваться антиками и старинными медалями. Л. М. Баткин: «В «Камальдульских летописях» Ландино гуманисты встречаются в святом уединенном месте; вокруг монастыря простираются рощи и луга: здесь, «вдали от городского шума и тревог, легко вести образ жизни, посвященный исследованию великих вещей». В большой ученой компании собеседники взбираются на вершину лесистого холма. Слушая пение птиц и нежное бормотание ручья, они готовы обменять мудрыми и красноречивыми рассуждениями».

Они много разговаривали (что может быть прекраснее беседы с единомышленниками!), много переводили и писали. И очень ценили время. Вспомните героя Джека Лондона по прозвищу Время-не-ждет, там человек учитывал каждую секунду ради денег, гуманисты вели счет времени ради Слова и Мысли. В трактате Леон Батиста Альберти «О семье» говорится, что у каждого есть три собственные, дарованные природой вещи: душа, тело и время. Информация сообщается читателю в форме диалога (гуманисты обожали диалог). Собеседники спорят: как же можно обладать тем, что нельзя передать другому? Говорят они долго, красиво и умно. Я согласилась с определением Альберти сразу: в самом деле, душу иные продают, прости господи, черту, тело можно, например почку, отдать больному, но время действительно нельзя отдать другому, правда, его можно потерять, потратив зря. Их лозунги: «Будь усидчив!», «Кто много спит, тот теряет время!».

Но спрашивается, зачем гуманисты трудятся как одержимые, не получая от труда денег на жизнь, неужели только ради духовного удовольствия? Ученость ради учености — и все? Ответ есть. Гуманистические занятия совершенствуют человека — это раз. Занятие словом и философствование очищают истину от плевел, а это ведет к общественному благу — это два. И наконец, третье — ученость, в отличие от бесконечной молитвы где-нибудь в уединении, в скиту, есть ближайший путь к Богу. Своей «жадностью к словесности», чтению, писанию и умным беседам гуманисты хотели обрести бессмертие.

«Ни одна эпоха в истории европейской культуры не была наполнена таким огромным количеством антицерковных сочинений и отдельных высказываний», — пишет Лосев, но при этом гуманист Эрмолио Барбаро говорит: «Я знаю только двух Богов — Христа и словесность».

Человек изначально грешен, и природа часто создает его с разными пороками, но, «пропущенный через культуру, он может избавиться от пороков и приобрести совсем другой вид». Древнегреческий философ Стифонт был от природы развратником и пьяницей, но, «упражняясь в добродетели и науках, он «победил свою мнимую природу». Так почему же не поучиться у древних, не воспользоваться их мудростью? Пико делла Мирандола, замечательный философ, гордость ученого двора Лоренцо Медичи, утверждал, что зла вообще нет, зло суть отсутствие добра.

Нет, «упражняться в добродетели и науках» — это совсем не для Бенвенуто Челлини. Если ему и нужны знания, то очень конкретные, а именно по своему любимому предмету — ваянию и ювелирной работе. Досуг у него редок, потому что слишком много дел, а он работоголик, а уж если выпал досуг, то он проведет его с друзьями за пиршеством с вином и женщинами. Он уважает ученых людей и латынь, но сам не знает языка древних, и какое счастье для нас, его читателей, что свою «Жизнь…» он написал не просто по-итальянски, но еще с использованием флорентийского арго.

Гуманисты очень ценили диалоги и диспуты, считая, что они для ума то же, что гимнастика для тела. Двадцатичетырехлетний Пико делла Мирандола устроил диспут в Риме, на котором произнес «Речь о защите достоинства человека». Диспут касался очень популярных в то время идей о Боге, природе и человеке, о тайнах христианской теологии и «покрытых неизвестностью учений». Для того чтобы диспут был всенародным, Мирандола пригласил ученых в Рим, взяв на себя их дорожные расходы. Он пишет: «Некоторые не одобряют в целом такого рода диспуты и

обыкновения публично обсуждать ученые вопросы, настойчиво утверждая, что это дает не столько сопоставление учености, сколько возможности покрасоваться талантом и образованностью». Ну и покрасуется, не беда, главное — высказаться и получить оценку единомышленников по такому важному вопросу, как «суть достоинства человека»!

Лет семьдесят спустя в Москве тоже состоялся диспут. Устроил его царь Иван Грозный, ему не давали покоя лавры Оксфорда. У нас это называлась «словесна пря» по образцу «Бычьего брода». Всенародно диспутировали царь и ученый монах, обсуждали некоторые спорные места Священного Писания. Не то что «спорные», но была возможность их по-разному трактовать. «Словесна пря» кончилась тем, что монаха посадили в тюрьму, там он и умер, бедный. Не помню, убили его или сам от тоски отдал Богу душу. А у гуманистов диспуты процветали, хотя были люди, которые считали их пустой говорильней и относились к ним критически. К таким принадлежал, например, Леонардо да Винчи. Он не водил компаний с гуманистами, считая их пустыми болтунами.

Потомки судят о гуманистах не только по их книгам, но и по личной переписке. В письмах они не уделяли внимания злободневным событиям, не касались личной жизни, но обменивались высокими мыслями, цитировали древних, с упоением описывали недавно обнаруженные исторические сведения Античности и, как бы сейчас сказали, «красовались своей ученостью». Написал письмо к конкретному человеку и тут же разослал копию друзьям, чтоб тоже оценили глубину его мысли, остроумие и изысканность стиля. Петрарка — его считают первым гуманистом — опубликовал свои письма при жизни.

В переписке все награждали друг друга комплиментами, похвалы просто громоздились одна на другой. Хвалить себя и других стало стилем, так что не нужно чересчур винить в этом пороке Бенвенуто, он просто следовал знаку времени. Менее восторженный и едкий Эразм Роттердамский в «Похвале глупости» писал: «Себялюбие — любимая спутница глупости», но тут же смягчал это утверждение пословицей: «Сам выхваляйся, коли люди не хвалят». У гуманистов не было в этом нужды, они все пели друг другу дифирамбы, но и себя не забывали.

Что касается отношения к «маленькому человеку», то гуманисты были совершенно равнодушны к его судьбе. Маленького человека не различишь в толпе, а толпа — это плебс. Вот высказывания различных гуманистов по этому поводу: «Что такое плебс? Это некий полип, то есть переменчивое и безголовое животное», «Глупость толпы и ее общественные бесчинства очень

тяжки, ибо посреди ленивого плебса трудно и слишком тяжко сберечь размеренный порядок, украшенность, покой и сладостный досуг», «Толпа прежде всего невежественна. Прочие ее свойства — ярость и непостоянство, лень и приверженность низменным привычкам». «Маленький человек» для гуманиста не только не интересен, но достоин презрения, да к тому же еще и опасен.

Теперь несколько слов о Возрождении, ренессансе архитектуры, живописи, ваяния, то есть всего того, что называется искусством. Науку тоже, кстати, нельзя не упомянуть. Гелиоцентрическая идея Коперника и космологические рассуждения монаха Джордано Бруно появились в эпоху Возрождения.

Художники еще в XIII веке были всего лишь ремесленниками. Цеха суконщиков, например (а именно на сукне Флоренция начала сколачивать свое богатство), ценили куда больше, чем цеха художественные и ювелирные. В эпоху Возрождения статус художника менялся куда медленнее, чем статус литератора. И только в середине XV века отношение к художникам стало меняться. Отец Донателло был чесальщиком шерсти, а его великого сына хоронила вся Флоренция. Козимо Медичи (Старый) говорит о своем художнике Филиппо Липпи (а монах обладал капризным нравом): «Редкие таланты — это небесные существа, а не ослы с поклажей».

Для гуманистов важны были образованность, досуг, общество единомышленников, преданность своему делу и идее, художникам в первую очередь был нужен заказчик. И он появился. Новые идеи, новая философия породили в людях желание украшать не только церкви, но и свое жилище.

А. Ф. Лосев пишет: «Прежде всего, новизной является в данную эпоху чрезвычайно энергичное выдвижение примата красоты, и притом чувственной красоты. Бог создал мир, но как же этот мир прекрасен, как же много красоты в человеческой жизни и в человеческом теле, в живом выражении человеческого лица и в гармонии человеческого тела! Мир лежит во зле, и со злом нужно бороться. Но посмотрите, как красиво энергичное мужское тело и как изящны мягкие очертания женской фигуры! Ведь все это тоже есть создание божие».

Красота — вот что правит миром! Красота вошла в быт. Знаменитые художники не гнушались расписывать сундуки, стенки кресел, похоронные ящики и свадебные шкатулки. Но главными заказчиками были, конечно, купцы, банкиры, а также папский и герцогские дворы. Они-то и не скажешь — родили, но очень способствовали появлению титанов — Леонардо, Рафаэля,

Микеланджело, а дальше целый список — читай Вазари.

В XV веке все художники были цеховыми мастерами, поэтому всегда имели работу, пусть не большой, но зато верный заработок. В XVI веке все меняется. Многие художники отошли от цехов, теперь у них свои, личные заказчики. Заказчики порой строптивы, порой неаккуратны в выплате денег. А тут еще войны раздирают Италию, начинается период «странствий», когда в поисках заработка художник меняет Флоренцию на Рим, Рим на Равенну, Равенну на Париж и т. д.

Бенвенуто Челлини в полной мере испытал, что значит странствовать в поисках работы. Мы можем его считать в полной мере человеком Возрождения не только потому, что он был очень разносторонен (художник, музыкант, воин, скульптор, ювелир, писатель), а потому, что он создал себя сам. А. М. Баткин пишет: «Эти люди, как позже Бенвенуто Челлини, могли положиться только на себя. Своим новым — ренессансным — местом под солнцем они обязаны не происхождению, не традиции, не социальной и профессионально-цеховой принадлежности, а лишь таланту, силе характера и счастливому случаю».

О чем не рассказал Челлини

Перед нами два кузена: Алессандро (1510–1537) и Ипполито (1511–1533), ровесники, оба Медичи и внуки Лоренцо Великолепного, оба внебрачные дети. Судьба тесно свела их вместе, потому что оба они претендовали на единоличную власть во Флоренции.

Вначале про Ипполито. Отцом его был герцог Немурский Джулиано (брат Пьеро Медичи Несчастного), мать — одна из самых блестящих женщин Возрождения — Изабелла д'Эсте. Отец во время изгнания находился в Урбино, там и случился роман. Отец умер, когда мальчику было пять лет. Заботу о нем взял на себя вначале папа Лев X, а после смерти последнего — папа Климент VII. В 1524 году папа послал четырнадцатилетнего Ипполито во Флоренцию и добился для него места в правительстве. До времени обязанности мальчика исполнял регент, позднее по задумке папы Ипполито предстояло возглавить республику.

В 1527 году Флоренция восстала, Медичи были изгнаны, Ипполито опять в Риме. В 1529 году он получил сан кардинала (в восемнадцать лет). В 1530 году, после захвата Флоренции, Медичи вернулись в город, но этот раз папа Климент VII послал туда Алессандро, а Ипполито оставил при себе. Он был, как говорят, у папы «на посылках», исполняя важные дипломатические и дворцовые поручения. В 1530 году Карл V приехал в Италию, именно Ипполито встречал императора и находился при нем неотлучно. Присутствовал он и на коронации Карла V. В 1531 году возник слух, что Ипполито, красавец, умница, решил отречься от кардинальского сана и жениться на Екатерине Медичи. Папа этому воспрепятствовал. Екатерине была уготовлена другая, более высокая роль. Позднее Ипполито присутствовал на ее свадьбе с французским дофином Генрихом.

Ипполито жил в Риме в роскошном дворце на Кампо-Марцио, меценатствовал, поощрял искусства. Рассказывали, что кардинал держит невиданных птиц, что у него в доме живет лев, подаренный Франциском I. Ипполито был замечательно образованным человеком, в частности, он организовал клуб для изучения Витрувия (I век до н. э.), архитектора и автора десятитомного труда по архитектуре Рима.

В качестве легата Ипполито был послан в Венгрию. Тициан изобразил его в венгерском костюме (1533 год). Портрет находится во Флоренции в музее Питти. Если читателям недосуг заглянуть в этот музей, то он может найти этот портрет в

Интернете, поверьте, он того стоит.

Теперь про герцога Алессандро. Сведения о его родителях темны и противоречивы. Версия первая — его отец Лоренцо II Медичи, то есть он сводный брат Екатерины Медичи. Версия вторая — Алессандро внебрачный сын самого папы Климента VII, поэтому тот и принимал такое горячее участие в его судьбе. Третья версия — Муратов сообщает с облегчением: мол, наконец, разобрались — Алессандро внебрачный сын Пьеро Несчастного, сына Лоренцо Великолепного. Алессандро был необычайно смуглым, за что его прозвали Мавр. Темнокожесть его объяснялась вовсе экзотически. Матерью его была якобы чернокожая женщина Симонетта да Колла Веккьо, выданная замуж за итальянца.

Алессандро стал правителем Флоренции в девятнадцать лет. Папа Климент VII очень хотел закрепить за ним эту должность. В 1532 году император Карл V провозгласил Алессандро «вечным и наследным герцогом Флоренции». Все это произошло на пресловутой Болонской встрече, о которой пишет Челлини. Она началась в декабре 1532 года и закончилась в мае 1533-го. Тогда же был решен вопрос о браке Алессандро с внебрачной дочерью Карла V — Маргаритой Австрийской. Свою дочь император отдал охотно, а договор о свадьбе Екатерины Медичи и дофина Генриха его удивил и разочаровал. Историк и гуманист Франческо Гвиччардини пишет, что Карл V не верил, будто гордый Франциск I согласится на супругу для сына не из королевского дома, но брак состоялся.

Алессандро никак нельзя назвать человеком высокой морали. Он был жесток, коварен, говоря нашим языком, «бабник», но и это определение для него слишком мягкое. О нем говорили, что он не брезговал насилием женщин и любил заглядывать в женские монастыри. Я думаю, что народная молва, как всегда, преувеличивает его пороки. Но в коварство Алессандро по отношению к Ипполиту я верю.

Историки пишут: «Ипполито и Алессандро, хоть и принадлежали к одном клану Медичи, разошлись в своих политических планах». Думаю, что и у одного, и у другого политический план был один — получить власть. На деле все обстояло следующим образом. Приход Алессандро к власти был ознаменован казнями и ссылками. Изгнанники объединились в партию и думали об одном — как бы скинуть ненавистного «вечного герцога». Было решено послать петицию к императору с прошением о смещении Алессандро, отвезти эту петицию должен был кардинал Ипполито Медичи. Нет точных сведений, согласился ли он на это. Смерть Ипполито была неожиданной,

доктора приписали ее естественным причинам. Ему было двадцать два года — мальчишка! Как ни рано умирали в XVI веке, в эту естественную смерть не все поверили. Начали распутывать интригу, был найден отравитель — некто Джованни Андреа. Во время допросов он во всем сознался, но имя заказчика в опросных листах не указано. Но все знали, что им был Алессандро.

Нельзя было не написать о двух кузенах, потому что Бенвенуто предстоит встреча с флорентийскими изгнанниками и очень интересно проследить, как он с ними будет общаться.

Флоренция, Венеция и опять Флоренция

Бенвенуто явился во Флоренцию в разгар интриги. Папа Климент VII умер, а на помощь нового папы в той же мере Алессандро не мог рассчитывать. В своей «Жизни…» Бенвенуто и словом не обмолвился об этих передрягах. Встречу с герцогом устроил кум, ваятель Николло ди Раффаэлло по прозвищу Триболо, когда-то Бенвенуто крестил его сына.

Герцог Алессандро встретил Бенвенуто с распростертыми объятиями и предложил идти к нему на службу. Бенвенуто поблагодарил, но сказал, что примет предложение герцога несколько позднее, поскольку ему предстоит совершить некое путешествие. Дело в том, что Триболо собрался ехать в Венецию к своему учителю Сансовино, который обещал ему работу. Триболо позвал с собой Бенвенуто, тот никогда не был в Венеции и охотно согласился.

Алессандро принимал Бенвенуто во дворце Пацци, где тогда проживал мессир Лоренцо Чибо с семьей, весьма влиятельный человек. Он очень помог герцогу получить власть, а позднее тоже был изгнан из Флоренции. В этом же дворце Бенвенуто впервые повстречался с Козимо Медичи, впоследствии великим герцогом Тоскании Козимо I. Бенвенуто будет служить этому Медичи последние двадцать шесть лет своей жизни. В ту пору Козимо был совсем юнец. Он принес от герцога радостную весть — Бенвенуто давали 50 золотых скудо, «чтобы я на них гулял на здоровье, а потом возвращался к нему».

В Венецию отправились верхом. Вместе с ними ехал нарочный герцога — Ламентоне. Нарочный вез изгнанникам письма от их оставшихся во Флоренции семей, что-то он имел право передать на словах. По распоряжению герцога только его посыльный имел право разговаривать с изгнанниками, другие — ни-ни под угрозой опалы, то есть изгнания из Флоренции. Все это нарочный подробно объяснил Бенвенуто и Триболо.

Проехали Болонью, первая остановка была в Ферраре. Вечером наши путешественники пошли прогуляться по городу, а заодно посмотреть на пышную процессию — герцог Феррары Эрколе II возвращался с копейного турнира. Ламентоне разыскал указанных герцогом изгнанников, порученные для передачи письма были отданы, но, видно, изгнанников было гораздо больше, чем привезенных писем. На каждом шагу встречались опальные флорентийцы, «каковые глядели на нас в упор, как бы вынуждая нас заговорить с ними». За четыре года правления Алессандро не завоевал симпатий народа, а изгнанники его люто

ненавидели.

— Не смотрите на них и молчите, если хотите вернуться во Флоренцию, — увещевал перепуганный Ламентоне.

Но роковой встречи не удалось избежать. Когда уже в полночь Бенвенуто и Триболо вернулись в гостиницу, они застали там большую компанию, была здесь и опальная молодежь, и серьезные люди. Они пришли в гостиницу, чтобы узнать у Ламентоне подробности о жизни их семей и всего города. Уже в дверях Бенвенуто понял, что его узнали. Здесь были Николло Бенинтенди — он входил в Совет восьми и командовал милицией, его брат Пьеро. Еще был старик Якопо Нарда — яростный ненавистник Медичи. Все они так и вперились в пришедших взглядом.

— Я этих двоих отлично знаю, — сказал Николло Бенинтенди. — Почему они молчат и не хотят с нами разговаривать?

Нарочный Ламентоне тут же объяснил подлинную причину — у этих двоих нет разрешения на разговор с изгнанниками.

— Ну и дурость! — воскликнул брат Пьеро, на этом он не остановился и принялся бранить пришедших.

В планы Бенвенуто никак не входило испортить отношения с герцогом Алессандро, поэтому он «кротко, с полным спокойствием», сказал:

— Любезные господа, вы нам можете очень повредить, а мы вам ничем не можем быть полезны. И хотя вы нам сказали кой-какие слова, каковые нам непригожи, но даже из-за этого мы не хотим с вами ссориться.

— А мы — хотим. И вы сами, и ваш герцог у нас в заднице!

— Мы не вмешиваемся в ваши дела, вы не вмешивайтесь в наши, — все еще спокойно увещевал их Бенвенуто.

Ответ он получил в том же духе, так что пришлось выхватить шпагу. Бенвенуто не хотел никого убивать, более того, он боялся кого-нибудь ранить ненароком. Ему просто надо было подняться вверх по лестнице, чтобы пройти в свою комнату. Дальше сцена, которую обожают показывать наши кинематографисты, — враги бегут наверх за героем, он на мгновение останавливается и одним ударом толкает всех вниз. Такая же куча-мала произошла и на этот раз. Вопли, крики, ругань! Прибежал хозяин гостиницы.

— Можно поплатиться головой, если браться здесь за оружие, — крикнул он в ярости изгнанникам. — И если бы герцог узнал про ваши дерзости, он бы вас велел вздернуть за горло. Я не буду делать с вами то, чего вы заслуживаете, но чтоб ноги вашей не было в моей гостинице.

Бенвенуто хотел извиниться перед хозяином, но тот сказал,

что сам все понял, что Бенвенуто тысячу раз прав и чтоб он остерегался в дороге этих господ. Ну и как можно отнестись к этой сцене? Дело не в том, как там все произошло, а как все это было описано. Бенвенуто пишет про этих отверженных — «они казались стадом свиней». Что уж так-то? А ведь это были защитники его родного города от чужеземцев. Бенвенуто и сам служил в милиции, готовясь биться за родной город. Но это было давно. Сейчас он служит Медичи, ему дела нет до того, что они тираны. В кошельке у него 50 золотых скудо, теперь он будет служить герцогу Алессандро, а республиканские лозунги ему не по карману. Патриотизм, совесть, свобода — эти слова не из его лексикона. Верой и правдой Бенвенуто служил только своему искусству.

— Погоди, мы еще встретимся в Венеции! — прокричал Пьеро Бенинтенди с угрозой вслед Бенвенуто.

Венеция в ту пору почитала себя центром мира. Город был сказочно богат. Ни по своему географическому расположению, ни по архитектуре и быту он не был похож на то, что видел Бенвенуто ранее. Ну, хоть удивись сказочному Дворцу дожей и церкви Святого Марка — чуду света, гондолам — чисто венецианскому способу передвижения, странному переплетению улочек, по которым ходишь не на прямую, а как шахматный конь! Правда, Бенвенуто в своей «Жизни…» не описывает ни Рим, ни Флоренцию, но там он житель, глаз давно привык к городскому пейзажу, замылился, а здесь он путешественник, турист!

Венеция была республикой, сюда стекались все изгнанники, жертвы войны и придворной интриги. «Бич герцогов» — сатирик Аретино, перессорившись со всей Италией, нашел здесь приют. Здесь была великолепная литература и живопись. Кроме того, в этом городе шумел вечный, неугомонный праздник. П. П. Муратов пишет: «В 1514 году венецианский сенат решил обложить налогом всех куртизанок. По переписи их оказалось около одиннадцати тысяч. Эта цифра сразу вводит нас в несколько головокружительный масштаб тогдашней венецианской жизни. Чтобы нарядить и убрать этих женщин и всех патрицианок, сколько нужно было золота, сколько излюбленного венецианками жемчуга, сколько зеркал, сколько мехов, кружев и драгоценных камней! Никогда и нигде не было такого богатства и разнообразия тканей, как в Венеции XVI века!»

Ничего этого Бенвенуто не заметил, не захотел видеть. Достойными упоминания в его «Жизни…» были только два момента. Во-первых, по приезде в город он тут же испросил позволения носить оружие, «худшее, что мне грозит, лишиться шпаги». И так случилось, что он действительно встретил на улице

«Пьеро Бенинтенди, каковой был с некоторыми». На этот раз благоразумие взяло верх, Бенвенуто зашел в лавку к аптекарю, и Пьеро с товарищами прошел мимо.

Второе достойное описания в Венеции — это обед у великого архитектора и скульптора Якопо Сансовино. Бенвенуто мог знать Сансовино по Риму, который там начинал свою карьеру, а после разгрома города в 1527 году уехал в Венецию. Обед был роскошный, но Триболо посмел заикнуться о работе, ради которой учитель и позвал его в Венецию.

— Не будем сейчас говорить на эту тему. Зайди в другой раз, — важно сказал Сансовино.

Триболо скис и присмирел.

— Слишком уж далек ваш дом от его дома, чтобы заходить еще раз, — сказал со смехом Бенвенуто, заступаясь за товарища.

На это великий ваятель, встав в позу, заявил, что таким людям, как он, почтенным и даровитым, недосуг думать о подобных мелочах. Далее он стал расхваливать искусство, превознося себя сверх меры, а других ругая, и даже Микеланджело задел ненароком. Тут уж Бенвенуто не выдержал, приосанился и дал Сансовино отповедь по всем правилам истинно скромного человека:

«— Мессер Якопо, люди даровитые, которые создают и добрые произведения, познаются много лучше, когда их хвалят другие, чем когда они столь уверенно хвалят самих себя».

Чистый, как горный ручей, Бенвенуто, да таких хвастунов, как он сам, свет не видел! Правда, он не был завистлив и уважал чужой труд, так что это идет ему в зачет. А что Венецией не восхитился, так и это можно понять. Книга написана под диктовку много лет спустя, так чего ради он будет заливаться соловьем о красотах Венеции или Парижа, если каждый желающий может сам туда поехать и посмотреть. А вот то, что он видел и делал сам, может описать только он, и никто другой.

И все-таки видно, что не понравилась ему Венеция. Главным в этом путешествии была встреча с изгнанниками, она ему покоя не давала, а приключившаяся с ним на обратной дороге развязка — смешная, нелепая и уж совсем недостойная гениального ювелира.

На обратном пути во Флоренцию Бенвенуто с Триболо (осталось неизвестным, получил он заказ или нет) остановились в маленькой гостинице. Хозяин сказал, что желает получить деньги за ночлег вперед.

— Но это не принято, — возразил Бенвенуто, — деньги платят после постоя!

— А я хочу получить их по моему способу, — нагло ответил хозяин. — И не морочьте мне голову.

Постели, однако, были хорошими, новыми, белье чистым, но Бенвенуто долго не мог уснуть, томимый одной мыслью — как отомстить сквалыге и мерзавцу хозяину. Идеи были одна другой краше: поджечь дом или зарезать четырех хозяйских лошадей, которых он заприметил в конюшне. Идеи хорошие, но опасные, можно не успеть ноги унести. Наконец он придумал план мести и с чистой совестью заснул.

Утром, когда пожитки были уже перенесены в лодку, а лошади, которым предстояло тянуть эту лодку с берега, привязаны к бечеве, Бенвенуто сказал, что забыл в гостинице туфли. «Подождите меня, я мигом!» Он вернулся в гостиницу, хозяину было не до него, как сказал слуга, он был занял любовью «с одной лентяйкой, которую всегда жаждал». «Поднявшись наверх, я взял ножик, который был как бритва; и четыре постели, которые там были, я все их искрошил этим ножом; так что я убедился, что нанес убытку на пятьдесят с лишним скудо».

Вернувшись, он не преминул похвастаться своим подвигом Триболо, и бедный ваятель всю дорогу умирал от страха, что их догонят и прибьют. А Бенвенуто остался собой чрезвычайно доволен. Вот так… А ведь не мальчишка уже, тридцать пять на подходе, более чем солидный возраст для мужчины.

Во Флоренции Бенвенуто тут же принялся за работу. Он опять делал чеканы для монет. Первой была серебряная монета в сорок сольди, с одной стороны на ней был изображен герцог Алессандро, с другой — святые Косьма и Дамиан. Герцог остался очень доволен. Далее последовал джулио, на котором был изображен святой Иоанн в профиль с книгой в руке, а с другой стороны герб герцога. Потом он сделал чекан для полуджулио «с головой святого Иоанна с лица». Были сделаны чеканы и для золотых скудо. Все складывалось как нельзя лучше, и Бенвенуто попросил назначить себе жалованье и дать при монетном дворе комнаты под жилье и мастерскую.

Герцог горячо пообещал выполнить его просьбу, а на радостях подарил великолепную аркебузу.

Комнаты Бенвенуто так и не дали, но Алессандро сделал новый заказ — изготовить медаль с его изображением, как для папы Климента VII. Бенвенуто начал лепить модель в воске, а так как изображение было портретным, он лепил с натуры. Герцог принимал его в любое время. Рядом с Алессандро всегда находился его двоюродный брат Лоренцино, прозванный Лорензаччо, то есть «плохой Лоренцо». Установить точное родство этих двоих невозможно, одно точно — оба Медичи. Они были неразлучны, Лорензаччо слыл человеком тяжелого нрава, при этом философом и поэтом. Бенвенуто пишет, что Алессандро

относился к брату с явным пренебрежением, считая его «когда придурковатым, а когда бездельником».

Все во Флоренции складывалось удачно, и твердое жалованье ему бы, конечно, назначили, но он и здесь умудрился обзавестись врагом, неким Оттавио Медичи. Этот господин интриговал против герцога, а заодно старался досадить и Бенвенуто, поэтому тот очень обрадовался, получив письмо из Рима. Папа велел ему возвращаться, к письму прилагался охранный лист. Приближался август, а с ним праздник святых Марий, после которого Бенвенуто должен был получить помилование за убийство Помпео.

Он отправился просить разрешение на отъезд. Герцог принял его в постели, «говорили, что он побеспутствовал», а раз так, то у него трещала голова с похмелья. Выслушав просьбу Бенвенуто, он с раздражением сказал: «Нет!» Потом смилостивился, стал говорить мягче и обещать золотые горы. В спальне находился Лоренцино, он тоже сказал Бенвенуто:

— Лучше бы ты остался.

Но Бенвенуто, когда надо, умел уговорить. Вот, смотрите, я уже сделал в воске ваш чудесный портрет. Работать с чеканами в мое отсутствие будет мой ученик, римлянин, прекрасный мастер, а я тем временем в Риме сделаю для вас медаль, которой еще не видел свет. А как только я получу помилование, я тут же вернусь во Флоренцию.

— Ваша светлость, я сделаю медаль лучше и красивее, чем у папы Климента, — сказал он в заключение, — а мессир Лоренцино пусть придумает оборот для вашей медали. Он человек ученый, он придумает то, что надо.

Лорензаччо оживился:

— Да, я сделаю оборот. Я только и думаю последнее время, как сделать прекрасный оборот, достойный вашей светлости. — Он поклонился в сторону герцога. — Этот оборот изумит мир.

Время покажет, какой «оборот» придумал Лорензаччо для своего брата. Бенвенуто же, не испрашивая повторно разрешения, оставил Флоренцию. Герцог послал ему вдогонку слугу, который вручил Бенвенуто 50 золотых дукатов: «Погуляй за мое здоровье и возвращайся быстрее!» Щедрый герцог, ничего не скажешь, но в книге Бенвенуто аккуратно подвел черту (двадцать пять лет прошло, а он помнил): «Монетный двор остался мне должен за работу, за мои чеканы больше 70 скудо».

В Риме его тесной толпой окружили друзья. Много у него было врагов, много, но друзей неисчислимо больше, и всех он помнит по имени, и всё это люди почтенные и достойные. Отпраздновали встречу, повеселились, и в ту же ночь в дом явилась охрана. Бенвенуто не надеялся на охранный лист:

вначале арестуют, а потом будут разбираться. Первая мысль была бежать, но дом окружен. Тогда Бенвенуто надел кольчугу, взял в правую руку шпагу, в левую охранный лист и крикнул мальчику слуге:

— Открывай!

В дом ворвались солдаты, но, увидев, что хозяин вооружен, остановились в дверях.

— Прочтите охранный лист! — крикнул Бенвенуто.

— Это мы сделаем потом. — Все шло именно так, как он предсказывал.

— Со мной правда! Или я уйду живым, или отдамся вам мертвым!

Позвали секретаря. Пока тот читал бумагу, солдаты несколько раз пытались схватить Бенвенуто, но тот увертывался, как угорь. Пришлось им уйти ни с чем. На следующий день Бенвенуто предстал перед папой. Павел III заказал ему кой-какие вещицы из золота.

— С превеликим удовольствием, ваше преосвященство, но окажите мне великую милость, — он встал на колени, — прикажите, чтобы меня не сажали в тюрьму.

— Но таков обычай, — сказал папа.

Именно так, и Бенвенуто знал об этом. Назначенный к помилованию, прежде чем идти в процессии на День святых Марий, должен отсидеть какой-то, пусть хоть самый малый, срок в тюрьме, в противном случае какое же это помилование?

Не вставая с колен, Бенвенуто продолжал канючить: мол, нет слов, как он благодарен его святейшеству за охранный лист, без него он бы пропал, но в тюрьму он не пойдет, лучше уж сразу без всякого помилования вернуться во Флоренцию на службу к герцогу Алессандро.

— Ладно. Пусть Бенвенуто получить помилование без темницы. Пусть выправят указ, чтобы все было в порядке, — приказал Павел III.

И ведь выправили, и папа опять поставил свою подпись, в День святых Марий Бенвенуто, как и было положено, шел в процессии. К торжественному дню он справил костюм из голубого шелка, своего слугу Ченцо, того самого, который присутствовал с ним в Колизее на некромантическом сеансе, он нарядил в камзол и штаны из белой тафты. Рядом с ними шли два дворянина. Он получил помилование. Но есть суд людской, а есть истинный суд Божий. Об этом в следующей главе.

Хвори Бенвенуто

Рассказывая о жизни Бенвенуто Челлини, я выбираю из множества лиц и событий только те, которые были поворотными в его судьбе, так сказать, находились в точке бифуркации, поэтому рассказ о болезнях нашего героя может показаться неуместным, но он пишет о них с таким смаком и азартом, что, право, их невозможно обойти молчанием. Наследственность Бенвенуто не подкачала, дед дожил до глубокой старости, отец, если бы не чума, тоже наверняка бы долго жил. Тем не менее Бенвенуто болел много и часто. На больничной койке он не корчил из себя героя, жаловался, стенал, отравлял жизнь окружающим и при этом умел придать своей хвори мистический или романтический характер.

О лекарях Бенвенуто отзывался крайне пренебрежительно. Традиция не любить врачей свойственна и более поздней литературе. Наш Лев Николаевич совершенно уверен, что «если натура не поможет, то никто не поможет» — не жаловал он врачей. А между тем врачи ведь только люди. Лев Толстой и «Иван некто Пупкин», ставший по недоразумению членом союза, носят одно и то же гордое имя — писатель. Так и у врачей. Они бывают никакими (не приведи господи попасть в их руки!), хорошими и гениальными. Среди лекарей, пользующих Бенвенуто, гениев не было, но и они часто помогали.

Интересно узнать, как лечили в XVI веке. Были там свои страшные и смешные способы, это точно. Например, от перхоти пытались избавиться с помощью голубиного помета, геморрой прижигали раскаленным железом, обезболивание заменяли опьянением и т. д. И тем не менее в поздние Средние века медицина знала куда больше, чем об этом принято думать. Существовали школы для медиков, наибольшим престижем пользовалось учебное заведение в Болонье. Врачи объединялись в один цех с аптекарями и торговцами галантереей. Медики делились на терапевтов, хирургов и «врачей полости рта», то есть дантистов. Существовали больницы, но о здоровье граждан заботилось не государство, а сами граждане и монахи, поэтому больницы строились на пожертвования горожан и монастырей. Устав средневековых больниц: «Принимай больных как самого Христа…»

Вернемся к Бенвенуто, он-то как лечился? Страшное заболевание с «двумя катарактами на глазах», которым он морочил голову папе Клименту VII, произошло вовсе не от хамства и свирепости кардинала Сальвиати, а оттого, что он

переспал со своей служанкой — натурщицей в ночь ужасного воровства в мастерской. Сам Бенвенуто был уверен, что французская болезнь накрыла его второй раз, врачи были другого мнения и лечили по-своему. Тело несчастного покрыла сыпь с мерзкими пузырьками, глаза тоже болели. Умные люди посоветовали: «Пей дерево», то есть настойку гваякового дерева, которое привозили из тропических лесов Америки. Дерево помогало, но требовало строгой диеты. Другой умный человек посоветовал настой из васильков для лечения глаз, и настойка помогла.

Но это все цветочки, ягодками стала болезнь, которая свалилась на Бенвенуто после помилования. Началось все после его стычки с солдатами борджелло, которые хотели его арестовать. У него был нервный срыв, пульс зашкаливал. Явился «врачишка», ветрогон и насмешник. Бенвенуто сказал, что ему необходимо пустить кровь. Лекарь же объявил, что этого делать не надо, а бокал хорошего греческого вина все приведет в норму. Бокал вина и хороший обед с друзьями действительно помогли, но ненадолго. Потом Бенвенуто во всем винил этого недоумка — «врачишку».

Болезнь вернулась через четыре дня, сразу после процессии на День святых Марий[3]. Бенвенуто «схватила превеликая лихорадка с ознобом неописуемым», ему было настолько плохо, что он уже решил — все, конец! На этот раз был призван сам маэстро Франческо да Норча, личный врач пап Климента VII и Павла III. Да Норча с усердием принялся лечить Бенвенуто: курения, обтирания, припарки, но ничего не помогало, больному день ото дня становилось все хуже. «Природа была ослаблена и изможденa совсем; и во мне не оставалось настолько силы, чтобы, испустив дыхание, снова его вобрать; но все же крепость мозга была сильна, как бывало, когда я не хворал». Относительно «крепости мозга» Бенвенуто ошибался, потому что в его комнате поселился мерзкий старик, который все время старался утащить его в свою лодку. Ухаживал за Бенвенуто Феличе, верный друг и ученик. Он только и делал, что отгонял по приказанию больного ужасного старика.

Приходили друзья, Джованни Гадди, который всегда помогал и выручал, присутствовал почти неотлучно. С ним приходил известный в Риме поэт Маттио Францези. Они ужасно раздражали Бенвенуто, потому что ходили по дому, осматривали оружие, а больному казалось, что им наплевать на него, а они только и ждут его смерти. А тут еще этот чертов старик!

— Бредит, бедняга, — говорил Джованни Гадди.

— Да, похоже, ему мало осталось. Видно, начитался Данте,

если сюда явился сам Харон.

А Бенвенуто впал уже в полное беспамятство, метался на кровати, но ему казалось, что он уже в лодке, он ругал всех и вся, про мессира Джованни Гадди-благодетеля сказал, что тот пришел его ограбить. Потом он затих, казался совсем бездыханным, холодным, и все решили, что он умер. В сей же час поэт Маттио Францези написал во Флоренцию письмо Бенедетто Варки, известному писателю и близкому другу Бенвенуто, о его смерти. Потрясенный потерей близкого человека, Варки написал сонет на смерть Бенвенуто.

Но Бенвенуто не умер. Пролежав несколько часов в беспамятстве, он стал подавать признаки жизни, и верный Феличе бросился к врачу, умоляя его прийти немедленно. Врач сказал:

«— Сынок, что, по-твоему, мне там делать, если я приду? Если он умер, мне его жаль еще больше, чем тебе; или ты думаешь, что, с моей медициной, если я приду, я могу дуть ему в задницу и оживить его?»

Но Феличе плакал и умолял помочь. Тогда врач дал масло в пузырьке и велел помазать выданным маслом пульсы и сердце, а также приказал, чтобы больному «стиснули как можно крепче мизинцы на руках и на ногах». Если оживет — зовите! Потом врач все-таки пришел. Когда Бенвенуто очнулся, он обнаружил себя «с двадцатью с лишним пиявками на заднице, исколотый, обмотанный и весь искрошенный». Старик Харон с яростью удалился.

Пришли друзья, их было много. Бенвенуто, все еще не веря, что останется жив, высказал им свою волю. Золото, деньги и драгоценные камни, которые у него есть, — все отдать любимой сестре Рипарате, а мастерская пусть останется Феличе. Тот залился слезами, говоря, что ему нужно единственное — чтобы хозяин был жив. Бенвенуто ожил, но ему не становилось легче. Мерзкий старик опять появился в доме, на этот раз с веревками, и все пытался связать больного, чтобы сподручнее было тащить его в лодку.

Излечение произошло странным образом, можно сказать — мистическим. Бенвенуто мучила страшная жажда. Оставшись как-то наедине со старой служанкой, ни Феличе, ни врача не было поблизости, он попросил у нее чистой, холодной воды, чтобы напиться вволю. Старуха служанка подворовывала в доме, боялась разоблачения, и смерть Бенвенуто была ей только на руку. Да пусть хоть обопьется водой со льда, может тогда и приберет его Всевышний — ведь всех уже замучил!

Бенвенуто выпил чуть ли не целую бутыль и уснул. Франческо да Норча вначале обеспокоился, больной сильно

пропотел, но, видя, что ему стало лучше, сказал с восторгом:

— О, могущество природы! Она знает, что ей надо! Натура взяла столько воды, сколько ей надо. И если бы ты, — он обратился к врачишке-недоумку, который случился рядом, — вовремя пустил кровь, как о том просил пациент, не было бы этой страшной болезни.

А потом Бенвенуто начало страшно рвать, и с рвотой из желудка «вышел волосатый червь, величиной с четверть локтя; волосы были длинные, а червь мерзейший, в разноцветных пятнах, зеленых, черных и красных; его сохранили для врача, каковой сказал, что никогда не видел ничего подобного». Может, и вышла из Бенвенуто какая-то гадость типа глистов, но в его описании червь выглядит мифическим драконом, которого убил Георгий Победоносец.

Врач да Норча сказал Феличе:

— Теперь все наладится, но не давай твоему хозяину чинить беспутств. Сам знаешь, болезнь была такая жестокая, что соберись мы его соборовать, то могли бы и не поспеть. — А обращаясь к Бенвенуто, он попросил (у каждого своя забота!): — Когда поправишься, сотвори мне Богоматерь своей руки, я буду ей всегда молиться за твое здоровье.

Вот еще интересный способ лечения. Много позднее, когда Бенвенуто уже находился на службе у Козимо во Флоренции, ему попал в глаз «тончайший осколок стали». Он так глубоко вошел в зрачок, что его нельзя было вынуть, и Бенвенуто уже считал, что потеряет правый глаз. Но нашелся хороший хирург. Он положил Бенвенуто на стол, затем «взял двух голубей и ножичком вскрыл им жилку, которая у них имеется в крыльях». Кровь стекла в уголок глаза, что сразу принесло облегчение, а спустя два дня сам осколок вышел, а зрение не только не ухудшилось, но стало еще лучше.

Герцог Алессандро и Лорензаччо

До окончательного выздоровления после избавления от червя было еще далеко, когда пришла тревожная весть из Флоренции. Враги оклеветали Бенвенуто, сказав герцогу, что тот говорил о нем всякие гадости и, более того, собирался вместе с изгнанниками первыми взойти на стены Флоренции, а это уже измена. Теперь герцог клялся, что тут же накинет петлю на шею Бенвенуто, если тот посмеет вернуться в родной город.

Жить с подобным обвинением Бенвенуто не мог. Кроме того, он рассчитывал работать и получать от герцога заказы. Он нанял «пару коробов» и полуживой отправился с Феличе во Флоренцию. Короб — это двухместная повозка с откидывающимся верхом. Какие у них там были дороги, я не знаю, наверное, хорошие, если их строили еще древние римляне, но думаю, что поездка была трудной.

Встреча с сестрой и ее семейством была радостной, все друзья пришли в дом, среди прочих и Пьер Ланди, «который был наибольший и самый дорогой, какой у меня когда-либо был на свете». Описывая родственников и друзей, Бенвенуто всегда скуп на слова. А. К. Дживелегов пишет: «Мы видели, как потрясла его смерть брата. А сестру Липерату (Рипарата) он поддерживал всю жизнь и, когда она умерла, всю привязанность к ней перенес на ее детей. Эта поразительная нежность в буйном, неукротимом Бенвенуто — черта удивительная тем более, что, по-видимому, и в своей мастерской он был отличным, немного вспыльчивым, может быть, немного тяжелым на руку, но добрым и участливым хозяином».

Встретился он и с другом Бенедетто Варки и с нежностью, и со смехом поблагодарил его за сонет. Вот он:

На мнимую и небывшую смерть Бенвенуто Челлини

Кто нас утешит, Маттио? Чья сила
Нам помешает изойти слезами,
Когда, увы, не ложь, что перед нами
Безвременно на небо воспарила

Сия душа, которая взрастила
Столь дивный дар, что равного и сами
Не помним мы и не создаст веками
Наш мир, где лучших рано ждет могила?

Дух милый, если есть за тканью тленной
Любовь, взгляни на тех, кому утрата
Печалит взор, не твой блаженный жребий.
Ты призван созерцать Творца вселенной
И ныне зришь Его живым на небе
Таким, как здесь ваял когда-то.

Через две недели пребывания в родном городе, когда он «уже смог оторвать голову от подушки», Бенвенуто отправился к герцогу — оправдываться. Во дворец Медичи его принесли на носилках. Приближенные герцога смотрели на него, как на чудо, мало того что он еле жив, так он еще и бесстрашен!

Во Флоренции Бенвенуто успели сообщить имя человека, который его оклеветал, — художник Джорджетто Васселларио. Под этим именем скрывается всем известный Джорджо Вазари, художник, архитектор, автор знаменитых «Жизнеописаний», и тем удивительней выглядит характеристика, которую дал ему Бенвенуто бестрепетной рукой. Он умел любить, умел и ненавидеть. «Эту скверную услугу оказал Джорджетто Васселларио, аретинец, живописец, быть может, в награду за столько благодеяний, ему оказанных; ибо я содержал его в Риме и давал на расходы, а он поставил мне верх дном весь дом; потому что на руках у него была такая сухая проказочка…» Ругань Бенвенуто я процитирую в другом месте, там она более уместна. Понятно, что Бенвенуто руководила злоба. Хорошо, что Вазари не прочитал этих оскорбительных строк.

Бенвенуто удалось оправдаться перед герцогом. Один вид больного говорил в его защиту. Стали искать виноватых. Вазари категорически отрицал свое участие в этом деле. Портной герцога закричал:

— Ах ты, висельник, или ты не знаешь, что я это знаю наверное!

Позднее свой человек при дворе сказал Бенвенуто, что если Вазари и говорил герцогу плохое о Бенвенуто, то по наущению и приказанию Оттавио Медичи — это был настоящий, реальный враг.

— Он тебя ненавидит. Уезжай-ка ты из Флоренции по-добру по-здорову.

Тогда Бенвенуто не знал, что это была его последняя встреча с герцогом. Он вернулся в Рим, стал прилежно работать над медалью с изображением Алессандро и ждал, когда же Лорензаччо пришлет ему обещанный оборот для медали. В

мастерскую захаживал Франческо Содерини, флорентийский изгнанник. Бенвенуто отзывается о нем неодобрительно — «некий дурачина». Этот «дурачина» издевался над работой Бенвенуто: «Ты хочешь увековечить этого тирана?» Еще Франческо говорил, что если бы мог, то украл бы у Бенвенуто его чеканы.

Пришло письмо из Флоренции. Монте Агуто писал, что разговаривал про оборот для медали с этим сумасшедшим философом Лоренцино, «каковой сказал, что днем и ночью ни о чем другом не думает и что он это сделает, как только сможет», но тут же добавил, что лучше бы Бенвенуто сам придумал сюжет для оборота.

Пришла зима. Однажды в Крещение Бенвенуто с Феличе отправился на охоту. Настреляли гусей, к ночи возвращались назад. Когда они поднялись на небольшой бугор, то взглянули в сторону Флоренции, «…оба мы издали крик изумления, говоря: «О Боже небесный, что это за великое дело такое видно над Флоренцией?»» Это было как бы «большое огненное бревно, которое искрилось и издавало превеликий блеск».

От Рима до Флоренции 300 километров, так что ничего похожего на отблеск пожара Бенвенуто видеть не мог. Описанное в книге «огненное бревно» могло быть только знаком, чудом Всевышнего, а скорее всего, просто литературным приемом, позволяющим автору выступить в роли предсказателя. Бенвенуто поделился впечатлением с друзьями, и те сказали:

— Что-то это да значит! Будем ждать вестей из Флоренции.

И вести скоро пришли: герцог Алессандро по прозвищу Мавр, сын чернокожей и папы Климента VII, убит, а убийца — его брат Лоренцино, он же Лорензаччо. Вся эта история и сам убийца — Брут XVI века — очень волновали во все времена историков, романистов и драматургов. Я видела на сцене «Современника» драму «Лорензаччо» (по-моему, Мюссе). Это было давно, Лорензаччо играл совсем молодой Константин Райкин — он великолепно двигался, эдакая кошачья опасная повадка, великолепно нес текст. В черном трико, на голове черный паричок — злодей, да и только, а герцог был веселым, обаятельным бабником, зрители ему явно сочувствовали. Мне тогда и в голову не приходило, что я когда-нибудь сама возьмусь описывать эту историю.

Лорензаччо долго вынашивал идею убийства. Самому убить было не под силу. Алессандро был молод, он великолепно владел шпагой и, опасаясь за свою жизнь, ведь везде «наследил», был очень осторожен. Для убийства Лорензаччо нашел профессионала, некоего Скоронконколо. Ночь с 5 на 6 января 1537 года. После праздника святого Епифания Лорензаччо

предложил герцогу для свидания с очередной красавицей свою спальню. Герцог доверял брату и не надел стальных наручей и перчаток, без которых никогда не выходил ночью.

Во Флоренции выпал снег, после шумного праздника город наконец угомонился, пустые белые улицы и свежий воздух создавали ощущение чистоты и покоя. В спальне было тепло, уютно. Алессандро разделся, отстегнул шпагу и улегся, в ожидании дамы, наверное, задремал. В комнату неслышно вошли Лорензаччо и Скоронконколо. Лорензаччо одернул полог:

— Государь, вы спите?

Первый удар он нанес сам, потом за дело принялся наемный убийца. Алессандро умер не сразу, он долго сопротивлялся. Семь ран обнаружили на его теле. Лорензаччо и наемник в ту же ночь оставили Флоренцию.

Историки пишут, что это убийство открыло серию новых убийств, случившихся в большом количестве в XVI веке, что последующие убийства по смыслу и почерку отличались от прежних, которые происходили в предыдущем столетии — в кватроченто. П. П. Муратов объясняет, что тогда человека на убийство толкала страсть — политическая, любовная — не важно. Этим Павел Павлович, видимо, желает сказать, что те убийцы как бы пребывали в состоянии стресса, а в чинквеченто на преступление шли обдуманно. Почему все изменилось? Во Флоренции в XVI веке господствовали испанский дух, испанский этикет и мода. Убийства стали семейными, защита семейной чести, например, что было несвойственно вольнолюбивой Флоренции.

При моем глубоком уважении к П. П. Муратову, здесь я с ним не согласна. Убивали в Италии неправдоподобно много во всю эпоху Возрождения. В защите семейной чести есть хоть какой-то смысл, ранее убивали просто ради развлечения, ревности, зависти и, конечно, в борьбе за власть. Но не в этом дело. Совершенно непонятно, ради чего убил герцога Лорензаччо. То есть причины-то есть, но ни одной определенной. Он мог обидеться, что его обошли с наследством, может быть, им руководило желание защитить свою родную сестру от посягательств герцога. Но Лорензаччо обозвали «новым Брутом», хотя очевидно, что он никак не радел за республику и слово «тиран» совсем его не смущало. Скорее всего, он начитался древнегреческих авторов, его соблазняла сама идея подвига, а в помощь задуманному, как всегда, выступили ревность, зависть и злоба.

Враги Алессандро были в восторге от содеянного. Филиппо Строцци, сенатор, а сейчас глава изгнанников, один из умнейших

людей своего времени, поклялся женить двоих своих сыновей на дочерях Лорензаччо (кажется, так и получилось). Ненависть Филиппо к Алессандро усугублялась еще и тем, что он приходился дядей Екатерине Медичи (будущей королеве). Филиппо Строцци не мог простить герцогу пренебрежительного и жесткого отношения к юной племяннице еще в ту пору, когда ее хотели выдать замуж.

Но самую большую радость испытывали изгнанники. Узнав об убийстве герцога, «вприпрыжку на своем мулишке» в мастерскую явился Франческо Содерини.

— Это и есть оборот медали для преступного тирана, который обещал тебе Лоренцо Медичи, — со смехом кричал он в лицо Бенвенуто. — Ты нам хотел обессмертить герцогов, а мы их больше не желаем.

За Франческо явился некий Баччо Беттини, тоже республиканец, «голова, как кузов», с негодованием описывает его Бенвенуто.

— Мы их разгерцоговали, и у нас больше герцогов не будет, а ты нам хотел сделать их бессмертными, — ликовал Баччо.

И тут Бенвенуто произнес речь:

«— О, дурачье! Я бедный золотых дел мастер, который служит тому, кто мне платит, а вы надо мной издеваетесь, как если бы я был глава партии; но я из-за этого не стану попрекать вас ненасытностью, безумствами и никчемностью ваших предков; но я все же говорю на этот ваш дурацкий смех, что не пройдет и двух или трех дней, самое большее, как у вас будет новый герцог, может быть, куда хуже этого прежнего».

И ведь как в воду глядел! То есть «в воду-то» Бенвенуто глядел спустя двадцать лет, когда диктовал эти записки, тогда легко было выставлять себя провидцем в оценке ушедших событий, но, судя по его разногласиями с изгнанниками, он и сразу после убийства герцога видел дальше, чем они. О восстановлении республиканского строя не было и речи. Во Флоренции господствовали испанцы, ранее Карл V сам назначил Алессандро пожизненным герцогом. Сейчас предстояло выбрать нового тирана. И его выбрали скоро и без шума. Новым герцогом стал шестнадцатилетний Козимо Медичи, сын всеми любимого кондотьера Джованни Медичи делла Банде Неро.

Но изгнанники не оставили надежд на республиканское правление. Они спорили до хрипоты и уверяли Бенвенуто, что герцог Козимо был выбран на определенных условиях, то есть власть его ограничена. И опять Бенвенуто показал себя умным человеком.

«— Эти люди во Флоренции посадили юношу на

изумительного коня, — сказал он, — потом надели ему шпоры, и дали ему в руки повода на полную волю, и поставили его на прекраснейший луг, где и цветы, и плоды, и всевозможные услады; потом сказали ему, чтобы он не переступал неких назначенных пределов; теперь вы мне скажите, кто тот человек, который сможет его удержать, когда он захочет их переступить? Нельзя давать законов тому, кто их хозяин».

Ну не мудрец ли Бенвенуто Челлини?! И главное, эта формула годится на все времена, и сейчас, в 2011-м, она и нам очень подходит.

Отношения с папой и встреча с императором

Новый папа Павел III был благосклонен к Бенвенуто, правда, заказы были все больше незначительные. И вдруг новость — ожидается приезд императора, папа должен встретить его достойным подарком. Здесь понадобились услуги Бенвенуто для серьезной работы.

Обсудили, поговорили, согласились, что «золотой крест с Христом» — великолепный подарок. Бенвенуто очень устраивала эта работа, потому что можно было использовать заготовки, три золотые фигурки — Вера, Надежда, Любовь — те самые, которые он делал для «роковой чаши» Климента VII. Как вы помните, чаша эта так и не была доделана.

Бенвенуто расстался с папой в самом хорошем настроении, на следующий день предстояло получить деньги от Латино Ювенале (1486–1553), настоятеля храма Святого Петра. Настоятель относился к Бенвенуто вполне дружелюбно, он не ждал от него подвоха, и вдруг вместо того, чтобы дать деньги на крест, он заявляет от имени папы, что крест делать не надо. «Была у этого Латино изрядная сумасшедшая жилка — дать папе новый замысел, который исходил только от него» — так характеризует Бенвенуто настоятеля. Поскольку у нашего героя «изрядная сумасшедшая жилка» тоже была в наличии, он высказал горячий протест. Латино вполне резонно заявил: заказчики-то мы, а ты только исполнитель, и вчера с папой они придумали лучший подарок для императора.

— Ни вам, ни папе никогда не придумать ничего лучшего, чем то, где участвует Христос; а теперь можете говорить всю придворную чепуху, какую знаете, — был ответ Бенвенуто.

Сам обхамил и сам назначил Ювенале в стан врагов, а это значит, стал вздорен, невежлив, труден. Латино Ювенале был образованнейшим человеком, гуманистом, он дружил с огромным количеством писателей, наверное, ему, по меньшей мере, заносчивость Бенвенуто казалась смешной. В том, что отношения с Павлом III начали со временем портиться, вряд ли виноват Латино Ювенале, но Бенвенуто винил именно его. Но пока папа не отказался от услуг Бенвенуто.

Речь шла о подарке императрице, им стал драгоценный сборник молитв Мадонне, исключительно хорошо расписанный миниатюристом Ванченцо Раймонди. Этот молитвенник стоил более 2000 скудо, теперь папа заказал сделать для него

массивный золотой оклад, украшенный драгоценными камнями. Камни стоили еще шесть тысяч, так что подарок должен был выглядеть богато. Бенвенуто с охотой взялся за оклад, сделал истинную красоту с множеством фигур, листьев и финифти, в которой блистали драгоценные камни. Но император приехал раньше ожидаемого срока, и Бенвенуто не успел довести работу до конца.

Здесь в автобиографии Бенвенуто, то есть в его «Жизни…», наличествует явная ошибка. Карл V приехал в Рим в апреле 1536 года, то есть за восемь месяцев до убийства герцога Алессандро. В своей книге Бенвенуто, при своей фантастической памяти, допускал много неточностей и географических, и хронологических, но по большому счету это не важно. В рассказе о его судьбе я сохраняю его собственную хронологию, где-то он подвирает, где-то додумывает. Ну и что? Имеет право. И я не хочу загонять его свободную прозу в новые рамки, тем более что никто не знает, «как было на самом деле».

Рим принимал императора пышно, настроил триумфальных ворот, устроил трибуны, развесил флаги. Было решено, что Бенвенуто сам преподнесет Карлу V свое изделие. Заранее отрепетировали с папой речь. Как объяснить, что оклад не совсем готов? Бенвенуто предложил выход — сошлюсь на болезнь, тем более что вид мой, худой и изможденный, это подтверждает. От имени понтифика он должен был сказать такие слова: мол, поднося эту книгу, подношу вам и самого себя.

— Но хватит ли у тебя духу говорить также спокойно и разумно, как ты говоришь со мной, говорить с самим императором?

Вот ответ Бенвенуто папе:

«— У меня хватит духу говорить с императором; ибо император ходит одетым, как хожу я, и мне будет казаться, будто я говорю с человеком, который создан, как я; чего со мной не бывает, когда я говорю с его святейшеством, в каковом я вижу гораздо больше божественности как из-за церковных убранств, каковы мне являют как бы некое сияние, так и вместе с прекрасной строгостью его святейшества; все это внушает мне больший трепет, чем то, что есть у императора».

Бенвенуто умел быть светским человеком, самый изысканный подхалимаж уживался в нем с непомерной гордостью.

Наконец, торжественная встреча во дворце. Перед Бенвенуто слово держал папский камерарий Дуранте Дуранти (спустя восемь лет папа сделал его кардиналом), который дарил императору двух великолепный турецких коней из конюшни покойного Климента VII. Дуранте был брешианец, от местного

диалекта трудно избавиться, поэтому он говорил с акцентом, да и язык у него от страха заплетался. Потом слово получил Бенвенуто, на фоне Дуранте он выглядел блестящим оратором.

«— Священное величество, наш святейший папа Павел шлет эту книгу Мадонны для подношения вашему величеству, каковая написана от руки и расписана рукой величайшего человека, который когда-либо занимался этим художеством; а этот богатый оклад из золота и драгоценных камней столь незакончен по причине моего недомогания; поэтому его святейшество вместе со сказанной книгой преподносит также и меня, и чтобы я последовал за вашим высочеством кончать ему эту книгу, и, кроме того, во всем, что оно пожелало бы сделать, дотоле, пока я жив, я бы ему служил».

Император тоже был на высоте. С благосклонной улыбкой он сказал, что книге рад, но желает, чтобы ее окончили в Риме и чтобы, когда она будет готова, Бенвенуто сам бы ее привез. Откуда священное величество знает мое имя? Как же, как же, мы видели дивной работы застежку, сделанную для папы Климента VII. Помимо войн, новых законов, радения о собственной империи, перестройки Альгамбры и прочего, Карл V знаменит еще тем, что он сам, САМ, поднял кисть, упавшую из рук старого Тициана и отдал ее с поклоном художнику. Карл V умел ценить работников искусства.

Кончил рассказ о столь значимой встрече Бенвенуто в своем обычном ключе. Уходя, он слушал, как император сказал:

— Пусть Бенвенуто сейчас же выдадут 500 золотых скудо.

Некоторое время спустя во дворец принесли испанские деньги.

— Кто тот человек, который разговаривал с императором?

— Я говорил, — выступил вперед косноязычный Дуранте.

Ему и отдали всю сумму. Бенвенуто пожаловался на несправедливость папе, и тот сказал: «Не беспокойся, сочтемся. Свою часть из этих денег ты получишь». Бенвенуто так и не понял, получил ли он свою часть. При общем расчете за все ювелирные работы он получил в три раза меньше, чем ему было обещано. Но это общая участь художников. Надо помнить, что самое большое счастье для них — сам процесс работы, а плата за него — это — тьфу! — дело вторичное. Но в XVI веке художники не были так смиренны.

Не могу обойти молчанием рассказ Бенвенуто о том, как он неожиданно для себя вмешался в политические и военные дела большой Европы. Карл V подарил папе удивительной красоты алмаз, а Бенвенуто сделал с ним перстень еще более «удивительной красоты». Он пошел с эти перстнем во дворец и,

«так как дверь для меня никогда не запиралась», беспрепятственно явился в папские покои в момент очень важного разговора понтифика с маркизом дель Васто. Маркиз в чем-то горячо уверял папу. Бенвенуто уловил ответ последнего:

— Я вам говорю — нет. Мне не надлежит вмешиваться.

Бенвенуто ушел за штору, но папа увидел его и велел войти. Маркиз отошел к окну, а папа весь сосредоточился на новом перстне. Рассматривая его и хваля работу, он сказал негромко:

— Бенвенуто, начни со мной важный разговор и не останавливайся до тех пор, пока маркиз не уйдет.

Бенвенуто не надо было повторять дважды. Язык у него был великолепно подвешен, а здесь он мог вволю поговорить о ювелирном деле. Он рассказал, как трудно было работать с этим алмазом, который «немного тонок», и ведь главное — разумно подсветить алмаз, а для этого сделать «блесну», чтобы сияние было полноценным, и т. д. Маркиз кусал в нетерпении губы, а папа слушал ювелира с явным удовольствием. Наконец гость ушел в величайшем гневе.

Оказалось, что Альфонсо д'Авалос, маркиз дель Васто, таково было полное имя командующего войсками Карла V, уговаривал папу вступить в войну с Францией. Шла так называемая Третья Итальянская война (1536–1538). В 1535 году умер миланский герцог Франческо II Сфорца, и Карл V тут же объявил Ломбардию владением империи. В ответ Франция заявила права на Милан и Савойю. И пошла рубка! После разгрома Рима в 1527 году Ватикан принял решение не вмешиваться в европейские войны, а маркиз дель Васто призывал папу Павла III нарушить это правило и выступить на стороне испанцев. Бенвенуто невольно помешал осуществиться этому кровавому плану.

За кольцо папа обещал заплатить 1000 скудо. Оклад для молитвенника Мадонне тоже был окончен, и Бенвенуто собрался было ехать к императору, как и было договорено, вручить подарок. Но вместо него поехал сын побочной дочери папы — молоденький Сфорцо Сфорцо. На вопрос императора, где же сам мастер, юноша, как и было велено папой, ответил, что Бенвенуто болен. С оплатой за перстень опять вышла неувязка, вместо обещанной тысячи папа заплатил 150 скудо.

Охлаждение понтифика было очевидным. Бенвенуто стал замечать, что «уже не мог войти в комнаты (папы) с той легкостью, как прежде, а даже с превеликим затруднением». Ясно было, что при дворе кто-то мутит воду, опять клеветники, завистники и интриганы, сам-то он чист. Некий доброжелатель, близкий к папскому двору подлил масла в огонь. Он рассказал Бенвенуто о некоей общей беседе во дворце. Якобы в обществе

своих приближенных папа хвалил работы Бенвенуто, а настоятель собора Святого Петра Латино Ювенале, он тоже был там, заявил:

«— Нет никакого сомнения, что Бенвенуто — человек изумительных дарований; но если даже всякий человек естественно готов больше любить своих земляков, чем других, то все ж таки следовало бы хорошенько соображать, каким образом надлежит говорить о папе. Ему довелось сказать, что папа Климент был прекраснейший государь, какой когда-либо бывал, и столь же даровитый, но только неудачливый; и говорит, что ваше святейшество как раз наоборот, и что эта тиара плачет у вас на голове, и что вы похожи на разодетый сноп соломы, и что ничего-то в вас нет, кроме удачи».

Я привела речь Латино Ювенале в полном соответствии с подлинником, чтобы явно было видно, насколько она неправдоподобна. Папе Павлу III в ту пору было шестьдесят девять лет. Портрет этого величественного, хитрого и строгого старика нам оставил Тициан. Никому не могло бы прийти в голову называть его снопом соломы. Но если кто-то сдуру и высказал подобное, Латино Ювенале ни в коем случае не повторил бы этого. Может быть, собравшиеся приближенные вспомнили Данте, он уже был в Италии «наше всё», и его часто цитировали. Вот стихи из «Божественной комедии»:

Те стены, где монастыри цвели,
Теперь вертепы; превратились рясы
В дурной мукой набитые кули.

Но это все мои фантазии. Бенвенуто мог противопоставлять благодетеля своего Климента VII новому папе, но не в таких выражениях. Сам он категорически все отрицает: «И в разум мне ничего подобного никогда не приходило». Бенвенуто решил, что засиделся в Риме, «…я увидел, что папа обо мне уже не того мнения, что прежде, потому что злые языки замутили мне великую службу, и из страха, чтобы те, кто мог, не сделали мне хуже, поэтому я расположился поискать другую страну, чтобы посмотреть, не найду ли я лучшей удачи…»

Путешествие

Бенвенуто уехал из Рима 2 апреля 1537 года. Все свое хозяйство и скарб он оставил Феличе, сказав при этом, что если, не приведи бог, не вернется назад, то пусть Феличе всем этим и владеет. С собой Бенвенуто взял двух подмастерьев: перуджинца Джироламо Паскуччи, который позднее сыграл такую неблаговидную роль по отношению к своему хозяину, и некоего Асканио дей Мари, ставшего прообразом героя романа Дюма и приобретшем благодаря этому посмертную славу.

Считалось, что Бенвенуто едет во Францию, чтобы обрести в лице короля нового заказчика, но он явно не торопился в Париж. Вначале они втроем отправились во Флоренцию, оттуда в Болонью, далее в Венецию, потом в Падую. Здесь Бенвенуто задержался, вначале ради своего друга Альбертаччо Бене, а потом ради известного всей Италии старца Пьетро Бембо. Знаменитый венецианский патриций и литератор Бембо (1470–1547) жил в Падуе в роскошном дворце. Когда-то он был секретарем папы Льва X, потом в Венеции занимался творчеством, а также создал библиотеку Святого Марка, написал на латыни историю родного города, потом сам перевел ее на итальянский язык. В конце жизни он стал кардиналом. Пьетро Бембо не был великим писателем или поэтом, но он очень преуспел в теории литературы, став творцом современного литературного языка.

Бембо уговорил Бенвенуто остаться у него в доме со своими людьми, приглашение было принято. У хозяина была своя задумка, он хотел, чтобы Челлини сделал его изображение на медали, тот сразу согласился. Тут же был найден «белейший гипс в коробочке». «… первый день я работал два часа кряду и набросал эту замечательную голову настолько удачно, что его милость остался поражен; и так как тот, кто был превелик в своих науках и в поэзии в превосходной степени, но в этом моем художестве его милость не понимал ничего решительно, то поэтому ему казалось, что я ее кончил, в то время как я ее едва только начал, так что я никак не мог ему объяснить, что она требует много времени, чтобы быть сделанной хорошо». Это в воске делать два часа, а делать в стали и двести часов мало. Но и делая в воске, Бенвенуто очень долго возился с этой головой.

Он обещал окончить работу во Франции, а потом доставить ее сюда. Бембо взмолился: ну хоть оборот медали сделайте сейчас. Оборот? Пожалуйста: «конь Пегас посреди миртовой гирлянды» был сделан за три часа. Восторг Бембо был полный, хотя он искренне не понимал, почему Пегаса можно сделать

быстро, а с портретом так много возни.

В Падуе надо было выкупить, а может, поменять трех коней. Бенвенуто приторговал их за 50 скудо, но торговец отказался брать деньги: я, мол, дарю их вам, талантливому человеку. Потом выяснилось, что за коней заплатил Пьетро Бембо, хотя сам он категорически это отрицал. Бенвенуто не обманул, он сделал обещанную медаль, только не совсем похожую на ту, что он описывает в книге. Сейчас эта медаль хранится в Санкт-Петербурге в Эрмитаже.

Теперь предстоял путь через Альпы. А. К. Дживелегов: «Челлини четыре раза побывал на альпийских перевалах. Он их не заметил. Его не тронула красота горный пейзажей. Как будто он ехал по пыльной дороге в Ареццо. В Средние века вообще не умели любоваться природой». Красот не заметил, природой не любовался, но опасные для жизни приключения описал очень подробно. Наши путешественники все время следовали за четырьмя немцами, которые вели себя совершенно бесстрашно и все время обгоняли итальянскую компанию. Бенвенуто это задевало.

8 мая двинулись через горы, «снег был превеликий». С трудом преодолели перевал и остановились в городке Валенштадт. Здесь их нагнал флорентийский гонец со странным именем Бузбакка. Бенвенуто знал его раньше, поэтому не удивился, когда гонец окликнул его и тут же стал просить денег, чтобы доехать до Лиона. При этом он твердил, что его поездка — дело секретное и государственное, что он везет письма Филиппо Строцци и что ему надо непременно помочь в столь важном деле. Судьба опять столкнула Бенвенуто с изгнанниками. Герцог Алессандро убит, но борьба за республику продолжается. Бенвенуто сказал, что денег не даст, но до Лиона довезет.

Благодарный гонец тут же разоткровенничался, показал кожаный чехол с серебряным стаканом и объяснил, что этот стакан полон драгоценных камней, которые принадлежат Филиппо Строцци. Практичный Бенвенуто тут же посоветовал вести драгоценности не в чехле, а на себе, а стакан продать ему. Стакан может стоить 10 скудо, он даст 25 — вот и деньги на дорогу. Но Бузбакка выбрал первый вариант, сказав, что продавать чужое добро ему мешает честь. Не в чести дело, просто он предпочитал преодолеть опасную дорогу в надежной компании.

Теперь на пути встала следующая преграда — озеро Валензее, длина пятнадцать миль, ширина около трех. Лодка не вызывала у Бенвенуто доверия: еловая, не очень большая, не толстая и даже не просмоленная. Собственно, это была не лодка в нашем

понимании, а что-то вроде струга или небольшой галеры. На подобную лодку вошли четверо немцев с лошадьми и поплыли, весело о чем-то разговаривая. Спутники Бенвенуто очень боялись плыть, но он, увидев, «какое они (немцы. — *Авт.*) выделывают зверство», решил, что немецкие воды особенные, если не топят людей, как итальянские.

Поплыли, с одной стороны «превысокая и пещеристая гора», с другой — «плоско и травянисто». На середине озеро стало «бурлить», течение было сильным, и гребцы попросили помощи у пассажиров. Пришлось сесть на весла. Видя, что гребцы напуганы, Бенвенуто попросил, чтобы их высадили на ближайший берег.

— Нельзя, — сказал лодочник, — там мели. Разобьем лодку о камни и все потонем.

Тут большая волна накрыла лодку, кто стенал, кто молился. Бенвенуто решил, что, если придет беда, надо прыгать в воду вместе с лошадьми, лошади сами доплывут до берега и им жизнь спасут. Меж тем четверо немецких дворян благополучно достигли противоположного берега, вылезли «на маленькой равнинке» и уже собирались продолжить путь вверх по горному склону.

— Нам тоже туда, — сказал Бенвенуто лодочникам, те стали отказываться.

Пришлось взяться за шпаги. Покричали, поругались, но приплыли к означенной «равнинке». На этом приключения не кончились. Дорога наверх была крутой, как «приставная лестница». Бенвенуто был в кольчуге, с пищалью в руке, лошади не шли, его уставшие спутники ругались без перерыва, дождь лил, «сколько Бог умел послать». А что немцы? «Эти черти, немецкие дворяне, с этими своими лошадками в поводу, вытворяли чудеса, потому что наши лошади не годились на этот предмет, и мы околевали от усталости, заставляя их взбираться на эту трудную гору».

Лошадям повезло еще меньше, чем людям. Одна из лошадей из-за неловкости «этого мошенника гонца» напоролась на копье, и ей поранили шею, другая сорвалась в пропасть. К седлу ее были приторочены две сумы, а в них деньги, одежда и прочее. Хуже того, там же находился кожаный чехол с драгоценными камнями. Люди стояли и смотрели, как кувыркается несчастная лошадь, а Бенвенуто говорил:

— Не беспокойтесь ни о чем! Будем спасаться сами и возблагодарим Бога за все. Мне жаль только бедного Бузбакку, который привязал к луке этой лошади стакан и свои драгоценные камни. Он думал, что так надежнее. Они стоят тысячи скудо, а моих денег там всего несколько сот скудо. Я не боюсь ничего на свете, была бы только со мной милость Божия!

Отчаянная минута! И тут Бузбакка сознался, что никаких драгоценных камней у него нет, серебряный стакан полон икры. Все рассмеялись, а он один плакал от стыда. Но кончился восход на гору неожиданно хорошо. Падающей под откос лошади удалось встать на ноги, вторую смогли со временем вылечить. Четверо немецких дворян, видя беды итальянцев, выслали им подмогу. Вся компания достигла «дичайшего пристанища», наверное, какой-нибудь хижины в горах, где обсушились, отдохнули и поужинали.

Далее шли города Аахен, Цюрих, Лозанна, Женева. Они понравились Бенвенуто, но только о Цюрихе он написал любовно: «Сурик, город изумительный и чистенький, как ювелирное изделие». В Лионе отдыхали целых четыре дня. Бузбакка встретил тех, кому вез письма, а Бенвенуто заплатили все деньги, потраченные им на гонца. Теперь был прямой путь в Париж к королю.

Столица Франции встретила Бенвенуто холодно. Вначале он пошел к своему другу живописцу Россо, рассчитывая, что тот поможет ему попасть на прием к королю. У Россо был трудный характер, в Риме он со всеми перессорился, уехал во Францию и стал там придворным художником.

— Зря ты приехал в Париж, Бенвенуто, — холодно сказал Россо при встрече. — Сейчас идет война, и наши безделки никому не нужны.

Вот те раз… В Риме Бенвенуто оказывал Россо «величайшие одолжения, какие человек может делать человеку», когда Россо потерял все заказы, буквально спас его от голода, потом ссудил крупной суммой денег, а теперь вместо благодарности он корчит из себя важного барина. Встретиться с Франциском I помог другой художник. Бенвенуто зовет его Згуаццелла, на самом деле это Андреа Кьяцелла, ученик Андреа дель Сарто. Ждать аудиенции его с Франциском I пришлось долго, потому что Россо интриговал против своего бывшего друга, но Бенвенуто дождался своего часа.

Встреча с королем состоялась в его загородной резиденции Фонтенбло. Их величество был приветлив и милостив, проговорили почти час, но видно было, что Франциску сейчас и впрямь не до ювелирных заказов. Обещаний было много, но все «на потом, когда кончится война», а пока король собирался в Лион. Тем не менее он дал распоряжение своему казначею, чтобы Бенвенуто тоже взяли с собой.

Что делать — поехал в Лион. Это путешествие было не без пользы, потому что Бенвенуто снискал глубокую симпатию высокопреосвященства кардинала Ипполито, сына Альфонса I,

герцога Феррарского. Кардинал проводил с Бенвенуто много времени и все уговаривал: мол, не огорчайся, умей ждать. Он предлагал ему пока пожить в аббатстве в Лионе, там будут все удобства. Кончится же когда-то эта проклятая война!

Но Бенвенуто не умел ждать, не умел жить без работы. Кроме того, он заболел «легонькой горячкой» (знать бы, что это такое) и еще страдал желудком, и вообще ему осточертели французы, их разговоры, их обещания. Он хотел назад, домой. Видя, что в Лионе Бенвенуто не удержать, кардинал Феррарский дал ему денег на изготовление в Риме серебряных кувшина и вазы. Вот и весь навар от такого сложного и мучительного путешествия.

Дома

16 декабря 1537 года Бенвенуто вернулся в Рим. К его удивлению, там его ждала масса заказов, верный Феличе постарался. Бенвенуто стремился работать на заказчиков высочайшего ранга — пап, королей и герцогов, клиентура Феличе была проще, зато многочисленнее. В отсутствие хозяина он открыл взамен старой новую мастерскую, она была просторной и более пригодной для работы. На короля Франциска Бенвенуто больше не рассчитывал, работы дома и так сверх головы, но вначале он принялся за обещанные кардиналу кувшин и таз.

Подмастерье Джироламо Распуччи, который ездил с ним в Париж, тоже работал в мастерской. Поскольку за поездку он ничего не заработал, Бенвенуто выставил ему счет, вполне, кстати, справедливый. Подмастерье был должен хозяину 70 скудо. Договорились и подтвердили договор соответствующей бумагой, что Распуччи будет выплачивать Бенвенуто каждый месяц по 3 скудо, при заработке в 8 скудо. Все записи Распуччи вел сам. Я так подробно описываю денежные дела, потому что сам Бенвенуто в этом вопросе был очень дотошен. Работа и оплата за нее всегда рядом, как две лошади в упряжке. Два месяца Распуччи аккуратно платил, а потом ему это надоело, и он ушел из мастерской, бросив недоделанные заказы.

Бенвенуто пришел в ярость. Он не звал Распуччи в путешествие, подмастерье сам напросился, а теперь налицо такая неблагодарность! Вначале Бенвенуто решил сам наказать мерзавца и ни много ни мало «отрезать ему руку», и сделал бы это, но друзья отговорили. Понимаете, какие вокруг этого клубились страсти. Те же друзья посоветовали подать в суд, что и было сделано. Разбирательство продолжалось несколько месяцев, но суд Бенвенуто выиграл, и Распуччи пошел в тюрьму.

Ах, лучше бы Бенвенуто не был столь настойчив! Но если дело касалось справедливости, он был готов на все. Мастерская продолжала работать в полную силу, у Бенвенуто было восемь работников, деньги текли рекой. Поступил и очень ответственный и интересный заказ — сделать украшения из золота и драгоценных камней для важной дамы — супруги синьора Джероламо Орсини Браччано. Бенвенуто пишет об этом с придыханием, потому что сын этой пары — Паоло Браччано — стал со временем мужем Изабеллы, дочери герцога Козимо I, у которого Бенвенуто работал последние годы жизни. При написании этих строк Бенвенуто не подозревал, как ужасна будет судьба красавицы Изабеллы. Паоло удавит жену собственными

руками в замке Черрето за прелюбодейство. Но все это имеет к нашему повествованию косвенное отношение.

В самый разгар работы Бенвенуто неожиданно получил письмо из Франции от кардинала Феррарского. «Бенвенуто, дорогой друг наш. В минувшие дни этот великий христианнейший король вспомнил о тебе, говоря, что желает иметь тебя на своей службе. На что я ответил, что ты мне обещал, что всякий раз, как я пошлю за тобой для службы его величеству, ты тотчас же приедешь. На эти слова его величество сказал: «Я хочу, чтобы ему было послано удобство, дабы он мог приехать, как того заслуживает такой человек, как он», и тотчас приказал своему адмиралу, чтобы он велел казнохранителю выплатить мне тысячу золотых скудо». Судя по стилю, Бенвенуто цитирует письмо по памяти, поэтому не будет греха, если я расскажу концовку своими словами. При разговоре присутствовал кардинал де Гадди, который вылез вперед и заявил, что уже выслал Бенвенуто деньги и что он уже в пути. Если слова кардинала чистая выдумка, то напиши мне сразу, потому что «я свяжу нитку наново и устрою, чтобы тебе дали деньги, обещанные этим великодушным королем».

Как мог на такое послание отреагировать Бенвенуто? «Теперь пусть видит мир и кто в нем живет, — пишет он в своей книге, — сколько могут зловредные звезды с супротивной судьбой над нами смертными. Я и двух раз не говорил за все свои дни с этим дурачком кардиналишкой де Гадди…» Это «глупое чучело» выступило перед королем с единственной целью, чтобы показать, что и он-де, Гадди, при никчемности своей тоже интересуется искусством». И так далее и тому подобное, в книге ругани Бенвенуто на целую страницу, однако ответ кардиналу Феррарскому был очень вежлив и сдержан. Бенвенуто написал, что про де Гадди ничего не знает, но если его высокопреосвященство призовет его в Париж, то он приедет не раздумывая.

Но не тут-то было, судьба уже ухватила Бенвенуто за полу — «Аннушка уже масло на рельсы пролила». Заключенный Распуччи придумал месть и сделал на Бенвенуто донос. Я не знаю, в письменной или устной форме, но он заявил, что его хозяин вор. Суть доноса такова: Распуччи работал с Бенвенуто много лет и знает, что он очень богатый человек. Состояние мастера оценивается в 80 тысяч дукатов, а большая часть богатства — это украденные у церкви драгоценные камни. Воровство произошло тогда, когда папа Климент VII прятал церковную казну в замке Святого Ангела в 1527 году.

Доказательств этому не было никаких, и, может быть, делу не

дали бы ход, если бы не внебрачный сын папы Павла III — Пьеро Луиджи Фарнезе. Мы уже встречались с ним на этих страницах в истории со слугой, который хотел жениться на дочери убитого Помпео. Допрос Распуччи вел один из секретарей Пьеро Луиджи, он и сообщил об этом хозяину.

Бенвенуто арестовали 16 октября 1538 года. Он пошел прогуляться после работы, вышел на страда Юлиа, на углу Кьявики Креспино де'Бони со своей стражей подошел к нему и сказал:

— Бенвенуто, ты пленник папы.

Зловредные звезды посмеялись второй раз. Помня о мистических силах, которые руководят его судьбой, Бенвенуто пишет: «Арест произошел на том самом месте, где я убил Помпео».

Нравственность в эпоху Возрождения

После прочтения этой главы читателю надлежит определить, насколько справедливы потомки, обвиняя Бенвенуто Челлини в безнравственности. А. Ф. Лосев: «В этом бурном развитии индивидуалистических страстей и в этом стихийном самоутверждении человеческой личности в эпоху Ренессанса для нас чрезвычайно много близкого, симпатичного и даже родного». Гуманисты провозгласили гордого, умного, образованного человека, свободного от всяких пут, средневековых религиозных предрассудков и условностей. Ах, это сладкое слово «свобода»! Свобода от чего? Да от всего! В наше время свобода — это прежде всего возможность высказать свое мнение, это свобода поступка. От каких же пут и условностей освободили себя гуманисты? Здесь много можно говорить, но между делом они освободили себя от понятия «нравственность».

И опять вспомню Канта и звездное небо. Современная наука началась с Коперника, Джордано Бруно и Галилея. Что касается «нравственности внутри нас», то кажется, что про нее не просто забыли, а ее словно и не было никогда. Десять заповедей, семь смертных грехов — вот катехизис Средневековья. Все пошло прахом — убивали, воровали, грабили, желали жен ближнего своего, а также жилья этого ближнего и его рабов, и рабынь, пьянствовали и обжирались, были завистливы, гневливы и при этом необычайно горды, прямо как во всей известной цитате Горького: «Человек — это звучит гордо!» Поэтому писать об утерянной в Возрождение нравственности тяжело и горестно.

Понятно, что эпоха Возрождения, к которой мы все относимся с величайшим вниманием, почтением и любовью, разобрана теоретиками искусства и философами по нитке. Я думаю, что количество безобразий, учиненных «населением», более-менее постоянно во времени, за исключением войн, революций и «вдруг обретенной свободы».

Нельзя сказать, что падение нравов коснулось всего народа. Труженик занят по горло, ему бы деньги заработать и семью содержать. Как жил и развлекался средний класс — читай «Декамерон». Основой общества служила семья, во главе которой стоял отец — хозяин. До Фомы Аквинского женщина приравнивалась к «вещам, необходимым мужчине для продолжения рода», в эпоху Ренессанса она приобрела относительную свободу, но «установку» святого Иеронима помнили твердо, а он считал, что женщина суть «врата демона, путь вероломства, жало скорпиона».

Обычно состоятельные семьи имели большое количество обслуги, чаще всего это были женщины. С удивлением узнала, что в Италии в ту пору существовала работорговля. Рабов, в основном рабынь, привозили из Северной Африки, с Востока, из Крыма и Руси. Рабыня целиком зависела от воли хозяина, но и положение служанки из местных было не лучше. Помимо хозяйственных работ, они должны были удовлетворять сексуальные нужды и хозяина, и его сыновей. Естественно, появлялись внебрачные дети. Как ко всему этому относится хозяйка дома? Терпит.

В городах процветала проституция. Во времена Данте проституткам предписывали селиться в пригородах, на удалении от храмов и монастырей. Если проституцией занимались внутри города, девиц по закону могли наказать плетью или выжечь каленым железом клеймо на правой щеке. Но после 1350 года уже строили коммунальные бордели, с которых брали налог. Потом наступила «сексуальная революция», когда жены почтенных горожан занимались проституцией в домах терпимости — и заработок, и удовольствие.

Свобода от правил морали коснулась в основном богатой и образованной части общества во главе с папой и верховной властью городов. Подлинная жизнь этой части общества отражена в документах, хрониках, опросных и пыточных листах, а также в литературе, легендах и мифах. Миф сродни сплетне, было не было, но на пустом месте он не возникает, нужна предыстория. Пример горожанам давала церковь, начисто забыв, что ее первостепенная забота печься о нравственности прихожан.

Самой мне трудно осилить эту тему, мне могут просто не поверить, поэтому я буду все время ссылаться на безусловного авторитета в этом вопросе — А. Ф. Лосева: «Всякого рода разгул страстей, своеволия и распущенности достигает в возрожденческой Италии невероятных размеров. Священнослужители содержат мясные лавки, кабаки, игорные и публичные дома, так что приходится неоднократно издавать декреты, запрещающие священникам «ради денег делаться сводниками проституток», но все напрасно. Монахини читают «Декамерон» и предаются оргиям, а в грязных стоках находят детские скелеты как последствия этих оргий. Тогдашние писатели сравнивают монастыри то с разбойничьими вертепами, то с непотребными домами. Тысячи монахов и монахинь живут вне монастырских стен. В Комо вследствие раздоров происходят настоящие битвы между францисканскими монахами и монахинями, причем последние храбро сопротивляются нападениям вооруженных монахов. В церквах пьянствуют и пируют, перед чудотворными иконами развешаны по обету

изображения половых органов исцеленных этими иконами. Францисканские монахи изгоняются из города Реджио за грубые и скандальные нарушения общественной нравственности, позднее за то же из этого же города изгоняются и доминиканские монахи». Страшновато, прямо скажем.

Рыба, как известно, портится с головы. Папы не только смотрели на эти безобразия сквозь пальцы, но и сами развлекались «по полной».

«Папский двор стал одним из наиболее притягательных центров для гуманистов», — пишет энциклопедия, но каждый из пап относился к движению по-своему. Например, при Николае V почти все представители гуманизма находились у него на службе, этой же линии придерживался его преемник Пий II. Не так себя вел папа Павел II: он не признавал республиканский способ правления, при нем некоторые представители Возрождения попали в руки инквизиции и были подвергнуты пытке. Но уже при Сиксте IV, Александре VI, Юлии II и Льве X «расцвели все цветы» и в живописи, и в скульптуре, и в литературе, и в философской мысли. Именно в этот время нравственность опустилась до нуля.

Тон в порочном поведении задавал сам папский двор. Имя папы Александра VI (1492–1503) в миру — Борджиа. Его незаконный сын Чезаре Борджиа, отважный воин, дипломат, интриган и убийца, послужил для Макиавелли прообразом героя его «Государя». Сам папенька был крайне неразборчив в средствах, с помощью которых устранял соперников и увеличивал богатство папского дома. В дело шли яд, наемные убийцы, конфискация имущества, оговоры, доносы. Развлечения папского двора приводят в оторопь. При дворе папы Александра VI жил немец Иоганн Бухард, который вел «Дневник». В «Дневнике» Бухард не давал оценок, он просто добросовестно, изо дня в день, записывал все, что представало его взору. «Дневник» первый раз был издан в 1803 году, некоторые особенно пикантные места были вымараны цензурой. Но, как известно, «рукописи не горят», запрещенный текст все-таки со временем попал в печать. Вот некоторые выдержки: «В последнее воскресенье октября месяца, вечером, ужинали с герцогом Валантинуа (так Бухард называет Чезаре Борджиа — по имени его герцогства). В его покоях апостольского дворца находились пятьдесят добропорядочных блудниц, именуемых куртизанками, которые после ужина плясали со слугами и другими, там находившимися, сперва в одеждах, а потом обнаженные. После ужина поставили на пол обыкновенные настольные канделябры с зажженными свечами, а перед канделябрами разбросали по полу каштаны, и куртизанки

собирали их, шагая через канделябры, с голыми ногами и руками. Папа, герцог и Лукреция присутствовали и наблюдали это. Наконец, были выставлены подарки, шелковые плащи, башмаки, шляпы и прочее для тех, кто согласно приговору присутствующих больше познает вышеозначенных куртизанок, что было произведено тут же во дворце, и победителям розданы были награды».

«Во второе воскресенье Адвента некий замаскированный человек поносил в городе герцога Валантинуа бесчестными словами. Узнав это, герцог велел поймать его; ему отрезали кисть руки и переднюю часть языка, которую привязали к меньшему пальцу отрезанной руки».

«…в первый день февраля не были допущены к кардиналу Орсини Антонио де Писторио люди, которые ежедневно приносили ему еду и питье, посылаемые ему матерью. Рассказывали, что папа требовал у кардинала Орсини 2000 дукатов, которые дал ему один из его родственников Орсини, и какую-то большую жемчужину, которую сам кардинал купил у некоего Вирджинио Орсини, своего родственника, за 2000 дукатов. Мать кардинала, узнав об этом, чтобы выручить сына, дала папе 2000 дукатов; а жемчужина была у наложницы кардинала. Переодетая мужчиной, она явилась к папе и вручила ему вышеназванную жемчужину. После этого он разрешил, как и прежде, передавать пищу кардиналу, который уже выпил, как полагали, предназначенную чашу, приготовленную для него по приказанию папы».

Все это звучит как зловещий роман, но ведь документ! Сын папы Чезаре Борджиа был прямо-таки сатанинским злодеем.

Он убил своего брата герцога Гандиа, труп бросили в Тибр. Все это видел паромщик, его призвали к ответу — почему не доложил губернатору? Тот ответил: «С тех пор как я занимаюсь перевозом, я видел, как более 100 трупов было брошено в этом месте реки, и об них еще ни разу не производилось следствия. Поэтому я думал, что этому случаю не будут придавать значения больше, чем предыдущим». В Риме каждую ночь находили убитыми не менее пяти человек, чаще всего это были прелаты или епископы. Виновных в смерти не искали, потому что все знали, что это сделано по приказу Чезаре Борджиа. Чаще всего причиной убийства было желание завладеть состоянием жертв. Именно с этой же целью Цезарь вместе с папой Александром VI отравили трех кардиналов — Орсини, Феррари и Микаэли. А. К. Лосев: «Этот самый Цезарь Борджиа был для Макиавелли образцом идеального государя. Макиавелли восхищался его политической логикой, последовательностью и энергией, беспощадностью и

самообладанием, умением молчать и железной волей; он оплакивал в нем великого государственного деятеля, который мог бы объединить Италию».

А. К. Лосев: «В Италии той эпохи нет никакой разницы между честными женщинами и куртизанками, а также между законными и незаконными детьми. Незаконных детей имели все: гуманисты, духовные лица, папы, князья. У Поджо Браччолини — дюжина внебрачных детей, у Никколо д'Эсте — около 300. Папа Александр VI, будучи кардиналом, имел четырех незаконных детей от римлянки Ваноцци, а за год до своего вступления на папский престол, уже будучи 60 лет, вступил в сожительство с 17-летней Джулией Фарнезе, от которой вскоре имел дочь Лауру, а уже пожилую свою Ваноццу выдал замуж за Карло Канале, ученого из Мантуи. Имели незаконных детей также и папа Пий II, и папа Иннокентий VIII, и папа Юлий II, и папа Павел III; все они — папы-гуманисты, известные покровители возрожденческих искусств и наук. Папа Климент VII сам был незаконным сыном Джулиано Медичи. Кардинал Алидозио, пользовавшийся особым благоволением папы Юлия И, похитил жену почтенного и родовитого флорентийца и увез ее в Болонью, где был тогда папским легатом. Кардинал Биббиена, друг папы-гуманиста Льва X, открыто сожительствовал с Альдой Бойарда».

При этом целибат (безбрачие) официально сохранялся. Папа Бонифаций VIII высказал суждение, что правило соблюдать целибат распространяется только на представителей трех высших рангов духовенства. Видимо, высокое духовенство решило, что сожительство вне брака не является грехом. Внебрачное сожительство (конкубинат) стало обычным делом. Италию звали «страной бастардов».

Но как относиться к внебрачным детям? Пьер Антонетти в своей книге «Флоренция во времена Данте» пишет: «Если флорентийское рабство возмущает нашу нравственность, то положение незаконнорожденных детей делает честь Флоренции времен Данте». И тут же ссылается на Дж. Пинто (G. Pinto): «Италия среди стран Европы, Тоскана среди итальянских регионов и Флоренция среди городов Тосканы имеет ту заслугу, что первой отказалась от предрассудка, согласно которому умаляется достоинство детей, родившихся от связи, не узаконенной надлежащим образом». Приходится согласиться, дети и вовсе безвинны и не должны отвечать за разврат родителей. Законное признание делало незаконных детей равными в правах с детьми, рожденными в браке П. Антонетти: «Это признание могло совершаться при рождении ребенка, при его вступлении в брак, по завещанию. Являясь исключительной

привилегией пфальцграфа (императорского наместника), процедура признания стала настоящим коммерческим предприятием. Знатные фамилии по этому поводу обращались к папе римскому или императору и всегда получали положительный ответ, если речь шла о мальчике, но не всегда, если просили о девочке».

Но мир полон противоречий. Отношение к браку было очень строгим. Требовалось соблюсти три основных правила: девственность невесты, супружеская верность жены (не мужа) и невозможность развода. П. Антонетти: «В те времена, в отличие от наших дней, девушки не вызывали интереса мужчин. Сочинения куртуазных стихов воспевают только замужних женщин. Все они, подобно Данте и Беатриче, Петрарке и Лауре, Боккаччо и Фьяметте, пылают любовью к респектабельным замужним дамам, возможно, матерям семейства. Девственность — это табу, нарушение запрета чревато большим риском, девушка не может удовлетворить любовного пыла кавалера». Таков обычай, но обычай на то и придуман, чтобы его нарушать.

А. К. Лосев: «В Милане герцог Галеаццо Сфорца услаждает себя за столом сценами содомии». На словах церковь была категорически против содомии. По средневековым законам этот смертный грех карался конфискацией имущества, сожжением на костре участников и дома, где происходило действо, но со временем гомосексуализм стал столь популярен, что в Германии содомитов называли «флорентийцами». С содомией боролись, но бывали времена, когда проституцию начинали поощрять, потому что уж слишком расцветал «гнусный грех». Проституткам запрещали надевать мужскую одежду, чтобы они таким видом не старались прельщать мужчин.

Я могу еще рассказать, как герцог Козимо пытался изнасиловать собственную дочь, как брат брату из ревности выколол глаза… или рубил руки… или… Все, не хочу больше писать про ИХ пороки. Если начать подробно, внимательно, глядя как бы со стороны, писать о нравственности моего отечества в XX веке, а потом о последнем десятилетии этого века и, наконец, о начале XXI, то неприглядная, прямо скажем, страшная получится картина. А мы ведь тоже переживаем ренессанс, только технический и научный, высокого искусства у нас нет. Художник Кулик — наш Микеланджело. Так что же нам их, великих, судить?

В замке Святого Ангела

Ну не насмешка ли судьбы? Арестованного Бенвенуто препроводили туда, где десять лет назад он так отчаянно и бесстрашно защищал этот город. Прежде чем продолжить повествование, несколько слов от Пьеро Луиджи.

Папа Павел III очень любил своего побочного и признанного сына Пьеро Луиджи Фарнезе (1503–1547), вначале он сделал его графом в Кастро, а в 1545 году Пьеро Луиджи стал герцогом Пармы и Пьяченци. Характер у новоиспеченного герцога смолоду был вздорный, жестокий, капризный и самовластный. В Парме он правил круто и потому недолго. У Пьеро Луиджи было два сына — Алессандро и Оттавио. Есть великолепный групповой портрет кисти Тициана, он находится в Неаполе в музее Каподимонте. На нем изображен согбенный старик — Павел III — и два его внука — Алессандро и Оттавио. Эти внуки и порешили своего отца. В 1547 году в Парме был организован заговор, Пьеро Луиджи был убит, а герцогский престол занял его сын Оттавио. Он правил Пармой долго и успешно, в чем ему помогала жена — внебрачная дочь Карла V Маргарита (и вдова флорентийского герцога Алессандро).

О нравственности Пьеро Луиджи говорит история, помещенная в сборник анекдотов того времени. Анекдотом в XVI веке называли не смешную короткую придумку, а реальный, достойный внимания случай. Сама я обнаружила эту историю в ссылках у Стендаля. Не будь Стендаля, может быть, я и не решилась бы ее приводить из-за излишней пряности и откровенности.

«Мессир Козимо Гери Пастойя был епископом Фано в возрасте двадцати четырех лет, но он обладал такими познаниями в литературе греческой, латинской и итальянской и такой святостью нравов, что это было почти невероятно. Этот юноша предавался заботам о своей епархии, где, полный усердия и благочестия, ежедневно совершал много добрых дел; в это время Пьеро Луиджи Фарнезе, опьяненный своим могуществом и уверенный в том, что благодаря мягкости отца не только не будет наказан, но даже не получит выговора, проезжал по церковной области, оскверняя всех понравившихся ему из встречных юношей, с их согласия или насильно. Он выехал из города Анконы и направился в Фано. Городом этим управлял один монах, изгнанный из Мирандолы, который жив еще до сих пор; его называли голодным епископом по причине бедности и нищеты его скаредной жизни. Узнав о прибытии Пьеро Луиджи и

желая встретить его, он просил епископа отправиться с ним, чтобы оказать честь сыну первосвященника; епископ сделал это, хотя и неохотно.

Первое, о чем спросил епископа Пьеро Луиджи епископа, при этом все, по своему развратнейшему обыкновению, называя непристойными собственными именами, было, как он развлекается и получает удовольствие с красивыми дамами Фано. Епископ, бывший человеком столь же ловким, сколь добрым, ответил скромно, хотя и с некоторым негодованием, что не таковы его обязанности, и прибавил, чтобы отвлечь его от этой темы:

— Ваше превосходительство оказало бы благодеяние этому городу, разделенному на партии, если бы объединило и умиротворило его своей мудростью и властью.

Пьеро Луиджи, отдав распоряжение сделать на следующий день то, что задумал, приказал сперва позвать губернатора, а после епископа. Губернатор вышел из комнаты тотчас после того, как епископ вошел, и Пьеро Луиджи хотел совершать постыдные действия, какие совершают с женщинами, а так как епископ, хоть и был весьма слабого сложения, упорно защищался — не от Пьеро Луиджи, который, больной французской болезнью, едва держался на ногах, но от других его сообщников, крепко его державших, — то они связали его, как он был, в стихаре, за руки, за ноги и поперек тела, а пока Пьеро Луиджи с помощью двух человек с той и другой стороны насильно срывал с него стихарь и другие одежды и насильно удовлетворял свою бешеную страсть, синьор Джулио ди Пье ди Дукко и граф ди Питильяно, которые, может быть, живы до сих пор, не только держали у его горла обнаженные кинжалы, постоянно угрожая убить его, если он пошелохнется, но также били его то лезвиями, то рукоятками, так что остались следы. Епископ, с которым поступили столь гнусным образом, так взывал к Богу и ко всем святым, что даже те, кто принимал в этом участие, говорили впоследствии, что удивлялись, как не провалился не только дворец, но и весь город Фано. Епископ умер от насилия, причиненного его слабому телу, а больше от негодования и несравненной скорби.

Столь ужасная жестокость тотчас стала известной повсюду, так как совершивший ее не только не стыдился своего поступка, но похвалялся им. Один только кардинал Карпи, насколько мне известно, посмел сказать в Риме, что нет достаточного наказания, чтобы покарать этот поступок. Лютеране на позор папе и папистам говорили, что то был новый способ мучить святых, тем более что первосвященник, отец его, узнав великие и недопустимые гнусности, не обратил на них большого внимания,

назвав их проказами молодости; однако он тайно длиннейшей буллой отпустил ему все грехи, в которые он мог бы, так или иначе, впасть вследствие свойственной людям невоздержанности или по какой-либо другой причине».

И этот человек решил с помощью Бенвенуто поправить свои денежные дела! Понятно, что он ни перед чем не остановится. Луиджи был уверен, что Бенвенуто вор, и попросил у папы это украденное золото себе в подарок. Папа согласился, пообещав, что поможет взыскать с арестованного украденное.

Бенвенуто отвели в одну из верхних комнат замка и заперли. Через неделю он был вызван на допрос. Допрашивали трое: губернатор Рима Бенедетто Конверсини, фискальный прокурор и судья по уголовным делам. Разговор начали очень издалека, вначале почти ласково, потом резко и, наконец, с угрозами. Бенвенуто настолько был в себе уверен, что ни минуты не сомневался — сейчас все выяснится, и его освободят. Держался он раскованно и позволил себе такие слова:

«— Государи мои, вот уже больше получаса, как вы не перестаете меня спрашивать о таких баснях и вещах, что поистине можно сказать, что вы балабоните или что вы пустобаете; я хочу сказать: балабонить — это когда нет звука, а пустобаять — это когда ничего не означает, так что я прошу, чтобы вы мне сказали, что вы от меня хотите?»

И ему сказали, причем в очень резких выражениях. Они знают, что во время осады замка папа Климент VII поручил Бенвенуто вынимать драгоценные камни из тиар, митр и перстней и велел те камни зашить на его плаще. Но мы знаем также, что часть драгоценных камней, стоимостью 80 тысяч скудо, ты утаил. Закончили свою речь они так:

— Если ты во всем сознаешься и вернешь нам 80 тысяч скудо или сами камни, мы тебя тут же выпустим на свободу.

В ответ Бенвенуто расхохотался — вот вздор какой!

— Если то, что вы говорите про камни, — правда, то я ведь могу сказать, что взял эти драгоценные камни, чтобы сохранить их для церкви, и все это время ждал часа, чтобы вернуть их тому, кто их потребует назад.

Губернатор решил было, что уже добился признания, и готов был прекратить допрос, но не тут-то было, Бенвенуто только входил в раж.

— Я двадцать лет живу в Риме и ни разу не сидел в тюрьме!

— Ты в этом городе поубивал столько людей! — воскликнул рассерженный губернатор.

Далее Бенвенуто произнес целую речь, с моей точки зрения, многословную, но вполне справедливую и правомочную:

«— Вы так говорите, а я нет; но если бы кто-нибудь явился, чтобы убить вас, то вы, хоть и священники, стали бы защищаться, и если бы вы его убили, то святые законы вам это дозволяют; так что дайте мне сказать мои доводы, если вы хотите, чтобы вы могли доложить папе, и если вы хотите, чтобы вы могли справедливо меня судить… Скоро двадцать лет, как я живу в этом изумительном Риме, и в нем я произвел величайшие работы по своему художеству; и так как я знаю, что это престол Христов, я был бы готов уповать уверенно, что если бы какой-либо светский государь захотел учинить надо мной какое-нибудь смертоубийство, то я бы прибег к этой святой кафедре и к этому наместнику Христову, чтобы он защитил мою правоту. Увы, куда мне теперь идти?»

Дальше пошли прямые обвинения. Бенвенуто защищался. Его арестовали по нелепому доносу, но ведь папским драгоценностям ведется строгий учет. Есть ведомость, в которой учет всем камням ведется 500 лет. Вы смотрели эту ведомость?

Сверьтесь с ней, и вы увидите, что все камни папы Климента VII в целости и сохранности.

Правда, господа, одного кольца вы можете недосчитаться. Когда Джованни ди Гаттинара, посыльный Карла V, подписывал капитуляцию Рима, с руки папы Климента VII упало кольцо с алмазом. Да Гаттинара его поднял, а папа сказал: «Оставьте себе». Но он, Бенвенуто, уверен, что и это кольцо учтено в папской ведомости. Далее он перечислил свои подвиги, совершенные при защите замка Святого Ангела. Подвигов было много, рассказано все было с большим напором. Губернатор, прокурор и судья слушали Бенвенуто с большим удивлением, а потом молча удалились.

Ведомость учета драгоценных камней проверили, недостачу не обнаружили, но Бенвенуто остался сидеть под замком. Французским послом в Риме в то время был монсеньор ди Морлюк, а так как до Франциска I дошли сведения, что Бенвенуто сидит в тюрьме, он приказал послу выяснить, в чем там дело. Посол пошел на аудиенцию к папе. Бенвенуто пишет по этому поводу: «Папа, который был искуснейший и удивительный человек, но в этом моем деле вел себя как никчемный дурак».

— Пусть ваше величество не заботится о Бенвенуто, — сказал он послу. — Он сидит за убийство и за свой неукротимый нрав.

— Но мой король желал бы его видеть у себя на службе. Во Франции отличное правосудие. Как даровитый человек, Бенвенуто будет вознагражден, а как дерзкий и неспокойный — справедливо наказан. Отпустите его во Францию.

Папа решительно отказался. Ему не хотелось, чтобы дело о

похищенных камнях стало известно в Европе.

— Бенвенуто надо отдать в руки обыкновенных судей. Если суд скажет — виновен, надо наказать, если нет — отпустить на свободу, — продолжал посол.

Папа оскорбился таким советом: это что же значит — папский католический суд не правый? Однако было непонятно, что делать с пленником. И Павел III принял решение: пусть Бенвенуто будет под его присмотром, пусть пока посидит в замке, а там видно будет.

Надо рассказать, наконец, что представлял собой замок Святого Ангела, который Бенвенуто защищал с таким упорством и в котором потом претерпел великие муки. Все, кто был в Риме, не могли не видеть недалеко от собора Святого Петра эту громаду у реки Тибр.

В 135 году император Адриан (76–138) начал строительство мавзолея для себя и своей родни. Адриан — это тот самый император, который много воевал, очень много строил, был великим ценителем греческой и восточной культур и разрушителем Иерусалима. Непокорный город был уничтожен, храм Ирода срыт, а город на развалинах стал носить имя Адрианополя.

Достроить себе мавзолей он не успел. Усыпальница была закончена в 139 году. Туда перенесли урну с прахом императора, там же хоронили всех последующих римских властителей. Позднее, в III веке, вокруг мавзолея были возведены стены, он стал оборонительным сооружением.

Имя Святого Ангела мавзолей получил в 590 году. Легенда рассказывает, что в Риме свирепствовала чума и папа Григорий организовал крестный ход. Собралось огромное количество людей, и все возносили молитвы Богу. Когда процессия подошла к Тибру и вошла на мост Элио, все увидели парящего над мавзолеем ангела. Он улыбался народу и при этом вкладывал меч в ножны. Папа Григорий сказал, что это хорошее предзнаменование, скоро болезнь пойдет на убыль. Так оно и случилось.

В XV веке замок Святого Ангела стал собственностью церкви. На верхней точке замка, где когда-то размещалась квадрига с Гелиосом, появился гигантский Ангел, площадка вокруг названа в его честь. В замке разместились папские апартаменты, сокровищница, секретный архив, библиотека, а также тюрьма, в которой сидели и преступники, и многие достойные люди, например Галилей и Джордано Бруно. Сейчас в замке Святого Ангела музей.

Тюремная жизнь

Режим Бенвенуто был назначен мягкий, каждый день посетители, работники из мастерской носили ему еду, у арестованного были книги, он мог даже работать в замке, если бы захотел. Начальник тюрьмы, Бенвенуто называет его кастеляном — кавалер Джорджио из знатной семьи Уголини, был флорентийцем. Он знал, что знаменитый ювелир сидит ни за что, и был очень добр и сострадателен к земляку. Он разрешал ему свободно разгуливать по замку, но загодя взял с арестанта честное слово, что тот не совершит побег. Бенвенуто был уверен, что заключение скоро кончится, и даже принялся за работу. Надо было кончать вазу и кувшин для кардинала Феррарского. Асканио, его любимый ученик, с которым он ездил в Париж, принес ему все необходимое: золото, серебро, воск, инструменты и прочее. Бенвенуто не позволял себе впадать в хандру, был со всеми вежлив и приветлив, подружился с солдатами из охраны.

Папа имел обыкновение время от времени наведываться в замок, иногда оставался там ужинать. В эти дни все камеры были крепко заперты, и заключенные находились под бдительным присмотром, но на Бенвенуто это правило не распространялось. Он по-прежнему мог свободно разгуливать по замку. Нашелся умный солдат из охраны, который сказал ему:

— Бенвенуто, беги! Запомни: тот, кто сидит в замке, не может быть связан честным словом. Беги от этого разбойника папы и его ублюдка сына, пока они не лишили тебя жизни. А они сделают это во что бы то ни стало.

Но нет, Бенвенуто не мог воспользоваться этим советом. Слово чести — превыше всего! Он не раз повторяет это в своей книге. Кроме того, он понимал, насколько, даже в случае удачного побега, несладкой будет жизнь беглого, и от кого — от самого папы! Приходилось терпеть и ждать. Для Бенвенуто это было сущей мукой, поэтому описание тюремной жизни в этот период сводится к тому, как злая звезда и горькая судьбина подтолкнули его наконец к побегу.

В замке сидел некий монах, «превеликий проповедник». Посадили его как лютеранина. Он был хороший товарищ, но при этом начисто лишен того, что люди называют нравственностью. Монах проповедовал учение Савонаролы, сам же его по-своему комментировал, чем совершенно очаровал Бенвенуто, и в каждой беседе склонял его к побегу. Бесед было много, но, что касается побега, Бенвенуто был неумолим. Тогда хитрый монах сменил тактику.

— А хороший ли ты, Бенвенуто, мастер? А сможешь ли ты, к примеру, изготовить ключ, которым можно открыть любой замок? Ты говоришь — могу, но мало ли на свете хитрецов и лгунов: на словах одно, на деле — другое. Замок — вещь очень сложная, и я совсем не уверен, что у тебя хватит умения.

И так этот монах Бенвенуто уболтал, что тот показал, как делать на воске слепок ключа, и объяснил все дальнейшие действия. Дальше все понятно, осталось только стащить у Бенвенуто кусок воска, что и было сделано. Помогал монаху в опасном предприятии писарь кастеляна, уже и слесарь был найден, но этот слесарь их как раз и выдал. Нашли воск, на нем оттиски — все нити вели к Бенвенуто. Кастелян смертельно обиделся:

«— Хотя над этим беднягой Бенвенуто учинили одну из величайших несправедливостей, которая когда-либо учинялась, со мной ему не следовало учинять таких действий, который предоставлял ему льготы, каких я не мог ему предоставлять; отныне я буду держать его в строжайшем заключении и никогда больше не предоставлю ему ни единой на свете льготы».

Бенвенуто заперли в камере, а он никак не мог понять, в чем, собственно, дело, но потом ему показали украденный воск, и он все понял. Состоялся разговор с кастеляном, и все разъяснилось. Монах и писарь были наказаны, Бенвенуто вернули все его льготы, но эта история заставила его призадуматься. А если и завтра кому-то придет в голову его оклеветать? И поверит ли ему добрый кастелян во второй раз? И что-то не похоже, что его скоро освободят. Теперь он не отсылал назад грязных простыней. Феличе и Асканио задавали вопросы, и он отвечал:

— Я отдаю простыни бедным солдатам, а вы держите язык за зубами, не то этих солдат ждет каторга. И приносите мне грубые простыни, которые покрепче.

Из этих простыней Бенвенуто стал делать полосы, «шириной в треть локтя», полосы он прятал в матрас. Солому из матраса он предусмотрительно сжег, в камере его был камин.

А тучи над арестантом сгущались. Кардиналы велели закрыть его мастерскую, подмастерья сидели без работы. Нет работы, нет денег. Дальше новая напасть. В замок явился Асканио, на этот раз с просьбой, вполне невинной. Он просил Бенвенуто отдать ему голубой кафтан, в котором тот ходил в процессии помилования. Юноше просто хотелось покрасоваться перед девицами, а Бенвенуто смертельно обиделся. Он в тюрьме сидит, а Асканио вместо сочувствия посягает на его гардероб. Они поссорились, Асканио расплакался. Эту ссору нечаянно подслушал кастелян.

На выходе из замка Асканио повздорил с двумя проходящими

мимо ювелирами. Эти двое посмели смеяться над заключенным Бенвенуто — шуточки, хаханьки! Один, «наибольший враг» Бенвенуто, особенно усердствовал. Защищая хозяина и себя от оскорблений, носивших явно скабрезный характер, взвинченный до предела Асканио ударил его «своей сабелькой, которую иной раз тайно носил при себе». Ударил он обидчика по голове, тот пытался защитить голову рукой, и эта «сабелька» отрубила ему три пальца на правой руке. Для ювелира это было равносильно смерти. Поднялся ужасный скандал, обо всем донесли папе. Тот пришел в ярость, обвиняя во всем Бенвенуто. В гневе он сказал:

«— Так как король хочет, чтобы его судили, ступайте к нему и дайте три дня сроку, чтобы защитить свою правоту».

Бенвенуто повели к судьям. Бог знает, чем бы все это кончилось, но тут вмешался кастелян, он защитил своего арестанта, доказав, что тот здесь совсем ни при чем. Асканио успел сбежать из Рима к отцу в провинцию. Удивительны все-таки нравы того времени!

Кастелян был действительно добрым человеком и всей душой сочувствовал своему арестанту, беда только, что он был сумасшедшим. Бенвенуто пишет об этом очень деликатно: мол, каждый год у кастеляна случались «недуги», а потом все проходило. Эти недуги совершенно лишали его рассудка. Он без остановки говорил, принимая себя черт знает за кого: то он был кувшин с маслом, то почитал себя умершим и велел немедленно себя похоронить. На этот раз кастелян обнаружил вдруг, что он не только человек, но и нетопырь, а потому должен летать. У этого «достойного человека» были врач и прорва слуг. Установка врача была не злить больного, не огорчать его, а исполнять каждое его желание, и болезнь постепенно уйдет.

А пока кастелян желал говорить. Лучшего собеседника, чем Бенвенуто, в замке не было, поэтому слуги приводили его к больному каждый день, беседы эти длились четыре и больше часов. Это было утомительно, правда, присутствовали хорошее вино и щедрая еда. Бенвенуто ел, пил и злился. Наверное, его раздражали эти трапезы с безумцем, ведь нельзя было встать и уйти, не исключено, что его забавляла эта пустая болтовня, которой он вторил. Разговор все время вертелся вокруг главной темы — хотел ли когда-нибудь Бенвенуто летать и может ли это вообще быть? Из озорства или из желания угодить, а скорее всего, от привычки к бахвальству Бенвенуто наговорил вздора, который ему потом дорого обошелся. Да, его природа такова, что он всегда брался за трудные дела, которые иные люди считают невыполнимыми. А что касается летания…

«— А что касается летания, то так как бог природы даровал

мне тело весьма способное и расположенное бегать и скакать много больше обычного, то при некотором хитроумии, применив его с помощью рук, я возьмусь полетать, наверное».

— А как это сделать? Умоляю тебя, объясни. Каких способов ты стал бы держаться, чтобы полететь?

«— В рассуждении животных, — ответил Бенвенуто с достоинством, — которые летают, если желать им подражать искусством в том, что они имеют от природы, то нет ни одного, которому можно было бы подражать, кроме нетопыря».

Роковое слово было произнесено. Бедный кастелян был потрясен. Бенвенуто увидел, «что светы очей у него испуганные, потому что один смотрел в одну сторону, а другой в другую».

— А если бы тебе, Бенвенуто, создать удобства, ты бы полетел?

Надо было продолжать начатую игру:

— Конечно, господин Джорджио, но только в том случае, если вы пообещаете выпустить меня на свободу. Я сделал бы пару крыльев из провощенного льна…

— Я бы тоже полетел, — перебил Бенвенуто кастелян, — но так как папа велел хранить тебя как зеницу ока, а велю запереть тебя, чтобы ты не сбежал, на сто ключей.

Бенвенуто понял, что переборщил. Напрасно он уверял кастеляна, что все это шутка, он не может летать, кроме того, он мог и раньше бежать из замка, но не убежал, потому что дал честное слово. Но все было напрасно. Господин Джорджио его попросту не слышал, он давал сбивчивые распоряжения: связать, отвести в такую-то камеру… На пороге Бенвенуто сказал:

«— Заприте меня хорошенько и стерегите меня хорошенько, потому что я сбегу во что бы то ни стало».

Побег

Из тюрем бежали многие талантливые люди, но никто так подробно и красочно не описывал весь ужас своего побега. Постараюсь описать его по возможности подробно, право, он того заслуживает.

Итак, Бенвенуто понял, что рассчитывать может только на себя. Очутившись в камере, он детально продумал весь путь из замка, который ему предстояло пройти. Высота замка была огромной, для спуска можно использовать уже заготовленные полосы из простыней, правда, для подстраховки надо было пустить в дело и новые простыни. Их он тоже нарезал на полосы и «отлично сшил». Я думаю, вряд ли он их сшивал, скорее всего, просто связывал в узлы, но кто там знает, как было на самом деле.

Первой стояла задача, как выбраться из камеры. В замковой страже состоял некий савойец, он любил столярничать и имел кучу полезного инструмента. У него-то Бенвенуто и «раздобыл» толстые и большие клещи, может быть, купил, у Бенвенуто было с собой достаточное количество денег, а скорее всего, украл, дабы не возбуждать подозрения и лишних разговоров.

Выйти из камеры можно было только через дверь, закрытую на несколько засовов. Вначале Бенвенуто «пытал гвозди», на которых держались петли. Дверь была двойная, добраться до гвоздей было трудно, но в конце концов он вытащил первый гвоздь. Для того чтобы не было видно дырки, он приготовил «оскоблины железа с воском» и сделал вполне правдоподобную головку гвоздя. Дальше дело пошло быстрее, он вытаскивал гвозди и залеплял отверстия имитированными шляпками. Теперь двери держались только на двух подрезанных гвоздях — верхнем и нижнем.

Кастелян очень беспокоился, «не улетел ли пленник», поэтому тюремщики навещали его часто. Приходя, они тщательно обследовали всю камеру. Бенвенуто стоило немалого труда содержать помещение в чистоте, «…и если я от природы люблю опрятность, то тогда я был наиопрятнейшим». Тюремщики вели себя по-хамски, Бенвенуто тоже не оставался в долгу. «Стерегите меня хорошенько, потому что я хочу убежать во что бы то ни стало», — говорил он со смехом, те злились. Клещи и все прочее, свидетельствующее о его подготовке к побегу, он прятал в матрас. Теперь о постели он заботился как о зенице ока, даже убирал цветами, которые приносил ему савойец. Здесь было сосредоточено «самое главное всего моего предприятия».

Тюремщикам он говорил:

— Не трогайте моей постели, не пачкайте ее своими грязными ручищами. Не то «я возьму одну из ваших шпаг и так досажу вам, что вы изумитесь».

Посланники кастеляна знали, какого сорта может быть это изумление, к Бенвенуто давно прикрепилась кличка отчаянного. Наступил апрель, уже 1539 год на календаре. В какой-то праздничный вечер, какой именно праздник — не сказано, важно, что слуги перепились, переелись и ослабили бдительность, Бенвенуто решил — пора. Сотворив молитву, прося «его божественное величество» защиты (отметим, что молился он редко, только в самых крайних случаях), Бенвенуто принялся за дело. С дверью он провозился всю ночь, засовы создавали упор, и чтобы снять дверь с петель, приходилось «откалывать дерево» Полосы ткани он намотал на две деревяшки, после чего «вышел вон». Тихо пройдя на башню, туда, где были отхожие места, Бенвенуто вынул две черепицы в потолке и вылез на крышу, затем «приладил к куску древней черепицы, которая была вделана в сказанную башню», конец своих полос и стал спускаться. В правый его сапог был засунут кинжал. Как оружие очутилось в тюрьме, Бенвенуто не пишет, видимо, его загодя принесли ему подмастерья.

«Господи Боже, помоги моей правоте, потому что она со мной, как Ты знаешь, и потому что я сам себе помогаю». Длины связанных полос хватило, ноги его достигли земли. Свобода! Но не тут-то было. К своему огорчению и ужасу, Бенвенуто увидел, что именно в этом месте кастелян приказал выстроить для хозяйственных нужд две высоких стены. Как их преодолеть? К счастью, он увидел под ворохом соломы большое бревно. С большим трудом он подтащил бревно к стене и забрался наверх, вниз со стены он опять спускался с помощью своих тканевых полос.

Бенвенуто был измучен до крайности, руки были ободраны. Он смыл кровь мочой и разрешил себе передохнуть. Теперь ему надо было преодолеть стену в сторону Прати — так называлось огромное поле за замком Святого Ангела. Он забрался на низший пояс стены и прикрепил к зубцу полосы. Здесь новая беда — часовой! Он явно заметил Бенвенуто. «Видя помеху своему замыслу и видя себя в опасности для жизни, я расположился двинуться на этого стража, каковой, видя мой решительный дух и видя, что я иду в его сторону с вооруженной рукой, ускорил шаг, показывая, что избегает меня».

Бенвенуто вернулся к своим тканевым полоскам и стал спускаться. Эта высота была значительно меньше предыдущей.

Бенвенуто сам не помнил, сознательно ли он разжал руки, или они сами обессилели от напряжения, только он вдруг полетел вниз, ударился головой о камень и потерял сознание. Очнулся он, когда появилась «эта легкая свежесть, которая наступает за час до солнца». Сознание возвращалось с трудом, ощупал затылок — весь в крови, хотел встать и обнаружил, что правая нога сломана — «выше пятки на три пальца». Кинжал был в сапоге, а ножны имели на конце железный шарик, он и сломал кость.

Бенвенуто отбросил ножны, оставшимся куском ткани туго перебинтовал ногу и на четвереньках с кинжалом в руке пополз к городским воротам. Он находился вне замка, но нужно было попасть внутрь города, который был тоже огорожен стеной. Ворота были заперты, но под воротами имелся камень, прикрывающий кем-то заготовленный лаз. С трудом Бенвенуто вытащил камень, пролез под воротами. Все, он в городе!

В Риме

На входе в Вечный город его здорово потрепали псы. Он с трудом отбился от стаи, благо кинжал был в руках, и пополз в сторону Треспонтинской церкви, что за мостом. Уже светало, город просыпался. Первым, кого он увидел, был водонос с ослом, навьюченным кувшинами.

— Добрый человек, помоги. Я был в доме по любовному делу. Пришлось прыгать, и я сломал себе ногу. Отнеси меня к храму Святого Петра. Я дам тебе золотой скудо.

Кто не хочет заработать золотой скудо? Водонос с готовностью исполнил его просьбу. От храма Святого Петра Бенвенуто пополз туда, где надеялся найти защиту — ко дворцу Борго-Веккио. Там жила супруга герцога Оттавио. Я уже говорила об этой даме. Маргарита Австрийская, побочная дочь императора Карла V, была выдана замуж за герцога Флоренции Алессандро. После того как супруг был в рождественскую ночь убит Лорензаччо, она вышла замуж вторично и стала супругой Оттавио Фарнезе — внука папы Павла III.

Кажется, как мог Бенвенуто ждать помощи от родственницы папы? Но герцогиня Маргарита еще во Флоренции благоволила Бенвенуто и считала его одним из самых одаренных людей, находящихся на службе у ее мужа. Кроме того, уже в Риме Бенвенуто оказал ей «неоценимую» услугу. Смешная, наивная история! Бенвенуто вдруг стал «разгонятелем туч». Герцогиня оставила Флоренцию и приехала в Рим в ноябре 1538 года. Уже месяц, как Бенвенуто сидел в замке. От кастеляна он узнал о торжественном въезде герцогини в столицу. Погода была отвратительная, не переставая лил дождь, угрожая полностью испортить праздник. Бенвенуто решил попробовать помочь герцогине. Он «навел несколько крупных артиллерийских орудий в ту сторону, где тучи были всего гуще. Пли! И что вы думаете? С четвертым залпом дождь прекратился, и показалось солнце. Кастелян рассказал эту историю и папе, и самой герцогине. Правда, мы знаем, что творилось в голове у несчастного начальника тюрьмы, но герцогиня поверила в эту историю и даже сказала, что если ей представится случай, то она ответит Бенвенуто добром.

К ее дому и полз Бенвенуто. Во дворце было всегда много приехавших из Флоренции его друзей. Он был уверен, что там папа его не тронет. Но он не дополз до дворца Борго Веккио. «… так как то, что я сделал до сих пор, было слишком чудесным для человеческого тела, то Бог, не желая, чтобы я впал в такое

тщеславие, ради моего блага захотел мне послать еще большее испытание, чем было прежнее». Его, окровавленного, на четвереньках, увидел на улице слуга кардинала Корнаро. Слуга тут же доложил об этом хозяину. Кардинал сказал: «Немедленно несите его в дом!» О горестной судьбе Бенвенуто знал весь Рим, кардинал хотел ему помочь. Со временем мы узнаем, что из этого получилось.

У Бенвенуто были основания доверять кардиналу Корнаро. В его доме он нашел убежище после убийства Помпео. На этот раз он был тоже хорошо принят. Бенвенуто поместили в потайную комнату, пригласили врача. Хирург «удивительно соединил кость», перевязал ногу и сделал раненому кровопускание — верный способ лечения в то время, «…а так как жилы у меня вздуты были гораздо больше, чем обычно, а также потому, что он (врач. — *Авт.*) хотел сделать надрез немного открытым, то хлынула такой великой ярость крови, что попала ему в лицо». Врачу эта «ярость крови» не понравилась, он сказал, что это плохое предзнаменование, но не оставил заботу о больном.

На утро замок Святого Ангела окружило огромное количество зевак. Все показывали на висящие на стене импровизированные веревки, судачили о небывалом побеге. Бедный кастелян совсем потерял голову и рвался «лететь» за Бенвенуто, его удержали силой. Папа, на удивление, отнесся к побегу спокойно и даже с некоторым самодовольством сказал губернатору:

«— Вот храбрый человек и вот изумительное дело; однако, когда я был молод, я тоже спустился с этого самого места».

Павел III говорил правду. Молодость его, тогда Александра Фарнезе, была бурной. Он был членом коллегии аббреавиторов, то есть составителей папских булл и прошений при папе Александре VI. Бес попутал молодого Фарнезе, и он подделал нужную бумагу. По законам того времени ему грозила смертная казнь. Папа Александр VI долго держал его в тюремной камере, размышляя, что с ним делать. Так и не успев придумать кару, папа неожиданно умер (случайно отравился). В недолгое папство Иннокентия III будущий Павел III и задумал обрести свободу. Его побег не был столь трудным и экзотическим, как у Бенвенуто, но ведь и на него надо было решиться. Он подкупил стражу, его спустили вниз в корзине для белья. Внизу беглеца ждали друзья с лошадьми. Бенвенуто пишет с обидой: «Словом, он хотел похвастать губернатору, что и он в своей молодости тоже был мужественным и храбрым, и не заметил, что открывает великие свои негодяйства».

К папе в большом количестве приходили просители, среди них и кардинал Корнаро: «Как милости, просим освободить

Бенвенуто, потому что он за свои дарования заслуживает особого отношения». Папа откровенно сказал, что держит ювелира в замке, «потому что он немножечко слишком смел» и о его пленении ходатайствовали «несколько своих» (читай Пьеро Луиджи, жестокий сын и его окружение), и что он, папа, хочет удержать Бенвенуто, как даровитого человека, у себя, создав ему такие хорошие условия, что он забудет о желании ехать во Францию. Вряд ли папа дал просителям такой развернутый и откровенный ответ, но суть дела Бенвенуто пересказал правильно.

Кастелян настаивал на расследовании дела: «Если кто-то из моих людей Бенвенуто помогал, то я хочу его повесить за горло на том зубце, откуда Бенвенуто сбежал». И повесил бы, можно не сомневаться, но тщательные допросы не обнаружили помощников.

Губернатор сам навестил беглеца и сказал такие слова:

«— Мой Бенвенуто, хотя мое звание такое, что пугает людей, я прихожу к тебе, чтобы тебя успокоить, и это я имею полномочие обещать тебе по особому распоряжению его святейшества, каковой мне сказал, что он и сам бежал оттуда, но что у него было много помощи и много товарищей, потому что он иначе не мог бы этого сделать. Я клянусь тебе благодатью, которая на мне, потому что я сделан епископом два дня тому назад, что папа тебя освободил и простил и он очень сожалеет о твоей великой беде, но старайся поправиться и считай, что все к лучшему, потому что эта тюрьма, которая, разумеется, была у тебя совершенно безвинная, станет твоим благополучием навеки, потому что ты попрешь бедность и тебе не придется возвращаться во Францию, мыкая свою жизнь то там, то сям. Так что скажи мне откровенно все дело, как оно было и кто тебе помог; затем утешайся, и отдыхай, и поправляйся».

Бенвенуто подробно рассказал про свой побег, и, кажется, ему поверили и перестали искать пособников. Все складывалось вроде бы благополучно. В папском дворце подробно обсудили эту тему. Губернатор обнародовал рассказ Бенвенуто, потом слово взял «обвинитель» Пьеро Луиджи:

— Всеблаженный отче, — обратился он к папе, — «если вы его освободите, он вам покажет дела еще побольше, потому что эта человеческая душа слишком уж предерзкая».

Дальше Луиджи рассказал такую историю. Бенвенуто повздорил с неким дворянином из прихода Санта-Фиоре. В свою очередь дворянин пожаловался на дерзость ювелира кардиналу собора, а тот пообещал, что «если он попадется ему в руки, то он выкинет дурь из его головы». А у Бенвенуто в мастерской была

наготове пищаль, и когда кардинал пришел под его окна, негодяй чуть было не убил вышесказанного кардинала. По счастью, кардинал успел спрятаться за выступ стены, и это спасло ему жизнь. Но Бенвенуто все равно выстрелил и для отвода глаз убил голубя. Чем не причина, чтобы опять упрятать Бенвенуто в темницу?

— Послушайте, ваше святейшество, — сказал Пьеро Луиджи в заключение, — он еще и в вас выстрелит. «Эта душа слишком свирепая и слишком самонадеянная».

В свите «обвинителя» ту же нашелся вышеописанный дворянин, который подтвердил слова Пьеро Луиджи. Бенвенуто не было на этом судилище, но в книге он не преминул сообщить правду. Да, была размолвка с дворянином. Тот принес испачканное ртутью золотое колечко, оно требовало чистки. Чтобы кто-то, с улицы, вот так уверенно, да еще со словами «И поживей!» требовал у Бенвенуто такой пустяковины, когда он и так был занят по горло! Бенвенуто «вежливо» заявил, что он занят: мол, ищите другого ювелира, на что дворянин обозвал его ослом. Бенвенуто ответил… ну и так далее. Про кардинала он вообще ничего не знал, Бенвенуто не только в него не стрелял, он его и не видел. Дикая голубка сидела себе на яйцах, в нее стреляли по очереди все подмастерья (зверье! — *Авт.*), и никто не попал, а Бенвенуто поспорил и попал прямо в голову несчастной птице. Спорили «на кувшин греческого, того хорошего, от Паломбо-трактирщика». Вот и вся история.

Папа так никогда и не узнал правды, но он был умным, нельзя осудить человека за то, что он хотел выстрелить в кардинала и не выстрелил. Но он знал, что любимый сын от него не отвяжется, уж слишком тот был зол на Бенвенуто. Пока папа размышлял, как поступить, сами «злосчастные звезды» Бенвенуто вмешались в дело и решили его судьбу.

Страсти по Бенвенуто

Сам Бенвенуто пишет, что его продали за венецианское епископство. Кардинал Корнаро радел о некоем дворянине Андре Чентано, может быть, он был его родственником, неизвестно. У папы Павла III освободилось епископство, и он обещал дать его этому Чентано. Кардинал направился к папе напомнить об обещании, и тот сказал: да, помню, будет ваш Чентано епископом, но вы мне должны оказать любезность.

— О, конечно, ваше святейшество. Какую?

— Отдайте мне Бенвенуто.

Кардинал Корнаро смутился:

— Но ведь вы его простили. Что скажут люди обо мне и о вас, если он снова очутится в тюрьме?

Папа уговорил кардинала на сделку, обещая поместить Бенвенуто в нижней комнате замка, там, где был потайной сад папы. Это уже вроде и не тюрьма, а рай на дому. Павел III обещал, что ювелиру будут созданы идеальные условия для жизни, там он поправится, сможет принимать друзей. Когда Бенвенуто узнал о комнате в потайном саду, он взмолился:

— Не отдавайте меня папе. Живым я оттуда не выйду. Помогите мне бежать! Я велю завернуть себя в тюфяк и вывезти из Рима!

Кардинал Корнаро был в раздумье, но Андреа Чентано, будущий епископ, ускорил возвращение ювелира в замок. Корнаро мучила совесть, он успел предупредить Бенвенуто: не ешь папскую еду, я сам буду посылать тебе пищу в замок.

Жизнь в потайном саду была вполне сносной. К Бенвенуто действительно в любое время пускали посетителей, были книги, вкусная еда (он выполнял совет кардинала Корнаро), но мысль о свободе не давала покоя. Теперь ему для побега был необходим помощник. Среди посетителей нашелся нужный человек — старый знакомец, юноша-грек. Он был смел, добр, великолепно владел шпагой, предан Бенвенуто, но «легок на веру», то есть простодушен, как Кандид.

Бенвенуто придумал способ освобождения и долго уговаривал юного грека ему помочь. Но тот твердил, что Бенвенуто не прав, что весь город знает, что папа дал ему службу с жалованьем в 500 скудо, что нельзя пренебрегать милостью его святейшества. Но пленник знал цену этой «милости», он был настойчив и в конце концов уговорил грека помочь ему. Нам, читателям, Бенвенуто о своем плане не сообщил, но можно верить: он продумал все до мелочей. В последний момент все

рухнуло. Юноша явился к Бенвенуто со слезами на глазах:

— Брат мой, ты хочешь погубить себя. Ради твоей жизни я решил тебя ослушаться. Умные люди сказали мне, что ты не прав. Тебе ничего не грозит.

Вряд ли юноша донес на Бенвенуто, но по простоте сердечной он, видимо, проболтался о задуманном побеге. Кара не заставила себя ждать.

Небольшое отступление

Папа Павел III (1534–1549)

Энциклопедия Брокгауза и Эфрона сообщает такие сведения: Александр Фарнезе происходил из знатной римской фамилии. Получил гуманистическое образование сначала под руководствам Помпония Лета, а затем во Флорентийской академии, состоял в переписке с Эразмом, Садолеттом и др. При Иннокентии VIII был сделан апостольским протонотарием, при Александре VI кардиналом, при его преемниках получал самые доходные епископства, вследствие чего положил основание знаменитому дворцу Фарнезе и построил не менее знаменитую виллу в своем поместье Больсена. Ни слова о подделанной булле, о заточении в замке Святого Ангела, а еще говорят: энциклопедии совершенно объективны. Без побега из тюрьмы образ папы как-то бледнеет.

Папе Павлу III выпала тяжкая доля бороться с реформаторским движением в Германии, лавировать между испанским и французским влиянием. Он то замирял Карла V и Франциска I, то пытался отстраниться от этих политических интриг, стараясь найти выгоду для церкви. А еще Павел III был последним папой, для кого вопросы искусства играли какую-то роль.

Кант пишет (совершенно замылили эту цитату от частого употребления!), что для него непонятны две вещи: звездное небо над нами и закон нравственности внутри нас. С законом нравственности Павлу III все было ясно, а что касается звездного неба, здесь было много тайн, ему тут все было интересно. Он был наместником Бога на земле, но астрология интересовала его не меньше, чем христианская догма. Коперник подарил ему свой труд «Об обращении небесных сфер».

В то время как Бенвенуто сидел в замке, совсем недалеко от него, в Сикстинской капелле, Микеланджело трудился над фреской «Страшный суд». Фреску заказал Павел III, в 1539 году работа была в самом разгаре. Когда Микеланджело работал, он обычно никого не пускал в капеллу. Папа не был исключением, и если ему надо было поговорить с художником, он присылал кого-нибудь с вопросом, будет ли сейчас уместен его визит. Вазари в своих жизнеописаниях сообщает: «Вместе с ним (с папой) пришел в капеллу мессер Биаджо да Чезена, церемониймейстер, человек придирчивый, который на вопрос, как он находит это произведение, ответил: «Полное бесстыдство — изображать в

столь священном месте голых людей, которые, не стыдясь, показывают свои срамные части; такое произведение годится только для бань и кабаков, а не для папской капеллы»». Микеланджело обиделся, разозлился и, желая отомстить дураку-церемониймейстеру, как только он ушел, изобразил его в аду в виде Миноса, с большой змеей, обвивающейся вокруг его ног, среди кучи дьяволов. «Сколько ни просил мессир Биаджо папу и Микеланджело уничтожить это изображение, последний сохранил его для памяти об этом, так что и сейчас можно его видеть».

Тема греха и воздаяния за грехи очень волновала Павла III. Грешники и вероотступники множились в мире, как никогда: лютеране, протестанты, Англиканская церковь, а также убийцы, прелюбодеи и прочие. И Бенвенуто Челлини грешник, он достоин ада на картине Микеланджело. Сидит пока в темнице, и пусть сидит!

Дня через два после того, как юноша-грек покаялся в своем невольном предательстве, в потайную комнату ночью явилась стража. Бенвенуто подняли с постели, закутали в одеяло, привязали к стулу и отнесли в камеру смертников. Там его отвязали от стула, переместили на жесткий тюфяк, оставили при нем одного солдата и удалились. Солдат тут же принялся жалеть и утешать Бенвенуто, а как утешишь, если и так понятно — пленника ждет неминуемая казнь.

Бенвенуто это тоже понимал, а потому обратил все мысли к Богу. «За что?» — спрашивал он Всевышнего. Да, он убил человека, но это было совершено «для защиты моего тела, которым Его Величество меня ссудил; так что я не сознаю согласно повелениям, по которым живут на свете, чтобы я заслужил эту смерть». Он пришел к выводу, что случившееся с ним не справедливая кара Господня, а игра случая. Идет человек по улице, и вдруг камень на голову. Никто не бросал его, он сам вдруг сполз с крыши, и все это есть могущество звезд: «Не то чтобы они сговорились против нас, чтобы делать нам добро или зло, но это делается от их сочетаний, каковым мы подчинены». И все это потому, что он недостаточно крепок в вере, потому звезды и устроили ему «эту зловерность». Как мы видим, астрология была очень популярна в то время.

Утром произошла душераздирающая сцена, другого эпитета я не подберу. К двери камеры пришел мессир Бенедетто да Кольи, чтобы сообщить скорбную весть. Прийти пришел, а войти не решается.

— Почему он не входит? — спросил Бенвенуто стражника.

— Ему слишком жаль тебя, и он плачет.

«— О, войдите, мой мессир Бенедетто, — кротко сказал

Бенвенуто, — потому что я вполне готов и решился; мне гораздо больше славы умереть напрасно, чем если бы я умер по справедливости…»

Разговор шел через закрытую дверь. Узник просил привести священника для последней исповеди, «чтобы соблюсти то, что нам велит святая наша матерь — церковь; потому что хоть она и чинит мне эту злодейскую несправедливость, я чистосердечно всех прощаю». Потрясенный и заплаканный мессир да Кольи не стал читать приговор, а бросился к дому супруги Пьеро Луиджи — госпоже Джероламе Орсини.

— Светлейшая госпожа, соблаговолите послать кого-нибудь к папе. Пусть он пошлет кого-нибудь другого к Бенвенуто. Я не в силах объявить ему приговор.

Тут же случилась рядом герцогиня, вдова герцога Алессандро. «Искажая лицо, она сказала»:

— Вот оно, правосудие, которое отправляется в Риме наместником Божьим! Герцог, покойный мой муж, очень любил этого человека за его качества и за его дарования и не хотел, чтобы он возвращался в Рим.

Госпожа Джеролама поспешила к папе, упала перед ним на колени, словом, в присутствии всей свиты закатила ему сцену. Бенвенуто меж тем в страшном напряжении ждал решения своей участи. Время шло, принесли обед.

— Ага, — сказал себе Бенвенуто, — «здесь превозмогла больше правда, нежели зловредность небесных влияний; и я молю Бога, если на то будет Его воля, чтобы он избавил меня от этой ярости», — и с удовольствием поел.

В час ночи Бенвенуто опять усадили на стул и отнесли на самый верх замка, на площадку рядом со статуей Ангела, вкладывающего меч в ножны.

Я не верю в рыдающего от жалости мессира да Кольи и прочее, как-то все это слишком театрально. Скорее всего, Бенвенуто поместили в камеру смертников для острастки. Это было что-то вроде ложного расстрела, постреляли в заключенных поверх голов, и назад — в тюрьму.

На площадке Ангела рядом со стулом Бенвенуто поставили кресло кастеляна. Состоялся разговор. Ночь, звездное небо, тишина…

— Видишь, я тебя поймал, — сказал сумасшедший кастелян, он очень сдал за последнее время.

— Да, — ответил Бенвенуто, — но видишь, я все-таки убежал, как и обещал. Но если бы я не был продан за венецианское епископство, ты бы меня здесь не увидел. А теперь мне безразлично, жить или умереть.

Кастелян пришел в жуткое волнение, начал говорить быстро и бессвязно:

— Увы, ах, ох! Он болен, но еще смелее, чем когда был здоров. Он опять улетит. Поместите его там, под садом, и больше никогда не говорите мне о нем!

Приказание было исполнено. «Под садом» находился страшный сырой подвал, вместо окна — малая дырка в стене, с потолка сочилась вода, вокруг полно тарантулов и прочей дряни, тюфяк тут же насквозь промок. Вначале вообще не кормили, но дали «духовную пищу», то есть бросили две книги — Библию и летописи Джован Виллани (писатель XV века, автор «Истории Флоренции»). «Так злосчастно я жил на этом тюфяке, насквозь промокшем, так что в три дня все стало водой; и я был все время не в состоянии двигаться, потому что у меня была сломана нога; и когда я все-таки хотел сойти с постели за нуждой моих испражнений, то шел на четвереньках с превеликим трудом, чтобы не делать нечистоты в том месте, где я спал».

Неужели в этой зловонной яме он и окончит свою жизнь? А он знал, что такое бывает, и часто. От полного отчаяния Бенвенуто спасли мысли о Боге и еще, конечно, характер и умение себе подбодрить. «Оружье наше — радость бытия» — кто это сказал? Не помню. Этот «слоган» всегда был в голове у Бенвенуто, он с ним родился. Вот образец аутотренинга: «…я сам себя утешал, размышляя, насколько бы мне было неприятнее при разлучении с моей жизнью почувствовать эту неописуемую муку ножа, тогда как, будучи в таком положении, я с нею разлучался в сонном дурмане, каковой стал для меня гораздо приятнее, чем то, что было прежде».

Свет попадал в его камеру часа на полтора, в это время можно было читать. Потом глаза привыкли к темноте, и время для чтения само собой увеличилось. Но в какой-то момент он решил — все, хватит! Пора кончать этот ужас. Он обнаружил в своей темнице толстое бревно. Ему удалось придать этому бревну такое положение, что при легком толчке оно бы непременно обрушилось ему на голову и размозжило бы ее сразу. Но в тот час звезды не хотели его смерти. Как только он изготовился ударить по бревну, неведомые силы подняли его и отбросили в сторону на четыре локтя, то есть на два с лишним метра. Он упал навзничь и от потрясения потерял сознание. Стражники решили, что он умер, все его жалели: «Так вот как окончил жизнь такой редкий талант!» Бенвенуто очнулся. Тогда его «тюфяк, который, весь промокший, стал как макароны», выкинули, принесли новый, сухой, и заперли дверь. Бенвенуто уже не думал о смерти. Он опять верил в свою избранность и в божественное провидение. На

стене углем он нарисовал распятие и молился ему без перерыва. Говорят, этот рисунок — кривой, косой, полустертый — сохранился по сей день, и его показывают туристам. Подрисовывают небось по ночам, но я гидов не виню, такая у них работа.

Бенвенуто страстно пишет о Боге, однако Дживелегов, например, сомневается в глубине и истинности его веры: «Его отношение к Богу носило чисто договорный характер: du ut des. Как вообще у людей его типа: сегодня он верит в Бога, а завтра в черта. И каждый раз вполне искренне». По-моему, Дживелегов к нему слишком строг. Именно искренность его все искупает, он сам пишет, как болтается между астрологией и верой. И еще Дживелегов: «…когда жизнь течет гладко, в суматохе житейской сутолоки, среди постоянно сменяющихся работ и заказов Бог не вспоминается совсем. Особенно часто Бог приходит на память в тюрьме. В замке Св. Ангела… Бенвенуто поневоле думает о Боге. И мы знаем, что он додумался до видений».

А видения у Бенвенуто были замечательные. Во сне он увидел прекрасного юношу, который призывал его не падать духом и уповать на могущество Бога. Сам вид этого юноши и слова его настолько вдохновили Бенвенуто, что он тут же взял сырые кирпичи, а их было в камере великое множество, и стал тереть их друг о друга, потом из пыли сделал кашицу — чем не чернила? Теперь нужно было стило.

Хожу в каморке, голову терзая;
Затем, к тюремной двери ставши боком,
Откусываю щепочку у края…

Это его стихи, он написал их позднее, описывая все свои муки. Он действительно зубами откусил щепку и написал «на некоих листах, которые имелись в книге Библии», свои первые в жизни стихи:

Мой дух, поникший в горе,
Увы, жестокий, ты устал от жизни!
Когда ты с небом в споре,
Кто мне поможет? Как вернусь к отчизне?
Дай, дай мне удалиться к лучшей жизни.
Помедли, ради бога,
Затем, что небо к счастью
Готовит нас, какого мы не знали.
Я подожду немного,
Лишь бы Творец своей всевышней властью

Меня от горшей оградил печали.

Я не знаю, улучшил ли перевод эти стихи или ухудшил, и вообще не берусь судить об их качестве. Главное, у Бенвенуто теперь было занятие. Поверьте, писать стихи так сладко. И все бы хорошо… «Только великое мучение мне причиняли ногти, которые у меня отрастали; потому что я не мог до себя дотронуться без того, чтобы себя ими не поранить; не мог одеваться, потому что они у меня выворачивали то вовнутрь, то наружу, причиняя мне великую боль. Кроме того, у меня умирали зубы во рту; я это замечал, потому что мертвые зубы, подталкивая те, которые были живы, мало-помалу продырявливали десны, и острия корней вылезали сквозь дно ячеек… Я их вытягивал, словно вынимал кинжал из ножен, безо всякой боли и крови». Когда Бенвенуто пишет так просто и понятно, его ужасно жалко.

1 августа у всего католического мира был праздник, а бедного Бенвенуто вдруг перенесли в подземную пещеру в основании замка. В этой пещере заморили голодом проповедника Фойано. Этот достойный муж был последователем Савонаролы и ярым врагом Медичи. При осаде Флоренции в 1530 году он показал необычайное мужество, потом был выдан папе Клименту VII и посажен в эту пещеру.

После побега прошло четыре месяца, нога у Челлини совсем зажила, он вполне бы мог идти сам, но стражники боялись его, «словно ядовитого дракона». Его связали и, как куль, понесли на руках. Бенвенуто с ужасом ждал, что его бросят в «провал Саммоло». Был там в замке глубочайший колодец, куда бросали людей живьем и забывали про них. Очутившись в пещере, он обрадовался, что еще дешево отделался, и принялся за молитвы.

На следующий день явились те же люди и тем же способом вернули его на прежнее место к нарисованному на стене распятию. Зачем его носили по замку туда-сюда — непонятно. Сам Бенвенуто винит во всем безумие кастеляна. Герцог Пьеро Луиджи внушил сумасшедшему, что в его болезни виноват именно Бенвенуто и ему необходимо умертвить пленника любым способом, чтобы не умереть неотмщенным.

Надиктовывая секретарю текст «Жизни…», Бенвенуто явно упивался прожитыми страданиями, повторно испытывая мистический и религиозный экстаз. Нельзя разобрать, где здесь реальность, а где вымысел, так сказать, композиция требует. Я думаю, что и сам Бенвенуто этого не знал. Он молился, писал свои капитоло — поэму в терцинах, поддерживая себя в состоянии транса. Он уже не разбирал, сон это или явь.

Замечательно описание его главного видения — вот такие галлюцинации бывают у ювелиров! И дата точная указана — 2 октября 1539-го — без семнадцати дней год после ареста.

Постоянно пребывая в темноте, он молил Бога об одном — увидеть солнце если не в яви, то хотя бы во сне. И увидел — да какое! Утром явился к нему некто прекрасный, может быть — ветер, и «унес его прочь». Улочка, неизвестно какая, лестница, а над головой шар солнца. «Так я стоял, вперив в него глаза», и вдруг увидел, что солнце осталось без своих лучей и стало «словно сосуд с чистейшим расплавленным золотом». Потом он увидел, как «посередине сказанного солнца что-то начало вздуваться и как росли эти очертания этого самого вздутия, и вдруг получился Христос на кресте из того же вещества, что и солнце; и он был такой красоты в своем всеблагостном виде, какой разум человеческий не мог бы вообразить и тысячной доли». Затем Христос начал «подвигаться в ту сторону, куда ушли его лучи, и посередине солнца снова что-то начало вздуваться, как уже было раньше; и когда вздутие возросло, оно вдруг превратилось в образ Прекраснейшей Мадонны, которая как бы восседала очень высоко со сказанным сыном на руках, с прелестнейшим видом, словно смеясь. Когда это удивительное дело пробыло у меня перед глазами немногим более одной восьмой часа, оно от меня ушло; и я был перенесен на мой одр». Дивное видение во славу святого искусства! Бедный Бенвенуто, как он тосковал по своей работе!

Папа Павел III (Продолжение)

Текст в «Жизни…» Бенвенуто плотный, своязычный, страстный, читать его надо очень внимательно. При первом чтении я решила, что все ужасы, случившиеся с Бенвенуто в замке, творились по приказанию безумного кастеляна, но при втором прочтении стало совершенно ясно, что папа вовсе не «забыл» о своем пленнике, все было согласовано и сделано по его распоряжению. У русских очень популярна идея, что царь добрый, он за справедливость, но окружение коварно, оно ему все врет и мутит воду. В этом есть своя правда, но окружение не столько коварно, сколько угодливо. В том, что Бенвенуто 15 месяцев провел в тюрьме, виноваты еще и «личные отношения». Бенвенуто виноват — человека зарезал, но Павел III сам устроил этот «маскарад» в День святых Марий, сам дал слово, сам взял его назад — такова нравственность властей.

А ведь папа Павел III вовсе не был злопамятным и коварным человеком. Сам он главным своим недостатком считал непотизм

(nepotis — внук, потомок), как пишет словарь — «замещение по протекции доходных или видных должностей своими людьми», проще говоря, родственниками. Он и церковную карьеру сделал благодаря непотизму. У него была сестра, красавица Джулия, она вышла замуж за Франческо Орсини, что не помешало ей стать возлюбленной папы Александра VI. Джулии было семнадцать лет, Александру VI шестьдесят, он был без ума от юной возлюбленной. Каждое ее слово было законом, она и достала брату кардинальскую шапку.

У папы Павла III в прямом смысле не было семьи, но был побочный любимый сын, два внука — Алессандро и Оттавио — и куча родственников. Все они требовали земли, богатства и чинов. Для них он и старался, они были его отрадой, а при этом надо было вершить дела церковные и политические. Он с ними справлялся, энциклопедия пишет, что он был умный и ловкий политик, но действовал часто под большим нажимом и без истинного воодушевления.

Все свое правление Павел III вынужден был лавировать между императором Карлом V и королем Франциском I. Император и король, Габсбурги и Валуа, то воевали, то при посредничестве папы замирялись. Но при их замирении сами собой умалялись преимущества папства. Сейчас, после заключения в Ницце в 1538 году десятилетнего перемирия, империя и Франция находились в состоянии мира, но отношения у папы с Карлом V были таковы, что ему было выгодно не выказывать симпатии Франциску. Может быть, дело было в Милане, куда Павел III мечтал посадить своего сына Пьеро Луиджи. Не знаю. Но Франциск I желал во что бы то ни стало получить Бенвенуто, а папа не желал идти у него на поводу. Вот и вся история.

Освобождение

Незадолго до смерти к кастеляну вернулся разум, и Бенвенуто вернули в те большие комнаты, которые он занимал до побега. Он стал понемногу приходить в себя. Теперь кастелян во всем раскаивался, опять уверовал, что Бенвенуто невиновен, и напоследок сделал ему подарок — освободил от уплаты всех тюремных издержек, которые пленнику предстояло выплатить при освобождении. Оказывается, в те стародавние времена узники сами оплачивали свое содержание, так сказать, кров, еду и обслугу. В благодарность Бенвенуто написал кастеляну сонет, который тот успел прочитать, прежде чем «утесненный своими тяжелыми недугами преставился от настоящей жизни».

Место начальника тюрьмы занял брат кастеляна — Антонио Уголини. От папы он получил приказ держать Бенвенуто в «просторной тюрьме до тех пор, пока тот ему не скажет, что со мной делать». В этой «просторной тюрьме» Бенвенуто ждала новая напасть, к своему ужасу, он понял, что его хотят отравить толченым алмазом, «каковой никакого рода яду в себе не имеет, но по своей неописуемой твердости остается с острыми краями» — распространенный и верный способ, смерть наступает месяцев через пять. Все это были, конечно, проделки герцога Пьеро Луиджи. Новый кастелян ничего не знал об этом злодействе. Герцог подкупил в замке мессира Дуранте, который поручил толочь алмаз в порошок ювелиру Леоне Леони. Этот «двойной» Леоне (1509–1590) личность не менее известная, чем сам Бенвенуто, и извечный его враг.

О нем хочется рассказать подробнее, потому что Леоне Леони был соперником Бенвенуто не только в искусстве, но и в приключениях, он тоже был «мастером резца и кинжала». Энциклопедия Брокгауза и Эфрона: «Леоне Леони — золотых дел мастер, скульптор, литейщик и модельер. Император Карл V пригласил его из Италии в Брюссель и впоследствии отправил в Испанию, где Леони пользовался большим почетом и оказал значительное влияние на успехи местной скульптуры… Произведения Леони свидетельствуют вообще об его основательном знакомстве с антиками и с формами нагого человеческого тела; фигуры у него благородны, их позы просты и вместе с тем величественны, в них есть своего рода грация…» Как все красиво и благостно, а вот «правда жизни». А. К. Дживелегов: «По непоседливости и по озорству он очень похож на Челлини, но он мошенник и бандит, пожалуй, хуже его. Бенвенуто убежден, что он подсыпал ему в пищу толченого алмазу, чтобы отправить

его на тот свет, когда Бенвенуто сидел в замке Св. Ангела. И конечно, Леоне Леони был способен на это. Он подделывал и подменивал произведения искусства. Он изуродовал некоего немецкого ювелира, который едва спасся живым из его рук. Он подослал убийцу к одному из своих подмастерьев за то, что тот покинул его. Он пытался в собственном доме убить Орацио Вечелли, Тицианова сына. Он за свои художества был осужден папой на галеры и целый год греб под плетками во славу святого престола, прикованный к веслу». До Испании еще жить и жить, сейчас Леоне Леони в Риме, и он беден. Конечно, он взялся за эту работу, но остался верен себе — сплутовал.

Бенвенуто принесли еду. Он почувствовал на зубах какой-то хруст, но не придал этому значения, но когда за ужином хруст повторился — он обеспокоился. Осмотрев тарелку, он увидел среди остатков еды «некие мельчайшие осколки». Бенвенуто решил — всё, конец! Алмаз ведет себя в жизни не так, «как другие камни; потому что эта мельчайшая острота у всех камней, если их истолочь, не остается, а они остаются как бы круглыми; и только один алмаз остается с этой остротой; так что, входя в желудок вместе с прочими кушаньями, при том вращении, которые производят кушанья, чтобы произвести пищеварение, этот алмаз пристает к хрящам желудка и кишок, и по мере того, как новая пища подталкивает его все время вперед, этот приставший к ним алмаз в небольшой промежуток времени их прободает; и по этой причине умирают, тогда как всякий другой род камней или стекол, смешанный с пищей, не имеет силы пристать и так и уходит с пищей».

Потом Бенвенуто одумался, отогнал горькие мысли и взял несколько блестящих крупинок. Он положил их «на некое тюремное железо» и, сильно надавив на них острием ножа, почувствовал, что крупинки раскалываются. Это не алмаз, а всего лишь голубой берилл! Леоне Леони по жадности или бедности обманул заказчика, но до времени Бенвенуто решил сохранить в тайне свое открытие.

В это время в замке появилось новое лицо. По обвинению в убийстве туда угодил друг Бенвенуто, епископ Джованни де Росси. Через несколько лет епископ был признан невиновным и даже стал губернатором Рима. Узнав о новом заключенном, Бенвенуто высунулся в окно и принялся кричать во весь голос, что его хотят отравить толченым алмазом, а потому он просит друга-епископа, чтобы тот присылал ему «от своих хлебов по одному в день». Епископ согласился. Хотя бы на время Бенвенуто мог почувствовать себя в безопасности.

А тут и зловредные звезды Бенвенуто перестали посылать

свои опасные лучи — в Рим из Парижа приехал кардинал Феррарский д'Эсте, прежний благодетель. Папа принял кардинала с распростертыми объятиями. Ему хотелось поговорить о французских делах, поэтому он устроил кардиналу роскошную встречу. Чревоугодие и винопитие при папском дворе процветали, раз в неделю папа «учинял весьма здоровенный кутеж, так что потом его выблевывал» — так непочтительно о понтифике пишет Бенвенуто. Такой же кутеж был устроен при встрече с кардиналом Феррарским. Франциск I был щедр, кардинал угодил папе подарками, а потом между делом завел разговор о Бенвенуто: мол, король не оставил мечты видеть ювелира при своем дворе. Тогда папа, «чувствуя, что приближается к часу своего блева, и так как чрезмерное изобилие вина также делало свое дело, сказал кардиналу с великим смехом»:

— Да забирайте его! Сейчас же скажу, чтоб отвели его домой.

Кардинал не стал откладывать дело на утро, этой же ночью он забрал Бенвенуто из замка и поместил в своем доме. На следующий день кастелян Антонио, забыв наказ покойного брата, потребовал с освобожденного тюремные издержки. Бенвенуто был совершенно разорен, но он нашел эти «несколько сотен скудо». Кардинал посоветовал уплатить их немедленно, потому что знал уже, что папа очень жалеет, что пленник обрел свободу.

Так описывает положение дел сам Бенвенуто, но у этого есть реальная подоплека. Не только пьянка и счастливый случай помогли Бенвенуто. Из Франции вернулся старший сын герцога Пьеро Луиджи — Алессандро Фарнезе. Он и объяснил папе, что ситуация в Европе сейчас такова, что все просьбы Франциска I выгоднее удовлетворить, чем отказывать в них.

Бенвенуто возвращался к жизни. Он сочинял и правил капитоло, много размышлял о жизни, о добре и зле. В себе, в своем теле и духе, он нашел некоторое изменение. Страдания его не прошли даром. Наши бы астрологи сказали, что у него «просветилась и обозначилась аура», Бенвенуто назвал это сиянием и с детской непосредственностью, а также очень велеречиво сообщил об этом миру: «И еще я не хочу оставить в стороне одну вещь, величайшую, какая случалась с другими людьми; и это для подтверждения божественности Бога и Его тайн, каковой удостоил меня этого удостоиться; что с тех пор, как я это увидел, у меня осталось сияние, удивительное дело, над моей головой, каковое очевидно всякого рода человеку, которому я хотел его показать, каковых было весьма немного. Это видно на моей тени утром при восходе солнца вплоть до двух часов по солнцу, и много лучше видно, когда на травке бывает этакая влажная роса; также видно и вечером при закате солнца».

Косноязычно описано, но впечатляет.

С нимбом или без нимба, но надо было закончить работу для кардинала Феррарского. Недоделанный серебряный таз сыскался в мастерской, кувшинчик был украден. Приходили друзья — Луиджи Аламанни (1496–1556), известный поэт, автор дидактических поэм. С ним Бенвенуто мог обсудить свои капитоло. Они были земляками, но из-за своих республиканских убеждений Аламанни вынужден был оставить Флоренцию. Сейчас он жил в Париже, но и в Рим заезжал. Приходил также Габбриелло Чезано, юрист, очень известный среди гуманистов человек. Эти люди были куда образованнее Бенвенуто, но они очень ценили его общество, во-первых, за талант, с ним было интересно, на «во-вторых» приходится много хороших качеств, а главное из них — бескорыстная преданность дружбе.

Кардинал, благо Бенвенуто жил под его крышей, завалил Бенвенуто заказами. Кувшинчик и таз пришлось отложить. Теперь он стал делать для кардинала архипастырскую печать, размер обычный — «как рука двенадцатилетнего мальчика». На печати Бенвенуто вырезал две евангельские истории: первая — святой Иоанн проповедует в пустыне, вторая — святой Амвросий на коне с бичом в руке изгоняет ариан. Непонятно, почему Бенвенуто выбрал этот сюжет, его часто использовали в литературе, а в изобразительном искусстве в это время крайне редко, а может быть, никогда. Святой Амвросий Миланский, один из замечательных отцов церкви (родился около 340 года), активно выступал против ариан. Название ереси идет от имени александрийского священника Ария, который учил о неравенстве Христа и Бога-отца, хотя в Константинополе уже был установлен (381 год) церковный догмат о единосущии Бога-отца и Бога-сына и составлен Символ Веры. Печать, как все у Бенвенуто, была выполнена великолепно.

Кардинал Феррарский задумал сделать подарок королю и поэтому заказал Бенвенуто выполнить модель солонки. Разговор шел в присутствии двух друзей, и, конечно, они тут же загорелись и начали давать советы, какие фигуры именно должны быть на этой солонке представлены. Мессир Аламанни «на словах начертал, чтобы я сделал Венеру с купидоном, вместе с многочисленными приятностями». Мессир Чезано предложил изобразить Амфитриту, жену Нептуна, а также тритонов. Бенвенуто, однако, сказал, что благодарит за совет, но поступит по-своему. «Вы сказали, а я сделаю!»

Замечательно описание реакции друзей: «Луиджи Аламанни тогда, смеясь, с величайшей приятностью добавил в мою пользу много остроумных слов; и они ему шли, потому что он был

красивой внешности и телосложения и с мягким голосом; мессир Габбриелло Чезано был совершенная изнанка, настолько некрасивый и настолько неприятный; и так, сообразно своей наружности, он и сказал».

Бенвенуто приступил к работе над макетом. «Я сделал овальную подставку, величиной изрядно больше полулоктя, почти в две трети (то есть около сорока сантиметров. — *Авт.*), а поверх этой подставки, подобно тому как бывает, когда море обнимается с землей, я сделал две фигуры размером изрядно больше пяди, каковые сидели, заходя ногами одна в другую, как мы видим иные длинные морские заливы, которые входят в землю; и в руку мужчине-морю я дал корабль богатейшей работы; в этом корабле удобно и хорошо умещалось много соли; под ним я приспособил этих четырех морских коней; в правой руке сказанного моря я поместил его трезубец. Землю я сделал женщиной настолько прекрасного вида, насколько я мог и умел, красивой и изящной; под руку ей я поместил храм, богатый и разукрашенный, поставленный наземь, и она на него опиралась сказанной рукой; его я сделал, чтобы держать перец. В другую руку поместил рог изобилия, украшенный всеми красотами, какие я только знал на свете. Под этой богиней и в той части, которая являла быть землей, я приспособил тех всех красивейших зверей, каких производит земля. Под частью моря я изобразил весь прекраснейший подбор рыб и раковин, какой могло вместить это малое пространство; на остальной части овала, по его толще, я сделал много богатых украшений».

Оценивать модель явились кардинал, поэт и юрист. Некрасивый юрист мессир Чезано сказал, обращаясь к кардиналу, что эту работу не кончить и в десять человеческих жизней и вы, монсеньор, ее никогда не получите: мол, Бенвенуто вам ее показал, но никогда не отдаст, потому что сделать ее нельзя. Обаятельный Аламанни «с величайшей приятностью» защищал Бенвенуто, а кардинал пребывал в задумчивости: может, вообще аннулировать заказ — уж слишком сложен макет.

Тогда Бенвенуто, разгоряченный спором, сказал:

— Я сделаю эту работу тому, кто будет ее иметь, и оконченной она будет в сто раз богаче, чем эта модель.

В этот же вечер кардинал показал Бенвенуто письмо от короля. На сборы давалось десять дней. Бенвенуто ждал Париж.

Челлини и литература Возрождения

Это ни в коем случае не обзор литературы чинквеченто, мне это не по чину, да и не уместен здесь полноценный обзор. Но надо хотя бы конспективно рассказать, о чем писали в то время, и понять, какое место занимал в этом длинном списке Бенвенуто Челлини.

Идеалы Высокого Возрождения воплотил в себе поэт Лудовико Ариосто, автора поэмы «Неистовый Роландо». «Идеальный образ современника» создал в своей книге «Придворный» Лодовико Кастильоне (1478–1529). Он был дипломатом на службе у герцога Урбинского, пришлось ему служить и папе Клименту VII, это Кастильоне ездил в Мадрид к Карлу V замиряться перед страшным разгромом Рима в 1527 году. Книга «Придворный» возникла не на пустом месте. В начале XVI века при дворе герцога Урбинского и его супруги Елизаветы Гонзаго собрался цвет нации, здесь были мыслители, поэты, писатели, художники. Для них Кастильоне и написал кодекс поведения придворного, разнообразив его различными забавными историями и сценками.

Придворный должен иметь благородное происхождение, что должно быть видно в его осанке, походке, выражении лица и манерах. Его главное ремесло — воин, он должен быть рыцарски храбр, но скромен и сдержан. Он должен быть красив, хорошо сложен и ловок в верховой езде, битве на шпагах и копьях, так же уметь хорошо бегать, плавать и играть в мяч. И еще — хорошо танцевать, охотиться и разумно проводить досуг. А также уметь поддерживать разговор, быть остроумным. «Кто изящен, тот имеет успех».

Одним из самых распространенных жанров в эпоху Ренессанса была новелла, то есть «новость». Авторы писали короткие истории с назидательной концовкой, персонажами их были библейские и античные герои, это были сказки из чужой старинной жизни, рассказы могли быть забавны, остроумны. Во второй четверти XVI века тема новелл поменялась. И. Г. Голенищев-Кутузов, известный советский литературовед, пишет: «Новеллистов XVI века сама жизнь заставила повернуться лицом к совершившимся в стране событиям. Сны, в которых царили Рональды и Армиды, были давно прерваны. Бесконечные войны с испанцами, французами, швейцарцами-наемниками, внутренние распри, гибель многих земель, ограбленные и разоренные дома — все это требовало новой литературы, и она появилась. Теперь авторы часто обращались к современной

итальянской жизни, и жизнь в их рассказах выглядела трагической и безысходной».

Маттео Банделло (1485–1565) — замечательный итальянский новеллист, его называют «Боккаччо XVI века». Он оставил нам 186 новелл. Судьба его типична для того времени. Сын небогатого дворянина из Ломбардии, он сочинил себе пышную геральдику (только этим он и похож на Челлини), утверждая, что дворянство его предки получили от самого Оттона. Банделло сирота, воспитывал его дядя, настоятель доминиканского монастыря делла Грация в Милане. Сейчас этот монастырь знает весь мир, там находится «Тайная вечеря» Леонардо да Винчи. С двенадцати лет юный Маттео живет и учится при монастыре. Он наблюдал, как работал Леонардо да Винчи в трапезной аббатства над своей фреской, и сохранил об этой встрече память на всю жизнь.

Банделло учился в Падуе в университете, изучил древние языки, делал греческие переводы, писал стихи. Приняв монашеский обет, он объехал с дядей всю Италию, при этом завязал тесные отношения со многими выдающими деятелями культуры того времени, а также с известными правителями. Вернуться в Миланский монастырь его заставил душевный кризис, вызванный обрушившимися разом несчастьями — скончалась его возлюбленная, лечить тогда не умели, следом за ней умер дядя. Банделло стал священником, хотя вел вполне светскую жизнь при покровительстве правителя Милана Сфорца. Ему даже дают дипломатические поручения. Так он посетил Францию, которую полюбил на всю жизнь.

Тогда же он начал писать. И. Г. Голенищев-Кутузов: «Будучи священником, а следовательно, и исповедником, для которого открыты тайны душ, Банделло не верит в какое-либо улучшение бесконечно грешного человечества». Так вот где черпал этот автор сюжеты для своих повседневных, но таких жестких трагических сюжетов! Конечно, Банделло не разглашал тайну исповеди, ни боже мой, он додумывал, придумывал и все такое прочее, но я слабо представляю в этой роли православного священника, да и не было у нас тогда светской литературы в ее современном понимании.

Сюжеты Банделло очень разнообразны, везде кипят «страсти роковые». Молодой миланец принимает куртизанку за благородную даму, влюбляется в нее, но, узнав «жестокую правду», принимает яд, так и не получив от прелестницы услад любви. Или — случайно подслушавший исповедь супруги, потрясенный муж убивает несчастную. Все мы приписывает авторство «Ромео и Джульетты» Шекспиру, а ведь он был только гениальным «сценаристом». Новеллу эту написал Банделло,

правда, был и более ранний автор — Луиджи да Порто.

Сюжеты для «Много шума из ничего» и «Двенадцатой ночи, или Что вам угодно» тоже заимствованы Шекспиром (или тем, кто скрывается за этим псевдонимом) у Банделло. После разгрома Милана французами Банделло уехал во Францию, где и умер.

Далее… Весьма известен и любим был также Джамбаттиста Джиральдо Чинтио (1504–1573). Это был истинный гуманист, он преподавал в Ферраре и Турине риторику, медицину и философию, был секретарем феррарского герцога Эрколе И, а между делом писал новеллы и драмы. Чинтио — автор новеллы о мавре Отелло, Шекспир похитил у него сюжет и персонажей, но, как говорится, изменил композицию, углубил психологию героев, создал значительные характеры и все такое прочее. Шекспир гений, что и говорить. Сюжет пьесы «Мера за меру» он тоже взял у Чинтио.

Чинтио и сам писал пьесы, собственно, в то время кто их только не писал. Огромным спросом пользовалась трагедия, которую тогда исполняли не «для народа», как в античности, а в университетах и дворцах — для образованных. Назначением трагедий было потрясти зрителей. Вызвать ужас и сострадание, только так можно было, по их мнению, достичь очищения — катарсиса. Чинтио был очень известным драматургом.

Мы все, во всяком случае мое поколение, стонем от телевизора, когда с экрана прямо на твой ковер так и валятся трупы, но, я думаю, авторов современных фильмов не катарсис зрителей волнует, а как заработать деньги. Сейчас в кино и на телевидении жалуются — сценариев достойных нет. Есть, просто не то читают. Вот трагедия Чинтио «Орбекка» в пяти действиях, поставлена в 1547 году. Либретто «Орбекки», написанное Голенищевым-Кутузовым: «Желая с самого начала трагедии наполнить души зрителей леденящим ужасом, Чинтио, подобно Сенеке, выпускает в первом акте на сцену богиню мщения Немезиду в сопровождении сонма фурий и являющегося из преисподней духа персидской королевы Селины (матери Орбекки), злодейски убитой вместе с сыном своим супругом.

Помимо этих сверхъестественных персонажей и Орбекки действующими лицами пьесы являются кормилица и возлюбленный героини — армянский царевич Оронте, вестники, советники и неизбежный в трагедиях чинквеченто король-тиран, утопающий в человеческой крови. По политическим соображениям он решает отдать Орбекку в жены парфянскому царю. На свадебном пиру Орбекке подают на блюде тела двух ее зарезанных детей и голову и руки ее возлюбленного Оронте. Вне себя от отчаяния и горя, Орбекка бросается на своего отца-злодея

и убивает его тем же ножом, который он вонзил в младенцев. Хор подробно описывает, как Орбекка отрезает у трупа отца голову и руки. После длительного монолога Орбекка закалывает самое себя. Самоубийство героини происходит не за сценой, а на глазах у зрителей. Трагедия написана одиннадцатисложным нерифмованным стихом по схеме Клаудио Толомеи, известного теоретика литературы XVI века».

И как вам? Осовременивай и ставь, реклама на TV обеспечена. Мы ведь тоже живем в эпоху Ренессанса, только научно-технического. Правда, совершенно непонятно, как там с катарсисом. Очень популярным сюжетом трагедий был инцест. Первым как-то особенно люто карают невинного младенца, который в конечной сцене является в виде тени и произносит нравоучительный монолог. Все это происходит в трагедии известного теоретика языка и философа Сперони Сперони «Каначе» (1543 год).

Комедия тоже была, то есть она могла иметь трагическое содержание, но у нее должен был быть хороший конец. Никколо Макиавелли (1469–1527), всем известный автор книг «Государь», «О военном искусстве», «История Флоренции», тоже писал пьесы. Наибольшей популярностью пользуется его комедия «Мандрагора». Это едкая сатира на флорентийское общество. Героиня пьесы носить гордое имя Лукреция. В Древнем Риме она была символом доблести и добродетели, обесчещенная, она заколола себя кинжалом. Макиавелли захотелось посмотреть, как будет себя вести в подобной ситуации его современница и вообще как все произойдет.

Итак, красавица Лукреция, муж красавицы — нотариус, ученый дурак Начо и соблазнитель, тридцатилетний Каллимако. Он приехал на родину из Франции, увидел Лукрецию и, плененный ее красотой, решил во что бы то ни стало овладеть ею. В помощь себе он взял двух мерзавцев: «парасита», то есть нахлебника, Лигурино и монаха Тимотео. Характеры всех троих описаны ярко, они индивидуальны, что было новостью для итальянской сцены того времени. Все трое действуют подло, цинично и весело. Они уговаривают мечтающего о наследнике нотариуса дать жене любовный напиток из корня мандрагоры, но тут же сообщают, что мужчина, проведший ночь с его женой, неминуемо умрет. Начо сам приводит в спальню к жене «первого встречного», под личиной которого скрывается Каллимако. Далее все хорошо, все друг другу врут, словом, весело.

Нельзя не рассказать о блистательном Аретино (1492–1556). О нем пишут как о самом влиятельном писателе литературы XVI столетия, недаром за смелость и острый беспощадный язык его

прозвали «бич государей». «Гнев заставляет действовать умного человека, когда что-то мешает ему осуществить свои замыслы», — писал Аретино. Он и осуществлял их в сатирах, стихах и пьесах. Его злого пера боялась вся Италия.

Он был сыном сапожника и не получил гуманистического образования, так что условности «высоких лбов» его никак не сдерживали. Аретино начал карьеру в Риме при дворе папы Льва X, но потом вынужден был оставить столицу папства. Он укрылся в Венеции, под защитой республики. Тициан был его другом, он прозвал Аретино «кондотьером от литературы», поскольку в своих творениях тот создал мир совершенно отличный от гуманистических идеалов. Его антиподом был Кастильоне, у которого придворные были носителями нравственности, образованности, изысканных манер и рыцарского благородства. У Аретино в «Комедии о придворных нравах» двор папы состоит из глупцов и развратников. «Главное, что придворный должен уметь, — говорит один из придворных, поучая новичка, желающего получить кардинальскую шапку, — это сквернословить, быть азартным игроком, еретиком, льстецом, злоязычным, неблагодарным, невеждой, ослом». «Ну и бесстыжий это двор, — вторит героиня. — Бог знает до чего дожили. И этакое скотство под эгидой митры».

Вообще, тогда писали все, кто знал грамоту, используя латынь, греческий и итальянский языки. Сонеты и эпиграммы — по любому поводу, писали и вывешивали листки на стенах и дверях общественных зданий, писали трактаты, рассуждения, новеллы, трагедии, комедии и, конечно, стихи. Резвились студенты в университетах, писали монахи и кардиналы, Микеланджело был великолепным поэтом, писателем был Галилей, Джордано Бруно создал комедию «Подсвечник» (1581 год). Она была очень популярна из-за своей сатирической направленности. Можно назвать еще много имен, но не стоит. Я не знаю, что читал Бенвенуто. Он ни словом не обмолвился о театре. В своей книге он или куда-то едет, или дерется, или болеет, или сидит в тюрьме, но всегда, днем и ночью, в будни и праздники, он работает как одержимый, но никто из всей пишущей современной братии не изобразил с такой силой, искренностью, верой и любовью труд художника.

Увлечение поэзией тоже не миновало Бенвенуто. Он оставил много стихов, но Лозинский пишет о них так: «…свою поэзию он сам называл «лесной дикаркой», и даже наиболее горячие его поклонники не увенчают ее лаврами». Свою «Жизнь…» Бенвенуто предварил такими стихами:

Я жизнь мою мятежную пишу
В благодаренье Господу Природы,
Что, дав мне душу, блюл ее все годы.
Ряд знатных дел свершил я и дышу.

Мой рок жестокий без вреда сношу;
Жизнь, слава, дар, дивящий все народы,
Мощь, прелесть, красота и стать породы;
Поправ одних, другим вослед спешу.

Но мне премного жаль, что столько ране
Средь суеты потеряно годин:
Наш хрупкий разум ветр разносит всюду.
Раз тщетно сетовать, доволен буду,
Всходя, как нисходил, желанный сын
В цветке, возросшем в доблестной Тоскане.

Я согласна с Дживелеговым, что стихи «никакие», не дан был Бенвенуто поэтический дар, но прозаиком он был блестящим, а потому для меня важно высказать свое удивление, что «Жизнь…» Бенвенуто Челлини никак не заинтересовала И. Г. Голенищева-Кутузова, он не написал о ней ни строчки.

Часть IV
На пути во Францию

Бенвенуто выехал из Рима 22 марта 1540 года, а приехал к месту назначения только в октябре — полгода добирался, не торопились в те времена художники. Но это не его вина. Благодетель кардинал Феррарский тоже не торопился. Двор его был огромен, ехали двумя самостоятельными группами. Сам кардинал с ближайшим окружением, куда и Бенвенуто пригласили из соображений его безопасности, собирался посетить святыню — Лоретскую Мадонну, а оттуда поехать к себе домой в Феррару.

Другая группа ехала через Флоренцию. К ней Бенвенуто и примкнул. Пора было повидать близких. С собой во Францию Бенвенуто взял слугу, а также двух подмастерьев — Асканио и Паголо. Этой компанией они и направились вначале в Витебро в монастырь, там жили двоюродные сестры Бенвенуто, одна была аббатисой, другая ключницей. «Молитвами этих бедных девушек снискал я у Бога милость моего спасения», — пишет он. Надо ли говорить, как приняли монашки Бенвенуто и его компанию с восторгом. Во Флоренции он пробыл четыре дня, семья сестры тоже была счастлива, увидев брата и дядю «живым и невредимым».

В Сиене, как ни грустно об этом писать, Бенвенуто убил человека. Почтовый смотритель сам напросился, он был несправедлив, вел себя грубо, хам, что и говорить, но и он Божья душа. Хорошо романистам, они не пересчитывают убитых мерзавцев. Вот, скажем, роман всех веков и народов — «Три мушкетера». Моя подруга, она единственная из всех, кого я знаю, не любит этот роман, а в оправдание себе принялась считать всех «плохих», оставленных трупами на этих страницах, — цифра зашкаливает. Но те убитые словно и не люди, они картонные марионетки, их назначение — оттенять доблесть главных героев. В книге Бенвенуто — это ему удалось — все люди совершенно реальны, и от таких «подвигов» героя читатель удивляется и содрогается.

Вот как было дело. Часть пути до Сиены Бенвенуто в одиночку предпринял на почтовой лошади, так сложились обстоятельства. Приехав в город, он отвел кобылу на почту, но забыл снять собственные стремена и подушку. На следующий день он вспомнил о своей оплошности и послал слугу требовать назад свое имущество. Слуга вернулся ни с чем. Почтовый

смотритель сказал, что знать ничего не знает, что Бенвенуто загнал его лошадь, а потому ничего не получит. Хозяин гостиницы предупредил, что почтовый смотритель человек тяжелый — чистый зверь, у него двое таких же лютых сыновей, оба военные и отменной храбрости, так что лучше купить новые стремена и забыть о старых. Но такой совет явно не устраивал Бенвенуто. Он облачился в кольчугу и наручи, впрочем, он снимал их только на ночь, приторочил к луке «чудеснейшую аркебузу» и поехал со своей командой искать справедливости.

— Почтовый смотритель, вы ошибаетесь, что я загнал вашу лошадь. Я ее не гнал, поэтому не надо в Страстную пятницу срамить себя и меня. Верните мои стремена и подушку, и на этом расстанемся, — вежливо начал Бенвенуто разговор, на что хам-смотритель ответил:

— А мне все равно, Страстная пятница или чертова пятница. Если ты не уберешься отсюда, то я копьем сброшу тебя с коня.

Тут некстати остановился прохожий, сиенец, который стал ругать смотрителя: он-де не исполняет долга перед проезжими иностранцами, а это позор городу. Слово за слово, тут смотритель «вдруг с постыдными богохульствами» направил копье в сторону Бенвенуто, тот в свою очередь «сделал вид», что направил в сторону смотрителя дуло аркебузы. Одно неловкое движение… Бенвенуто не хотел стрелять, аркебуза сама выстрелила вверх, «пуля ударилась о свод двери и, отскочив назад, попала в горло сказанному (смотрителю), каковой и упал наземь мертвым».

Из дома тут же выбежали два вооруженных сына, копьем ранили Паголо. По счастью, рана была незначительной, но вели себя эти двое очень воинственно и уже начали скликать народ. Бенвенуто ничего не оставалось, как вместе со своими людьми спасаться бегством. И ведь предупреждали! Я не знаю, может ли отскочившая рикошетом пуля убить человека, но надеюсь, что в этой истории Бенвенуто сгустил краски, то есть приврал ради красного словца, и почтовый смотритель очнется и со временем встанет на ноги.

Наконец прибыли в Феррару. Кардинал уже знал о подвигах ювелира и встретил Бенвенуто словами:

— Я молю Бога, чтобы Он даровал мне такую милость, чтобы я тебя довез живым к королю, как обещал.

Кардинал отвел Бенвенуто под жительство свой дворец Бельфиоре и велел оборудовать там мастерскую. В Париж он пока Бенвенуто с собой не взял. Видя его недовольство, он сказал:

«— Бенвенуто, все то, что я делаю, это для твоего же блага; потому что прежде, чем взять тебя из Италии, я хочу, чтобы ты в точности знал заранее, что ты едешь делать во Францию; тем

временем торопи как только можешь этот мой таз и кувшинчик; и все то, что тебе требуется, я оставлю в распоряжение одному моему управляющему, чтобы он тебе давал».

Можно только удивляться долготерпению кардинала Феррарского. Этот таз и кувшинчик проходят красной нитью через все передряги Бенвенуто за последние три года. Их действительно давно пора было окончить, но Бенвенуто был верен себе. Он обиделся и уже раздумывал, куда бы убежать из Феррары, беда только, что бежать было некуда. И потом, не надо забывать, что «бестактному» кардиналу он как-никак обязан освобождением и защитой от длинных рук папы Павла III. «.. Облекшись в ту благодарность, которой заслуживало полученное благодеяние, я расположился иметь терпение и посмотреть, какой будет конец этому предприятию; и, принявшись работать с этими моими двумя юношами, я подвинул весьма удивительно вперед этот таз и этот кувшин».

Развлечений, кроме работы, было мало, и все свободное время Бенвенуто отдавал охоте на местных птиц, которых Бенвенуто называл павлинами. Вряд ли эти чудо-птицы с их хвостами жили свободно на феррарских землях. Может быть, это были фазаны? Потом Бенвенуто приболел, потом выздоровел и познакомился поближе с герцогом Феррары Эрколе II д'Эсте. Герцог захотел, чтобы Бенвенуто сделал его портрет. Бенвенуто сделал его «на черном камне величиной со столовое блюдце». Для работы нужен был вначале рисунок, герцог много позировал, они вели беседы, иногда Бенвенуто оставался ужинать.

Через неделю Бенвенуто сделал «изображение головы», теперь герцог захотел, чтобы был сделан оборот. Оборот был сделан красивейший и носил политический характер. В 1539 году Феррара наконец договорилась с папой Павлом III о возвращении ей земель с городами, полученными в свое время в дар от папы Александра VI. Владения эти после войн опять перешли под власть папы, и теперь герцог выкупил их назад за 180 тысяч золотых дукатов. Правда, потом распри между Феррарой и Римом возникли вновь, но герцог Эрколе II об этом не знал и захотел увековечить в камне вновь обретенный мир.

На обороте «в виде Мира была изображена женщина с факельцем в руке, которым сжигала оружейный трофей; каковую я сделал, эту сказанную женщину, с радостной осанкой, в легчайших одеждах; прекраснейшего изящества; а под ногами у нее я изобразил, удрученным, и печальным, и связанным многими цепями, отчаявшийся Раздор… Подпись к обороту гласила: Pretiosa In conspectu Domini, что значит «Дорог в очах Господних…» Она показывала, что Мир продался ценой денег».

Между делом были окончены пресловутые таз, который был «составлен из круглых фигур и из рыб барельефом», и кувшинчик, где тоже было много «круглых фигурок», выглядели оба предмета замечательно.

Бенвенуто ранее был в Ферраре, и вряд ли этот город оставил хорошие воспоминания. Именно здесь произошла неприятная стычка с изгнанниками, повздорили в гостинице, а утром на выезде из города опять пришлось схватиться за оружие. И ведь не можешь развернуться в полную силу! Тебя осудят и герцог, и ссыльные, те и другие флорентийцы, а Бенвенуто никогда не вступал в драку по политическим соображениям. Словом, в своей книге ему даже в голову не приходит славословить этот город. А между тем он занимал в то время совершенно особое положение в Италии. Сошлюсь на П. П. Муратова, он опишет Феррару лучше, чем я.

«…унылая картина окружающих Феррару болот», — пишет он в «Образах Италии». — Город теряется в «мокрых равнинах, где бродят туманы и царствует малярия», но между тем «место Феррары в судьбу итальянской поэзии составляет ее справедливую гордость». Город стал прибежищем гуманистов, поэтов, трубадуров и философов. «Феррара стала первым городом в Европе, существовавшим от двора и для двора. Здесь было стотысячное население. Была промышленность, была торговля, но все это служило праздничной жизни д'Эсте. Герцоги строили дворцы, церкви, укрепления: они, что беспримерно в Италии, строили даже самый город, как впоследствии Людовики строили Версаль и как Петр строил Петербург. Проведенные ими широкие улицы заставили Буркхарда назвать Феррару первым европейским городом в современном смысле этого слова».

Там творили великолепные живописцы. Муратов пишет, что если бы от прежнего города уцелел лишь один дворец Скинафойя, то и тогда феррарские герцоги заслужили бы оправдание на самом строгом суде истории. На стенах этого дворца сохранились фрески блистательных художников Феррары — Франческо Косса (1436–1478) и Козимо Тура (1429–1495). Подобных фресок не было в «ни в Ломбардии, ни в Умбрии, ни даже в Тоскане». Художники находили свои сюжеты не в Библии, а в современной им жизни. Фрески были посвящены двенадцати месяцам года: сцены из жизни феррарской знати, праздники, охота, пиры соседствовали с картинами сельской жизни простых тружеников.

Позднее фрески были покрыты толстым слоем штукатурки, это и позволило им сохраниться. В первой половине XIX века штукатурка была снята, а искусствоведы принялись спорить об их авторстве. Во времена Бенвенуто в Ферраре он мог увидеть эти

картины в их полной яркости и красоте, но ему и в голову не приходило туда съездить, он вообще был не высокого мнения о самом ремесле живописцев, а герцогу так же не пришло в голову похвастаться этими шедеврами. Да он, наверное, и не подозревал, каким богатством владеет, в Италии было очень много художников, как тут разобраться — где «нетленка», а где просто хорошая живопись.

Наконец пришло письмо из Парижа. Кардинал сообщал, чтобы Бенвенуто готовился к отъезду, потому что «король о нем спрашивал». Управляющий герцога решил, что ехать надо срочно, поэтому порекомендовал Бенвенуто «ехать на почтовых». Что? Он, Бенвенуто, великий мастер, на почтовых? Да вы с ума сошли! Лучше он вообще не поедет в Париж! За работу герцог заплатил ему до стыдного мало, всего лишь «перстенек с тоненьким алмазишком ценой в десять скудо», хотя сам он оценил работу в 200 скудо. Бенвенуто отказался от кольца, а герцогу Эркело II просил передать, что ценит знак внимания его сиятельства, но был бы более рад получить «кольцо против судорог, которые привозят англичане», он носил бы этот талисман не снимая.

В конце концов и алмаз поменяли на дорогой, и лошадей для поездки нашли, но в книге Бенвенуто написал: «…феррарцы народ жаднейший, и любо им чужое добро, каким бы способом им ни удалось его заполучить, все они такие». Я с прискорбием отмечаю, что и кардинала Феррарского Бенвенуто приравнял к его землякам.

Париж

«Королевский двор мы застали в Фонтано-Белио», — пишет Бенвенуто, переиначивая Фонтенбло. Он плохо знал французский, коверкал слова, имена и названия, французы отвечали ему тем же. Словно в отместку его звали Бенвенуто Селеньи.

Бенвенуто был принят королем, «поцеловал ему колена», после чего произнес речь благодарственную, искреннюю, горячую, очень длинную. Суть ее такова: обязанность всякого государя, если он добр и велик, освобождать людей из темницы, если они годны на дело и при этом невиновны, подобные деяния первыми заносятся в Божьи книги. По совету кардинала Бенвенуто прихватил с собой таз и кувшин. Король был в восторге от этой работы.

— Отдохните, повеселитесь несколько дней, — сказал он в заключение, — а мы подумаем, где вас разместить и создать условия для работы.

Двор меж тем направился в Париж. Расстояние в 55 километров преодолевали в несколько дней. Королевский поезд — это 12 тысяч лошадей, уйма придворных, еще больше обслуги, всех надо кормить и обустраивать на ночь. Ни о каких придорожных дворцах или гостиницах не было и речи. Иногда заезжали в чьи-то богатые имения, а чаще в чистом поле разбивали «полотняные палатки, как это делают цыгане», не торопились, иными словами.

Бенвенуто извелся от такой медлительности, кардинал сказал ему — терпи, но сам пошел к королю с просьбой: мол, отпустите Бенвенуто в Париж, он рвется к работе, и пусть присмотрит себе заодно жилье, грех отнимать у талантливого человека время. Король согласился, поручив при этом подумать о положении Бенвенуто — жалованье и прочем. Все это кардинал рассказал Бенвенуто, но при этом сказал:

— Мне кажется, что если его величество даст вам жалованья 300 скудо в год, то вы отлично можете устроиться. Предоставьте мне заботу о вас, я всегда помогу вам самым лучшим образом.

Бенвенуто смертельно обиделся. Здесь в Париже ему не нужен был посредник, он хотел общаться с королем напрямую, теперь сам Франциск I был его благодетелем. Приплюсовав сюда и феррарские обиды, Бенвенуто ответил кардиналу решительно и твердо:

— Вы оставили меня в Ферраре, обещая не звать из Италии до тех пор, пока я вполне не буду знать своего положения при его величестве короле. Вы не уведомили в письме о моем положении

здесь, а велели гнать на почтовых. Да если бы я знал, что речь пойдет о 300 скудо, я бы вообще сюда не приехал. Но я за все благодарю Бога и ваше преосвященство также, потому что Бог употребил вас как орудие для освобождения меня из темницы.

Понятно, что кардинал рассердился:

— Ступай куда хочешь, насильно никому нельзя сделать добра.

Лучше всего суть этой истории передают слова красивого и умного писателя Луиджи Аламанни: «Король никогда не найдет ему (Бенвенуто) равного, а наш кардинал хочет торговать им, как вязанкой дров».

Бенвенуто пришел к своим подмастерьям и сказал, что завтра утром они уезжают из Франции, он даст им денег на обратную дорогу, а сам поедет отдельно «по одному важному делу, которое давно хотел совершить». Подмастерья подняли вой и плач, но Бенвенуто был неумолим. Он никому ничего не хотел объяснять. Он решил ехать на святую землю к Гробу Господню и создать «Христа величиной в три локтя», больше ни о чем думать он не мог и не хотел. В дорогу взял деньги и пару рубах, все остальное бросил на произвол судьбы.

Сказано — сделано. Бенвенуто скакал во всю прыть через лес, когда его нагнал посыльный короля вместе с Асканио.

— От имени короля приказываю ехать назад. Король требует вас к себе, — прокричал посыльный и, видя, что Бенвенуто артачится, добавил: — В противном случае я позову народ, и мы повезем вас как узника.

При слове «узник» Бенвенуто тут же подчинился приказанию, только французской тюрьмы ему не хватало. Прежде чем предстать перед королем, он встретился с кардиналом.

«— Наш христианнейший король сам от себя назначил вам такое же жалованье, какое его величество давал Леонардо да Винчи, живописцу, то есть 700 скудо в год; и, кроме того, оплачивает вам все работы, которые вы ему сделаете; и еще ради вашего приезда дает вам 500 золотых скудо, каковые он желает, чтобы были вам выплачены прежде, нежели вы уедете отсюда».

Для Франциска I Бенвенуто Челлини и Леонардо да Винчи были людьми одного порядка. Посмертная слава да Винчи несоизмерима с его славой при жизни. Он был велик, безусловно, но он не был «единственным». Леонардо много начал, но мало что довел до конца. Он был истинным человеком Возрождения, все виды его деятельности идут под грифом «гениально», но для Лодовико Моро он был живописцем, для Чезаре Борджиа — мастером оружия и ведения боя, для кого-то он был механиком, для другого безумцем, решившим лететь, а великий знаток

искусств Лоренцо Великолепный больше всего ценил в Леонардо музыканта. Слава Бенвенуто долетела до ушей французского короля, и он приравнял его к «величайшему всех времен и народов». Удивительно другое, что и сам Бенвенуто принял жалованье Леонардо как должное.

На приеме Бенвенуто рассыпался в благодарностях. Король заказал ему двенадцать серебряных светильников, то есть подсвечников, которые стояли бы вокруг его стола. Светильники должны быть его роста, то есть около двух метров, и изображать шесть богов и шесть богинь. Бенвенуто выплатили 500 скудо, и он тут же отбыл в Париж.

Кардинал предоставил ему для проживания свой дом, Бенвенуто принял это как должное. Работу он начал с того, что быстро сделал четыре модельки высотой где-то по 20 сантиметров: Юпитер, Юнона, Аполлон и Вулкан. Когда король прибыл в Париж, он одобрил модельки. Видя полное расположение к нему короля, Бенвенуто сообщил, что присмотрел себе жилье, «каковое мне кажется весьма подходящим, чтобы делать там такие работы, и сказанное место — его величество собственное, называемое маленький Нель».

Интересно, каким представлялся Бенвенуто Париж того времени. Читали «Собор Парижской Богоматери»? Описанное там действо происходило в 1482 году, то есть задолго пять лет до того, как Челлини впервые прошелся по парижским улицам. В романе Гюго собор и город — главные действующие лица, вряд ли за сорок с лишком лет там произошли серьезные изменения. Вот как описывает Гюго столицу Франции: «Еще в XV веке Париж был разделен на три совершенно отдельных, отличающихся друг от друга города; каждый из этих городов имел «свою физиономию», свою специальность, свои нравы, свои обычаи, свои привилегии, свою историю: то были Старый город, Квартал университетов и Новый город. Самый древний, самый меньший между ними был Старый город; он был расположен на острове и был окружен двумя другими городами, как старушка двумя прекрасными рослыми дочерьми. Университетский квартал занимал левый берег реки Сены от здания Ла Турнель и до башни Нель… Стена этого города врезывалась довольно глубоко в поля… Новый город занимал наибольшее пространство, был расположен на правом берегу Сены. Его набережная прерывалась в нескольких местах, шла вдоль берега реки Сены от башни Бельи и до башни Буа… Город еще глубже врезался в поля, чем университетский квартал. В Старом городе преобладали церкви, в Новом городе — дворцы, в Университетском квартале учебные заведения. Остров, т. е. Старый город, находился в ведении

епископа, правый берег в ведении старшины купеческого сословия; левый берег — в ведении ректора; надо всем же был главным парижский прево, королевский, а не муниципальный чиновник». Лувр находился в Новом городе, маленький Нель, в котором разместился Бенвенуто, в Университетском квартале. Старинная Нельская башня, о которой трагически писали романисты, тоже входила в усадьбу замка Нель.

Русские обожают Париж: ах, Большие бульвары, ах, Елисейские Поля и прочее, прочее! Я тоже люблю Париж, но не могу простить парижанам, что они уничтожили свой средневековый город. Ну ладно, срыли башни и городские крепостные стены, но замок Тампль чем им помешал, сейчас там сквер, без него им не обойтись. У нас на месте Казанского собора, что на Красной площади, тоже был сквер с туалетом. В XIX веке барон Осман прошелся по городу, как наш сибирский цирюльник по тайге. Но это исключительно мое личное мнение, я люблю старые и очень старые постройки. Судя по Италии и Риму, итальянцы их тоже любят.

Вернемся в XVI век. Итак, Бенвенуто выбрал Нель. Прямо скажем, губа не дура. Название замка произошло от имени первого владельца — господина Неля из Пикардии. Потом дом, вернее сказать, замок купил король Филипп Красивый (тот самый, что расправился с тамплиерами), и маленький Нель стал частным владением королей. Сейчас он принадлежал прево Парижа Жану д'Эстувилю. Замок не был подарком короля, видимо, его дали прево во временное пользование, и сейчас он пустовал. Король тут же согласился предоставить замок Бенвенуто, мы можем только предполагать, что по этому поводу думал сам прево.

А он ничего хорошего и не думал. Сам монсеньор д'Эстувиль не жил в маленьком Неле, но там жили его люди, поэтому замок пришлось занимать силой. Сопровождающий Бенвенуто лейтенант посоветовал: «Остерегайтесь, чтобы вас здесь не убили». Бенвенуто нанял слуг и накупил оружие, чтобы держать оборону. Парижское дворянство вело себя враждебно, оскорбительно, и в конце концов Бенвенуто пошел к королю с просьбой выделить ему под жилье другой дом. Франциск I был воин и ответил подобающе:

— Если вы тот Бенвенуто Челлини, о котором я слышал, то вы сумеете постоять за себя, а я вам даю на это полную волю.

Король назначил для охраны Бенвенуто дворянина Жана Лаллемана де Марманя, в его обязанность входило также обеспечивать Бенвенуто всем необходимым для работы и жизни. Первое, что сделал монсеньор де Мармань, — это занял лучшие

комнаты и въехал туда со своими двумя слугами. Бенвенуто тут же заявил, что в этих комнатах он будет жить сам. Дальше было сказано много бранных слов на французском языке, ответом им служили вежливые, но язвительные слова на итальянском. Де Мармань был горд, горяч и смел, он взялся за кинжал. Перечисленные качества и у Бенвенуто были в избытке, он взялся за свой «большой кортик» и дал распоряжение двум своим слугам:

— Как только вы увидите, что я обнажу свой кортик, кидайтесь на обоих слуг и убейте их, если можете, потому что этого я убью сразу; потом мы уедем с Богом тотчас же.

Видимо, де Мармань понимал итальянский язык, он сунул кинжал в ножны и ушел с места предполагаемой битвы. О происшедшем Бенвенуто рассказал кардиналу, тот доложил королю. В Нель был прислан другой человек — виконт д'Орбек. Бенвенуто с ним отлично поладил, можно было начинать работать. Теперь Бенвенуто сделал три модели светильника в заказанную величину. Юпитер, Марс и Вулкан были сделаны из глины и укреплены железом, на работу над первым светильником король выдал 300 фунтов серебра.

Прежде чем окончить эта главу, пару слов о тазе и кувшинчике, которые теперь называются «вазочка и овальный таз». Может, я клевещу на Бенвенуто, и эта работа была новой, уже в Париже заказанной, но в сомнение меня ввели слова: «Я их отлично вызолотил». Неужели это наши старые знакомые? Он отнес таз и кувшин кардиналу, а тот подарил их королю. «Это показалось самой прекрасной работой, какую когда-либо видели во Франции», — пишет Бенвенуто в свойственной ему манере. Король на радостях пожаловал кардиналу аббатство с доходом в 7000 скудо.

Как это, удивитесь вы, король распоряжается церковными делами? Но у Франциска I были свои отношения с Римом. Еще в 1516 году в Болонье, нарушив Прагматическую санкцию от 1438 года, он заключил конкордат с папой Львом X. В соответствии с этим соглашением король, предоставив папе некоторые льготы, но ущемив положение французского священства, получил право самостоятельно назначать прелатов на высшие церковные должности. Часто это были светские люди, кроме того, король мог выбирать на одну должность несколько человек.

Франциск подарил кардиналу аббатство и захотел сделать подарок и Бенвенуто. Кардинал Феррарский его остановил. Не надо торопиться, ведь пока ювелир не сделал для Франции ни одной работы. Он сам сделает Бенвенуто подарок. Какой? Сразу же по вступлении во владение аббатством он назначит ему 300

скудо содержания. «Я их так никогда и не получил, — с обидой пишет Бенвенуто, — и слишком долго было бы рассказывать про этого чертового кардинала…» Вот так.

Французский король Франциск I

Франциск I (1494–1547) — очень популярный и высокочтимый король в истории Франции. Он был сыном двоюродного брата короля Людовика XII, герцога Ангулемского Карла. В раннем детстве потерял отца, его воспитанием занималась мать Луиза Савойская. В 1506 году десятилетний Франциск обручен с дочерью Людовика XII Клод. Это и помогло ему занять трон в 1515 году при регентстве матери.

Энциклопедия: «Красавец, высокого роста, «король-дворянин», как он сам себя называл, Франциск отличался безрассудной храбростью, вкрадчивым красноречием, честолюбием, рыцарской любезностью, пылкой фантазией, легкомысленностью и задором».

Помимо многочисленных войн, которые он вел всю жизнь, его имя связывают с расцветом французского Возрождения. Он очень интересовался всеми видами искусств, обожал вести ученые беседы с писателями, любил поэзию. Это Франциск позвал во Францию из воюющего Милана Леонардо да Винчи, дал ему дворец в Амбуазе и возможность спокойно прожить последние четыре года. Он также позвал в Париж замечательного художника Андреа дель Сарто и Бенвенуто Челлини. Рафаэль написал для него несколько картин. При нем вышел роман Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль».

В 1515 году Франциск совершил неслыханный в те времена переход в Италию через Аргентийское ущелье, когда пушки переносились на руках, а дороги прокладывались с помощью взрывов. За этим переходом последовала победа при Мариньяно, «битва исполинов» — самая блестящая победа в ходе Итальянских войн.

В январе 1519 года скончался император Священной Римской империи Максимилиан Австрийский. На трон претендовали трое: Франциск I, Генрих VIII Английский и Карл Австрийский. Английский король отказался сам, из двоих оставшихся выбрали Карла V. Франциск тяжело переживал крушение своих честолюбивых надежд. Он решил наладить отношения с Англией. Близ Кале произошла известная в истории встреча двух государей, получившая название «лагерь золотой парчи». Жили в шатрах в чистом поле, но роскошь при этом была поистине необыкновенной. Семнадцать дней пировали и договаривались о дружбе. Договорились, но очень скоро Генрих VIII вступил в союз с Карлом V. В течение Итальянских войн Франциску не раз приходилось сражаться с англичанами.

Открыто выступать против Франции Генрих VIII стал в 1521–1526 годах. Франциску в этой войне не везло с самого начала. Битва при Павии (февраль 1525 года) обернулась пленом. Большую роль в этом поражении сыграла измена коннетабля Карла Бурбона, он перешел на сторону Карла V и стал во главе испанского войска. Франциск был дважды ранен в этой битве, потом его увезли в Мадрид. Коннетабль Бурбон был тем самым «высоким молодцом», которого убил Челлини в первый же день осады Рима. Спор, кто именно это сделал, до сих пор является неразрешенным, но сам Франциск верил, что это сделал именно Бенвенуто. Можно понять, какие чувства он испытывал к Челлини. Тот отомстил за его позор, сокрушив изменника Бурбона. А на подходе уже Четвертая Итальянская война, о ней будет рассказано отдельно.

Теперь что касается внутренней политики. Правление Франциска I характеризуется усилением абсолютизма. Король царствовал самовластно, парламенту он вообще запретил вмешиваться в какие-либо дела, кроме правосудия. Он руководствовался римским правом: «Чего требует король, того требует закон». Все понятно, только у нас в России все знают пословицу: «Закон что дышло, куда повернул, то и вышло». При Франциске популярен был еще один лозунг: «Ибо так нам угодно» — с этим и спорить бесполезно.

В борьбе с пуританами Франциск вначале придерживался относительно мягкой политики, но прошло время, и король устал бороться с фанатиками и врагами католицизма. В провинции, а потом и в Париже запылали костры инквизиции.

В терпимости по отношению к протестантам, кальвинистам и прочим короля поддерживала сестра Маргарита Ангулемская Наваррская (1492–1549) — очень известная женщина эпохи французского Ренессанса. Она была писательницей, поэтессой, философом, знала латынь, дружила и переписывалась с блистательными людьми своего времени, например с Эразмом Роттердамским. Самая известная ее книга носит название «Гептамерон» — 72 новеллы, в них превозносился образ идеального человека — гуманиста, описывались современные нравы и, конечно, любовь, куда же без любви. Маргарита Ангулемская часто защищала Челлини от нападок фаворитки короля Анны д'Этамп, Бенвенуто только упоминает ее имя в своей книге, но уже по этому видна симпатия, с которой он относился к этой женщине. Маргарита Ангулемская Наваррская была бабушкой короля Генриха IV, хорошо известного русской публике.

Умер король в 1547 году, оставив после себя пустую казну.

Благодеяния

Когда Юпитер «уже изрядно продвинулся вперед», король пожелал увидеть «что-нибудь красивое», то, что делается в мастерской маленького Неля. К этому времени Бенвенуто нанял для работы много мастеров, здесь были и немцы, и французы, заказов было много, работа кипела, так что «мастерская имела очень богатый вид». Туда и нагрянула знать самого высокого ранга. Вместе с королем пришла его метресса, или фаворитка, — мадам д'Этамп, будущая врагиня Бенвенуто, он называет ее герцогиней Тамп, была также сестра короля Маргарита Ангулемская, воплощенный идеал Ренессанса, с супругом Генрихом II д'Альбре Наваррским. Взглянуть на итальянского гения явились также «дофин с дофиной», дофин — второй сын Франциска I, будущий король Генрих II (1519–1559), дофина — наша знакомая из Флоренции Екатерина Медичи, пока еще рыженькая мышка, безумно ревнующая мужа к любовнице Диане де Пуатье, слава Екатерины Медичи еще впереди. Был тут и кардинал Феррарский, и огромная свита короля. Все посмотрели, повосхищались — понравилось.

На другой день король позвал Бенвенуто во дворец. Король ужинал в окружении друзей, был среди них и кардинал Феррарский.

— Бенвенуто, друг мой, — сказал король, — раз уж у меня есть такие красивые, сделанные тобой таз и блюдо, то не мешало бы к ним иметь еще и солонку. Сделай рисунок этой вещицы, и побыстрее.

Зачем рисунок, если есть уже готовый макет? Бенвенуто помчался в мастерскую, для этого надо было только перейти на другой берег Сены. Король был поражен красотой модели из воска. Кардинал узнал свою модель, ту самую, которую Бенвенуто делал в Риме. Таз и кувшин он подарил, но солонку хотел иметь себе. Бесцеремонность Бенвенуто его обидела и огорчила. Он не подал виду, но дал понять Бенвенуто, что все помнит. Интересен дальнейший разговор.

— Я же сказал вам тогда, — обратился Бенвенуто к кардиналу, — что эту работу «я сделаю тому, кто захочет ее иметь».

— Я помню этот разговор, хоть дело давнее, — подтвердил кардинал и, обратившись к королю, добавил: — Я просто усомнился при виде модели, что ввиду сложности работы она вообще будет когда-нибудь закончена. У этих гениальных художников всегда есть великие замыслы. Они охотно дают им

начало, но не думают о том, когда они их окончат.

Кардинал имел право так говорить: на таз с кувшином ушли годы, и неизвестно, доделал бы их Бенвенуто, если бы не был обязан кардиналу освобождением. Вспомните также, сколько морочил голову Бенвенуто покойному папе Клименту с пресловутой чашей. Подобный упрек можно отнести и к таким гигантам, как Леонардо и Микеланджело. Но заказчик всегда прав. Ты можешь отказаться от работы, но, уж если начал, обязан довести до конца и сдать ее в срок.

Король был благодушен, он полностью доверял Бенвенуто и потому заказал ему золотую солонку. Бенвенуто пишет об этом с самодовольством: мол, и замыслить сложнейшую вещь и получить заказ на нее — «не дело для людей малодушных».

«— Все те государи, которые придают духу своим слугам так, как это делает и говорит его величество, все великие предприятия облегчаются; и раз Бог даровал мне такого удивительного покровителя, я надеюсь дать ему законченными много великих удивительных работ» — таков был ответ королю.

И ведь обманул, много из того, что он начал в Париже, так и осталось незаконченным, но это все потом. А пока он получил тысячу золотых скудо на солонку, его ждал серебряный Юпитер, все казалось выполнимым.

Заказов было много, но первым делом Бенвенуто принялся именно за солонку. Но пока он «продвигал серебряного Юпитера», выяснилось, что остается «весьма изрядно серебра», и он, без ведома короля, начал делать «большую вазу с двумя ручками, высотой приблизительно в полтора локтя» — около 90 сантиметров. Сам он трудился как одержимый, а работников в мастерской тусовал, словно карты: «Изо дня в день я их менял, беря тех, которые лучше умели, и этих я так подгонял, что от постоянного утомления, видя, как делаю я, а мне служило немного лучше телесное сложение, нежели им, не в силах вынести великих трудов, думая подкрепить себя многим питьем и едой, некоторые из этих немцев, которые лучше умели, чем остальные, желая следовать мне, не потерпела от них природа таких насилий и убила». Фраза в манере Бенвенуто — витиеватая, видно, действительно кто-то надорвался в его мастерской, но думаю, что слово «убила» Бенвенуто употребил ради красного словца.

Также для себя Бенвенуто отлил две больших бронзовых головы, таких работ он раньше не делал, хотелось попробовать. Одна голова изображала «Юлия Цезаря по грудь в латах, гораздо больше настоящего», другая голова была женской. Модель для этой головы была сделана еще в Риме, лепил он ее с

«красивейшей девушки, которую я ради плотской моей утехи рядом с собой держал». Прекрасную девицу он назвал Фонтана Белео, что значит «голубой источник». Отливка больших бронзовых голов удалась великолепно, к сожалению, до наших дней они не сохранились, переплавили на какие-нибудь пушки.

Теперь он отливал подножие «сказанного Юпитера». Бронзовое подножие он сделал «пребогато, полное украшений, посреди каковых украшений я изваял барельефом похищение Ганимеда; а с другой стороны Леду и Лебедя; его я отлил из бронзы, и вышло оно отлично. Сделал я также и другое, подобное, чтобы поставить на нем статую Юноны, поджидая, чтобы начато также и эту, если король даст мне серебро, дабы можно было ее сделать».

Благодеяния короля сыпались серебряным дождем. Франциск словно решил затмить всех прежних заказчиков. Ему хотелось, чтобы Бенвенуто навсегда остался во Франции, поэтому он велел оформить ему грамоту на гражданство. Идея эта пришла вместе с оформлением гражданства славному Пьетро Строцци, вождю всех изгнанников, боровшихся с семейством Медичи. Строцци бежал из Италии во Францию, там стал маршалом. Ему получение гражданства стоило многих сотен дукатов. Бенвенуто гражданство оформили бесплатно, мало того, грамоту принес на дом господин Масон, секретарь Маргариты Ангулемской. Этот «даровитый и обходительный» Масон был знаменит еще тем, что перевел на французский язык «Декамерон» Боккаччо, и теперь стоял перед Бенвенуто и на чистейшем итальянском языке говорил о великой милости короля, милости, которая никому не оказывалась в королевстве, кроме маршала Строцци и Челлини. Бенвенуто был в восторге, но уточнил простодушно: что это, собственно, за грамота и зачем ему гражданство? Масон рассмеялся, затем, «вернувшись к степенности», объяснил суть дела.

Когда Масон рассказал королю о реакции Бенвенуто на гражданство, тот смеялся в голос, потом сказал:

— Теперь я хочу, чтобы он знал, зачем я послал ему грамоту на гражданство. Я делаю его владельцем замка маленький Нель, каковой моя вотчина.

Бенвенуто благословил короля и его государство. «Сказанную грамоту на гражданство вместе с дарственной на замок, когда я уехал в Италию, я взял с собой; и куда бы я ни поехал и где бы я ни окончил жизнь мою, я там постараюсь иметь их при себе».

Жены и фаворитки

Франциск I был женат два раза. Первой была королева Клод, от нее король имел семь детей. Поскольку бедная королева умерла в двадцать пять лет, то, видимо, она всегда была беременна. Второй женой был Элеонора Австрийская, от нее детей не было. Иметь при королеве фаворитку было в те времена не просто модно, это было необходимо, потому что могло заставить придворных усомниться в мужских достоинствах государя (и не важно, что у него были дети). Обряд обручения будущих венценосцев происходил часто, когда обручаемые были еще в колыбели. О любви мужа и жены вообще не говорилось. Главной обязанностью королевы было родить наследника.

Франциск I был очень женолюбив: сколько у него было женщин, пересчитать невозможно, да и не надо. Официальных фавориток у него было всего две — Франсуаза де Шатобриан и герцогиня Анна д'Этамп. Мадам Шатобриан, фрейлина королевы Клод, приглянулась королю после его победы при Мариньяно в 1515 году. Франциску всего двадцать один год, как рано взрослели в XVI веке! Муж Франсуазы — Жан де Ловаль Шатобриан — был ревнив, и король поступил так же, как Давид с библейской Вирсавией, только он отослал супруга не на войну умирать, в XVI веке нравы смягчились. Казна была истощена, король повысил налоги в Бретани, а господин Шатобриан был послан туда проводить королевский указ в жизнь.

Десять лет были прожиты в любви и согласии с Франсуазой Шатобриан, неудачная война и мадридский плен несколько охладили чувства короля. В плену он провел год. Условия перемирия были очень тяжелые. Франциск терял Бургундию, Фландрию, Артуа, он выплатил большую контрибуцию Англии, кроме того, он должен был оставить двух своих сыновей в качестве заложников в Мадриде и жениться на Элеоноре Австрийской, сестре Карла V. Королева Клод к этому времени уже умерла.

Вернувшись в Париж, Франциск обратил внимание на фрейлину своей матушки Луизы Савойской. Фрейлину звали Анна де Писле, она была юна, красива, образованна и честолюбива. Какое-то время король мотался между двумя красавицами, но потом мадам Шатобриан была вынуждена вернуться к мужу, а Анна заняла место официальной фаворитки. Это случилось в 1528 году, свой «пост» она занимала шестнадцать лет. Франсуаза де Шатобриан умерла в 1537 году, король до самой ее кончины вел с ней переписку и горько оплакивал ее

смерть.

В 1530 году в Париже появилась новая королева — Элеонора Австрийская. Ее двор в расчет вообще не принимал. Вскоре скончалась Луиза Савойская. В отсутствие сына она, как регентша, руководила государством. Анне Писле тоже хотелось приобщиться к политическим делам, а здесь как бы и вакантное место появилось. Король женил свою фаворитку на дворянине знатного рода Жане де Броссе, и Анна стала герцогиней д'Этамп.

Это очень повысило ее положение при дворе. Она уже давала королю советы не только личного характера, но и касалась политических дел Европы, присутствовала на королевских советах. У нее был свой круг преданных людей, ее боялись, перед ней лебезили. Многочисленные Писле получили высшие должности, в основном церковные, королю так легче было удовлетворить их аппетиты. С кардиналом Феррарским у герцогини Анны были великолепные отношения, она вообще слыла набожным человеком.

С именем Франциска I связывают большое количество фривольных, а иногда и скабрезных историй. Много там мифотворчества, подобного тому, каким сопровождали нашу Екатерину Великую и в жизни, и после смерти. Есть история романтическая — о любви короля к прекрасной Фероньер, жене адвоката Ферона. Женский портрет кисти Леонардо да Винчи так и называется «Прекрасная Фероньер», только неизвестно, когда приклеилось к нему это название. А потом появилась какая-то нечистоплотная легенда. Мол, муж красавицы, не имея возможности помешать королю крутить амуры со своей женой, заразил жену сифилисом, а она в свою очередь — короля. Во всяком случае, желтая пресса и по сей день пишет, что король умер от этой болезни. Это чушь. Франциск I умер от туберкулеза, очень распространенной хвори в то время. Анна д'Этамп надолго пережила короля и скончалась в возрасте 70 лет.

Заказ на источник в Фонтенбло и некая вазочка

Беда Бенвенуто, что он не понял положения дел при французском дворе. Он вообще к женщинам относился, как бы мягче сказать… словом, он их в грош не ставил. У него самого была череда натурщиц-любовниц, но ни о какой дружбе с ними он и не помышлял, доверительности в помине не было. О чем он с ними мог советоваться в высоких делах искусства? Назначение женщин — удовлетворять мужские потребности, и ничего больше!

Кроме многочисленных заказов, была одна работа, которую Бенвенуто посоветовали сделать друзья. Это была серебряная вазочка для госпожи Тамп. «Ты расстилаешься перед королем, а ее совета не просишь, — говорили друзья. — Сделай ей вазочку и подари с соответствующими льстивыми словами, а впредь веди себя осмотрительнее». Запомним эту вазочку, ей уготовлена особая роль.

Король часто уезжал из Парижа, отношения с императором Карлом V опять испортились, и война была на пороге. Франциск не терял своего оптимизма. Вернувшись в очередной раз в Париж, он захотел посмотреть, как продвинулась работа Бенвенуто и опять посетил мастерскую вместе с большим количеством знати. Все работы были осмотрены и оценены по достоинству. Далее зашел разговор о Фонтенбло. Его начала сама госпожа Тамп. Она попросила его величество, чтобы он заказал Бенвенуто что-нибудь для украшения любимой резиденции. Король тут же согласился. Так Бенвенуто получил заказ сделать модель украшения для источника в Фонтенбло «с самыми богатыми измышлениями», которые он имел. Покидая мастерскую, король сказал госпоже Тамп:

— У меня еще никогда не было человека подобного ремесла, который бы мне так нравился и так бы заслуживал вознаграждения. Он добрый товарищ и очень много работает, и потому необходимо, чтобы вы, сударыня, сами помнили о нем. И он никогда ничего не просит! Видно, сердце его занято только трудом. Надо сделать ему что-нибудь хорошее.

— Я вам об этом напомню, — сказала госпожа Тамп.

Очередная война с императором, четвертая по счету (1542–1544), началась из-за того, что в Павии (Миланское герцогство) испанские солдаты убили двух агентов Франциска, посланных в Стамбул для тайных переговоров. Ниццкое перемирие, заключенное на десять лет с императором в 1538 году, было

забыто. Король двинул войска на Люксембург и занял его. Тогда же Франциском I был заключен союз с Османской империей, во главе которой стоял султан Сулейман Великолепный, блестящий политик и воин. У Сулеймана были свои счеты с Испанией.

Война есть война. Когда по прошествии полутора месяцев Бенвенуто пришел к королю, он нашел его хмурым и озабоченным. Тем не менее Франциск нашел время посмотреть модели для украшения Фонтенбло. Первым был показан макет дворцовой двери. «Чтобы не изменять, насколько можно меньше, строй двери, которая была сделана в сказанном дворце, каковая была велика и приземиста, на этот дурной французский лад (с французами Бенвенуто не больно-то церемонился! — *Авт.*) у каковой отверстие было немного больше квадрата, а над этим квадратом полукружие, приплюснутое, как ручка корзины; в этом полукружии король желал, чтобы была фигура, которая бы изображала Фонтано-Белио; я придал прекраснейшие размеры сказанному пролету; затем поместил над сказанным пролетом правильное полукружие; а по бокам сделал некии приятные выступы, под каковыми в нижней части, которая была в соответствии с верхней, я поместил по цоколю, а также и сверху; а взамен двух колонн, которые видно было, что требовались сообразно с приполками, сделанными снизу и сверху, я в каждом из мест для колонн сделал сатира. Он был больше, чем в полурельеф, и одной рукой как бы придерживал ту часть, которая прикасается к колоннам; в другой руке он держал толстую палицу, смелый и свирепый со своей головой, которая как бы устрашала смотрящих. Другая фигура была такая же по своему положению, но различная и иная головой и кое-чем другим таким; в руке она держала бич о трех шарах, прикрепленных некоими цепями. Хотя я и говорю сатиры, но у них от сатира были только некии маленькие рожки и козлиная голова; все остальное было человеческим обликом. В полукружии я сделал женщину в красивом лежачем положении; она держала левую руку вокруг шеи оленя, каковой был одной из эмблем короля; с одного края я сделал полурельефом козуль, и некоих кабанов, и другую дичину, более низким рельефом. С другого края легавых и борзых разного рода, потому что так производит этот прекраснейший лес, где рождается источник. Затем всю эту работу я заключил в продолговатый четвероугольник, и в верхних углах четвероугольника, в каждом, я сделал по победе, барельефом, с этими факельцами в руках, как было принято у древних. Над сказанным четвероугольником я сделал саламандру — собственную эмблему короля, со многими изящнейшими другими украшениями под стать сказанной работе, каковая

явствовала быть ионического строя».

Королю не просто понравился макет двери, он его развеселил. Франциск был великий охотник, дверь была словно поэмой в стихах, воспевающих это славное действо — охоту! Видя доброе расположение короля, Бенвенуто рискнул показать ему и второй, совсем неожиданный для короля макет, сделанный для украшения источника. Во всех этих работах Бенвенуто показал себя не только прекрасным ювелиром, но также скульптором и архитектором. Описание работы я опять дам в изложении Бенвенуто. Вам не наскучило еще читать его многосложный, часто грамматически неправильный, но при этом такой точный текст? Правда, иные выражения вызывают недоумение. Сама я его прозой просто упиваюсь.

В этой модели Бенвенуто «сделал фонтан в виде совершенного квадрата с красивейшими лестницами вокруг, каковые пересекались одна с другой, вещь, никогда еще невиданная в тех краях и редчайшая в этих. Посередине сказанного фонтана я сделал основание, каковое являлось немного выше, нежели сказанная чаша фонтана; на основании этом я сделал, соответственно, нагую фигуру, большой красоты. Она держала сломанное копье в правой руке, поднятой ввысь, а левую держала на рукояти сабли, сделанной в очень красивом виде; она опиралась на левую ногу, а правой наступала на шлем, так богато отделанный, как только можно было вообразить; а по четырем углам фонтана я сделал в каждом по сидящей фигуре, возвышенной, со многими красивыми эмблемами для каждой».

Королю, как всегда, понравилась модель, но он не понял, «какой красивый вымысел» создал мастер. С дверью все понятно, а здесь их величество был несколько озадачен, поскольку понимал, что Бенвенуто не похож на иных глупцов, «которые делают вещи с кое-каким изяществом, но делают их без всякого значения». И Бенвенуто раскинул павлиний хвост, ему мало было, что понравилась модель, ему до зарезу было нужно, чтобы королю понравились его речи.

В своей книге Бенвенуто не один раз подчеркивает, что оба они, и король и мастер, были как бы равновелики в своей профессии — идеальный король и идеальный художник! Да, они нравились друг другу. Почти ровесники, как сказали бы в наше время, оба мачо, настоящие мужчины, романтики, всегда готовые к подвигу. Конечно, Бенвенуто соизмерял пропасть, лежащую между ними, в социальном положении, он относился к королю с благоговением, но Франциск отдавал должное его мастерству, здесь Бенвенуто одерживал верх над королем, и это ему ужасно льстило.

«— Знайте, священное величество, что вся эта маленькая работа точнейше вымерена в маленьких футах, так что если выполнить ее потом на деле, она выйдет точно такой же красоты, как вы видите. Эта фигура посередине — в пятьдесят четыре фута, сделана она, изображая бога Марса; эти остальные четыре фигуры сделаны для дарований, которые так любит и поощряет ваше величество. Эта, по правую руку, изображена для науки всех словесностей; вы видите, что у нее ее приметы, что являет философию со всеми знаниями, ей сопутствующими. Эта вот являет собой все изобразительное искусство, то есть ваяние, живопись и зодчество. Эта вот изображена для музыки, каковой подобает сопутствовать всем этим наукам. Эта вот, которая является такой приветливой и благосклонной, изображена для щедрости, потому что без нее не может появиться ни одно из чудесных дарований, которые Бог нам являет. Эта статуя посередине, большая, изображена для самого вашего величества, каковое есть бог Марс, потому что вы единственный в мире храбрец, и эту храбрость вы ее применяете справедливо и свято в защиту вашей славы».

Здесь Бенвенуто совершенно искренен. Ни к одному из великих мира сего он не относился с такой преданностью, уважением и симпатией. Король одобрил все начинания Бенвенуто и велел казначею удовлетворять все его нужды.

Но — злосчастные звезды Бенвенуто!.. Госпожа Тамп узнала о визите Бенвенуто в тот же вечер из уст самого короля, и «у нее родилось такое ядовитое бешенство в груди», что она сказала:

— Если бы Бенвенуто показал и мне свои новые работы, у меня бы был повод напомнить вам о нем при случае.

Бенвенуто узнал о «ядовитости» и бешенстве фаворитки только через две недели и схватился за голову. Его ведь предупреждали! Как он не догадался «разыграть такую же комедию» с госпожой Тамп, почему прежде не показал ей свои модели? Он тут же схватил готовую серебряную вазочку и отправился к фаворитке с визитом. Дело было утром, а может быть, в полдень, во всяком случае, служанка, выслушав объяснения Бенвенуто, от имени хозяйки сказала, что «госпожа еще не одета и велела подождать». Говорят: ждать и догонять — хуже не бывает. Для Бенвенуто бессмысленное ожидание было вообще непереносимо. Но он ждал. Прошел час обеда, а о нем словно забыли. Терпение его истощилось, кроме того, голод давал о себе знать. Он еще немного посидел, повздыхал, но, увидев, «что час поздний, голод причинил мне такую злобу, что не в силах более вынести». «Послав ее в сердце благочестиво к черту», Бенвенуто ушел. Он направился в дом к одному из своих

заказчиков кардиналу Лотарингскому:

— Ваше святейшество, я принес вам в подарок вазочку моей работы. Просьба одна — поддержать меня в милости у короля, если что…

Кардинал удивился, обрадовался и велел позвать казначея.

— О, не надо денег, — сказал Бенвенуто. — Я подарил свои труды тому, кто их заслужил, но умоляю — дайте мне стакан вина и кусок хлеба, потому что от природы я «немного слишком вспыльчив» и голод меня совершенно доконал. — Затем он рассказал всю эту историю с неудавшимся визитом.

Бенвенуто великолепно накормили, казначей принес от имени кардинала ему 100 золотых скудо, «каковым я совершил сопротивление, что не желаю их никаким образом». Деньги Бенвенуто вручили почти силой, и он повиновался.

Вскоре эта история стала известна во всех подробностях при дворе. Недоброжелатели фаворитки были в восторге и язвили на ее счет, более доброжелательные только подшучивали, главная героиня, госпожа Тамп, затаила на Бенвенуто «великую злобу», которая со временем доставила ему много неприятностей.

Интриги, склоки и суды

У короля в любимцах ходил Бенвенуто, а госпожа Тамп решила приблизить к себе другого художника. Собственно, его и искать было не надо, он давно был под рукой. Речь идет о Франческо Приматиччо (1504–1570), итальянском живописце из Болоньи, ученике Джулио Романо. Он приехал во Францию по приглашению короля в 1531 году и работал в Фонтенбло, расписывая и украшая лепниной большую галерею дворца. Позднее, в 1544 году, он вместе с художником Россо расписывал приемную Карла V, за что был награжден Франциском I званием камергера и сделан аббатом монастыря Святого Мартена де Трой. А пока Тамп добилась согласия короля, чтобы фонтаном в Фонтенбло занимался не Бенвенуто, а Приматиччо.

Дживелегов пишет, ссылаясь на выводы французского ученого и исследователя Димье: «…самый важный результат критики Димье заключается в том, что картина отношений между Франциском и Бенвенуто должна быть совершенно перестроена. Выводы Димье вкратце таковы: король пригласил Бенвенуто как ювелира, и только как ювелира. Придворным скульптором у него был Приматиччо. Ссора с Приматиччо была вызвана грубым вторжением Бенвенуто в чужую область: он непременно хотел делать статуи — Нимфу Фонтенбло и Марса. Неприязнь к нему г-жи д'Этамп имела источником именно то, что Бенвенуто лез куда его не просили и всем надоедал».

В этих словах своя правда, но все не так просто, как пишет господин Димье. Конечно, Бенвенуто позвали как ювелира, и, потрясенный благожелательностью короля, он от щедрости душевной дал волю своей фантазии. Ему хотелось все попробовать, тем более что он видел воочию, как «эти французы» отстали от итальянцев во многих видах искусства. Дома Бенвенуто не занимался монументальной скульптурой, но он видел, как это делают в Италии, и здесь под крылом короля у него появилась возможность испытать свои силы, тем более если он был заранее уверен в успехе. Он забыл о двенадцати светильниках, он их сделает, непременно, но «потом», когда для работы будет в достатке серебра. Солонку он сделал, вазы сделал, он все успеет, беда только, что его все время отвлекали от работы.

С получением дарственной на маленького Неля Бенвенуто утвердился в роли хозяина, но не всегда это можно было осуществить на деле. Замок был огромен, и там испокон веков жили люди, которые и не собирались оттуда уезжать. Были там

маленькие комнаты на первом этаже, часть из них занимал печатник вместе со своей семьей, обслугой и печатным станком. Жил там также мастер по изготовлению пороха, которого Бенвенуто называл «селитряный мастер».

Бенвенуто был богат, кроме того, он был гостеприимным хозяином. В замке находилось много друзей, которые жили там не неделями, но месяцами, а иногда и годами. Многие из них были люди известными, и упоминание о них в «Жизни…» важно для истории. «… должен был я вспомнить, — пишет Бенвенуто, — о приобретенной дружбе самого даровитого, самого сердечного и самого обходительного честного человека, которого я когда-либо знавал на свете». Речь идет о Гвидо Гвиди — флорентийце, враче и ученом. Бенвенуто позвал его к себе погостить, потом определил ему отдельное жилье в замке, и они благополучно прожили бок о бок несколько лет. Кстати, обитавший в доме печатник, его звали Пьер Готье, или Галтериус, напечатал в 1544 году Гвидо Гвиди — медицинский перевод с комментариями трудов Гиппократа, Галена и Орибасия.

Несколько месяцев в замке прожил также епископ Пармский, монсеньор де Росси, тот самый, который сидел рядом с Бенвенуто в замке Святого Ангела и кормил его «своими хлебами», когда ювелира задумали отравить. Бенвенуто нашел Росси в гостинице и тут же предложил ему удобное жилье. Однажды и писатель Луиджи Аламанни с сыновьями жил несколько месяцев под крышей Бенвенуто. И все эти люди жили со слугами, лошадьми, а ведь и сам Бенвенуто имел целый штат мастеров. Тесно, что и говорить, понадобились и маленькие комнаты на первом этаже, но прежде надо было избавиться от печатника и пороховщика.

Выгонять людей из обжитого помещения, даже если все законно, очень трудно и в наше время, и в эпоху Высокого Возрождения. Печатника Бенвенуто выселял долго и трудно, но хотя бы не склочно, с пороховщиком дело обстояло сложнее. У него был великий защитник, вернее, защитница, и кто вы думаете? Она, прекрасная мадам Тамп. Бенвенуто не знал об этом, поэтому был очень удивлен необыкновенной наглости мастера селитряных дел. Он откровенно хамил, но было негде разместить немецких мастеров, и новоиспеченный хозяин замка решил идти до конца.

— Все, я устал ждать. Даю вам на выезд три дня сроку, — сказал Бенвенуто.

— Через три года я начну об этом думать, — насмешливо ответил «этот скот».

«Не на такого напал!» — говорят на Руси, через три дня Бенвенуто явился с оружием в руках и с помощью своей команды

вынес пороховщика и весь его скарб на улицу. Подогрела Бенвенуто беспечно брошенная «скотом» фраза: мол, «он не знает ни за одним итальянцем такой смелой силы, которая бы у него сдвинула с места хотя бы одну петлю». Пороховщик, безмерно напуганный, собрал свое добро и тут же побежал жаловаться госпоже Тамп. Он расписал ей «целый ад», в котором он был смирной овцой, а Бенвенуто врагом рода человеческого, бандитом и вором. Дело дошло до короля. Тот рассердился, по наущению фаворитки хотел сделать относительно Бенвенуто «плохие распоряжения», но ювелира, как всегда, защитили умная Маргарита Ангулемская и дофин Генрих. Этим двум госпожа Тамп тоже не раз чинила неприятности, и они не верили в ее объективность, а потому «всю историю обратили в смех». Тамп попробовала возражать, но король сказал:

— Бенвенуто поступил правильно. Вся эта сволочь только мешала ему работать.

Но этим дело не кончилось. По наущению госпожи Тамп пороховщик подал на Бенвенуто в суд, заявив, что при выселении ювелир украл многое из его имущества. И началась тяжба. Великая вещь — тяжба! Она может длиться годами, особенно выгодно ее заводить с иностранцами, здесь больше надежды на успех.

Я все думаю, отчего Бенвенуто, имея богатство, свой замок и благосклонность короля все-таки уехал из Франции. Были объективные причины, скажу о них потом, но, скорее всего, они были не главными. Французский суд, интриги фаворитки и общее недоброжелательство при дворе — вот что его доконало. Тяжбы можно было продать за хорошие деньги. Свидетелей тоже нанимали за плату. Французов Бенвенуто часто называет нормандцами, и в каждой фразе чувствуется недоверие и пренебрежение к этим людям. Купившие тяжбу нанимают четырех или шестерых свидетелей, ответчик, то есть Бенвенуто, тоже должен найти своих свидетелей. Защищать его в суд пошла бы вся мастерская, но его об этом никто не предупредил. В результате он получил «приговор против себя». Бенвенуто был в суде несчетное количество раз, получал «отрицательный» приговор и тут же шел его опротестовывать. Разговор велся уже не с самим судьей, толстым и жирным, «истинный облик Плутона», а с поверенными и стряпчими.

Понимая, что справедливости во Франции не найти, Бенвенуто решил прибегнуть к своему проверенному способу. «Я всегда любил хорошее оружие», — пишет он. На этот раз был выбран большой кортик. «Первый, с кого я начал, был тот, главный, который затеял со мной неправую тяжбу». Главная

мысль — только бы не убить, он бил по ногам. Обидчик остался жив, но ходить не мог. Также он поступил и с другими сутяжниками. Что тут правда, а что вымысел — судить читателю.

Как говорится, что написано пером, не вырубишь топором, но не могу обойтись без того, чтобы не добавить несколько слов господина Димье. Он утверждает, что в описаниях Бенвенуто судейских дел много выдумки. Если сопоставить «Жизнь…» с документами городского архива времен Франциска I, то выяснится, что защищал Бенвенуто свои права не столько шпагой, сколько многочисленными прошениями. Ну и что, писал прошения, все во Франции их пишут, такой у них порядок, но тяжбу он окончил своим способом.

Монтень пишет: «Наши французские законы по своей неупорядочности и нечеткости весьма содействуют произволу и коррупции у тех, кто их применяет. Сформулированы они так темно и неопределенно, что это некоторым образом даже оправдывает и неподчинение им, и все неправильности в их истолковании, применении и соблюдении». Третий том «Опытов» Монтень опубликовал в 1588 году, Бенвенуто не мог его прочитать, а жаль. Эти умные слова наверняка послужили бы ему утешением.

Общаясь с французским судом, Бенвенуто приобрел и опыт, и верных людей. Вот еще один случай «с подселением», который случился много позднее двух описанных. В замке маленький Нель имелся жедепом — так называли зал для игры в мяч. Бенвенуто сдавал этот зал и имел неплохие деньги. Госпожа Тамп решила наложить на этот зал свою хорошенькую лапку. При дворе появился известный Жан Леру, «перегонщик», как его называет Бенвенуто, а иными словами — специалист по косметике. Леру готовил благовонные воды — предтечу духов и некие чудодейственные «перегоны, натягивающие кожу», я так понимаю, убирающие морщины. Тамп представила Леру королю, косметолог ему понравился. С жильем в Париже, как и теперь, были трудности, поэтому госпожа Тамп попросила короля, чтобы его поселили у Бенвенуто, то есть в жедепоме, при нем были комнаты, а в них все равно никто не живет. Настроение у короля было благодушным, и он согласился.

Вскоре в замок Нель пришел казначей короля Гролье и сказал Бенвенуто:

— От имени короля я ввожу во владение этого человека. Он будет владеть этим жедепомом и примыкающими строениями.

Вот те раз! Бенвенуто и опомниться не успел, как Леру въехал в жедепом со слугами, всем своим скарбом и химией. Прежде чем идти жаловаться к королю, Бенвенуто пошел к знакомым

нотариусам за советом. Нотариусы сказали — замок твой. Ты вполне мог не пустить Леру в свой дом, потому что король здесь совершенно ни при чем, это дела судейские.

Приятно читать, что уже в XVI веке во Франции нотариус мог сделать подобное заявление. И еще нотариусы дали совет: «Перегонщик вступил в твой дом незаконно, а потому ты имеешь право выселить его любым способом, каковой найдешь нужным». «Каждый день я по разу учинял нападение камнями, пиками, аркебузами, заряжая, однако, без пули; но наводил на них такой страх, что никто уже не желал прийти ему на помощь». Перегонщик сбежал, а Бенвенуто вынес вон его вещи. Теперь с чистой совестью он пошел к королю:

— Ваше величество, я поступил точь-в точь как вы мне велели, защищаясь от тех, кто мешает мне служить вашему величеству.

Король рассмеялся и выдал Бенвенуто новую бумагу на владение маленьким Нелем. Но вскоре у него возникла еще одна стычка с французским судом, куда более опасная, чем прежде. О нем я расскажу позднее.

А теперь, кажется, можно было с новыми силами взяться за работу. Что первое на очереди? Конечно, колосс, Марс. Но тут судьба «на протяжение трех дней» сочинила два неприятных случая, «и в каждом из них жизнь моя была на стрелке весов».

Первый случай — он вдруг узнает, что Марса, «нагую фигуру большой красоты», будет делать не он, а этот выскочка из Болоньи. Он узнал об этом вообще случайно. Король написал Бенвенуто, что хочет заказать ему чеканы для французских монет. В письме он также «высказал желание», какими он хочет видеть эти монеты. Были присланы даже кое-какие рисунки, но при этом «удивительный и великий государь» предоставлял Бенвенуто полную свободу.

Бенвенуто поехал в Фонтенбло, направился к казначею, и тот поведал, что по желанию госпожи Тамп у него отняли заказ и отдали Приматиччо и что случилось это давно, несколько месяцев назад, но еще не видно, чтобы этот художник что-либо делал. И вообще это дело тайное, добавил казначей, Приматиччо его тщательно скрывает, так что не выдавайте меня.

Прежде чем пойти к королю, Бенвенуто направился разбираться к Приматиччо. Он был в бешенстве, на всякий случай вооружился. Художник принял его «со всеми ломбардскими любезностями», предложил, по французскому обычаю, вина, от которого Бенвенуто отказался. Свою обвинительную речь он начал витиевато, но, как всегда, точно:

— Мессир Франческо, «все люди, которые желают слыть

порядочными людьми, делают дела свои так, чтобы по ним узнавалось, что это порядочные люди; а поступая наоборот, они уже не носят имени порядочных людей». О большом колоссе говорилось полтора года, а теперь вы отняли у меня работу, «каковую я заслужил своими удивительными делами». Вам же для этого понадобились только пустые слова.

— Ах, Бенвенуто, каждый делает свое дело как умеет, — благодушно ответил хозяин, Бенвенуто же «окрасился в лице и весьма изменился» от гнева, он еле сдерживался.

— Я предлагаю такой справедливый выход, — сказал он наконец. — Вы сделаете модель колосса, я тоже сделаю модель взамен моей прежней. Затем мы снесем обе модели нашему великому королю, не говоря, какая кому принадлежит. Чья работа больше понравится их величеству, тот и будет достоин работы над колоссом. Кого бы ни выбрал король, останемся друзьями. Согласны?

Нет, мессир Франческо не был согласен. Да и не умел он делать модели из воска.

— Король сам предложил мне эту работу, — сказал он строго. — Она моя, и я не хочу «поступаться своим».

На этот случай у Бенвенуто был запасной вариант.

— Раз вы не желаете избрать разумный и справедливый способ, вот вам другой — «он дурен и неприятен». Если я когда-нибудь услышу, что вы говорите что-либо о моем колоссе с королем или с кем другим, я убью вас, как собаку. Подумайте, какой путь вы хотите избрать.

Приматиччо, как сейчас говорят, «не нашелся ответом».

Второй случай «на стрелке весов» — работа над чеканом для монет — тоже не был до конца улажен. При разговоре с королем присутствовал «его совет», который настаивал: «Монеты должны делаться на французский лад, как они делались до сих пор», а Бенвенуто негодовал. Его призвали в Париж, чтобы он делал самые искусные работы, а плохо делать у него душа не стерпит. Разговор был отложен.

Вопрос с мессиром Франческо решился сам собой — не сразу, но окончательно. Приматиччо решил, что связывать с Бенвенуто себе дороже, и вышел из болезненной ситуации самым красивым и естественным образом. Он отказался от работы над колоссом, а потом и вовсе решил уехать из Франции. Он попросил короля отпустить его на время в Рим. Там он собирался сделать копии, то есть слепки, с прекрасных произведений античности для украшения Фонтенбло. Сопроводительные письма для художника были написаны в самый короткий срок, и он уехал из Франции. Бенвенуто мог беспрепятственно заниматься своим Марсом.

Любовь и суд

Второе знакомство с французским судом было не просто долгим и трудным, но и опасным, здесь на карту были поставлены уже не деньги, но сама жизнь. Но, по сути дела, это рассказ о любви, переданный Бенвенуто в собственном стиле. В замке маленький Нель жила у него вместе с матерью девушка Катерина, «каковую я держу главным образом для надобностей моих искусств… кроме того, так как я человек, я ею пользовался для моих плотских утех».

Натурщица была хороша собой, кокетлива, конечно, характер имела бойкий, а в доме полно молодых парней. Бенвенуто их аккуратно перечисляет: два подмастерья, любимец Асканио и Паголо безродный, он даже имени отца не знал, приехали с хозяином из Рима, был с ними еще один римлянин — Паголо Макарони. Этот Паголо мало понимал в искусстве, но зато хорошо владел оружием. В подмастерьях ходил также феррарец по имени Бартоломео Кьочче, и был еще Паголо Мичери — счетовод. Это был ближайший круг Бенвенуто, он их называл «мои юноши».

Паголо Мичери вел все счетные книги и получал высокое жалованье. Бенвенуто ценил его за то, что в работе он был аккуратен и еще набожен, всё четки перебирает. Этого Паголо и присмотрел Бенвенуто для особых целей.

— Дражайший брат, — сказал он ему, — я вижу, что ты честен и скромен, а потому прошу твоей помощи.

Паголо истово закивал.

— Я не очень полагаюсь на моих юношей, — продолжал Бенвенуто, — поэтому прошу тебя позаботиться в моем доме «о двух первейших вещах»: охране моего имущества и охране Катерины. Я боюсь, что она учинит мне чужого ребенка, содержать которого я не намерен. Да и сам первый поберегись. Я не знаю, что сделаю за подобное оскорбление. Право слово, если в этом доме кто-нибудь настолько смел, то, кажется мне, я убью их обоих. Если что-нибудь подобное увидишь, донеси мне.

Паголо осенил себя крестным знамением, «которое достигло от головы до ног», и поклялся исполнить волю хозяина. Именно с мерзавцем-счетоводом и поймал Бенвенуто Катерину. Двух дней не прошло с разговора, как Бенвенуто позвали в гости. Он отправился туда, взяв с собой всех своих юношей. Паголо он тоже позвал с собой, но скромный и осмотрительный юноша отказался:

— Нельзя оставлять дом без присмотра, здесь так много золота и серебра. Поезжайте, а я буду читать мои молитвы и

беречь дом.

Потом он бахвалился то ли с насмешкой, то ли с испугом: «Хозяин дал гусям стеречь латук, думал, что я его не съем…» Бенвенуто вернулся домой раньше времени. По тому, как мать натурщицы закричала громким голосом: «Паголо, Катерина, хозяин приехал!» — ясно было, что дело не чисто. Вскоре явились оба, испуганные и пристыженные, они и не пытались что-то отрицать. Разъяренный Бенвенуто выхватил шпагу. Паголо сбежал, а Катерина с воплями упала на колени. Потом гнев несколько остыл, он решил не убивать негодников, а просто выгнал всех троих из дому.

Они решили отомстить. Нашли поверенного, тот дал им совет: обвините Бенвенуто в том, что он «имел общение с Катериной итальянским способом, то есть против естества». Во Франции за это жестоко карают, Бенвенуто испугается и тут же отвалит вам несколько сотен дукатов. Мать и дочь за разглашение этого «итальянского способа» потребовали с Бенвенуто 500 дукатов, тот, видя их наглость и полную нелепость обвинения, выгнал их с бранью. Тогда мать и дочь подали на Бенвенуто в суд, и «он был призван».

Вот здесь он по-настоящему испугался. Бенвенуто знал, что такое французский суд, знал, как легко найти свидетелей, которые ради денег не пожалеют и собственную мать. Первой мыслью было уехать из Франции, не хотелось опять испытывать судьбу, которая так и норовит сломать ему шею. Он уже и собираться начал, но юноши подняли крик, отговаривая его от этой затеи.

— Сколько вещей уже начато, а сколько еще осталось сделать. Где мы найдем таких заказчиков? Дождитесь, хозяин, короля, он приедет, и вы сможете оправдаться.

Король был в отъезде, воевал, кто знает, когда он вернется, но Бенвенуто решил обдумать все еще раз. Он думал и так, и эдак, пока «чья-то рука» не легла на плечо и неведомый голос (не иначе как внутренний. — *Авт.*) не сказал:

— Бенвенуто, поступи как всегда и не бойся!

В суд явились всей командой. Юноши были вооружены, еще пошли французские и немецкие мастера из тех, кому Бенвенуто доверял. Он решил, если дело плохо повернется, дорого отдать свою жизнь. Катерина и мать были уже там, обе в хорошем настроении. Первое, что сказал судья, увидев обвиняемого, было:

— Хотя имя тебе Бенвенуто, что значит «желанный», на этот раз тебе будет плохо. Здесь ты Нежеланный. Катерина, расскажи все, что у тебя было с этим человеком.

Негодница Катерина тут же стала тараторить про

итальянский способ. Судья пожелал выслушать Бенвенуто. Он сказал (далее текст точно по «Жизни…»):

«— Если бы я имел с ней общение по итальянскому способу, я бы делал это единственно из желания иметь ребенка, как и все прочие.

Тогда судья возразил, говоря:

— Она хочет сказать, что ты имел с ней общение вне того сосуда, где делают детей.

На это я сказал, что это не итальянский способ, а, должно быть, способ французский, раз она его знает, а я нет; и что я хочу, чтобы она рассказала точно, каким образом я с ней поступал. Эта негодная потаскуха подлым образом рассказала открыто и ясно гнусный способ, который она хотела сказать. Я велел ей это подтвердить три раза один за другим», а потом сказал громко:

— Господин судья, я прошу у вас правосудия. Законы христианнейшего короля, насколько мне известно, уготовляют костер и потерпевшему, и содеянному. Катерина сознается в грехе, ее мать, сводница, тоже. Рассудите по справедливости.

В зале суда поднялся невообразимый шум. Катерина принялась плакать, мать вопить, судья старался перекричать шум, а Бенвенуто громким голосом повторял: «Костер, костер!» — прибавляя при этом, что, если судья тут же не отведет мать и дочь в тюрьму, он пожалуется королю на несправедливость, которую чинит ему суд. Судья мямлил уже что-то совсем невразумительное, а Бенвенуто почувствовал, «что как будто уже выиграл великую битву». Он ушел из здания суда, ему никто не препятствовал.

История с Катериной имела продолжение. Бенвенуто донесли, что Паголо снял дом для Катерины и ее матери, что он все время там бывает и при этом насмехается над Бенвенуто, говоря при этом:

— Он думает, что я его боюсь. У меня есть шпага и кинжал, и я покажу ему, что я флорентиец из рода Мичери. Мой род рода куда более древний и знатный, чем Челлини.

Нельзя было оскорбить Бенвенуто больше, чем упоминать всуе его род, а тем более унижать его. Он пишет, что с ним приключилось что-то вроде лихорадки, то есть он вдруг словно заболел, и заболел смертельно, его душила ярость. Спасти себе жизнь он мог только одним способом — надо было немедленно расправиться с негодяем Паголо и этой потаскушкой. Он взял с собой феррарца Кьочче, они пошли в их дом, беспрепятственно вошли внутрь и сразу увидели всех. Паголо, «при шпаге и кинжале», сидел рядом с Катериной и обнимал ее за шею. Мерзавец даже вскочить не успел, как шпага Бенвенуто уперлась

острием в его горло.

— Поручи себя Богу, подлый трус! — крикнул Бенвенуто, на что Паголо совсем по-детски крикнул дрожащим голосом:

— Мамочка, помоги мне… Мамочка…

Этот детский всхлип и спас ему жизнь. Бенвенуто словно опомнился, но шпагу от горла не убрал. Женщины кричали не переставая. Надо было как-то выходить из этой ситуации. У Бенвенуто мелькнула в голове новая мысль — он их женит, а после этого найдет способ отомстить им обоим. Он послал Кьочче за нотариусом. Паголо был согласен на все, только бы ему сохранили жизнь, трусоват был парень, что и говорить. Явился нотариус со свидетелями, все бумаги о браке были оформлены по всем правилам. Бенвенуто расплатился с нотариусом и ушел.

Это случилось как раз в тот день, когда Приматиччо позвал к себе Бенвенуто, принял очень любезно и весело сказал, что признает его права на колосса для фонтана, потому что считает, что тот прав.

— Считай меня добрым братом, — сказал художник напоследок.

Расстались они в полном согласии, но Бенвенуто не мог простить Приматиччо посягательств на его искусство, в дальнейшем он всегда писал о нем очень недоброжелательно.

Так и Катерине он не мог простить измену. А задуманная месть была такова: мало того что он заставил Паголо Мичери взять в жены потаскушку, так он решил еще наставить ему рога. Катерина была красавицей и сложена великолепно, а Бенвенуто нужно было кончать работу, поэтому он посылал за ней каждый день. Она приходила безропотно, требовала деньги вперед, 30 сольдо в день — сущие копейки, требовала хорошего завтрака, а после работы охотно, как теперь говорят, занималась любовью. Правда, «имея общение», Бенвенуто как только мог поносил ее мужа, но Катерина только смеялась.

Тогда Бенвенуто придумал для натурщицы новую пытку. Он велел Екатерине принимать самые неудобные позы и держал ее в этом положении много часов. Каждый, кто когда-нибудь позировал, знает, как это трудно. Катерина, уставшая и обиженная поведением своего бывшего возлюбленного, не могла больше молчать. Муж уехал из Парижа в поисках новой работы, брак этот был для нее только в тягость, и она стала, «на этот свой французский лад», ругать Бенвенуто и угрожать ему: мол, погоди, вернется муж, «любимый Паголо», он тебе покажет! Словами этими она совершенно выводила Бенвенуто из себя, «выводила из границ рассудка», так он пишет. «Я схватил ее за волосы и таскал ее по комнате, колотя ее ногами и кулаками, пока не устал».

Опомнился он только тогда, когда увидел, что Катерина вся «посинела и распухла» и лечить ее придется никак не меньше двух недель. А это что значит? Полмесяца простоя в работе!

Бенвенуто пишет: «Если бы я не говорил в некоторых из этих моих приключений, что сознаю, что поступил дурно, то те другие, где я сознаю, что поступил хорошо, не сошли бы за истинные; поэтому я сознаю, что сделал ошибку, желая отомстить столь странным образом Паголо Мичери». Это он потом напишет, в пятьдесят восемь лет, а сейчас голая, избитая Катерина лежит у его ног. Он позвал старуху служанку, чтобы она одела ее и полечила. Старуха пришла в ужас — как можно истязать такую красивую девочку? Бенвенуто в сердцах рассказал всю правду о поведении Катерины. На это мудрая служанка сказала:

— Вы очень жестоки, сударь, и все, что вы говорите, — сущие пустяки. Французский обычай такой, что нет здесь мужа, который бы не был рогат. У всех жен есть любовники, и это никак не оскорбляет ничью честь.

Странная любовь была у этой пары, что и говорить: то ли французская, то ли итальянская, а по-моему — русская. Только в России родилась эта пословица: «Бьет, значит, любит». Уходя из замка чуть живая, Катерина крикнула в лицо Бенвенуто, что больше никогда — никогда! — не переступит порога его дома. Она пришла через неделю, «когда я отворил дверь, эта скотина бросилась мне на шею, обнимала и целовала».

— Ты больше не сердишься на меня, Бенвенуто?

— Нет.

— Тогда дай мне хорошо закусить.

И опять работа, и «плотские услады», затем пущенный в дело злой язычок Катерины и колотушки. И так каждый день одно и то же, как под копирку, «как из-под чекана», пишет Бенвенуто. Потом он прогнал Катерину, и она вместе с мужем уехала из Парижа, а отлитая бронзовая фигура прекрасной женщина получилась отлично. Он пишет, что описал так подробно свою любовь «для надобностей искусства». Право, лучше бы он этого не делал. Зачем нам знать, что прекрасная нимфа Фонтенбло — это битая и оскорбленная женщина. Но с другой стороны, Катерина была возлюбленной скульптора, а это много значит.

Солонка

После очередного затишья на войне король вернулся в Париж, и Бенвенуто направился к нему вручать готовую солонку. Он был прав, когда утверждал, что сделает ее красивее, чем модель. Вы помните, что она была овальной формы, величиной в две трети локтя, и имела две нагие фигуры: мужскую — море и женскую — землю, и фигуры эти сидели, «перемежаясь ногами, как иные морские заливы захотят внутрь земли». Фигуры были прекрасны, и трезубец как на модели был, и ладья для соли. Под мужской фигурой были сделаны «четыре морских коня, которые по грудь и передние лапы были конские; вся часть от середины сзади была рыбья; эти рыбьи хвосты приятным образом переплетались вместе; над каковой группой с горделивой осанкой сидело море, вокруг него были многого рода рыбы и другие морские животные. Вода была изображена со всеми со своими волнами; затем была отлично помуравлена собственным своим цветом. Женщина-земля, как и на модели, держала в руках «храмик ионического строя» — туда помещался перец. Пониже этой женщины я сделал самых красивых животных, какие производит земля; и ее земные скалы я частью помуравил, а частью оставил золотыми. Затем я поставил эту сказанную работу и насадил на подножие из черного дерева; оно было некоей подходящей толщины, и в нем была небольшая выкружка, в какой я разместил четыре золотых фигуры, сделанные больше чем в полурельеф; эти изображали ночь, день, сумерки и зарю. Еще там были четыре фигуры такой же величины, сделанные для четырех главных ветров, с такой тщательность сработанные и частью помуравленные, как только можно вообразить».

Король пришел в восторг, «издал возглас изумления», а потом долго рассматривал работу. Он был в полном восторге. Франциск подарил ее Карлу V, сейчас она хранится в музее Вены. Однако, в целом судьба солонки была сложной…

Шедевр в лесу

…Вор забрался по строительным лесам в окно на втором этаже музея, разбил витрину и беспрепятственно вынес экспонат ценой 50 млн евро. Шедевр итальянского скульптора Бенвенуто Челлини (1500–1571), ученика Микеланджело, — золотая солонка — был украден из венского Музея истории искусства в мае 2003 года.

Позже выяснилось, что злоумышленник, совершивший

крупнейшее в истории Австрии хищение произведения искусства, даже не готовился к своему преступлению заранее. Будучи специалистом по системам сигнализации, он во время экскурсии по музею обратил внимание на несовершенство охранной системы. Через пару недель, возвращаясь под утро домой сильно навеселе, он увидел установленные у музея леса и внезапно решил похитить солонку, что ему и удалось. Сигнализация все-таки сработала, но охрана посчитала сигнал ложным. Лишь через несколько часов пропажу обнаружили уборщики. Примечательно, что вор узнал о колоссальной стоимости похищенного на следующий день из новостей. Вскоре после кражи он предлагал вернуть свой «трофей» за изрядное вознаграждение. Однако по горячим следам договориться не удалось, и связь с ним была утеряна.

Только в октябре 2005 года вновь забрезжила надежда: австрийской полицией было получено письмо с требованием выкупа в 10 млн евро. В качестве доказательства обладания шедевром похититель передал полиции съемный трезубец скульптуры. Договоренность о передаче на этот раз была достигнута, но… в ноябре преступник вновь исчез.

В конце концов, преступника удалось вычислить. Подвела любителя экспромтов современная техника: по номеру его мобильного телефона специалисты вычислили место продажи аппарата, а камера видеонаблюдения магазина, как оказалось, зафиксировала его фото. Воришку не пришлось и ловить: его снимок на следующий день был опубликован во всех крупнейших газетах страны и показан по телевизору. В небольшой Австрии это действенный метод: преступник сам наутро сдался полиции. Солонка была найдена в пригородном лесу в указанном им месте. К счастью, шедевр практически не пострадал и на этой неделе опять стал доступен широкой публике. Это хищение — одна из крупнейших краж предметов искусства в истории. Оно стояло под номером пять в списке 10 самых громких подобных преступлений, который ведет Art Crime Team (ACT).

В этой статье две неточности. Во-первых, Бенвенуто никак нельзя назвать венецианским мастером, а во-вторых, в прямом смысле слова он не был учеником Микеланджело. А теперь продолжим разговор.

Получив солонку, король поговорил с адмиралом Клодом д'Аннебо — своим доверенным лицом.

— Насколько я помню, — сказал король, обращаясь к адмиралу, — кардинал Феррарский так и не выдал Бенвенуто обещанных денег.

Адмирал подтвердил. Вечером этого же дня у короля

состоялся разговор с кардиналом.

— Я дал вам Бенвенуто под охрану, а вы забыли о нем, — упрекнул король кардинала. — Скажите казначею, чтобы он выдал Бенвенуто 7000 золотых скудо.

Конечно, кардинал обещал, но прошло малое время, и он «по своей дурной природе дал пройти у короля этому желанию». Это было трудное для Франции время. Война сжирала все деньги, казна была пуста. В 1543 году объединенный франко-турецкий флот захватил Ниццу, затем сухопутные войска разбили испанцев в битве при Кересоле. Франциск I был одержим идеей вернуть Милан, поскольку это было приданое его первой жены, он почитал себя оскорбленным, потеряв его. Но занять Ломбардию французам так и не удалось.

Кардинал выбрал правильный момент. Он сказал:

— Ваше величество, я пока не велел давать деньги Бенвенуто, потому что сейчас они нам нужны больше, чем когда бы то ни было. Кроме того, мы не можем угадать поведение Бенвенуто. Получив большие деньги, он, например, решит купить себе земли в Италии и уедет. Было бы лучше, если бы ваше величество подарило ему земли в нашем государстве. Этим подарком мы его привяжем к себе.

Король нашел предложение кардинала убедительным, но потом решил сам посмотреть, как идет работа у Бенвенуто, и посетил его мастерскую. Роскошный светильник с Юпитером был почти готов, серебряная ваза также близка к завершению, «дверь начинала являть свои красоты». Кроме того, в мастерской было много других работ из бронзы и серебра. Королю очень понравился Юпитер. Он рассказал Бенвенуто, что несколько лет назад заказал французским мастеров светильник такого же размера для подарка императору. Светильник изображал Геркулеса и был безобразен, но мастера заявили, что лучше из серебра сделать невозможно, и попросили за работу огромную сумму — 2000 дукатов. Тех мастеров король прогнал, денег им не заплатил, а в светильнике Бенвенуто он увидел такую «отделанность деталей» и такую красоту, что рассудил справедливо — дать ему эти самые 2000 дукатов.

Здесь наверняка Бенвенуто погрешил против правды. Серебряный Геркулес был сделан по рисунку Россо, хорошего художника и, кстати, друга Бенвенуто, отливал Геркулеса французский мастер Шеврие. Вряд ли эта работа была так уж безобразна.

Потом Бенвенуто повел короля на свой замковый луг и показал там колосса для Фонтенбло, он был в работе, но столь огромен и необычен, что король, вспомнив свой разговор с

кардиналом Феррарским, сказал своему спутнику адмиралу д'Аннебо:

— Бенвенуто сам у меня ничего не просит, он считает, что сами его работы за него говорят. Надо ему помочь. Обеспечьте Бенвенуто первым же свободным аббатством с годовым доходом до двух тысяч. Если это не выйдет целиком, то пусть это будет по частям. Я думаю, ему это все равно.

Бенвенуто присутствовал при этом разговоре и стал горячо благодарить короля, присовокупив при этом, что готов работать для его величества без всякого вознаграждения, потому что для него главная услада — трудиться для такого великого, мудрого и щедрого короля.

Благодарил он зря, аббатство с двумя тысячами годового дохода Бенвенуто так и не получил.

Жизнь продолжается

Нимфа Фонтенбло, предназначенная для полукружия над дверью, над которой Бенвенуто работал с таким старанием, была полностью окончена. Битой и изруганной Катерине предстояло на веки вечные обнимать рукой голову прекрасного оленя. Дживелегов об этой работе отзывается неодобрительно: «Нимфа отражает влияние французской скульптуры и во всех отношениях слаба. Возлежащая на рельефе особа с длинными и тонкими, как макароны, ногами и незначительной головой, зоологический антураж, композиция — все выдает спешную, непродуманную, недомоделированную работу». Не исключено, что в недомоделированности виноваты были страсти, которые кипели вокруг работы. Нимфа действительно слишком длиннонога и тонконога. А может, Бенвенуто интуитивно предвидел, как изменится понятие женской красоты в XX веке — нимфа явно напоминает куклу Барби. На всех ведь не угодишь. Главное, что королю понравилось, а сам Бенвенуто считал свою работу великолепной, и дело с концом.

Теперь надо было изготовить две женские фигуры побед, чтобы установить их «в боковины дверного полукружия». Катерины уже не было в Париже, и Бенвенуто взял новую натурщицу, девочку лет пятнадцати. Она была полной противоположностью Катерине: чистая, неразговорчивая, хмурая, порывистая, «лицом немного черновата», но «очень хорошего телосложения». Имя ее было Джанна, Бенвенуто прозвал ее Дичок. Об их отношениях он отзывается деликатно: я сделал ей ребенка.

С этого Дичка он и вылепил «двух отличных побед». Судьба этих трех фигур, как и у всех работ Бенвенуто, была сложной. Нимфу он отлил в бронзе сам, победы были отлиты уже после его отъезда из Парижа. После смерти Франциска I сын его — Генрих II — подарил все три фигуры Диане Пуатье. Она поместила их у входа в замок Анэ. После революции 1793 года в Лувре был организован музей для размещения королевских коллекций, туда и поместили нимфу. Победы попали в Музей Маленьких августинцев. Там их видел Гете и высоко оценил эти работы.

Прошло время, после реставрации фигуры стали собственностью Луи-Филиппа и находились в замке Нейи до революции 1848 года. После этого они исчезли, дальнейшая судьба их неизвестна. Во французском Музее декоративного искусства сохранились их копии. Счастье Бенвенуто, что он не

знал о дальнейшей судьбе своих работ.

1543 год. Прекрасный серебряный Юпитер вместе с золоченым подножием был окончен. Для более выгодного показа светильника Бенвенуто поместил фигуру на деревянный цоколь, в который вставил четыре шарика из твердого дерева.

Шарики были наполовину скрыты в своих гнездах, но позволяли легко перемещать фигуру в любом направлении.

Бенвенуто привез Юпитера в Фонтенбло, и тут выяснилось, что у него, как всегда, есть соперник. Художник Приматиччо вернулся из Рима с античными фигурами и «с величайшим тщанием отлил их из бронзы». Фигур было шесть, Бенвенуто называет их «Леконт, Клеопатра, Венера, Комод, Цыганка и Аполлон». С Венерой и Аполлоном все ясно, Леконт — это Лаокоон, Клеопатрой прежде называли спящую Ариадну, именно спящей ее оставил Тесей; Диану, богиню охоты, называли тогда Цыганкой. Геракла в звериной шкуре определили как Комода, римского императора, недостойного сына императора Аврелия. Комод был необычайно силен, жесток, иногда сам выступал на арене как гладиатор, а называл он себя Hercules Romanus, отсюда появилась традиция изображать его в виде Геркулеса. Слепки для фигур сделал в Риме Якопо Бароцци (Виньола) — знаменитый архитектор.

Все антики выглядели замечательно, это и сам Бенвенуто признал. Разместили их в галерее дворца, той самой, которую расписал Россо и Приматиччо. Госпожа Тамп сказала, что и Юпитера надо поставить в галерее. Когда Бенвенуто увидел свой светильник по соседству с римскими антиками, он сказал себе: «Все это сделано с умыслом. Выставляться здесь то же, что пройти сквозь копья. Да поможет мне Бог!»

Бенвенуто был готов к показу, король не приходил, дело шло к ночи. Юпитер держал в правой руке молнию, «как бы собираясь ее метнуть», в левой он держал мир. В правую руку Бенвенуто приладил факел. Для придания Юпитеру величия Бенвенуто задрапировал его тончайшим покрывалом по римскому образцу.

Король и свита явились, когда на дворе было совсем темно. Если госпожа Тамп нарочно задержала короля, решив, что плохое освещение помешает по достоинству оценить работу, то она ошиблась. Вышло как раз наоборот. Бенвенуто зажег факел в руке Юпитера, свет падал сверху, все получилось очень эффектно. Асканио, пришедший с Бенвенуто, легонько двигал фигуру навстречу королю и свите, и олимпийский бог казался живым. Восхищенный король сказал:

— Это прекраснее, чем я ожидал.

Именитые родственники и все вельможи вторили ему, все,

кроме госпожи Тамп.

— Можно подумать, господа, — сказала она, — что у вас нет глаз. Оглянитесь, посмотрит на дивные фигуры античных мастеров. Это вам не современные поделки.

Король возражал, говоря, что находит работу Бенвенуто не только не хуже, но и лучше антиков.

— Интересно, как Юпитер будет выглядеть днем, — продолжала госпожа Тамп. — И без покрывала, которое явно скрывает его недостатки.

До предела взвинченный Бенвенуто тут же попытался сорвать покрывало, сделал это неловко, порвал, приподнял снизу и обнажил «эти прекрасные детородные части». Госпожа Тамп решила, что он сделал нарочно, «открыл эти части ради личной насмешки». Сейчас мадам сорвется на крик… Бенвенуто уже открыл рот, чтобы извиниться, оправдаться, но мудрый король сказал:

— Бенвенуто, я лишаю тебя слова! Молчи, и ты получишь больше, чем даже желаешь.

С этими словами Франциск быстро пошел прочь, свита направилась за ним. Госпожа Тамп приглушенно высказывала свое негодование, ругаться в голос она не решалась, потому что король по дороге продолжал хватить работу Бенвенуто. Мастер был счастлив.

На этот раз Бенвенуто получил от короля не только обещание, а реальные деньги, утром казначей выдал ему тысячу скудо. Меньше обещанных, но все равно очень достойные деньги. Бенвенуто вернулся в Париж в самом хорошем расположении духа. Но добавлю ложку дегтя — дальнейшая судьба серебряного Юпитера неизвестна.

Бенвенуто решил теперь вплотную заняться колоссом, «…с превеликим усердием и старанием принялся заканчивать эту великую статую Марса, каковую я сделал из брусьев, отлично пригнанных в виде остова; а поверх этого мясом была кора, толщиной в осьмушку локтя, сделанная из гипса и тщательно сработанная; затем я определил вылепить сказанную фигуру из многих кусков, а потом связать ее в лапу, как учит искусство; что мне было весьма легко сделать». Грустно это писать, когда знаешь, что колосс так и не был окончен, а после отъезда Бенвенуто в Италию и вовсе разрушен. Но надо помнить — наградой художнику является сама работа. Колосс возбуждал огромное любопытство парижан и даже подтвердил своим наличием старинную легенду, связанную с маленьким Нелем. Считалось, что в замке живет дух, то есть привидение.

Желая наладить спокойную жизнь, Бенвенуто запретил своим

юношам водить в дом «непотребных женщин». А если любовь? Она как раз случилась с Асканио, да такая, что юная особа сбежала от матери к возлюбленному и отказалась возвращаться домой. Днем Асканио прятал девушку в голове Марса, а «ночью он иногда ее тихонечко доставал». На эту голову пялился весь Париж, на крыши залезали, проникали на луг замка. Иногда внутри головы просматривалось «некое легкое движение», и люди говорили: туда вселился дух маленького Неля. Сюжет этот хорошо обыграл Дюма в своем романе «Асканио», приврал, конечно, но это обычная вещь для романиста.

Весной 1544 года, в очень трудное время, когда испанцы двигались к Парижу, у Бенвенуто родилась дочь. Мать — та самая Джанна Дичок. Отцу и в голову не пришло оформить с ней брак. Но крестили девочку по всем правилам, нарекли Констанцией. Крестным отцом был друг Челлини врач Гвидо Гвиди, крестных матери, по французскому обычаю, было две — госпожа Мадлена, супруга писателя Луиджи Аламанни, и жена Ричарда дель Бене, флорентийца и купца. Сама супруга Ричарда, Бенвенуто это подчеркивает, была «знатная французская дворянка».

«Это был первый ребенок, который у меня когда-либо был, насколько я помню». У Джанны была тетка, в приданое «сказанной девушке» Бенвенуто назначил столько денег, сколько эта тетка запросила. Тетка взяла к себе племянницу и ее дочь. Больше с Джанной он не виделся. О дочери он пишет, что, мол, сейчас не место о ней рассказывать «и я ничего о ней больше не скажу вплоть до своего места». Так и не рассказал.

Обида

Война с Карлом V вошла в новую стадию. У императора был договор с английским королем Генрихом VIII. Англичане, вечные враги Франции, высадились на севере страны. Карл V вместе с Генрихом VIII двинулись на Париж. Энциклопедия Брокгауза и Эфрона: «В апреле 1544 года герцог Энгиенский одержал блестящую победу при Черизоле, но это не помешало Генриху VIII осадить Булонь и Монтрель, а Карлу V овладеть Эперене и Шато-Тьерри».

Бенвенуто переживал за Францию, что не мешало ему спокойно заниматься сборкой его «красивой двери». «А так как я не имею намерения описывать в этой моей жизни такие вещи, которые принадлежат тем, кто пишет летописи, то я оставил в стороне нашествие императора». Но, по утверждению Бенвенуто, король, явно путая нашего ювелира с Леонардо да Винчи, сам попросил совета относительно обороны своей столицы, «…и повел меня вокруг всего города Парижа, и, услыхав, с каким здравым смыслом я ему спешно укрепил Париж», король дал распоряжение адмиралу, чтобы все слушались Бенвенуто «под страхом его немилости».

Самыми близкими и доверенными людьми Франциска I были кардинал де Турнон и адмирал д'Аннебо, этот последний и должен был выслушивать все дальнейшие приказы Бенвенуто, но адмирал пренебрег распоряжением короля и вызвал для строительства оборонительных сооружений военного инженера Джиролимо Беллармато. Он был сиенец, но был изгнан из Италии и находился на службе у Франциска. Бенвенуто все это объяснил происками своей врагини госпожи Тамп. Адмирал, видите ли, был глуп и получил свой пост «не за добрые дела», а из-за рекомендации фаворитки. Как мы видим, и у адмирала, и у госпожи Тамп хватило здравого смысла призвать для строительства оборонительных сооружений инженера. Но Бенвенуто никак не назовешь самокритичным, уважение короля очень подняло его в собственных глазах.

Он тут же отстранился от военных дел и вернулся к прежней работе. На самом деле, возьмет ли Карл V Париж или нет, его мало интересовало. Он помнил императора как доброжелательного человека и хорошего заказчика. Бенвенуто мог видеть его и в Париже, который он посетил 1 января 1541 года. Тогда был мир, Карл ехал в Гент усмирять бунтовщиков, а Франциск любезно предоставил ему свою страну для проезда. Тогда Париж встречал императора с величайшими почестями.

В этой войне Карл V в Париж не попал. Случились серьезные разногласия с Генрихом VIII, и император был вынужден спешно заключить мирный договор с Франциском, что случилось 18 сентября 1544 года. Тогда же возник устойчивый миф, что госпожа Тамп предала короля. Есть исторические документы, уличающие Анну д'Этамп в двойной игре, а можно сказать, в шпионской интриге. По одним сведениям, она якобы передавала испанцам ценные сведения о продвижении французских войск, по другим — она сообщила голодным и измученным войной испанцам о французском складе провианта и оружия, третьи источники говорят, что госпожа Тамп помешала разрушить мост в Эперне, который открывал дорогу для беспрепятственного марша Карла V на Париж. Если был открыт этот прямой путь, почему же император по нему не пошел? Одно точно: из-за вмешательства в военные дела госпожи Тамп Франциск заключил мир на невыгодных для себя условиях. Обе стороны возвращали свои завоевания, здесь никто не прогадал, но Франциск рассчитывал получить Милан, а Карл сделал наместником в этом городе своего сына Филиппа — будущего короля.

Почему госпожа Тамп пошла на предательство? Побуждения ее понятны. Франциск был болен, ясно, что конец его не за горами. Трон должен был перейти к его сыну Генриху. С фавориткой Генриха Дианой Пуатье у госпожи Тамп шла долгая и упорная борьба, обе ненавидели друг друга. Понятно, что в случае прихода Генриха к власти положение герцогини д'Этамп при дворе было бы очень незавидным.

Все это Бенвенуто мало интересовало, отношение к нему короля — вот что было важно. Франциску было явно не до него, но Бенвенуто винил в этом не войну, не болезнь короля, не сложность политической ситуации, а исключительно происки госпожи Тамп. Бенвенуто писал, что король прямо-таки рвался в мастерскую скульптора посмотреть «красивые вещи», а негодница фаворитка не пускала, висла у него на руках и своим «кусачим язычком» распространяла про Бенвенуто всяческие гадости. Король отмахивался от нее, как от докучливой мухи, но в конце концов она одержала верх, и Бенвенуто получил от короля настоящую выволочку. Вот суть его претензий.

— Удивительное дело! Бенвенуто, и такие даровитые люди, как вы, «должны бы понимать, что эти ваши дарования сами по себе вы не можете выказывать; и вы себя выказываете великим только благодаря случаям, которые получаете от нас. И вам бы следовало быть немного послушнее и не таким гордым и самочинным. Я помню, что приказал вам точно, чтобы вы мне сделали двенадцать серебряных статуй; и это было единственное

мое желание; вы у меня пожелали сделать солонку, и вазы, и головы, и двери, и всякие другие вещи, так что я весьма теряюсь, видя, что вы оставили в стороне все желания моей воли и занялись угождением всем вашим собственным желаниям; так что если вы думаете поступать и дальше таким образом, я вам покажу, как я имею обыкновение поступать, когда желаю, чтобы делалось по-моему».

Выволочка была сделана прилюдно, вокруг стояла свита и, видя гнев короля, «дрожала от страха за меня». Сам же Бенвенуто, по его заявлению, не боялся ни чуточки, потому что был уверен: все это «стращание» — не более чем желание угодить госпоже Тамп, а сам король как любил своего мастера, так и будет любить. Он встал на одно колено, поцеловал край платья короля и начал:

«— Священное величество, я подтверждаю, что все, что вы говорите, правда; но только я ему говорю, что сердце мое было постоянно, день и ночь, со всеми моими жизненными силами направлено единственно к тому, чтобы повиноваться ему и служить ему; а все то, что вашему величеству кажется, будто находится в противности тому, что я говорю, да будет ведомо вашему величеству, что это был не Бенвенуто, а, быть может, мой злой рок или судьба…» — и так далее, а также так витиевато, и почтительно, и слегка нагловато, и в общем обаятельно.

Конечно, он оправдался. И дверь, и вазы, и солонку, и нимфу, и победы он делал по желанию короля, вот только «головы он сделал сам от себя, чтобы испытать французские глины, каковых я, как чужеземец, совсем не знал». Не преминул так же сообщить, что «колосса он делал за счет своего кошелька». Длинную речь Бенвенуто закончил почтительными, но, прямо скажем, не по чину самолюбивыми словами:

«— Узнав теперь, что Богу не было угодно удостоить меня столь почетной службы (делать колосса. — *Авт.*), я у вас прошу, чтобы взамен той почетной награды, которую ваше величество предназначило моим трудам, оно мне просто уделило немного благоволения и отпустило меня на волю; потому что, если оно меня этого удостоит, я в тот же миг уеду, возвращаясь в Италию, вечно благодаря Бога и ваше величество за те счастливые часы, которые я провел в его службе».

Вот здесь король разозлился всерьез. Вначале он был сдержан, поднял мастера с колен, похвалил дверь: «Если бы для рая нужны были двери, то лучшей не найти», но, услышав, что Бенвенуто опять канючит об отъезде, «приказал громким и устрашающим голосом», чтобы тот молчал и думать забыл об отъезде.

Размолвка была короткой, «помирились», Бенвенуто показал

новые «красивые вещи», король опять назвал его mon ami, были отданы деньги, «которые я истратил из своих, какая бы сумма ни была, раз только я напишу ее собственной рукой». Но показателен разговор, который случился вскоре между королем, госпожой Тамп и графом де Сан-Полем де Бурбоном — близким другом короля, когда-то он вместе с Франциском был в плену после поражения при Павии. Король пожаловался в этой компании, что поручил художника заботам кардинала Феррарского, но кардинал забыл о своих обязанностях, и теперь есть опасения, что Бенвенуто уедет из Франции. Граф де Сан-Поль, он благоволил Бенвенуто, тут же отозвался:

— Поручите его мне, и ваш Бенвенуто никогда не уедет из вашего королевства.

— С удовольствием поручу его вам, если вы мне подскажете способ, каким Бенвенуто можно остановить.

— Я бы его повесил за горло, — со смехом сказал граф, — и он бы навсегда остался с вами.

Госпожа Тамп пришла в веселье, король тоже оценил шутку.

— Я вполне с этим согласен, — сказал он, — если вы подыщете достойную замену.

Бенвенуто пишет, что граф с большим искусством, по-французски, оказал ему услугу, обратив все в шутку, но и в шутке есть доля правды.

За годы, проведенные во Франции, Бенвенуто не только завел кучу врагов, но с его размашистостью, буйством, абсолютной уверенностью в своей правоте и в лучшем случае безразличием, а иногда и презрением к французам, которых называл «эти народы», он смертельно надоел и друзьям. Каждый из нас живет со своей правдой. Человеку свойственно поступать справедливо, но понятие справедливости у каждого свое. Справедливость вообще жесткая вещь. С моей точки зрения, такая, скажем, молитва «Господи, одного прошу, рассуди нас по справедливости» очень опасна. Вдруг небеса внемлют твоей мольбе, и ты опомниться не успеешь, как очутишься у разбитого корыта. Все мы обижаем и унижаем людей, не замечая этого, — поступком, чаще словом, иногда многозначительной улыбкой: мол, я-то знаю истину, и улыбка может ранить.

Дьявол кроется в деталях

С испанцами Франция замирилась, а с англичанами война продолжалась, и не было видно ей конца. По приказу короля Пьетро Строцци «повел наши галеры в эти английские моря». Редкий случай, когда Бенвенуто пишет о военных и политических событиях в стране, да еще называет ее «нашей».

Пьетро Строцци, сеньор д'Эперне (1510–1558), был известным флорентийским кондотьером, а затем маршалом на службе Франции. По матери он был потомком Лоренцо Великолепного и приходился двоюродным братом Екатерине Медичи, воспитывался с ней в одном доме, и будущая королева всегда видела в нем родного брата. Пьетро Строцци принимал участие во всех военных кампаниях, которые вела Франция в 1540–1550 годах. Был убит выстрелом из аркебузы в 1550 году при осаде.

Французские галеры на страницах книги появились для объяснения вынужденного безделья Бенвенуто. Заказов не было, денег не было, серебра на светильники тоже не было, от короля уже несколько месяцев не было никаких известий. Бенвенуто уволил всех своих работников, кроме Асканио и Паголо. Они-то и сделали под присмотром Бенвенуто две красивые серебряные вазы. Он подчеркивает, что вазы были сделаны из его собственного серебра. С этими вазами он и поехал в Нормандию в Аржантон в надежде встретиться там с королем.

Приехав в Аржантон, Бенвенуто тут же представился кардиналу Феррарскому и высказал просьбу о высочайшей аудиенции, но кардинал остудил его пыл: король болен — ждите. Ждать пришлось много дней, и все-таки Бенвенуто пробился к королю. Вазы их величеству понравились, наш проситель решил высказать свою просьбу.

— Соблаговолите сделать мне такую милость, отпустите на некоторое время в отечество. Вы удостоили этой милости Приматиччо, поэтому я и рискнул просить вас об этом. Сейчас время не ваять, а воевать. Я вернусь по первому вашему требованию. Здесь я оставляю невыплаченного мне за семь месяцев жалованья. Если будет на то возможность, вы соизволите приказать мне потом все оплатить, если деньги понадобятся мне для возвращения.

Король хмуро слушал эти речи, рассматривал вазы и время от времени «пронзал меня этим своим ужасным взглядом».

— Бенвенуто, вы великий чудак. Отвезите эти вазы в Париж. Я хочу иметь их позолоченными, — сказал он вдруг и с этими словами вышел.

Кардинал Феррарский во время разговора стоял рядом, Бенвенуто к нему бросился с мольбой:

— Раз уж вы спасли меня из замка Святого Ангела, а после не раз осыпали благодеяниями, сделайте еще одну милость — помогите получить разрешение съездить во Флоренцию.

Странно читать, что Бенвенуто ставит в один ряд два события — избавление от страшной темницы и отъезд из собственного замка. Видно, Бенвенуто действительно нужно было уехать из Франции. Кардинал на удивление быстро согласился: конечно, поезжайте с Богом, я «отлично поддержу вас перед королем». Договорились так: Бенвенуто сейчас возвращается в Париж и ждет там неделю. За эту неделю кардинал «испросит милости у короля». Если король не отпускает Бенвенуто, кардинал тут же напишет об этом, но если писем от кардинала не будет, значит, все хорошо — можно ехать.

Все это очень похоже на подставу, кардинал вместе с госпожой Тамп просто хотели любым способом избавиться от Бенвенуто. На «испрашивание милости» могут уйти месяцы, и куда естественней бы выглядел такой уговор: отпустят — тут же напишу, а пока сиди тихо и жди. Но очень может быть, что Бенвенуто описал все эти события так, как ему было выгодно. В Париже он сразу, не дожидаясь вестей, сделал «чудесные ящики» для трех серебряных ваз, подождал двадцать дней, потом навьючил свой скарб на мула и вместе с соотечественниками — сеньором Ипполитом Гонзаго и его свитой — уехал из Парижа. Это случилось в июле 1545 года.

Замок маленький Нель оставался его собственностью, а весь оставленный скарб он оценил в полторы тысячи скудо. И все это богатство он оставлял на Асканио. В замке продолжали жить Гвидо Гвиди и епископ Джованни де Росси. На прощание Бенвенуто сказал Асканио:

— Ты уже не юноша, ты взрослый мужчина. Помни, какие благодеяния ты от меня имел, теперь ты мне можешь оказать услугу. Храни мое имущество и честь, а «если что-нибудь услышишь от этих скотов французов, тут же меня извести». Я сразу приеду. «Возьму почтовых и полечу, откуда бы я ни был, как ради обязательства перед этим добрым королем, так и ради моей чести».

Об этом внезапном и странном отъезде Бенвенуто пишет скороговоркой, что, мол, «уехал в добром согласии с сами собой», какое у него было настроение, он не пишет. Но можно предположить — очень неважное, если он опасался за свою честь. И не спроста, как показывают дальнейшие события. «Эти скоты французы» не заставили себя ждать. На следующий день после

отъезда хозяина в замок явились «некие из этих казначеев, каковые отнюдь не были моими друзьями». «Эти негодные сволочи сказали», что Бенвенуто уехал с королевским серебром, его надо нагнать и заставить вернуть чужое, «не то плохо ему будет». Перепуганные Гвидо и де Росси немедленно послали вдогонку хозяину Асканио. Молодой человек удалось догнать хозяина. Он приехал в гостиницу в полночь.

Бенвенуто не спал, он переживал и томился: «Зачем я оставил свой замок? Что за проклятая у меня судьба, которая гонит меня в дорогу? Только бы кардинал не был заодно с госпожой Тамп, потому что из-за их козней я могу утратить милость этого доброго короля».

Асканио высыпал все новости разом. Бенвенуто тут же отдал ему вазы, «из которых две были мои, с серебром и всем остальным». В книге Бенвенуто так объясняет это событие: меня ославили зря, потому что всякий знает, что из Франции нельзя вывести ни золота, ни серебра без специального разрешения. Он вез вазы не в Италию, а в Лион, в аббатство кардинала Феррарского. А зачем он их вез в Лион? Потому что опасался смерти короля, вазы очень красивые, а если, не привели господь, король преставится, то Бенвенуто их не потеряет.

Асканио с вазами отправился в Париж, а Бенвенуто продолжил свой путь в Италию. И всю-то дорогу он плакал и убивался. Положение его действительно было унизительным, а обида просто невыносимой. Он молился и просил справедливости: «Господи Боже, Ты ведаешь, что вся эта поездка только для того, чтобы свести благостыню бедным жалким девушкам и матери их, моей сестре, у них есть отец, но он стар и ничего не зарабатывает, а девушки легко бы могли пойти дурной дорогой».

Теперь перейдем к деталям. А правда жизни такова, что Бенвенуто «залез в государственный карман», то есть растратил казенные деньги. Для кого-то это никак не детали, а самая главная тема, а для самого Бенвенуто досадная мелочь, которая мешает жить. В своем бытописании он ни словом не обмолвился о растрате. И вообще, как считать, кто там кому должен? Но французский ученый Димье провел на этот счет почти бухгалтерскую работу, и, конечно, ученый прав. Сопоставляя трактаты Бенвенуто о ювелирном деле, скульптуре и «Жизнь…», легко найти разночтения. Кроме того, есть дневники короля Франциска I, в архивах по сей день хранятся подлинные документы. Понятно, почему король назвал Бенвенуто чудаком, с его точки зрения, наглость, а может, наивность мастера не знала границ.

А. К. Дживелегов пишет: «А причины начинавшегося охлаждения между Челлини и Франциском, приведшие к отъезду его, были и совсем прозаические: Бенвенуто растратил казенные деньги и не мог в них отчитаться. Уезжая, он увез с собой три фигурные вазы, которые были сделаны из королевского серебра, так что пришлось посылать за ним погоню и отбирать не принадлежащее ему добро. И вернуться в Париж он не мог по той же, весьма не художественной причине. Во Флоренции ему жилось очень плохо, а в Париже у него был свой замок и средства настолько большие, что он месяцами мог оказывать гостеприимство своим друзьям, останавливавшимся у него с семьями и слугами. Естественно, что ему очень хотелось снова попасть в Париж. Он этим постоянно грозил герцогу Козимо. Но дальше угроз дело не шло. Бенвенуто продолжал оставаться во Флоренции, довольствуясь полуголодным существованием, и лишь вожделенно вспоминал о своем княжеском житье в Париже. Происходило это потому, что от него из Парижа требовали отчетов в израсходовании выданных ему денег и драгоценных металлов, а те широковещательные, на девяти листах, сочинения, которые он посылал в Париж под видом отчетов, никого не удовлетворяли. Пока шла эта дружеская переписка о растрате, Франциск умер, и Бенвенуто до конца своих дней остался на родине, изнемогая в борьбе со скаредностью Козимо».

В статье Димье полно цифр, он все чуть ли не с логарифмической линейкой просчитал, и на основании этих расчетов и документов Димье предлагает полностью пересмотреть картину отношений между королем и Бенвенуто. Ну и пересмотрите! Мы, русские, пересматриваем нашу историю чуть ли не каждый месяц. Вчера у нас Иван Грозный был зверь лютый, а сегодня великий законодатель, человек новой формации и почти гуманист, просто ему приходилось работать в трудных условиях. И от этого «пересмотра», между прочим, ничего не меняется.

У меня нет возможности заглянуть в дневники Франциска I, но и без этого ясно, что он сделал для Бенвенуто Челлини. Можно обозвать Бенвенуто лжецом, самонадеянным глупцом, но в отношении к королю нельзя усомниться в его искренности. Он верит в то, что пишет. И когда врет в угоду сюжету, тоже верит, что так правильно, потому что так должно было быть. Он может ругать человека, обзывая почти неприличными словами, это касалось и пап, и кардиналов, и герцогов, и их жен, но никогда, никогда он не позволил неуважительного слова по отношению к Франциску I.

А суть такова: он приехал во Францию ювелиром,

прекрасным мастером украшений и утвари, а уехал еще и скульптором, пусть не великим, но достойным, то есть очень хорошим, а для пересчета великих, таких как Микеланджело или Донателло, хватит пальцев на одной руке. Король дал Бенвенуто возможность реализовать свой талант, свой великий дар, а все остальное — пыль, мелочь, «семачки», как говорят на Украине.

Бенвенуто со своими спутниками был уже в Италии, когда их настиг граф Галеото делла Мирандола, итальянец на службе у короля. Мирандола ехал по своим делам, но нашел время для важного разговора с Бенвенуто.

— Мой вам совет, — сказал он, — возвращайтесь. Вы оставили за спиной кучу врагов, и ваш отъезд развязал им руки. Даже ваших подмастерьев толкнули на интриги. Вернувшись, вы найдете способ все уладить.

Как тяжело бывает сделать выбор, не тот, когда ты сапоги покупаешь, а когда ясно, что от этого выбора может зависеть вся твоя дальнейшая судьба. Бенвенуто буквально извелся. Куда ехать — назад или вперед? Он поехал вперед. Нельзя угадать, что сыграло решающую роль в таком выборе. Соскучился по Флоренции, по сестре и племянницам? Очень вероятно, Париж ему опостылел. Может быть, просто трусил, тюрьмы в Риме было ему более чем достаточно, а скорей всего, он, как всегда, надеялся на благоприятный случай: подальше от французских интриг, а судьба сама выведет, и все рассосется.

Он поехал во Флоренцию на почтовых через Пьяченцу и здесь встретил человека, которого меньше всего хотел встретить, — герцога Пьеро Луиджи. Бенвенуто пишет об этой встрече много времени спустя, он знает, какая злая учесть вскоре постигнет герцога, поэтому в рассказе о нем нет той ярости и ненависти, которая всегда клокотала у него в сердце при упоминании от Пьеро Луиджи. Теперь в словах Бенвенуто больше усталости и озабоченности. Надо было подумать о собственной судьбе. Они столкнулись на улице нос к носу, и Луиджи его узнал. Бенвенуто был насторожен, мало ли что герцог захочет выкинуть на этот раз. Тем не менее он нанес Луиджи визит и был на удивление хорошо принят. Герцог только что отобедал, пребывал в хорошем настроении и с удовольствием объявил всем присутствующим, что Бенвенуто «первый человек на свете в своем художестве». Более того, он попытался объяснить, почему мастер был пленником замка Святого Ангела.

— Мой Бенвенуто, я знал, что вы невиновны, — сказал он, — и очень вам сочувствовал. Но я ничем не мог вам помочь, потому что папа — мой отец — желал угодить вашим врагам и поэтому держал вас в темнице.

Можно представить, с каким настроением слушал Бенвенуто эту откровенную ложь. Но темны закоулки в душе человеческой, Луиджи говорил так, словно сам верил во все это. Далее разговор перешел на Париж и Франциска I, герцог был любопытен и выспросил все про службу там Бенвенуто и даже предложил ему работу в Пьяченце, но получил вежливый отказ. Бенвенуто целиком принадлежит этому добрейшему королю, он только навестит родных и тут же вернется во Францию. Тогда, видно, Бенвенуто действительно верил в это.

А вокруг герцога стояли «те самые люди из дома Ланди, которые потом были те, кто его убил». И еще пишет Бенвенуто: «Этот человек как будто прощения у меня просил в присутствии тех, кто вскоре после того за меня отомстил, а также за многих других, которые были им умерщвлены; потому ни один властитель, как бы велик он ни был, пусть не глумится над правосудием Божьим, как это делают некоторые из тех, кого я знаю… И всегда, хоть я и помогаю себе как могу, если я потом сплошаю, там, где слабых сил моих недостаточно, тотчас же мне являет себя эта великая сила Божия, каковая приходит неожиданно для тех, кто несправедливо обижает других, и для тех, кто мало заботится о великом и почетном бремени, которое дал нам Бог». Великолепно написано!

С Генрихом VIII Английским Франция заключила мирный договор только в январе 1546 года.

Часть V
На родине

Бенвенуто радостно встретила сестра, его приезд был для семьи спасением: больной, фактически безработный муж и шесть дочерей, старшая на выданье, младшая у кормилицы. За пять лет пребывания во Франции Бенвенуто щедро помогал им, но семья большая, жизнь дорогая, еще болезни — понятно, одним словом.

Герцог Козимо находился в своей роскошной загородной вилле Поджо-а-Кайано. Бенвенуто ничего не ждал от этого визита, он поехал к герцогу как флорентийский гражданин, желающий засвидетельствовать почтение семейству Медичи, которое всегда ему благоволило.

Бенвенуто принял не только герцог, но и супруга его — герцогиня Элеонора Толедская. Разговор был долгий. Бенвенуто, как и в Пьяценце, забросали вопросами. Он по порядку рассказал о работах, которые делал для короля Франциска.

— Я все это слышал, — сказал герцог, — «стало быть, это правда, — и затем добавил с сочувственным видом: — О, малая награда за столь прекрасные и великие труды!»

Бенвенуто обиделся за Франциска I, он тут же рассказал, как король «извлек его из темницы», а потом дал возможность сделать «такие изумительные работы, как ни одному другому подобному мне художнику». Козимо I слушать это было явно неприятно, он все время неодобрительно поджимал губы. Потом сказал:

— Бенвенуто, если ты захочешь что-нибудь сделать для меня, я тебе заплачу такие деньги, что ты будешь изумлен.

— О, ваша светлость, но я должен объяснить, что во Франции я трудился в другом художестве и теперь охотно сделаю для вас что-нибудь в бронзе или в мраморе.

— В бронзе, — сказал герцог. — Персея.

Конечно, Бенвенуто не устоял перед таким заказом, он твердо сказал: согласен — и тут же с жаром принялся за работу. Герцог давно был одержим идеей заказать достойному ваятели фигуру юноши-победителя. Отрубленная голова Медузы горгоны должна была воплощать в себе республиканскую нечисть — врагов Медичи, с которыми ему удалось справиться. Напомним читателю историю Персея, прекрасного сына Зевса и Данаи, той, на которую бог пролился золотым дождем. Отец Данаи знал, что будет убит внуком, поэтому он запер дочь в медный терем. Но Зевс всесилен, Даная родила сына, нарекли его Персеем. Мальчик

подрос и совершил массу подвигов. Один из них — убийство страшной Медузы горгоны.

Горгоны — три чудовищные внучки земли Геи и моря Понта. Две первые — Сфено и Кето — бессмертны, третья Медуза смертная. Она ужасна, ни женщина, ни птица, тело ее покрыто чешуей, а вместо волос — змеи. Но самое ужасное в Медузе — ее взгляд, он обращает в камень все живое. Персей убил Медузу, когда она спала, при этом смотрел не на нее, а на отражение нечисти в своем медном щите.

Модель Персея из желтого воска в локоть величиной была сделана за несколько недель. В угоду красоте и новому движению в искусстве, которое позднее нарекли маньеризмом, Медуза была не чудовищем, а прекрасной женщиной, змеи на голове сплелись в живописную прическу. Бенвенуто выполнил модель и стал ждать приглашения, но от герцога, хоть тот давно вернулся во Флоренцию, не было никаких вестей. Он словно забыл про мастера. Какое разительное несходство между веселым, доброжелательным и щедрым Франциском I и подозрительным, недоверчивым соотечественником Козимо I! Но Бенвенуто все-таки удалось показать герцогу свою работу. «Как только он на нее взглянул, она ему понравилась, и хвалил он ее необычайно; чем подал мне надежды, что он кое-что в этом понимает».

— Если бы ты, мой Бенвенуто, сделал с этой модели большую фигуру, то это была бы самая красивая фигура на площади. — Герцог явно желал польстить скульптору.

Речь шла о площади Синьории, на которой стояли дивные творения Микеланджело и Донателло.

«— Ваша высокая светлость, своей похвалой вы придаете мне духа и силы». Я сделаю фигуру в три раза лучше, чем эта модель. Но для работы мне нужны соответствующие удобства. Нужен дом и помещение, где бы я поставил мои горны и все прочее.

— Подайте ходатайство, — сказал герцог доброжелательно. — Я удовлетворю все ваши нужды.

Ходатайство было подано, взамен он получил новые щедрые обещания, но, избалованный прежними заказчиками, Бенвенуто не догадался заключить договор, то есть обговорить условия работы, о чем потом очень пожалел. Вскоре он приискал себе дом с землей и огородом, где решил построить себе еще мастерскую. Предстоял разговор с герцогом. Бенвенуто для себя придумал такую установку: «Я сделаю, что обещал, а вы, ваша светлость, увидите мои работы и заплатите по совести». Основываясь на этой установке, он так повел разговор с герцогом:

— Ваша светлость, я принес вам две ювелирные вещицы моей работы и прошу вас на эти вещи купить мне дом.

При этом он добавил, что просит герцога сохранить их до тех пор, пока он «своими трудами и работами» этот дом не выслужит, то есть он отдавал ювелирные изделия в залог. Герцог внимательно осмотрел «вещицы», похвалил их, но взять отказался:

— Возьми, Бенвенуто, свои прекрасные работы назад, потому что мне нужен ты, а не они. Свой дом ты получишь и так.

Козимо тут же подписал ходатайство, в котором было написано: «Посмотреть сказанный дом, и от кого зависит, продать, и цену, которую за него спрашивают; потому что мы хотим пожаловать им Бенвенуто». А дальше начались неприятности. Бенвенуто не учел, что у Козимо были повадки не герцога, а купца, он во всем искал свою выгоду, в его поступках не было никакой «широкости» (любимое словечко Достоевского).

У герцога был майордом Пьер Франческо Риччи, популярная тогда во Флоренции личность. Когда-то он сподобился быть «учителишкой» отрока-герцога, а теперь стал его доверенным лицом. Вазари упоминает его в своих сочинениях, и часто неодобрительно. Этому Риччи герцог поручил устраивать дела Бенвенуто, и с первой же встречи началась у них вражда. Бенвенуто подробно объяснил майордому все про куплю дома и строительство мастерской, и тот прислал подрядчика Латтанцио Горини, «человечишка с паучьими ручонками и комариным голоском». Мало того что Латтанцио был неприятен на вид, он был еще крайне необязателен, медлителен и явно подворовывал на строительстве. Бенвенуто на свои деньги выкорчевал деревья и лозу, наметил план мастерской и все время «поддувал в задницу этому Латтанцио, чтоб дело шло», но рабочих не было, а кирпича и извести привезли столько, что этого строительного материала хватило бы разве что на голубятню. А меж тем друг Бенвенуто Тассо, архитектор и резчик по дереву, уже делал «некие деревянные остовы» для будущего Персея. С этим Тассо Бенвенуто в юности совершил побег в Рим, у Тассо был легкий характер, он, как мог, подбадривал Бенвенуто. А где им работать-то? Неизвестно.

Из Франции потоком шли письма верного Гвидо Гвиди. И вроде в тех письмах не было ничего плохого: мол, отдохни, Бенвенуто, но и хорошего ничего не было. Король, оказывается, интересовался: «Где Бенвенуто?», а негодники юноши, Асканио и Паголо, докладывали их величеству: «Бенвенуто теперь работает на флорентийского герцога и очень успешно, так что неизвестно, когда он вернется в Париж».

Из-за всех этих неприятностей Бенвенуто постоянно находился на взводе, и тут вдруг его вызвал к себе майордом

Риччи для разговора. Бенвенуто подошел к нему «с величайшей почтительностью», на что тот ответил величайшей сухостью. И началось!

— По какому праву ты, Бенвенуто, стал строить мастерскую? Откуда у тебя такая самонадеянность? — Дальше шла куча бранных слов и эпитетов.

Бенвенуто удивился, но перечислил всех лиц, которые разрешили ему строительство, — герцога, самого Риччи и «улитку» Латтанцио Горини.

— Все это ложь!

«— О, майордом, пока ваша милость будет разговаривать со мной в соответствии с тем саном, каким она облечена, я буду говорить с ней почтительно», — бешенство в груди Бенвенуто так и клокотало, — в противном случае я забуду ваш сан и буду говорить с Пьер Франческо Риччи.

Бедный Пьер Франческо вначале онемел от негодования. Спустя семь лет этот бедный человек потеряет рассудок, и Бенвенуто пишет, что в этот момент ему показалось, что Риччи «упредил срок» и уже впал в состояние больного.

— Кто ты такой? — наконец завопил майордом. — Я сам себе удивляюсь, что удостаиваю тебя беседы!

Тут Бенвенуто «напустил на себя некоторую заносчивость»:

— Теперь я скажу, Пьер Франческо Риччи. «Такие, как я, достойны беседовать с папами, и с императорами, и с великими королями, таких, как я, ходит, может быть, один на свете, а таких, как вы, ходит по десять в каждую дверь». У меня нет теперь охоты служить герцогу, лучше я вернусь во Францию.

«Этот скотина остался ошарашен и земляного цвета, а я в бешенстве ушел, с намерением уехать себе с Богом…» Только надо было уладить кой-какие дела с сестрой и девочками, а дальше он упакует весь свой скарб и больше никогда не вернется в эту Флоренцию. Но прошло время, герцог прослышал про его обиду. Майордом вежливо и смиренно пригласил Бенвенуто на разговор, сказал, что в дальнейшем будет вести себя как добрый христианин и теперь от имени герцога спрашивает, какое Бенвенуто хочет иметь жалованье. Тот не торопился с ответом, потом сказал:

— Я хочу иметь такое жалованье, какое получают у его светлости достойные люди моего художества.

— Ваятель Бандинелли получает 200 скудо. Если ты этим довольствуешься, считай, что жалованье тебе назначено.

Вот и состоялся ожидаемый договор. Скульптор Бандинелли — вечный соперник Бенвенуто. Сейчас Бандинелли, или Банделло, пятьдесят восемь лет, он прославленный скульптор и

художник, он служит верой и правдой семейству Медичи уже тридцать лет, сам император Карл посвятил его в рыцари Святого Яго. А кто такой Бенвенуто — выскочка и скандалист. Мина между двумя скульпторами была заложена. Но об этом речь впереди.

Козимо I, великий герцог Тосканы (1519–1574)

Из всех правителей эпохи Высокого Возрождения, включая пап, фигура «жестокого и ужасного» тирана Козимо I самая противоречивая. Вся историография, особенно советская, не может простить ему, что он окончательно уничтожил республику, что может быть хуже, чем удушить свободомыслие. Но западные искусствоведы, тоже ярые поборники свободы, позволяют себе в данном случае тексты весьма уважительного тона. Оказывается, великий герцог Козимо I был умным и деятельным политиком, отважным воином, он объединил Тоскану, и при нем она достигла самого высокого политического значения и материального процветания. Во Флоренции на площади Синьории стоит его конная статуя (скульптор Джамболонья — 1594 год). Скульптуру заказал сын Козимо Фернандо. Тиран Козимо I по сю пору стоит там, где его поставили, и я подозреваю, что итальянцы относятся к нему очень уважительно.

Козимо родился во Флоренции, отец — прославленный кондотьер Джованни делла Банде Неро, мать — Мария Сальвиати (по матери внучка Лоренцо Великолепного). Козимо рос в одном доме с Екатериной Медичи, она была сиротой, у них были общие учителя. Добрые отношения с королевой у Козимо сохранились на всю жизнь. Козимо стал герцогом Флоренции в семнадцать лет, такова была воля императора Карла V, а флорентийцы не решились заговорить о возвращении республики.

Вот сведения из энциклопедии: «Со смертью Алессандро кончилась линия Медичи, шедшая от Козимо Старшего. Попытки флорентийцев восстановить республику окончились неудачей: Карл V настоял на передаче власти герцогу Козимо Медичи, потомку брата старшего Козимо, Лоренцо. Ловкий политик и бессовестный тиран, Козимо I поставил своей задачей образовать из Тосканы одно государство и сосредоточить в своих руках абсолютную монархическую власть. Жестоко преследуя при помощи инквизиции своих противников, он конфискациями и монополиями собрал значительные средства, с помощью которых создал флот, завоевал Сиену и находил себе союзников во внешней политике. От папы Пия V он приобрел титул великого герцога и торжественно короновался в Риме».

Да, герцог Козимо жестоко расправлялся с республиканцами, большинство из них было изгнано, они расселились по всей Италии, пошли служить во Францию, многие были казнены или

попали в тюрьмы. Филиппо Строцци, дядя Екатерины Медичи, был главным врагом Козимо. Он попал в тюрьму, где и умер, по другим сведениям, был там задушен.

Имения изгнанников были конфискованы. Козимо копил деньги всеми способами. Хорошее приданое принесла ему жена, кроме того, он поддерживал купечество, а это выгодно. Его личным банкиром был еврей Яков Шмуэль. В 1557 году Козимо отверг требование папы Пия IV ввести в Тоскане суровые антиклерикальные законы и признать подсудность евреев инквизиции. Козимо рано понял, что евреи великолепные финансисты. Позднее, в 1569 году, желая стать великим герцогом, Козимо пошел на поводу у папы, и евреи опять стали носить на одежде отличительные знаки.

Завоевав Сиену в 1555 году, Пиза уже была в подчинении у Флоренции, Козимо вдвое увеличил территорию Тосканы. Располагая нужными средствами, Козимо создал свой флот, теперь в торговых делах он мог быть конкурентом Генуи и Венеции.

Как все Медичи, Козимо меценатствовал, он также покровительствовал просвещению, реставрировал университет в Пизе, при нем любимый его архитектор Джорджо Вазари начал в 1560 году строить Уффици, завершено строительство было архитектором Бернардо Буонталенти. Правда, здание это предназначалось исключительно для канцелярских нужд, для архивов и присутственных мест, но уже в 1575 году, через год после смерти Козимо I, герцог Франческо I Медичи отвел верхнее помещение под коллекцию. В 1681 году Уффици превратился в музей — крупнейший в мире.

Козимо I был женат на Элеоноре Толедской, испанке, дочери Педро Альвариса, неаполитанского вице-короля. Судя по великолепным портретам Бронзино, она была красива, но бесконечные роды и трагическая смерть двух сыновей и двух дочерей (прямо скажем — чудовищная смерть — об этом после) рано ее состарили. За пятнадцать лет она родила одиннадцать детей, двое из них умерли в младенчестве, остальные пошли в жизнь. Когда Бенвенуто поступил на службу к Козимо I, герцогу было двадцать семь лет, герцогине где-то около этого, а у нее уже было пятеро детей.

После смерти Элеоноры Козимо в 1570 году женился второй раз. Его женой стала Камилла Мартелли, давняя его любовница. У них было трое детей, но титула герцогини он ей не дал. Внебрачные дети у Козимо тоже были, очень плодовитый был государь.

Неудобства

Договор не принес ожидаемого результата. Все шло не так, как ожидал Бенвенуто. Мастерскую строили медленно и «с таким паскудством, что слишком мне обидно это вспоминать». Бенвенуто продолжал работать в нижней комнате своего дома. Теперь он делал Персея «той величины, какой он должен был быть», из гипса, но потом отказался от этой идеи — слишком долго. Он решил заменить гипс глиной, но для этой работы надо было дождаться мастерской. Пока суд да дело, он принялся за фигуру Медузы.

Работа над композицией требовала помощников, а он не мог найти их в родном-то городе. Виной этому был Бандинелли. Бенвенуто просил у герцога, чтобы тот дал ему работников из попечительства, которое было создано для досмотра и достройки городского собора Санта-Мария дель Фьоре, там работали лучшие мастера, но Бандинелли воспротивился этому. Понятно, он ревновал новоиспеченного скульптора к герцогу, но при этом искренне не верил в мастерство Бенвенуто. Что он там делал во Франции, никто не видел. Занимался ювелирным делом, и продолжай, флаг тебе в руки, а ваяние, делание больших фигур, оставь профессионалам. Поэтому Бандинелли распустил слух, что Бенвенуто собирается делать своего Персея руками его опытных подмастерьев. И герцога он в этом убедил.

Помощника себе Бенвенуто взял, как говорится, с улицы, вернее, с огорода. Бернардино Маннеллини из Муджелло нанялся убирать строительный мусор с участка. Скоро выяснилось, что у юноши золотые руки. Бенвенуто стал обучать его своему мастерству, и вскоре у него появился достойный помощник. Плевал Бенвенуто на Бандинелли, он обойдется без его подмастерьев.

Пока Бенвенуто надрывался в борьбе с трудностями, его «превратная и кусачая судьба» приготовила новую беду. Вдруг заболел муж сестры Репараты и как-то незаметно, всего и болел-то неделю, умер. Молодая женщина осталась с шестью девочками на руках. «Это было первое большое испытание, которое меня постигло во Флоренции: остаться отцом и вожатым такой невзгоды». Но жизнь продолжалась, и работы было сверх головы.

Тут совсем некстати случилась у Бенвенуто «некая боль в пояснице». Говорят, нет худа без добра. Работать в полную силу он не мог и стал часто захаживать в герцогскую скарбницу, где работали с золотом молодые ювелиры Джан Паголо и Доменико Поджини. Им Бенвенуто сделал рисунок красивой вазочки для

герцогини, «ее светлость заказала, чтобы пить воду». Еще она заказала Бенвенуто сделать пояс с камнями и «множеством красивых измышлений в виде машкерок и прочего». Герцогине вообще хотелось, чтобы Бенвенуто забыл о Персее и работал только на нее.

В скарбницу часто захаживал герцог, он любил наблюдать за работой ювелиров. Боль в пояснице несколько отпустила, и Бенвенуто велел сюда же в скарбницу принести глины. Между делом он вылепил из глины голову герцога, которая тому очень понравилась. Герцог давно хотел иметь свой скульптурный портрет, он даже пытался выманить из Рима Микеланджело, но великий старец и слышать об этом не хотел. Во-первых, он был тогда назначен главным архитектором собора Святого Павла, но главной причиной отказа были не сложности с работой и не возраст. Больной Микеланджело жил в это время в доме у Роберта Строцци, сына Филиппа Строцци. Как же республиканец Микеланджело будет лепить голову тирану Козимо Медичи? А тут умелец Бенвенуто в два счета сделал такую красивую заготовку. Герцог на радостях пригласил Бенвенуто во дворец, обещая разместить здесь же и горны для плавки, но Бенвенуто благоразумно отказался от такой милости.

Переписка с Парижем продолжалась, юноши сообщали и про короля, который был явно обижен на Бенвенуто и все-таки ждал его возвращения. Бенвенуто отвечал на послания, описывая свою жизнь в самых бодрых и оптимистических тонах: он обласкан герцогом и будущее прекрасно! «Я не хотел унижаться, потому что думал, что если я унижусь написать смиренно, то эти люди, по французскому обычаю, скажут, что я грешен и что, стало быть, правда кое-какие проступки, которые несправедливо мне приписывались». Юноши, Асканио и Паголо, доносили содержание этих писем до короля, уверяли, что Бенвенуто никогда не вернется в Париж, а поскольку они его лучшие ученики и замечательные мастера, не плохо бы было получить в их собственность маленький Нель, поскольку он Бенвенуто уже не понадобится.

Маленький Нель они не получили, а король, «как личность добрая и удивительная», приказал одному из своих казначеев — флорентийскому республиканцу Джулиано Буонаккорси — написать от его имени Бенвенуто письмо. Письмо это было строгим: «…если ты хочешь сохранить имя честного человека, которое ты там носил, то раз ты оттуда уехал без всякой причины, то ты поистине обязан дать отчет во всем том, что ты исполнил и сделал для его величества». Кроме того, король хотел, чтобы Бенвенуто доделал колосса, а потому звал мастера в Париж,

обещая ему за работу 7000 скудо. Про приглашение и означенную сумму Бенвенуто пишет в своем «Трактате об искусстве ваяния».

Трактат написан уже после «Жизни…», не исключено, что автор и приврал слегка для завершения сюжетной композиции, но Бенвенуто обрадовался этому письму несказанно и тут же сел писать ответ. Он был обширен, девять листов бумаги содержали полный отчет о проделанной работе и учет всех денег, на нее потраченных. Названы также были имена казначеев, двух нотариусов и всех людей, которые выдавали ему все нужное для работы. Отчет явно доказывал, что из этих денег он не присвоил себе ничего, а «за законченные мои работы я не получил как есть ничего». Жалованье он получал, да, но и из него ему не додали 700 скудо. «… однако же зная, что некоторые лукавцы из собственной зависти сослужили некую злую службу, истина всегда одержит верх». Далее идет славословие наихристианнейшего короля, да, он не окончил некоторые работы, но не его в том вина, он ни о чем более не помышляет, как только остаться честным в глазах его величества, если есть в этом сомнения, то он «прилетит тут же дать отчет». «Были в сказанном письме многие другие частности, достойные этого удивительного короля и спасения моей чести». Перед тем как отослать письмо в Париж кардиналу Феррарскому, Бенвенуто показал его герцогу Козимо. Герцог его одобрил.

Фигура поверженной Медузы была выполнена, костяк ее Бенвенуто сделал из железа, «затем, сделав ее из глины, как по анатомии, и худее на два пальца, я отлично ее обжег; затем положил сверху воск, как я хотел, чтобы она была». Герцог зашел посмотреть работу, очень ее одобрил.

И вдруг, для всех неожиданно и в первую очередь для герцога, никого, кроме сестры не предупредив, Бенвенуто отправился путешествовать. Он взял с собой Бернардино из Муджелло и направил стопы в Венецию. Причину столь поспешного отъезда он с полной откровенностью объясняет в своей книги. Когда он лепил Медузу из глины, натурщиком у него был мальчик Ченцо, «потому что у нас не имеется других книг, чтобы научить нас искусству, кроме природной». Мать Ченцо непотребная Гамбетта по наущению майордома Риччи обвинила Бенвенуто в содомии, причем в это дело уже был замешан некий приятель майордома. Когда она поняла, что Бенвенуто не идет на провокацию, она потребовала у него 100 скудо за молчание. Разговор происходил ночью в доме Бенвенуто. «Я пришел вот в какую ярость: с каковой я ей сказал: «Убирайся вон, постыдная шлюха, потому что, если бы не ради уважения к людям и не ради невинности твоего несчастного сына, который здесь в тобой, я бы

тебя уже зарезал…»».

Бенвенуто был невиновен, но он уже знал, сколь опасны судебные дела, связанные с содомией, а этим руководил бы сам майордом, который любым способом хотел избавиться от ненавистного скульптора. Решено было «дать улечься этой чертовщине» где-нибудь подальше от Флоренции. По дороге в Венецию Бенвенуто написал герцогу письмо: мол, «уехал не будучи позван, а вернусь не будучи призван», и подробно объяснил ситуацию.

В Венеции, «в этом прекраснейшем и богатейшем городе», он замечательно проводил время. Посещал великих художников — «этого удивительного Тициана» и Якопо дель Сансовина, искусного ваятеля и зодчего. Тициан принял Бенвенуто замечательно. Бенвенуто не пишет, о чем они беседовали, но Вазари дает нам ответ — конечно, об их светлости герцоге Козимо I. Тициан был во Флоренции накануне приезда туда Бенвенуто, город ему очень понравился, и он предложил Козимо нарисовать его портрет. Герцог отказался, это уже потом история все расставит по своим местам, а в то время Козимо не хотел ущемлять достоинство Бронзино: мол, у нас у самих хорошие художники.

Тициан, в отличие от Микеланджело, относился к Козимо очень хорошо. Ему было шестьдесят девять лет, но для человека, который умер в девяносто девять лет и не от старости, а от чумы, шестьдесят девять не возраст. Он был мудр, полон сил и необычайно работоспособен. Как раз в тот год, когда Бенвенуто посетил Венецию, Тициан нарисовал с посмертной маски портрет отца Козимо — Джованни делла Банде Неро, погибшего в 1526 году. Пьетро Аретино, «божественный писатель и бич государев», был тогда личным секретарем Джованни. В Венеции Аретино стал другом Тициана, он и послал Козимо портрет его отца. Обо всем этом Бенвенуто не пишет ни слова. Позднее Тициан подарил Козимо великолепные портреты Карла V и его сына Филиппа, очень неплохая у герцога собиралась коллекция.

Встретился Бенвенуто и со своим старым знакомцем Лорецино Медичи — убийцей герцога Алессандро. По этому визиту можно судить, как далек был Бенвенуто от политических дел. Республиканские изгнанники относились к Лоренцино с глубоким почтением: он убил тирана! Именно в память об этом событии Микеланджело изваял своего Брута. Разумеется, в бюсте нет никакого портретного сходства, это образ борца, поборника справедливости. На деле Лоренцино был незначительным человеком. Историки до сих пор не могут понять, зачем он так жестоко расправился с Алессандро.

Лоренцино встретил Бенвенуто на канале, затащил в дом, словом, «встретил с величайшим радушием». Вспомнили Флоренцию и Париж. Когда Лоренцино приезжал в Париж, он жил в доме у того самого Джулиано Буонаккорси, казначея короля. Совсем недавно Бенвенуто получил от него письмо, было о чем поговорить. В Париже Лоренцино часто бывал в мастерской Бенвенуто, там он не только наблюдал за работой скульптора, но и прятался от соглядатаев герцога Тосканского, он знал, что Козимо поклялся его убить.

Во время венецианской встречи в доме Лоренцино находился приор Строцци, брат синьора Пьетро Строцци. Он спросил у Бенвенуто, долго ли тот пробудет в Венеции, уверенный, что отсюда он поедет прямиком во Францию.

— О нет, я не поеду в Париж, — ответил Бенвенуто. — Через два дня я вернусь во Флоренцию, служить герцогу Козимо.

«Когда я сказал эти слова, эти двое повернулись ко мне с такой суровостью, что я превесьма испугался».

— Лучше бы, Бенвенуто, ты вернулся во Францию, где был богат и известен. Во Флоренции ты потеряешь все, что приобрел, а найдешь только неприятности.

Через два года после этой встречи Лоренцино Медичи будет убит, зарезан. П. П. Муратов в своей книге «Образы Италии» описывает это убийство с необычайной страстностью. Флорентийский посланник в Венеции по приказанию Козимо установил за Лоренцино надзор, отслеживая каждый его шаг, и слежка эта велась многие годы. В случае с Бенвенуто соглядатаи явно отлучились куда-то, потому что о посещении им Лоренцино герцогу явно не было доложено, иначе бы нашему герою не поздоровилось.

Лоренцино убили профессиональные брави за 4000 золотых флоринов и пожизненную пенсию в 100 флоринов. Они и раньше совершали преступления, за что были изгнаны из Тосканы, но в случае удачно выполненной задачи Козимо обещал им полную амнистию. Убийц было двое: Чеккино и Бебо. Лоренцино был с приятелем Алессандро Содерини, его подкараулили на улице. Они только что вышли из церкви Сан-Паоло и пошли вдоль канала. Чеккино сказал — уходи, ты нам не нужен, — но тот стал защищаться. Чеккино описал позднее, как произошло убийство, наверное, для отчета. Вначале он люто расправился с Содерини. «Обернувшись к другому, я увидел, что Лоренцино стоит на коленях и хочет приподняться, и тогда в гневе я нанес ему страшный удар по голове так, что разруби ее надвое. Он упал к моим ногам и больше не вставал».

Но пока еще все живы. По возвращении Бенвенуто герцог

принял его неприветливо, но потом оттаял, стал расспрашивать про Венецию. Как понял Бенвенуто, вся чертовщина, учиненная майордомом, рассеялась, и можно было спокойно приниматься за работу.

Трудно работать

«…первая работа, которую я отлил из бронзы, была эта большая голова, портрет его светлости, которую я сделал в золотых дел мастерской, пока у меня болела спина». Работа очень понравилась герцогу, а ведь Бенвенуто сделал ее всего лишь для того, чтобы испытать местные глины для отливки бронзы. С глиной пришлось повозиться, Бенвенуто пишет, что он ее «составил», своего горна еще не было, и он отлил голову у колокольщика Дзаноби ди Паньо. Бронзовый бюст герцога Козимо получил одобрение современников, в 1557 году он был отослан на остров Эльбу и простоял там на крепостных воротах до 1781 года. Думаю, что это его и сохранило от переплавки, бюст дожил до наших дней и теперь хранится в Национальном музее Флоренции.

Вот насколько слов о бронзе, написанные Огюстом Роденом:

«Бронза представляет собой очень прочный материал, который легко поддается ковке, чеканке, а в жидком виде — литью. Ее получают в результате сплава олова и меди (иногда примешивают цинк или свинец). Чем выше в сплаве процент меди (до 90 %), тем краснее оттенок бронзы; чем больше примеси олова (до 25 %), тем серее или чернее тон бронзы. Бронза пригодна и для крупной, и для мелкой пластики.

Пустая внутри литая бронзовая статуя легче мраморной. К тому же бронза обладает свойством сцепления частей, поэтому композиция в бронзе может быть свободнее, без замкнутости, свойственной мрамору, с широкими просветами и сложными, далекими от основного стержня ответвлениями.

Кроме того, бронза иначе реагирует на воздействие света. Бронза свет не пропускает, но отражает его резкими, яркими бликами. Главное воздействие бронзовой статуи основано на острых контрастах поверхности и на четком темном силуэте. Очарование мрамора — в насыщенной, пронизанной светом поверхности и в мягком таянии, растворении контура. Так как в мраморе поверхность как бы слегка просвечивает, то в ее обработке важное значение приобретают мягкие переходы внутренней формы. Поэтому же мраморные статуи больше рассчитаны на рассмотрение вблизи и в закрытом пространстве. Бронза, напротив, воздействует резкой трактовкой деталей и общим силуэтом, поэтому бронзовые статуи больше пригодны для помещения на открытом воздухе. Литье — самая популярная техника обработки бронзы, как других металлов.

Существуют три основных метода литья из бронзы.

Древнейший метод состоит в том, что металл сплошной массой вливается в пустую форму. Этот грубоватый прием пригоден для изготовления простых предметов (например, оружия) и примитивных идолов с элементарными геометрическими формами.

Два других метода, более совершенные, сохранили свое назначение до наших дней. Преимущество метода земляной формы, или литья по частям, заключается в том, что при нем оригинальная модель не погибает и отлив можно повторить. Серьезный дефект этого метода в том, что статуя составляется из отдельных частей и поэтому после отливки должна подвергнуться тщательной дополнительной обработке. Этим методом выполнены греческие статуи архаического периода и бронзовые статуэтки раннего Возрождения, например произведения Донателло.

Третий метод литья из бронзы, с одной стороны, более опасный для статуи, но зато и гораздо более совершенный, — это работа с помощью воска (так называемый метод a cire perdue — буквально «с потерянным воском», чаще его называют «метод утраченного воска», так как восковая модель скульптора при этом гибнет). Этот метод знали уже в Древнем Египте. Подробно описанный Бенвенуто Челлини в «Трактате о скульптуре» 1568 года, он с тех пор постоянно совершенствовался».

Сущность этого метода состоит в следующем: скульптор готовит модель из глины, ее сушат и обжигают (для прочности); затем покрывают ровным слоем воска такой толщины, какой желательны стенки будущей бронзовой статуи. Покрытая воском модель плотно вкладывается в глиняную форму, в которой проделано несколько отверстий, по ним из согретой глиняной формы вытекает воск. Когда воск вытек, в те же отверстия наливают расплавленную бронзу. После того как форма остыла, ее разбивают. Необходима исключительная точность при обкладке модели восковым слоем, так как если слой окажется неровным, то и бронза будет неравномерно твердеть, и могут возникнуть трещины. Недостаток этого метода в том, что гибнет восковая модель художника; его преимущество в том, что с абсолютной точностью воспроизводятся все нюансы модели.

Голова герцога вышла чистой, и Бенвенуто тут же принялся за сооружение собственного горна. На очереди была отливка тела Медузы, той самой «скрюченной женщины, что под ногами у Персея». Это тело тоже вышло «чистым», и знающие мастера, и друзья в один голос стали говорить, не надо ее отделывать: мол, и так хорошо, но Бенвенуто стоял на своем. «Истинное безумие, — пишет он, — отливать бронзу без отделки, потому что

бронза, после того как отлита, ее необходимо уминать молотками и чеканами, как эти удивительные древние и делали, также и современные, которые умели работать бронзу».

Герцог часто захаживал в мастерскую Бенвенуто. Бандинелли всячески старался этому препятствовать. Это не выдумки и не мнительность Бенвенуто. Читаешь Вазари и удивляешься, как эти великие, гениальные художники находили время и желание делать гадости друг другу. А что делать? Они боролись за заказ и реальные деньги.

Бандинелли тоже боролся, Он, что называется, создавал общественное мнение. Флоренция — город небольшой, все скульпторы и ювелиры друг друга знают. Бандинелли был известным человеком, работал и в Риме, и в других городах, но большую часть жизни провел во Флоренции. Его уважали, к его мнению прислушивались, созданная им в 1534 году скульптурная группа «Геркулес, повергающий Кокуса» украшала площадь Синьории, туда ставили лучшие работы. А Бенвенуто кто? Летун! Там поработал, туда сбежал, в Париже тоже не задержался, а ведь говорят, там разбогател и возомнил о себе невесть что и тянет деньги из доверчивого их сиятельства. Какой он ваятель? Если и отлил что-то из бронзы, это еще ничего не значит. Герцога Бандинелли тоже уверил, что Бенвенуто не сможет собрать в бронзе всю композицию Персея, это по силам только профессионалу.

Бенвенуто пишет с горечью: «… Италия никогда еще не видела моих работ ваяльных; и в цехе некии бешеные ваятели, смеясь надо мной, зовут меня новым ваятелем; каковым я надеюсь доказать, что я ваятель старый, если Бог подаст мне такую милость, чтобы я мог показать оконченным моего Персея на этой почетной площади ее высокой светлости».

А как показать себя «старым ваятелем», если герцог совсем не помогает в работе над Персеем, денег на материал не дает, плату подмастерьям задерживает, а на руках сестра с дочками, денег мало? Реальный заработок давали только ювелирные работы, но они отнимали все время от главного — от Персея.

Однажды Бенвенуто решился на ответственный разговор. Незваным явиться во дворец он не мог, не те были отношения, поэтому он подкараулил герцога на улице и сказал после соответствующих приветствий:

— Государь мой, мне нет помощи в моих нуждах. Может быть, вы разуверились в моих силах? Но я снова скажу, что у меня хватит сил и умения выполнить Персея в три раза лучше, чем сделанная мной модель.

«Когда я сказал эти слова его светлости и увидел, что они не

дают никакого плода, потому что я не извлекал из него ответа, тотчас же меня одолела досада вместе с нестерпимой яростью, и я снова начал говорить герцогу:

— Государь мой, этот город поистине всегда был школой величайших дарований; и когда кто-нибудь себя познал, научившись чему-нибудь, желая прибавить славы городу и своему славному государству, тому хорошо отправиться работать в другое место». Донателло, Леонардо да Винчи, чудесный Микеланджело Буанарроти умножают славу вашей светлости. Я также надеюсь внести «свою долю» — отпустите меня уехать. Но не пускайте уехать Бандинелли, давайте ему больше, чем он просит, потому что, если он вздумает уехать, он опозорит «эту благороднейшую школу». Отпустите меня, государь!

На эту страстную речь герцог откликнулся. Ему не понравилась просьба Бенвенуто об отъезде.

— Если у тебя есть желание окончить работу, недостатка тебе не будет ни в чем, — сказал он строго, тоном гневливым и недовольным.

Легко сказать — окончить работу. Да он ее только начал! Бенвенуто никогда не работал быстро, несмотря на весь свой огонь и темперамент. Работал он много, но разбрасывался, а главное, все хотел довести до совершенства, переделывал, экспериментировал, охотно брался за совершенно незнакомые виды работ. Теперь на очереди была подвеска для герцогини. В подвеску он должен был вставить большой алмаз, и вставил самым лучшим образом, но из-за самого камня вышел скандал. Бенвенуто оценил этот алмаз ниже той цены, которую сорвал с герцога его поставщик драгоценных камней. Он оценил алмаз честно и профессионально, а в результате одним ударом оскорбил и вора-поставщика, и герцога-недотепу, который переплатил за алмаз чуть ли не 8000 дукатов. Но подвеска очень понравилась герцогине Элеоноре, на радостях Бенвенуто еще сделал ей две маленькие серебряные вазочки. Герцогиня оплатила и работу, и материал, она была сущей отдушиной в этом спертом от интриг воздухе.

Бенвенуто предложил герцогу сделать чеканы для его монет, как он делал для папы Климента и для герцога Алессандро, то есть с изображением на них заказчика, или серебряные вазы, подобные сработанных им для короля Франциска. Герцог согласился: «Делай, а я посмотрю», но ни денег, ни материала при этом не дал. Но прошло время, и он вдруг согласился на вазу, выдав Бенвенуто несколько фунтов серебра из своих рудников в Кампилье.

Бенвенуто тут же нарисовал рисунок и сделал восковую

модель вазы, но, не желая отрывать все время от Персея, поручил дальнейшую работу «некоему разбойнику, который зовется Пьеро Мартино». Это был ювелир с хорошей репутацией, но, видно, у него своей работы было сверх головы, да и трудно было угодить Бенвенуто. Прошло несколько месяцев — ни серебра, ни вазы. Бенвенуто стоило большого труда вернуть «тело вазы» и остатки металла. Канитель с вазой стала известна герцогу, он забрал у Бенвенуто неоконченную вазу, рисунок ее и модель и отдал все какому-то мастеру в Венеции. «И был прескверно услужен», — со злорадством добавляет Бенвенуто. Козимо был сдержанным человеком, он не ругал Бенвенуто, только один раз назвал его menvinuto — антоним benvenuto, что значит «нежеланный».

После полутора лет работы над Персеем герцог вообще перестал давать деньги на оплату помощников Бенвенуто. Выплатой ведал Латтанцио Горини, тот самый, с «паучьими ручонками и комариным голоском». Бенвенуто бросился к нему за объяснениями.

— А чего ты хочешь? — пропищал тот. — Почему не кончаешь свою работу? Кажется, конца этому не будет.

— Черт вас всех подери, которые не верят, что я ее окончу! — в ярости крикнул Бенвенуто.

Скажем сразу, что он своего дивного Персея делал девять лет. Очень долго, что и говорить, но это было обычным делом в то время. Гробницу папе Юлию II Микеланджело, при его фантастической работоспособности, делал несколько десятков лет. Правда, там и работы было неизмеримо больше, но беда в том, что ему так и не дали ее окончить, менялись папы, скульптору подсовывали какие-то новые заказы.

Бенвенуто уехал из Парижа в июне 1545-го. Франциск I, «лучший в мире король», умер в марте 1547 года. Бенвенуто ни словом не обмолвился о его кончине. Он пишет только, что часто приходило на память «мое прекрасное положение, которое я покинул в Париже на службе у этого удивительного короля Франциска, у какового мне было всего вдоволь, а здесь мне всего не хватало». Во всех своих бедах Бенвенуто винил негодника Бандинелли, тот буквально отслеживал каждый его шаг. Положение казалось безвыходным. Дорога во Францию для него была закрыта. Теперь он ощущал себя пленником Флоренции.

В один из таких дней, когда тоска держала за горло, Бенвенуто взял с собой 100 скудо, сел на лошадь и «поехал повидать моего незаконного сыночка». Сыночек в книге появился как-то вдруг, больше нигде о нем Бенвенуто не вспоминает, но пишет о нем — всего-то два абзаца — с большой нежностью и теплотой. Мальчик жил у кормилицы, жены одного из его

работников. Возраст сыночка, думаю, Бенвенуто определил это на глаз, где-то около двух лет, но, скорей всего, много меньше — не из Парижа ведь он его привез, «…я его поцеловал; и когда хотел уезжать, он меня не отпускал, потому что крепко держал ручонками и неистовым плачем».

Плач сына не остановил Бенвенуто. Этот вечер был предназначен им для серьезного дела. На обратном пути он намеревался встретиться с Бандинелли, который каждый вечер ездил на свою мызу под Сан-Доменико. Зачем встретиться? Не для разговора. Бенвенуто хотел «повергнуть его наземь», то есть убить. Они встретились. Вид у Бенвенуто был устрашающий, а Бандинелли «без оружия, на лошачишке вроде осла, цветом, как мертвец», да и лет тому было немало, под шестьдесят, считай — старик.

— Жалкий трус, перестань дрожать! Я не желаю удостоить тебя моих ударов.

Бандинелли сидел неподвижно, молча и смиренно смотрел на своего врага. «Тогда я вернулся к рассудку…» Они разъехались, а Бенвенуто возблагодарил Бога, что Тот спас его от бесчинства. Не кровавым делом он докажет свое превосходство, но творчеством. Вы еще увидите моего Персея!

Три дня спустя (так пишет Бенвенуто) «кума задушила мне моего единственного сыночка, каковой причинил мне столько горя, что я никогда не испытывал большего». Исследователи творчества Челлини называют это место в книге «темным», недоумевая, что значит это «удушила»? Тимашевский, замечательный комментатор «Жизни…», пишет: «Может, утопила?» Я думаю, что кормилица его «заспала». Было обыкновение в те времена на ночь класть ребенка рядом с собой — под грудь, сосет себе и не плачет. Одно неосторожное движение во сне, и ребенка можно задушить ненароком. Здесь хочется задать вопрос Максима Горького: «А был ли мальчик?» Многие считают труд Бенвенуто романом с выдуманными событиями и героями. Был мальчик, был! Печаль отца так искренна, в ней живая боль. Кроме того, эту часть рукописи Бенвенуто писал уже собственной рукой, то есть отказался от секретаря. Писать и наговаривать — разные вещи. Рука иногда сама пишет.

Диспут

Однажды в праздничный день Бенвенуто явился во дворец, зашел в золотую мастерскую. Герцог был там и принял его «с приятным радушием».

— Бенвенуто, открой этой ящик и посмотри, какой я получил подарок от Стефана Пилестино.

Это была мраморная античная фигура мальчика. Стефано Колонна, князь Пилестино, был командующим армии Козимо, мрамор нашли где-то при раскопках.

— О, ваше сиятельство, — Бенвенуто не мог скрыть восторга, — я не припомню, чтобы видел когда-либо столь прекрасную статую мальчика. Я предлагая вам ее восстановить — и голову, и руки, и ноги. Я сделаю ему орла, чтобы можно было назвать его Ганимедом.

Справка: Ганимед — сын троянского царя и нимфы Каллирои — был необычайно красив. Когда он пас отцовские стада, Зевс, превратившись в орла, похитил мальчика и унес его на Олимп. Там он стал виночерпием, разливал нектар на пирах богов. Миф о похищении Ганимеда был очень популярен в эпоху Возрождения.

Бенвенуто так расхваливал мраморного мальчика, что герцог попросил — объясни, чем он так хорош. Тут уж Бенвенуто разлился соловьем, об антиках он был готов рассказывать часами. Тут как раз Бандинелли и вошел в скарбницу.

— Что вам? — спросил герцог.

Бандинелли строго посмотрел на смолкнувшего Бенвенуто, на статую мальчика.

— Тема все та же, государь. Я много раз говорил вашей светлости, что древние ничего не смыслили в анатомии. Их работы полны ошибок.

Фраза эта явно не соответствует действительности. Статуя Бандинелли на площади Синьории не отличается ни красотой, ни изяществом, но обвинить древних греков в незнании анатомии скульптор не мог, тогда все у них учились. Бенвенуто явно придумал слова Бандинелли для затравки следующей сцены. Желая развлечься, герцог сказал Бенвенуто:

— Ты мне только что говорил обратное. Защити моего Ганимеда.

— Это нетрудно, ваша светлость. Баччо Бандинелли весь состоит из скверны. Как бы ни была хорошо сработана вещь, он всегда найдет в ней изъяны и наговорит кучу гадостей. А Ганимед прекрасен.

«Герцог слушал меня с большим удовольствием, а

Бандинелли корчился и строил самые безобразные лица из своего лица, которое было пребезобразно, какие только можно себе представить». Чего-чего, но уж скверны в самом Бенвенуто было тоже предостаточно, ненавидеть он умел.

— Пойдемте! — сказал вдруг герцог, и вся свита двинулась за ним, следом пошли оба скульптора.

Герцог привел их в свою комнату, сел в высокое кресло, Бенвенуто поставил по правую от себя руку, Бандинелли по левую — говорите! Окружение герцога посмеивалось, предчувствуя спектакль. Первым выступил Бандинелли:

«— Когда я открыл моего «Геркулеса и Какуса», право, больше ста сонетишек на меня было сочинено. Обо мне говорили самое дурное, что только придет в голову этому простонародью».

Во Флоренции существовал обычай: после каждого знаменательного события, а то и просто из желания кого-нибудь восславить, а чаще осмеять жители клеили на стены домов записки с сонетами. Бандинелли досталось много едких слов за «Геркулеса и Какуса» еще и потому, что композиция его была сработана из мрамора, который предназначался Микеланджело. На этом и построил Бенвенуто свой ответ. Он вспомнил гениальную работу ваятеля и архитектора — гробницу Медичи в церкви Сан-Лоренцо, сделанную по заказу папы Климента VII (1525–1527).

«— Когда наш Микеланджело Буонарроти открыл свою ризницу, где можно было видеть столько прекрасных фигур, то эта чудесная и даровитая школа, подруга истины и блага, сочинила на него больше ста сонетов», состязаясь, кто лучше скажет. А работа Бандинелли заслуживает всего того плохого, что про нее было сказано.

— Объясни! — в бешенстве отозвался Бандинелли. — Что ты можешь ей вменить?

— Я скажу, если у тебя хватит терпения выслушать.

— У нас хватит терпения, — с усмешкой сказал герцог.

Прежде объясним суть композиции. «Геракл и Какус» имеют отношение к десятому подвигу Геракла, когда ему было приказано доставить в Микены с острова Эрифия коров великана Гериона. Герион имел три головы и три туловища. Геракл убил Гериона, захватил его коров, переправился с ними через океан, а дальше, уже на суше, разбойник Какус похитил коров и спрятал их в пещере. Тут Геракл Какуса и убил. Коровы были доставлены им по назначению, где их принесли в жертву Гере. Красивая и сложная эта история угадывается только в названии, ничего этого в скульптуре Бандинелли нет. Какус мог быть как разбойником, так и рабом или хлебопашцем, хотя физиономия у него свирепая.

Если вы не были во Флоренции и не могли увидеть эту скульптуру, то загляните в книгу «Мифы народов мира» I том, стр. 282 или в Интернет.

Не разозли его так сильно Бандинелли, Бенвенуто высказался бы куда мягче, учитывая корпоративную этику, но здесь было уже не до реверансов.

«— Я не от себя буду говорить, а от имени школы. А эта даровитая школа говорит, что если остричь волосы Гераклу, то у него не останется башки, достаточной для того, чтобы упрятать в нее мозг; и что это его лицо, неизвестно, человека оно или быкольва, и что оно не смотрит на то, что делает, и что оно плохо присажено к шее, так неискусно и так неуклюже, что никогда не было видано хуже; и что эти его плечища похожи на две луки ослиного вьючного седла; и что груди его и остальные эти мышцы вылеплены не с человека, а вылеплены с мешка, набитого дынями, который поставлен стоймя, прислоненный к стенке. Так же и спина кажется вылепленной с мешка, набитого длинными тыквами; ноги неизвестно каким образом прилажены к этому туловищу; потому что неизвестно, на которую ногу он опирается или которую он сколько-нибудь выражает силу; не видно также, чтобы он опирался на обе, как принято иной раз делать у тех мастеров, которые что-то умеют. Ясно видно, что она падает вперед больше, чем на треть локтя; а уже это одно — величайшая и самая нестерпимая ошибка, которую делают эти дюжинные мастера-пошляки. Про руки говорят, что они обе вытянуты книзу без всякой красоты, и в них не видно искусства, словно вы никогда не видели голых живых, и что правая нога Геркулеса и нога у Какуса делят икры своих ног пополам…»

— Злой язычище, паскудник, — перебил его Бандинелли, — а куда ты денешь мои рисунки?

Бенвенуто понимал, что чересчур обругал скульптуру, но не мог уже остановиться.

— Кто хорошо рисует, тот не может плохо работать. Думаю, что твой рисунок таков же, как и твои работы.

— Замолчи, содомище!

Стало тихо, герцог нахмурился, приближенные отвели в сторону глаза. Но Бенвенуто был явно в ударе, он тут же нашел подсказку для ответа.

— Безумец, ты выходишь из границ, — сказал Бенвенуто весело, хоть в душе у него все клокотало. — Бог не дал мне это благородное искусство, о котором мы читаем, что в раю этим занимался Юпитер с Ганимедом, а здесь, на земле, им занимаются величайшие императоры и короли мира. Я, смиренный человечишко, не смел бы вмешиваться в столь дивное

дело.

Все громко рассмеялись. Тогда Бандинелли, стараясь усмирить смех, произнес на выдохе:

— Этот Бенвенуто хвастает, будто я обещал ему мрамор.

Последнее требует пояснения.

За месяц или около того в мастерскую пришел наниматься на работу юноша Франческо, сын Миттео, кузнеца. Бенвенуто дал ему отделывать уже отлитую голову Медузы. Раньше Франческо работал у Бандинелли, поэтому и спросил Бенвенуто, не хочет ли он поработать с мрамором.

— Хочу.

— Мой прежний хозяин просил передать, что предлагает вам отличный кусок мрамора.

— Я его беру, — ответил Бенвенуто, а дальше вместо благодарности добавил: — И пусть твой хозяин помнит о той опасности, которая миновала его на площади Сан-Доменико. Так ему и передай. Я думаю, что ты подослан ко мне этой скотиной Бандинелли, чтобы выведывать мои дела. Ступай и скажи своему хозяину, что я возьму этот мрамор даже против его воли, а ко мне больше не возвращайся.

Вернемся в зал герцога.

— Я хвастал? — возопил Бенвенуто с негодованием. — Разве не ты посылал ко мне Франческо, сына Миттео? Разве не предлагал сам мне мрамор?

— Никогда ты его не получишь, — ответил Бандинелли.

— Ах, не получу? Тогда ищи себе другой свет, потому что на этом тебе не жить! Я из тебя выпущу дух!

Тут Бенвенуто словно опомнился, вспомнил, наконец, где находится, и произнес, стараясь говорить спокойно:

— Простите меня. Я забыл славу вашей светлости.

— Правда ли, что ты обещал Бенвенуто мрамор?

Бандинелли вынужден был согласиться.

— Тогда пойди завтра на постройку и выбери себе любой кусок по вкусу, — продолжил герцог, обращаясь уже к Бенвенуто.

— Он обещал прислать мне его на дом.

На следующий день Бандинелли доставил в мастерскую Бенвенуто обещанный мрамор.

Мне кажется, что на этот раз в споре Бенвенуто перегнул палку. Не скажу, что в этом диспуте мои симпатии на стороне Бандинелли, но я ему очень сочувствую. Мало того что у его Геркулеса спина как длинные тыквы, а руки как дыни, так еще в русском переводе вся его композиция воспринимается на слух как смешная, глупая — «геркулесскаком». А она стоит на площади Синьории уже пятьсот лет, она там корни пустила. Современники

чтили Бандинелли, да и наша энциклопедия относится к нему уважительно.

А. К. Дживелегов: «Бенвенуто не только не способен говорить правду о себе. Он иногда эту правду определенно скрывает. И скрывает сознательно. Вот примеры. Очень известна сцена между Бандинелли и Бенвенуто в присутствии герцога. Она в «Vita» (в «Жизни…». — *Авт.*) рассказана очень подробно. Там выходит, что Бенвенуто нападал на своего врага как на художника — о критике Геркулеса было говорено выше, — а Бандинелли либо защищался, либо если переходил в атаку, то просто осыпал Челлини вульгарными ругательствами, называя его содомитом и проч. А когда Вазари в биографии Бандинелли рассказывает о том же, впечатление получается иное. Конечно, и просто ругались нехорошими словами, но спор шел главным образом о вопросах искусства, причем и Бандинелли критиковал Бенвенуто. А Бенвенуто не захотел об этом сказать».

Не захотел сказать и не потому, что забыл, он просто не слышал критику в свой адрес. В представлении Бенвенуто им интересуется весь мир, равнодушных нет, при этом его либо любят всем сердцем, либо ненавидят до крайности. Он и сам так относился к людям и был уверен, что они ему отвечают тем же. И всегда радость и довольство он создает себе сам, а в бедах и великих страданиях виноват кто-то: либо конкретные негодяи, либо зловредная звезда; а то, что он сам под этой звездой дурит, капризничает, путается в денежных счетах и под горячую руку попросту убивает неугодных, так это все есть жажда справедливости и заслуженная кара. Такой у человека был характер.

Присланный Бандинелли мрамор оказался негодным, с трещинами, но Бенвенуто удалось сделать из него скульптуру Аполлона и Гиацинта. Герцогу нравилось смотреть, как он работает с мрамором, поэтому он приказал на время отложить Персея. Более того, он не поскупился и для реставрации Ганимеда выписал из Рима кусок греческого мрамора. Для антика были сделаны руки-ноги, а из оставшегося материала Бенвенуто создал Нарцисса. На все эти работы ушло много времени. С Ганимедом было куда больше возни, чем он ожидал, и Бенвенуто жаловался, что легче самому сделать всю скульптуру, чем реставрировать поломанную, что правда. Про все эти работы искусствоведы с некоторой грустью говорят — маньеризм.

«Маньеризм — течение в европейском искусстве XVI века, отражающее кризис гуманистической культуры Высокого Возрождения. Основным эстетическим критерием маньеризма становится не следование природе, а субъективная «внутренняя

идея» художественного образа, рождающаяся в душе художника. Маньеристы искажали заложенное у мастеров Высокого Возрождения гармоничное начало, культивируя представления об эфемерности мира и шаткости человеческой судьбы, находящейся во власти иррациональных сил. Маньеризм — элитарное искусство, ярче всего он проявился в Италии. Творчество ранних маньеристов, выступивших в 20-х годах XVI века, проникнуто трагизмом и мистической экзальтацией; произведения этих мастеров отличаются острыми колористическими и светотеневыми диссонансами, усложненностью и преувеличенной экспрессивностью поз и мотивов движения, удлиненностью пропорций фигур, виртуозным рисунком, где линия, очерчивающая объем, обретает самостоятельное значение» — так говорит энциклопедия.

А вот что говорит об этих работах И. С. Кун, советский и русский философ, социолог, антрополог: «Многочисленные скульптуры Челлини на античные темы, изображающие обнаженное мужское тело, — «Меркурий», и «Аполлон с Гиацинтом», и «Персей с головой Медузы», и «Нарцисс» — поражают своим изяществом, это веселая, смелая и привлекательная нагота». Манерно, по сравнению с Микеланджело — бездуховно, главное внимание отдано деталям — все правильно, но каждый зритель выбирает на свой вкус, так что можете смело любить бронзу и мраморы Бенвенуто с полным на то основанием. Нарцисс и Ганимед с орлом хранятся в Национальном музее Флоренции.

Персей с головой Медузы

Фигура Персея уже была покрыта воском и готова к отливке. Поверженная, безголовая Медуза, отлитая раньше, получилась хорошо, но герцог, волнуясь за всю композицию, а может быть, подзуживаемый завистниками, не верил в конечный результат. Фигура Персея была прекрасна, но будет ли она столь же красивой в бронзе? Герцог прямо-таки изводил Бенвенуто вопросами.

— А скажи мне, как это возможно, чтобы голова Медузы, а она значительно выше головы Персея, хорошо бы у тебя вышла?

— Ах, ваша светлость, если бы у вас было понимание этого искусства, то вы больше бы боялись за правую ступню Персея, чем за его голову. Но ступню легко можно будет поправить.

— Объясни, — с раздражением бросил герцог.

Бенвенуто с готовностью объяснял, что сделал горн собственной конструкции, в котором много хитростей, неизвестных другим мастерам, что он сделал два выхода для бронзы и голова Медузы, и голова Персея отличной получатся, потому что «естество огня в том, чтобы идти кверху, а не в том, чтобы идти книзу». А для полной гарантии, чтобы и ступня вышла хорошо, надо было делать горн много больше, а к нему линейный рукав толщиной с ногу, а он сделал рукав не толще двух пальцев и длиной шесть локтей. Но все получится хорошо, уверяю вас!

Разговор шел на повышенных тонах, герцог то злился, то насмешничал, поэтому Бенвенуто кончил свои объяснения такими словами:

«— Все великие и труднейшие работы, которые я сделал во Франции при этом удивительнейшем короле Франциске, удались потому, что этот добрый король всегда поддерживал во мне дух помощью и щедрой оплатой, у меня работало до сорока человек. По этой причине я и успел сделать там так много. Государь, поддержите меня помощью, я надеюсь довести до конца работу, которая вам понравится, а если ваша светлость принизит мой дух и не подаст мне помощи, то ни я, ни любой другой человек не сможет сделать что-либо хорошо».

Призыв остался без ответа, да и сомнительно, чтобы Бенвенуто произнес перед этим суровым, недоверчивым и тщеславным человеком эти слова. Похоже, что весь этот разговор уже не «гримасы памяти», а чистый вымысел, потому что именно в правой ступне Персея при отливке случился изъян, который Бенвенуто благополучно поправил.

Описание предыдущей сцены не более чем гарнир к

предстоящему действу, еще одна прибавка к характеристике Бенвенуто. Здесь не знаешь, чем больше восхищаться, работой великого скульптора или мастерством писателя. А. К. Дживелегов пишет: «…бегство из замка Св. Ангела и отливка Персея давно считаются классическими и фигурируют чуть ли не во всех итальянских хрестоматиях. Рассказ об отливке Персея особенно хорош: живописный, нервный, словно трепещущий теми чувствами, какими кипел в тот момент Бенвенуто, словно писал он не через много лет, а сейчас же, когда еще не успела остыть ни дикая тревога, что отливка не удастся, ни такое же дикое торжество, что она увенчалась успехом».

«И так, набравшись бодрости, изо всех сил и тела, и кошелька, и те немногие деньги, что у меня оставались, я начал с того, что раздобылся несколькими кучами сосновых дров, каковые получил из бора Серристори…» Затем Бенвенуто сделал кожух, то есть одел Персея в заготовленные несколько месяцев назад глины, кожух «опоясал с великим тщанием железами» и начал на медленном огне через множество душников вытапливать воск. «И когда я кончил выводить воск, я сделал воронку вокруг моего Персея, то есть вокруг сказанной формы, из кирпичей, переплетая один поверх другого и оставляя много промежутков, где бы огонь мог легче дышать; затем я начал укладывать туда дрова, эдак ровно, и жег их два дня и две ночи непрерывно… и после того, как сказанная форма отлично обожглась, я тотчас же начал копать яму…» В приготовленную яму Бенвенуто с помощью воротов и веревок осторожно опустил свою форму. Затем «начал обкладывать ее той самой землей, которую я оттуда вынул; и по мере того, как я сам возвышал землю, я вставлял ее душники, каковые были трубочками из жженой глины, которые употребляются для водостоков и других подобных вещей. Когда я увидел, что я отлично ее укрепил… вставляя эти трубки точно в свои места, и что все мои работники точно понимали мой способ… я обратился к моему горну, каковой я велел наполнить множеством медных болванок и других бронзовых кусков; и расположив их друг на дружке тем способом, как нам указывает искусство, то есть приподнятыми, давая дорогу пламени огня, чтобы сказанный металл скорее получил свой жар и с ним расплавился и превратился в жидкость».

Дальше пошли в дело сосновые дрова. Горн гудел, жар был страшный, и это привело к тому, что загорелась крыша. И это несмотря на то, что начался дождь и с огорода в мастерскую ветер гнал воду. Работники уже не думали о том, что крыша на них может упасть, главное, дождь мог остудить горн. Бенвенуто от усталости буквально валился с ног и в какой-то момент не

выдержал. Ему казалось, что он умирает. Скоротечная лихорадка, так Бенвенуто охарактеризовал свою болезнь. Крышу с грехом пополам потушили. Народу в мастерской было много, Бенвенуто успел сказать своему верному Бернардино из Муджелло: «Следи за горном, металл скоро будет готов, делай так, как я тебя учил» — и буквально пополз к постели.

Ему было так плохо, что он был совершенно уверен, что не доживет до утра. Дальше мистика. Бенвенуто провалялся в бреду около двух часов. Он явно видел, как в комнату вошел человек, изогнутый как буква S, «и начал говорить некоим звуком голоса печальным, удрученным, как те, кто дает душевное наставление тем, кто должен идти на казнь»:

— Бенвенуто, твоя работа испорчена, и уже ничего нельзя поправить.

Он вскочил с постели как безумный и начал одеваться, крича:

— Это — предательство, учиненное с умыслом! Я разберусь! Перед смертью я оставлю такое свидетельство миру, что не один останется изумлен!

В «Трактате» он описывает эту сцену куда более прозаично. Ужас был, страх был и обида, и горе, но никакой мистики. Просто в комнату, где корчился больной Бенвенуто, пришел подмастерье и сказал, что работа загублена. А далее все по тексту.

Он бросился в мастерскую и застал там всех в полном испуге и растерянности. Бенвенуто посмотрел на горн и увидел, что металл сгустился, получилось «тесто». И тут «умирающий», ощутив прилив новых сил, стал, словно «в бесовском неистовстве», быстро отдавать приказания, мастеровые выполняли их безоговорочно. Надо было принести из соседнего дома мясника ранее обещанные дубовые, хорошо просушенные дрова, защитить мастерскую от ветра и дождя, тумаки летели направо и налево. Принесенными дровами Бенвенуто заполнил зольник, дуб дает большое тепло, металлическое «тесто» нагрелось, оно стало светлеть и сверкать. В «тесто» Бенвенуто добавил «полсвинки олова» (около 60 фунтов), рабочие принялись его размешивать шестами, вскоре оно стало жидким.

Вдруг раздался страшный грохот, будто молния сверкнула. Из-за этого ужаса «всякий растерялся, а я больше других». Оказывается, крышка горна треснула, поднялась, и бронза полилась наружу. Бенвенуто приказал рабочим ударить по обеим втулкам. «И, увидав, что металл не бежит с той быстротой, как обычно, сообразив, что причина, вероятно, потому, что выгорела примесь благодаря этому страшному огню, я велел взять все мои оловянные блюда, и чашки, и тарелки, каковых было около двухсот, и одну за другой я их ставил перед моими желобами, а

часть их велел бросить в горн; так что, когда всякий увидел, что моя бронза отлично сделалась жидкой и что моя форма наполняется, все усердно и весело помогали мне и повиновались».

Когда было ясно, что форма наполнилась, Бенвенуто встал на колени, сотворил молитву, а потом, на том же дыхании, «припал к салату на тарелке». Он поел и выпил со своими работниками, лихорадку как рукой сняло. Наутро он встал здоровым, а семья закупила взамен оловянной посуды глиняную и деревянную, все пребывали в замечательном настроении. Бенвенуто считает, что охлаждение металла и превращение его в «тесто» произошло не по вине его болезни, и не по недосмотру, и не из-за дождя, а из-за сознательного предательства двух подосланных майордомом Риччи мастеровых. Оставим это на совести и Риччи, и Бенвенуто.

Через два дня Бенвенуто стал потихоньку открывать форму. Голова Медузы вышла отлично, голова и торс Персея тоже. И удивительно было, что в литейном отверстии совсем не осталось металла, то есть добавленной оловянной посуды как раз хватило на заполнение формы. Теперь надо было открыть ступню правой ноги, про которую Бенвенуто говорил герцогу, что Персей на нее опирался. Пятка была заполнена металлом полностью, но на пальцы металла не хватило. Эта недостача не огорчила Бенвенуто, ступню легко можно было поправить, но, главное, он своей работой подтвердил правдивость недавней лекции о сущности плавки.

Герцог был очень доволен результатом труда и на радостях разрешил Бенвенуто съездить в Рим. Накануне скульптор получил оттуда письмо, которое доставило ему большое удовольствие. Писал богатый римский купец Биндо Альтовита. Около года назад Бенвенуто сделал этому Биндо скульптурный портрет в бронзе. Бюст этот увидел Микеланджело и спросил у хозяина:

«— Кто этот мастер, который изобразил вас так хорошо и в такой прекрасной манере?»

Биндо объяснил, а Микеланджело написал письмо во Флоренцию. Вот его содержание в пересказе получателя: «Мой Бенвенуто, я вас знал столько лет как величайшего золотых дел мастера, который когда-либо был известен; и теперь я вас буду знать как такого же ваятеля. Знайте, что мессир Биндо Альтовита свел меня посмотреть голову своего изображения, из бронзы, и сказал мне, что она вашей руки; она мне доставила большое удовольствие; но мне было очень досадно, что она поставлена в плохом свете, потому что, если бы она получила свой разумный свет, она бы являла себя тем прекрасным произведением, какое она есть». Бенвенуто показал письмо герцогу, он его одобрил и

велел пригласить Микеланджело от его имени во Флоренцию.

Бенвенуто полетел на крыльях в Рим, там он поселился в доме Биндо, и не только потому, что нужно было «устраивать разумный свет», его связывали с купцом и деловые отношения. Проживая какое-то время по делам во Флоренции, Биндо ссудил герцогу, конечно под хорошие проценты, 5000 золотых скудо. Купец предложил Бенвенуто тоже принять участие в сделке, тот согласился, поэтому в этих пяти тысячах была и его доля — 1200 золотых скудо. Это и послужило причиной того, что Бенвенуто сделал Биндо его бронзовый портрет.

Когда Биндо увидел бюст в воске, он послал с нотариусом Бенвенуто 50 скудо, но тот отказался, оставил их у купца, как в сберкассе, под проценты. Все это время у деловых партнеров шла переписка, в письмах купец был очень любезен, а сейчас, когда Бенвенуто приехал в Рим, он вдруг стал строг, насуплен. Понятное дело, не хотелось ему расплачиваться за работу и вообще отдавать какие-либо деньги, «…все ж таки мы в немногих словах дело порешили; я потерял свою работу над этим его изображением, и бронзу тоже; и мы условились, что эти мои деньги он оставит себе из пятнадцати процентов на срок естественной моей жизни». Да, финансист Бенвенуто был никакой, обещанные деньги ему выплатили уже сыновья Биндо.

Сразу по приезде Бенвенуто «пошел поцеловать ноги папе» Юлию III, в миру Джован Мария де Чокки дель Монте (1550–1555). Юлий III принял скульптора очень благосклонно. Бенвенуто даже завел с понтификом некие речи, «каковыми мне кажется, что я легко договорился бы с ним и охотно вернулся бы в Рим, из-за великих трудностей, которые у меня были во Флоренции». Договорить эти речи не дал явившийся вдруг флорентийский посол Аверардо Серристори. Направляясь в Рим, Бенвенуто получил от герцога рекомендательное письмо к своему послу. Ясно, что в Риме Бенвенуто был под приглядом.

Самым главным визитом для Бенвенуто был визит в Микеланджело. Бенвенуто поблагодарил его за высокий отзыв о своей работе и в самых уважительных выражениях передал приглашение герцога у него работать.

— А вы как, им довольны? — напрямую спросил великий старец.

Бенвенуто принялся напропалую восхвалять благодеяния герцога, а что ему еще оставалось — он был привязан к Козимо I намертво.

— Я занят постройкой собора Святого Петра.

— Но Флоренция ваша родина. А она сейчас управляется справедливейшим государем. Он величайший любитель искусств

и давно ждет вас. А работу в Риме вы бы могли оставить на своего помощника Урбино.

Франческо ди Бернардино д'Амадоре де Кастельдуранте по прозвищу Урбино был верный ученик Микеланджело, но посредственный скульптор.

— А мы сейчас спросим Урбино, ехать мне или нет, — со смехом сказал Микеланджело.

Урбино произнес в ответ странную «мужицкую фразу»:

«— Я никогда не хочу расстаться с моим мессиром Микеланджело, покамест или я не сдеру с него кожу, или он с меня не сдерет».

Бенвенуто оставалось только уйти. По возвращении во Флоренцию герцог велел Бенвенуто написать Микеланджело письмо, в котором сулил не только великие материальные, но и политические блага — он обещал ввести Микеланджело в Совет сорока восьми. «На это мое письмо Микеланджело так и не дал ответа, и поэтому герцог показал мне себя очень рассерженным на него».

Дела военные и мирные

Уже шла вовсю Сиенская война. Она началось в 1552 году. Жители Сиены не захотели жить под герцогом Тосканским и подняли восстание. Франция, которой всегда был нужен раздор в Италии, пришла на помощь. При поддержке Генриха II из города выгнали испанский гарнизон, и началась война с Флоренцией, которая продолжалась три года. Во главе сиенской армии встал вечный враг Козимо I Пьетро Строцци, тот самый, что десять лет назад вел галеры для войны с Англией.

Опасаясь осады, герцог велел укрепить стены и ворота города. Бенвенуто тоже принимал в этом участие. Ему были поручены «ворота Прато и ворота над Арно, что на лугу, как идти к мельницам». И Бандинелли, и Тассо, и все скульпторы и архитекторы города, разумеется, и инженеры были привлечены к укреплению стен. Бенвенуто отнесся к своей работе очень ответственно. Он даже изготовил чертеж для усовершенствования ворот над Арно, и этот чертеж был принят герцогом.

Все эти работы не снимали с него обязанности скульптора и ювелира. Работать над Персеем приходилось урывками, но главной бедой Бенвенуто было то, что он утратил расположение герцогини Элеоноры, что принесло ему большие беды. На первый взгляд все произошло из-за сущей ерунды, но снежный ком начинается с малого снежка. Со временем малая обида обросла новыми и превратилась в огромную ледяную глыбу. Однажды, когда Бенвенуто был в скарбнице, туда зашла герцогиня и показала ему очень красивое ожерелье из восьмидесяти крупных жемчужин. Бенвенуто восхитился и жемчугом, и работой.

— Мне нужна твоя помощь, — сказала герцогиня. — Я хочу купить эту нить. Расхвали ее перед герцогом, как ты умеешь.

Бенвенуто смутился:

— Государыня моя, я думал, что это ожерелье ваше, потому и хвалил его так чистосердечно. Но если речь идет о покупке, я должен указать вам на серьезные недостатки этой нити. Я вам не советую ее покупать.

— Но торговец Бернардоне просит за нее 6000 скудо. Не будь в ней недостатков, эта нить стоила бы двенадцать тысяч.

Опять этот негодяй Бернардоне!

— Государыня, уверяю вас, этот жемчуг шести тысяч не стоит. Жемчуг — всего лишь рыбья кость, он умирает со временем. Покупать надо драгоценные камни. Их четыре: алмаз, рубин, сапфир и изумруд, и они вечны.

— Но я хочу эти жемчуга, а остальное не важно, — с

раздражением сказала герцогиня. — Скажи герцогу «чуточку неправды, и благо тебе будет».

Обещанное благо выражалось в 200 скудо. Бенвенуто был в полной растерянности, ему не хотелось вставать между высокородными супругами. Но что делать? Бенвенуто понес нить к герцогу и тут, к своему ужасу, выяснил, что тот уже видел жемчуг и категорически отказался его покупать. Герцог резонно утверждал, что драгоценности мы покупаем не только себе, но и детям, а этот жемчуг хоть и крупный, но старый и с изъяном. Теперь уже герцог просил у ювелира совета.

— Бенвенуто, ты честный человек, скажи мне про это ожерелье правду.

Да пропади эти 200 скудо пропадом! Он сказал герцогу правду, но взял с него обещание не говорить о его справедливой оценке жемчуга герцогине. Сам дал слово, сам взял его назад. Герцогиня узнала об истинном поведении Бенвенуто и обиделась на него на всю жизнь. И главное, обидно, что в конце концов герцог, устав от просьб жены и докучливых, напористых уговоров негодяя Бернардоне, все-таки купил эту проклятую жемчужную нить, а герцогиня так возненавидела Бенвенуто, что он подумывал: а не бежать ли ему из Флоренции куда глаза глядят? Но не убежал. Персей его удержал.

Дальше — больше. Неприязнь герцогини к Бенвенуто возросла после случая с бронзовыми античными статуэтками. Они были найдены в округе Ареццо и попали в руки к герцогу в самом плачевном состоянии — то головы нет, то рук-ног. Герцог сам взялся их очищать, и делал это с удовольствием. Бенвенуто учил его, как с помощью маленького молоточка очищать статуэтки от земли и ржавчины. Он рвался доделывать Персея, но в этот момент герцог охладел к этой работе, он все время держал Бенвенуто при себе, а потом поручил ему реставрацию античных статуэток.

В это время во дворце Веккио достраивали новые покои, и герцог, желая уединения, велел сделать себе как бы потайную комнату, где Бенвенуто проводил за работой много времени. Путь к той комнате был сложным — через скарбницу, далее по галерее большой залы, потом множеством закоулков — и все двери, двери… Герцогиня со временем «велела запереть все эти удобства», к потаенной комнате Бенвенуто шел обходным путем, и как-то так получалось, что он все время натыкался на свою прежнюю благодетельницу. Элеонора Толедская была хронически больна, она уже не могла рожать детей, ей постоянно нездоровилось, Козимо ей изменял, и она знала об этом, а тут, куда ни пойдешь, всюду любимец мужа Бенвенуто.

— Когда же ты кончишь чинить эти статуэтки! Как ты мне надоел!

Герцогиню можно понять. В романе «Лунный камень» один из моих любимых героев (дворецкий) считает главным недостатком своей покойной жены то, что они все время сталкивались на узкой лестнице: когда он поднимался вверх, она по ней спускалась. Бенвенуто было слишком много, хотя бы в собственном доме она могла от него отдохнуть!

Сердце герцогини несколько оттаивало, когда она видела, как к Бенвенуто относятся ее сыновья. Они часто забегали в комнату, где работал мастер, наблюдали за его работой, играли там и шалили. Бенвенуто много им позволял, что с них взять — дети: Джованни было одиннадцать лет, Гарцио — семь, Фердинанду — пять. Герцог говорил скульптору: «Какая забавная дружбы у моих сыновей с тобой!» Джованни со временем стал кардиналом. На великолепной картине кисти Бронзино он, еще пятилетний, изображен вместе с матерью. Его и брата Гарцио ждет страшная судьба. Витторио Альфери, итальянский драматург, называет обстоятельства их смерти «достойными трагедии». Я расскажу об этом позднее.

Относительно четырех бронзовых антиков — Юпитера, Меркурия, Минервы и Данаи — у Бенвенуто были свои планы.

Он решил вделать фигурки в подножие для своего Персея. Это было красиво и уместно, потому что соответствовало общей идее, кроме того, у ног Данаи сидел сын — «крохотный Персейчик». Герцог тоже одобрил эту идею. Как только Бенвенуто окончил реставрацию этих фигурок, он поставил их в ряд, поставил выгодно для восприятия — чуть выше глаз. И надо такому случиться, что они очень понравились герцогине. Она уже знала, что статуэтки хотят поставить на площади, а теперь, оценив их по достоинству, искренне этому воспротивилась.

— Я хочу, чтобы эти фигурки стояли в одной из моих комнат. На площади им не место. Там они могут испортиться, поломаться, а у меня они будут в полной сохранности.

Но Бенвенуто не менял своих планов, если это касалось его творчества. Он не думал о предстоящей немилости, ему вообще было не до этого. Великое искусство превыше всего! Он дождался, когда герцогская чета отправилась верхом на прогулку, взял четыре фигурки и припаял их к уже готовому подножию в Лоджии, где стоял Персей. Он — мастер, он знает, что эти фигурки должны стоять здесь и нигде более.

Герцогиня Элеонора, конечно, не поняла идеи творца, она решила, что Бенвенуто просто своевольничает ей назло. Гнев ее был велик, она просто преградила для него вход во дворец. А как

туда попасть Бенвенуто, если герцог требует, чтобы он продолжал работать над другими античными фигурками?

Триумф

Но нет худа без добра, теперь Бенвенуто мог отдать все силы Персею. Скульптура уже стояла в Лоджии деи Ланци на площади Синьории, шла доделка. До времени фигура стояла за пологом. Герцог зашел ее посмотреть «и показал многими явными знаками, что она удовлетворяет его превесьма». С ним были знатные господа, всем скульптура тоже очень понравилась.

— Бенвенуто, у меня к тебе просьба, — сказал герцог ласково. — Прежде чем ты окончательно доделаешь скульптуру, я хотел бы, чтобы ты ради меня открыл переднюю ее сторону на площадь. Я хочу узнать, что будет о ней говорить народ. Тогда на открытом месте в твоем огороде она имела один вид, а такой вот, стесненный, может быть совсем другим.

Бенвенуто не посмел отказаться, хотя был очень раздражен. Нужно было кое-где нанести лак, не хватало золота. Он ворчал на рабочих и проклинал тот день, когда он уехал из Франции и поселился в злосчастной Флоренции, где все делается «к его ущербу».

Но за все свои переживания он был с лихвой вознагражден реакцией зрителей. Крик восторга и похвалы — вот как можно это назвать! Народу собралось очень много. За те несколько часов, когда передняя часть скульптуры была открытой, на стену двери было навешано более двадцати сонетов, «все в непомернейшую похвалу моей работе». В Пизанском университете были каникулы, школяры состязались в остроумии, поэтому похвальные стихи были и на латыни, и на греческом. Художники и скульпторы из «флорентийской школы», то есть из академии, тоже почтили Персея своим вниманием, на площади был замечательный художник Якопо Понтормо (1494–1556), и сам блистательный Бронзино почтил ее двумя сонетами, которые послал Бенвенуто на дом.

Здесь самое место сказать несколько слов об Аньоло ди Козимо ди Мариано, называемом Бронзино (1503–1572). Это был великолепный художник и поэт. Он писал фрески, картины для алтаря, аллегории, полотна на религиозные и мифологические темы, но главную славу ему принесли портреты. Во Флоренцию он приехал из Урбино в 1533 году и стал придворным художником герцога Козимо I. В 1537 году он вступил в гильдию Святого Луки и во Флорентийскую академию. В 1546–1547 годах он был в Риме, где познакомился с Микеланджело и многому у него научился. Бронзино, как и Челлини, считают основателем новой школы — маньеризма. Портреты его прекрасны, хотя

искусствоведы обвиняют художника в излишней холодности, излишнем внимании к деталям в ущерб духовной наполненности модели. А что делать, если он был мастером парадного портрета? Здесь вполне естественны и отчужденность героев его полотен, и внимание к деталям. Герцогиня Элеонора хотела быть «хорошо одетой», ее парчовые платья поражают живой роскошью, кажется, что их можно пощупать. И уже знакомый нам жемчуг украшает ее грудь, правда, я не пересчитала жемчужин.

Триумф или хождение по мукам

Персей был открыт официально 27 апреля 1554 года в четверг при огромном стечении народа. Никто не остался равнодушным к скульптуре, «все состязались, кто лучше про нее скажет». Бенвенуто был истинным героем дня.

На площади среди толпы находились два важных сицилийца, посланные во Флоренцию их вице-королем. Очарованные Персеем, они пригласили Бенвенуто в Сицилию работать, обещая ему всяческие блага. Бенвенуто с достоинством отказался:

— Я никогда не покину мое отечество, создавшее школу величайших искусств и моего государя, в любви к искусству которого нет равных. Если бы у меня была жажда наживы, я мог бы остаться во Франции, где король Франциск платил мне 4000 золотых скудо в год, но я оставил там все наработанное и уехал на родину.

Вот какие речи заставляет человека говорить тоталитарный и деспотичный режим! И Бенвенуто так искренне и простодушно об этом пишет.

Герцог наблюдал за происходящим из окна дворца, там, полуспрятанный, он стоял несколько часов, ему была приятна реакция народа. Он сказал своему камергеру Сфорца:

— Пойди к Бенвенуто и скажи ему, «что он меня удовольствовал больше, чем я ожидал, и что я его удовольствую так, что он изумится».

Бенвенуто перевел дух, работа окончена, можно отдохнуть. Он испросил у герцога разрешение проехать паломником по святым местам, ближайшим от Флоренции монастырям и воздать молитву Богу. Он писал свою книгу в монастыре, а потому никогда не забывал упомянуть о своем религиозном чувстве. Хулители Челлини сомневаются, был ли он истинно верующим человеком: мол, когда ему было тяжело, например в замке Святого Ангела, тут он обращался к Богу каждый день, а в обыденной жизни только и делал, что грешил, забывая каяться. Я думаю, что в вопросах религии он всегда искренен и в беде, и в радости.

Вернулся в город он через неделю, был встречен герцогом. И получил обещание, что завтра будет решено дело с оплатой. Бенвенуто был полон ожидания. Сколько мук было с этим Персеем, и все-таки он, как и его герой, оказался победителем. Герцог, хоть и вставлял палки в колеса, оказался истинным ценителем. Он тоже горд собой, потому что показал своему народу, что разбирается в высоком искусстве. Интересно, как

оценит его искусство этот меценат?

На следующий день Бенвенуто встретил во дворце мессир Якопо Гвиди, секретарь герцога. Он был приятелем Бандинелли, лучше всех во Флоренции разбирался в вопросах канонического права и очень не любил Бенвенуто, поэтому тот не пожалел для описания секретаря ярких красок. Он «подозвал меня своим крикливым ртом и надменным голосом и, весь подобравшись, с туловищем, как палка, словно окоченев, начал таким образом говорить»:

— Герцог велел узнать, сколько ты спрашиваешь за своего Персея?

Бенвенуто онемел. Его позвали торговаться? Не в обычае щедрых государей задавать такие вопросы художнику! Его работа бесценна, а ты дай, сколько позволяет тебе твоя щедрость.

— Его сиятельство совсем другое обещало мне два дня назад, — только и нашел что сказать Бенвенуто.

— Ты должен назвать свою цену под страхом немилости его светлости!

Вряд ли герцог поручил секретарю разговаривать с мастером столь жестко, конечно, это была его личная инициатива, но вид Якопо Гвиди, этой «ядовитой жабы», и наглый его тон привели Бенвенуто в ярость:

— О какой цене вы говорите? Если бы герцог заплатил мне за Персея и 10 тысяч золотых скудо, то и тогда не оплатил бы полностью мой труд. Этот разговор для меня унизителен. Знай я, что к этому придет, никогда бы не связался с этой работой.

Дальше пошла длинная словесная перепалка, полная взаимных оскорблений. Знаток канонического права умел ругаться как простолюдин, про Бенвенуто и говорить нечего. В этот же день все стало известно герцогу. Он позвал Бенвенуто и сказал ему гневно:

— За 10 тысяч скудо можно построить целый город.

— Ваша светлость найдет для этого самых разных работников, а для того, чтобы изваять второго Персея, вы не найдете никого.

Можно было бы возразить: а Микеланджело? Но великий мастер был уже стар, все это Бенвенуто провертел в голове. Дерзкий был ответ, что и говорить. Более того, Бенвенуто, не дожидаясь ответа герцога, ушел прочь. Что бы там ни писали про Козимо I, из нашего далека видно, что «тирания» в Италии была значительно мягче, чем, скажем, в Испании или Англии, не говоря уж о России. У нас на престоле был великий царь Иван Грозный.

Прошло несколько дней, и неожиданно для Бенвенуто его

призвала герцогиня Элеонора. Наверняка ее развлекала склока между мужем и его строптивым скульптором. Она предложила Бенвенуто свою помощь, чтобы уладить размолвку. Каким образом она обещала это сделать, Бенвенуто не сообщает. Одно известно, герцогиня обещала, что он получит 5000 скудо.

— Я никогда не просил большей награды, чем благоволение его светлости, — ответил Бенвенуто. — Если его светлость дал бы мне за Персея все лишь одну крацию, то есть пять квартино, за труды, то я считал бы себя удовлетворенным, лишь бы великий герцог не лишил меня своего благорасположения.

Он отказался от предложения герцогини, но своими смиренными словами он никого не обманул. Герцог увидел в них не смирение, а непомерную гордость и наглость. Позднее Бенвенуто узнал, что, пытаясь оценить работу над Персеем, герцог запросил мнение Бандинелли. Тот поломался для приличия: мол, он в раздоре с автором, негоже ему судить об этой работе, но потом все-таки назвал цену — 18 тысяч золотых скудо. Ох, как это не понравилось герцогу!

Дошли до Бенвенуто и другие слова его светлости: «Меньше чем за два квартино я выброшу Персея вон. Таким образом мы сразу окончим все разногласия». Бенвенуто понял, что это не простая угроза, в гневе Козимо I был страшен, пора было искать пути примирения. В это время он был дружен с неким Джироламо дельи Альбиции, который принадлежал к скерани — личной полиции герцога. Бенвенуто называет его «комиссаром войска герцога». Этот «комиссар» и пообещал Бенвенуто вернуть расположение Козимо. Альбиции был умелый воин, смелый солдат, но он ничего не понимал искусстве. Альбиции «составил письмо», вернее сказать, бумагу, в которой была назначена сумма в 3000 золотых скудо, и деньги эти назначались Бенвенуто не конкретно за Персея, а как некоторое содержание. Герцог охотно подписал эту бумагу, Бенвенуто был полон разочарования, но дело было сделано. Герцогиня при встрече откровенно посмеялась над ним — сам виноват, со мной ты получил бы больше!

Герцог распорядился, чтобы Бенвенуто выплачивали каждый месяц по 100 золотых скудо до окончательной выплаты всей суммы. Эта обязанность была возложена на казначея Антонио де Нобили. Несколько месяцев Нобили платил аккуратно, потом сумма убавилась вдвое, потом стали платить по 25 скудо. Пришло время, и этот ручеек совсем пересох. Бенвенуто потребовал объяснений и с легкостью их получил: шла война, казна была пуста, будут деньги, будем опять платить. Так и отпускали деньги по капле. Нобили умер, за герцогом остался долг в 500 скудо.

Бенвенуто писал эти строки в 1566 году. Одиннадцать месяцев не хватило Козимо, чтобы расплатиться за эту работу. Этот остаток за Персея Бенвенуто так и не получил.

Теперь мне хотелось бы дать право голоса нашему лучшему специалисту по эпохе Возрождения — А. К. Дживелегову: «Персей — лучшее произведение Челлини. Его открытие было настоящим праздником для Флоренции. Герцог Козимо попросил Бенвенуто еще до того, как статуя была окончательно готова, открыть ее на полдня, чтобы публика могла высказать свое первое впечатление. Впечатление было огромное. Толпа, теснившаяся перед статуей, громко ее хвалила….

А когда статуя была открыта окончательно, восторги сделались еще более бурными. Герцог, спрятавшись за драпировками окна, выходящего на площадь, слушал, что там говорят, и остался так доволен, что обещал щедро вознаградить Бенвенуто. Правда, потом ему стало жалко. Но огромное общественное возбуждение, вызванное Персеем, еще раз показывает, какое место в жизни Флоренции занимало искусство и насколько Бенвенуто чувствовал нерв своей эпохи, требуя к художнику особенного отношения.

Бенвенуто, несомненно, сильно преувеличил восторги, вызванные Персеем. Мы доподлинно знаем… что сонеты не все были хвалебные, что были ругательные. Но общий приговор о Персее был одобрительный. Теперь отношение к нему несколько иное. Правда, первое впечатление и сейчас огромное. Нужно сказать, что Козимо и Бенвенуто знали, где его поместить. Стоит Персей так, что и более слабая вещь должна была действовать сильно. Он стоит под левой аркой Лоджии Орканьи, с фасада, и виден отовсюду с огромной площади Синьории. Он бросается в глаза раньше, чем другие статуи, стоящие в Лоджии и вдоль дворцового фасада».

Добавлю только, что сейчас в Лоджии стоит копия Персея, а сама скульптура находится в Национальном музее Флоренции.

«Поза Персея на первый взгляд представляется по-настоящему смелой и энергичной и сразу как будто захватывает, особенно издали, если входить на площадь с Via Calzaioli.

Да и вся статуя кажется лучше, чем в действительности. Более близкий и внимательный осмотр обнаруживает ее недостатки очень скоро. Статуя хорошо задумана, но не почувствована: она холодна и безжизненна. Торс Персея жидок по сравнению с руками и ногами, в которых микеланджеловская мускулатура. Но, несмотря на мощность ног, они поставлены так, что живой человек не простоял бы и четверти часа. Голова удивительно красива, но испорчена вычурным шлемом. Голова

Медузы совершенно незначительна. Тело ее для облегчения отливки положено на пьедестал — чересчур тесный — в таком скрюченном виде (ноги подогнуты, левая рука вцепилась в щиколотку левой ноги, правая рука свесилась), что вот-вот скатится с него. Персею, который стоит на теле Горгоны, поэтому очень трудно держаться свободно. Влияние Микеланджело видно не только в утрированной моделировке мускулатуры, а во всем, но в то же время видно, какой Микеланджело опасный вдохновитель для художников, не обладавших ни его талантом, ни его душою. Бенвенуто не мог вложить в свою статую идею, потому что в его нелепой голове идеи не рождались. Но он не сумел вдохнуть в нее и темперамента, которого в нем было сколько угодно. Ему хотелось дать в Персее нечто чужое: terribilita своего учителя, и статуя оказалась лишенной всего, что может сообщить ей биение жизни.

Насколько восковая модель Персея в Барджелло лучше, чем статуя! Она вообще прекрасна без всяких оговорок: пропорции тела вернее, положение естественнее, вся фигура несравненно проще, изящнее, живее. Легкий изгиб упругого юношеского тела и наклон головы полны выразительности. Шлем совсем простой и надет просто. В модели есть настроение и виден замысел: Персей только что отрубил голову Медузы, схватил ее за волосы и высоко поднял левой рукой, а сам задумчиво смотрит, наклонив голову, как кровь густым потоком льется из перерубленной шеи. В другой модели, бронзовой, пропала легкость, непосредственность и выразительность фигуры. Изгиб тела исчез, голова потеряла свой наклон, ноги стали по-другому, неустойчиво. То, что придавало убедительность восковой фигуре, улетучилось безвозвратно. Но в бронзовой модели сохранились еще юношеские формы. В статуе отяжелели и они.

Вся статуя целиком показывает, что создавал ее ювелир, захотевший тягаться с Микеланджело».

У швейцарцев есть пословица: «Я уважаю ваше мнение, но остаюсь при своем». Я не видела восковой модели, но бронзовый Персей мне очень нравится, очень. А вот еще отзывы наших соотечественников: «Декабрьский туман окутывает площадь; под сводами Лоджии Ланци сижу я, вслушиваясь и вглядываясь в набежавшие воспоминания. Передо мной силуэт Персея с головой Медузы, режущий остриями своих форм мглу, как вспорхнувшая ласточка. За ним уже в смутных силуэтах распластавшийся площадью фонтан. Все изработано вокруг меня шалостями и трудами мастеров» (К. С. Петров-Водкин). Бенвенуто сказал бы — ах, не дали мне «изработать» фонтан!

А вот Гумилев:

Пускай велик небесный Рафаэль,
Любимец бога скал, Буонарроти
Да Винчи, колдовской вкусивший хмель,
Челлини, давший бронзе тайну плоти.

Прочти Бенвенуто эти стихи, он был бы счастлив.

Смута вокруг мрамора

В «Жизни…» Бенвенуто читатель сразу после Персея переносится в 1559 год. Три с лишним года автор выбросил из своего жизнеописания — что, где, когда? В 1555 году кончилась война с Сиеной, гордый город был окончательно присоединен к Тосканскому герцогству. Были большие празднества. Козимо I был счастлив, а для Бенвенуто это были трудные времена. Есть сведения, что он угодил в тюрьму. За что был посажен? Версии две. Первая — опять неуправляемый его нрав взял верх, и он жестоко избил ювелира, мастера золотых дел. Версия вторая — обвинение в содомии. Неизвестно, кто был обвинителем; может быть, та самая пройдоха Гамбетта, мать юного Ченцо, но не исключено, что кто-то другой. Мы даже не знаем, удалось ли ему на этот раз оправдаться. Дживелегов пишет, что, судя по количеству сонетов, им написанных в тюрьме, Бенвенуто пробыл там довольно долго.

Известно, что в 1558 году Бенвенуто ушел в монастырь и принял постриг. Там он и начал надиктовывать свое бытописание. Но через год он уже испросил у церковных властей освобождение от обетов. Дживелегов с большим скепсисом пишет о религиозном чувстве Бенвенуто. Конечно, он основывается на «Жизни…» Бенвенуто, но любая оценка зависит еще и от «погоды за окном». Труд о Челлини издан Дживелеговым в 1929 году. Тогда все вокруг были атеистами, все прославляли республиканцев, борьбу за свободу и независимость, ненавидели тоталитаризм и всех Медичи поголовно. Странно оценивать Возрождение с точки зрения классового подхода, тем более что у нас еще только началась коллективизация, тоталитаризм, казалось, к нам не имел отношения, до 37-го жить и жить, и вера в победу коммунизма была несокрушимой.

Я думаю, что Бенвенуто пошел в монастырь, устав от подлости людской, надо было дух перевести. В монастыре трудился, именно там он начал делать работу не на заказ, а для себя, для души. Это был крест из черного мрамора, на нем распятый беломраморный Христос, «величиной оно (распятие)

как большой живой человек».

Вернувшись в мир, он продолжил работу над крестом и загодя начал договариваться с церковниками, где она будет стоять. Вначале он решил установить распятие в доминиканской церкви Санта-Мария Новелла, монахи с радостью приняли этот дар. Бенвенуто даже крюки в стену вбил. Теперь предстояло договориться о главном. Под ногами распятия в земле Бенвенуто хотел установить «небольшой ящик, чтобы войти в него, когда умру». Тут монахи засомневались.

Церковь Санта-Мария Новелла была одна из наиболее почитаемых во Флоренции. Она была украшена дивными произведениями искусства, фрески там писали несравненный Доменико Гирландайо и Филиппино Липпи, там были «Троица» Мазаччо, надгробная плита работы Гиберти и деревянное распятие самого Брунеллески, автора купола Санта-Мария дель Фьоре. Одно дело — дар Бенвенуто присоединится к этим шедеврам, но совсем другое — принять в этом святом месте прах автора. Он не был достаточно знатен и богат для такой чести, а его репутации никак не тянула на звание святого.

— Прежде чем дать согласие, — сказали монахи, — мы должны посоветоваться со старостами церкви.

— Но, братья, — обиделся Бенвенуто, — почему же вы не спросили старост, можно ли мне поставить у вас мой крест?

Старосты дали согласие на «небольшой ящичек в земле», но было поздно. Бенвенуто уже решил отдать свое распятие в церковь делла Нунциата. Там все с готовностью разрешили устройство гробницы, «как мне думается и нравится».

«В это время большой мрамор для Нептуна был привезен по реке Арно…» Мрамор этот ждали давно, гигантская фигура морского бога должна была украсить фонтан на площади Синьории. Мрамор был заказан для Бандинелли. Бенвенуто отчаянно завидовал, но даже себе не мог в этом признаться. Он только говорил, что, «движимый жалостью к этому злополучному мрамору», он желает избавить его, мрамор, от «очевидного зла» — ведь испортит его Бандинелли, он ничего не понимает ни в анатомии, ни в красоте. Бенвенуто пошел к герцогу, состоялся трудный разговор. Герцогиня при нем присутствовала, выражая всяческое негодование из-за претензий Бенвенуто. Спасибо хоть за то, что герцог его выслушал.

— Наша благородная школа стала «преискусной единственно тем, что заставила состязаться всех искусников в их художествах», поэтому появился купол в соборе, «Двери в рай» Санто-Джованни и разные скульптуры, не имеющие себе равных.

— Но уже двадцать лет прошло, как я велел добыть этот

прекрасный мрамор для Бандинелли! — воскликнул герцог.

Не торопился Козимо I выполнять свои обещания, время ушло, Бандинелли было уже семьдесят два года. Эта работа была просто ему не по силам. Бенвенуто был настойчив и таки уговорил герцога.

— Ступай, Бенвенуто, и сделай модель Нептуна. Если она будет лучшей, ты получишь этот мрамор.

Бенвенуто сделал два варианта, герцог выбрал лучший. Доброжелатели донесли Бенвенуто разговор герцога с кардиналом Гвидо Асканио. Тот вез из Рима для сына герцога Джованни кардинальскую шапку. По дороге Гвидо Асканио увидел прекрасный мрамор и спросил:

— Кто же будет его обрабатывать?

— Бенвенуто, — ответил герцог, — он сделал прекрасную модель.

Чтобы умилостивить герцогиню, Бенвенуто сделал ей множество самых разнообразных «вещиц моего художества». Он даже показал ей почти готовое распятие и сразу стал расхваливать свою работу и жаловаться на то, сколько сил и денег он на нее истратил.

«— Я купил эти мраморы (черный и белый) на свои деньги и держал молодца около двух лет, который мне помогал; и с мраморами, и с железами, на которых оно укреплено, и с жалованьем оно мне стоило более 300 скудо; так что я не отдал бы его за 2000 золотых скудо, но если ваша высокая светлость желает мне сделать наидозволеннейшую милость, я ей охотно поднесу его и так…»

Но герцогиня оставалось верной своему скульптору, то бишь Бандинелли. И тут сама судьба вмешалась в распрю. В феврале 1560 года Бандинелли умер, видимо внезапно. Если бы он долго болел, то вряд ли ему доверили делать Нептуна. Бенвенуто в меру недоброжелательно пишет, что Бандинелли, прослышав про его распятие, тут же принялся делать мраморное Снятие с креста, но смерть не дала ему окончить эту работу. Тем не менее неоконченная Пьета его была установлена в часовне Пацци при церкви Сантисимма Аннунциата. Герцогиня сказала, что помогала Бандинелли при жизни, поможет и после смерти, и Бенвенуто никогда не получит мрамора для Нептуна. Так и получилось. Гиганта поручили делать скульптору и архитектору Бартоломео Амманнато.

Когда Бенвенуто узнал об этом, он воскликнул: «О, злополучный мрамор! Правда, что в руках Бандинелли ему пришлось бы плохо, но в руках Амманнато ему придется в сто раз хуже». Тем не менее он продолжал работу над Нептуном: сделал

деревянный костяк, на который следовало наложить глину, уже стал работать над головой гиганта. Мысль была — главное, сделать хорошо. Герцогиня ненавидит его, но «она особа умная» и поэтому хотя бы пожалеет, что «учинила мрамору такую обиду», отдав его в другие руки. Работал Бенвенуто в Лоджии, поэтому еще была мечта — показать оконченную работу народу. Амманнато покровительствовал Вазари, помогал ему и советом, и делом, и связями при дворе. Герцог посмотрел на то, что успел сделать Амманнато и пожелал также взглянуть на работу Бенвенуто. Она ему понравилась, выходило, что, пока скульпторы работают с глиной, вопрос с мрамором еще не решен.

— Бенвенуто, тебе осталось придать ей последний лоск, — сказал герцог про фигуру Нептуна.

Но на этот счет есть и другие сведения. Например, Леоне Леони (напоминаю — прекрасный ювелир, скульптор и каторжник на галерах) в письме к Микеланджело пишет, что Нептун у Бенвенуто — явная неудача. Сам Бенвенуто считает, что получить прекраснейший мрамор ему помешала его злосчастная судьба. Он заболел, точнее говоря, был отравлен.

Бенвенуто купил мызу у некоего Пьермарии д'Антериголи по прозвищу Збиетта. «Ремеслом он был пастух», но при этом был старшиной в Пеши, а главное — близким родственником Гвидо Гвиди, врача и старого друга. Гвидо давно оставил Францию и стал придворным врачом герцога. С Бенвенуто он по-прежнему дружил, поэтому наш герой и «открыл уши» перед Збиеттой, не подозревая, что имеет дело с мошенником.

Мыза и ручей были куплены «на срок естественной жизни», то есть, как я понимаю, без права наследования. Бенвенуто заплатил Збиетте 600 золотых скудо, а тот должен был обеспечивать нового хозяина сельскохозяйственными продуктами — козлятами, каплунами, вином, зерном, овсом, каштанами, маслом и т. д. Договор был составлен нотариусом по всем правилам.

Збиетта честно исполнял свои обязанности и все звал Бенвенуто приехать посмотреть свою новую мызу у ручья, а тому все было недосуг, работа над Нептуном занимала все время. Наконец, приехал и был великолепно принят Збиеттой и его женой. Пробыл на мызе он три дня, а на обратном пути после сытного обеда его стало, как говорится, выворачивать наизнанку. «Ночью, чувствуя, что у меня жжет седалище, я хотел посмотреть, в чем дело; оказалось, что тряпка вся в крови». Тут ему на память пришло, как уговаривала его хозяйка съесть очень вкусную приправу к мясу, а приправу эту приготовили специально для него. Ясное дело — он отравлен, и тому было много

подтверждений. «Срок естественной жизни» покупателя окончился, а жулик Збиетта здесь вроде бы и ни при чем.

Бенвенуто обратился к врачам, и те подтвердили: его отравили сулемой, и вообще чудо, что остался жив. Болезнь заставила его лечь в постель. Кишечник был совершенно испорчен. «Они (врачи) меня усердно лечили больше шести месяцев; и больше года я провел, прежде чем смог пользоваться жизнью».

История с мызой у ручья тянулась долго, и деньги назад Збиетта не хотел отдавать, и от мызы не было никакого проку. Заключались новые договоры, Бенвенуто сдал «этому мошеннику» мызу в аренду. Навара от этой сделки было очень мало. Бенвенуто умел зарабатывать деньги, умел их считать, но не умел разумно тратить. Бизнес — не его сфера деятельности.

Историю о покупке мызы и про сулему в приправе Бенвенуто рассказал герцогу. Он не жаловался на судьбу, он только хотел объяснить, почему не успел окончить к сроку большую модель Нептуна. В своем рассказе Бенвенуто даже позволил себе шутку, представив свою болезнь если не в комическом виде, то с легкой насмешкой над собой, вспомнив мудрую пословицу: «Пошли нам, Боже, беду для нашей пользы».

— Я не прошу наказать Збиетту за отраву, — сказал он, — его надо за это благодарить, потому что он дал мне яду ровно столько, чтобы не убить, а очистить мой желудок от скопившейся в нем «смертоносной липкости». Если бы я не очистился, то умер бы через три-четыре года, а так я надеюсь прожить еще двадцать лет.

Бенвенуто ошибался, жить ему осталось ровно десять лет, но он был прав в том, что хотел с пользой провести оставшиеся годы. Это, собственно, и было главной темой разговора: отпустите меня, ваша светлость, на волю, чтобы, пока годен, сделал бы что-нибудь стоящее. Герцог ничего не ответил, но на следующий день через секретаря передал:

— Если вы, Бенвенуто, и впрямь хотите увольнения, вы его получите. Но если вы хотите остаться работать во Флоренции, «то он поставит тебя на работу, лишь бы вы могли сделать столько, сколько герцог даст вам сделать».

Это значило, работать быстро и точно исполнять желание Козимо, но это было также и обещание достойных заказов. Конечно, Бенвенуто остался.

В октябре 1560 года герцог Козимо I «совершил въезд в Сиену». Амманнато был послан туда заранее для устройства триумфальной арки. Бенвенуто остался во Флоренции. Тут он вдруг узнал, что с его Нептуна, который стоял в Лоджии, сын

Аннаннато велел снять полотна, которыми была прикрыта недоделанная модель. Это означало одно — ему не дадут дальше работать. Бенвенуто пошел жаловаться к принцу Франческо, у них всегда были хорошие отношения. Принц выслушал Бенвенуто и обещал ему помощь. Мастеру хотелось окончить большую модель Нептуна и вместе с маленькой преподнести ее в дар герцогу. Сделал ли Бенвенуто этот подарок и что дальше произошло с большой моделью Нептуна, совершенно неизвестно.

«Жизнь…» и «Жизнеописание…»

Дживелегов любит давать характеристики ярких личностей в сравнении, например: Кастильоне — Аретино, очень разные писатели, или в тандеме: Аретино — Челлини. Он находит в характере их и восприятии действительности общие черты. Мне хочется сравнить двух представителей Возрождения, совершенно разных по сути, но связанных временем, местом, профессией и хобби (писательством), — Вазари и Бенвенуто Челлини. Время показало, что главная их заслуга перед искусством — оставленные после себя книги, наиболее востребованные потомками из всей длинной череды писателей их эпохи. Это «Жизнь Бенвенуто, сына маэстро Джованни Челлини, флорентийца, написанная им самим во Флоренции» и «Жизнеописание наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих». В этом основное сходство Бенвенуто и Вазари. Время просеивает великих через очень мелкое сито, кто мог вообразить в XVI веке, что пройдет триста и более лет, и эти двое будут наиболее востребованы, а удел профессионалов от литературы — место на полке в библиотеке, к которой тянутся в основном руки студентов и литературоведов.

О Челлини уже все сказано, остановимся подробно на Вазари. Он родился в 1511 году в Ареццо, в семье горшечника, Vasari — отсюда и фамилия. Сам он называет отца художником, наверное, тот не был лишен вкуса и профессиональной сноровки, глиняная посуда тоже может быть произведением искусства. Семья была не из бедных, но отец рано умер, на руках остались братья и сестры, так что в юности Вазари пришлось испытать на себе тиски настоящей нужды.

Но он успел получить хорошее гуманистическое образование. Что касается профессионального образования, то он начал обучаться чуть ли не в двенадцать лет. Первым учителем стал француз Гильом де Марсилья, он расписывал стекла в церкви Ареццо. Потом юноша попал во Флоренцию, здесь уже учителями стали Баччо Бандинелли, Андреа дель Сарто и Микеланджело. Во Флоренции Вазари заручился покровительством двух братьев — Алессандро и Ипполито Медичи.

В 1531 году Вазари приехал в Рим с рекомендациями к Ипполито Медичи, но выяснилось, что путь до Ипполито был сложным. Тогда-то он и попал в мастерскую Челлини. Бенвенуто не без злорадства пишет о том времени. В 60-е годы все поменялось, Бенвенуто без работы и без денег, а Вазари в большой чести при дворе, богат и знатен и при этом вставляет

Бенвенуто палки в колеса, поддерживая своего прежнего учителя Бандинелли. Но, вспоминая, как он явился во Флоренцию к герцогу Алессандро и встретил холодный прием, а оказалось, что виновник этого холодного приема «болтун и злопыхатель» Вазари, Бенвенуто «вонзает ему в бок нож», правда, на этот раз нож сделан из бумаги.

«Эту скверную услугу оказал Джорджетто Васселларио, аретинец, живописец, быть может, в награду за столько благодеяний, ему оказанных; ибо я содержал его в Риме и давал на расходы, а он поставил мне верх дном весь дом; потому что на руках у него была такая сухая проказочка, которая извела ему руки вечным чесанием, и когда он спал с одним славным подмастерьем, который у меня был, которого звали Манно, думая, что он чешет себя, он ободрал ногу сказанному Манно этими своими грязными ручищами, на каковых он никогда не стриг ногтей. Сказанный Манно взял у меня расчет и хотел его убить во что бы то ни стало; я их помирил, потом я устроил этого Джорджо к кардиналу де Медичи и всегда ему помогал».

И еще добавлю: упрекая Вазари в нечистоплотности (ну чесотка, бывает), он ни в коем случае не обвиняет его в сожительстве с Манно. Даже в больницах пациентов укладывали по двое в кровать, а в мастерской случалось и трое делили одну постель. Упомянутый Манно — флорентийский ювелир Манно Сбарри — приятельствовал с Вазари всю жизнь. Сам Вазари, хоть и недолюбливал Челлини, относился к нему гораздо лучше и терпимее. У него вообще был легкий характер, он умел сходиться с людьми, был оптимистичен по натуре и не умел долго хранить злобу.

Рим не принес Вазари успеха. Ипполито Медичи вскоре уехал воевать. Вазари вернулся во Флоренцию ко двору герцога Алессандро, но в 1537 году герцог был убит. Вазари было двадцать пять лет, опять надо было искать работу. Он объездил всю Италию, много работал и всегда учился, это было у него в крови. Он много писал фрески в Болонье, занимался живописью, пробовал даже осваивать ювелирное искусство. Круг его знакомых — это гуманисты, уважаемые и образованные люди. Когда он появился при дворе герцога Козимо I, у него уже были имя и связи. Со временем он стал дворянином, то есть «рыцарем св. Петра», важным придворным, богатым землевладельцем и автором великой книги.

Вот как характеризует его Дживелегов: «Вазари достиг своего положения упорным трудом — ибо трудоспособности и технической сноровки у него было больше, чем таланта, — умением приспосабливаться и ладить с власть имущим,

искательством, лестью. Вазари знал своего клиента и умел ему угождать, ему не хватало уверенности в себе, которая дает право навязывать свои художественные замыслы заказчику, каким бы он ни был. В нем не было ни гордого духа, ни достоинства артиста И, как все люди второго сорта, Вазари терпеть не мог художников, которые держали себя независимо, вроде того же Челлини…»

Теперь о книге. Вряд ли, начиная «Жизнеописание…», Вазари думал, что не просто пишет новеллки-биографии, а выполняет некую миссию. Начало работы над книгой можно отнести к 1543–1544 годам. Первый раз «Жизнеописание…» — 133 имени — было опубликовано в 1550 году, через восемнадцать лет — в 1568 году — вышло второе издание, переделанное и дополненное, в нем уже 161 имя.

Дживелегов считает, что середина чинквеченто — это время подведения итогов. Видимо, люди чувствовали, что входят в новую эпоху. «Расцвет историографии был откликом этих ощущений. История — так, как она тогда писалась, — представляла собой один из литературных приемов подведения итогов. Историзм вообще становился чрезвычайно популярным способом отношения к действительности, потому что означал бегство от всякого рода прямых оценок настоящего момента и от опасных прямых изысканий. Наконец, при некотором специфическом отношении исторические сочинения могли принести и большие выгоды».

Так и хочется вставить здесь словечко про наше время. Самые горячие передачи на ТВ (а это «наше всё») — это прямое «бегство от всякого рода прямых оценок настоящего момента и от опасных прямых изысканий». Бесконечные обсуждения и споры вокруг Грозного, Петра Великого, Ленина — Сталина, Троцкого и Распутина похожи на склоку в коммуналке. Так и хочется крикнуть: «Милые, выгляньте в окошко!»

Но как говорил Довлатов: «Выровним направление беседы».

Про историю Италии, ее областей и городов было много написано, но искусство — один из главных двигателей Возрождения — было обойдено вниманием. И Вазари взялся за эту работу. Вначале это были разрозненные записки о художниках, которые давно ушли из жизни, чьи работы были забыты, про даты и говорить нечего, но, по счастью, имелись люди, которые вели дневники. От Гиберти остались «Комментарии», всего их было три. Вазари больше всего помог третий труд по истории треченто. У Джовио были личные записки по вопросам искусства.

В процессе работы над книгой сам собой выстроился ее

общий замысел. Античность погибла, но живым было искусство «греков», то есть Византии. Их фрески, мозаики, иконы были прекрасны. Прекрасны, но примитивны, в них не было знания анатомии, не было изящества и тонкости — так рассуждали в XVI веке. Всей книгой Вазари утверждается мысль, что искусство в течение этих 200 лет неукоснительно совершенствуется, то есть в нем было три стадии: несовершенная, совершенствующая и совершенная, в этом и состоял смысл Возрождения. Пройден путь от «несовершенных»: например, Чимабуэ и Джотто, к совершенствующимся: Боттичелли и, ну скажем, Мантеньи, а далее к вершине, на которой богами искусств восседают Микеланджело, Рафаэль и Тициан. Они, последние, сказали главное и окончательное слово. Искусство кватроченто, с точки зрения чинквечистов, было искусством этих гигантов. Недаром Вазари в своем «Жизнеописании…» отдал Микеланджело в пять раз больше места (по страницам), чем Леонардо да Винчи. Последний безусловно хорош, но ведь он в угоду постоянным экспериментам очень мало художественных работ довел до конца.

Искусствоведы единогласны в том, что Вазари не ученый, а писатель. Науки в его «Жизнеописании…» столько же, сколько в «Бытии святого Николая-угодника». В книге нет ссылок на источники, много неточностей. Ему помогали в работе не только с фактическим материалом, но «причесывали текст», делая его более «литературным». Вазари обвиняют в плагиате, но такого понятия вообще не было в XVI веке.

Его «Жизнеописание…» — это, по сути дела, сборник документальных новелл-биографий с очень вольной трактовкой. Жизнь художников надо было ограничить рамкой — рождение и смерть. Но к сухой цифре необходимо добавить подробности, которые Вазари бестрепетно придумывал сам. А. Эфрон: «Среди приемов Вазари есть типические, которые он не боится повторять. Ему нравится, например, поднимать своих героев из ничтожнейшего состояния. Поэтому мотив пастушонка, ставшего великим художником, мы встречаем в «Жизнеописаниях» Джотто, Мантеньи, Кастаньо, Бекафуми, Сансовино…»

Но в смерти Вазари очень разнообразен. А. Эфрон: «Особенно любопытно роскошество его знаний о причинах смерти художников. Каллаб насчитал пятьдесят имен, которым Вазари позаботился дать точный повод для кончины: одним — насилие, другим — болезнь, третьим — чрезмерный труд, четвертым — неосторожность, пятым — зависть и т. д. Джироламо да Тревизо Чекко, Морто да Фельтро умирают у Вазари на войне, Доменико Венециано, Липпро Липпи, Корреджо, Пеллегрино де Модена, Полидоро погибают от убийства, Мазаччо, Фра Филиппи,

Перуцци — от отравления ядом, Джоттино — от воспаления легких, Джованни да Понте — от чахотки, Филиппино — от ангины, Эрколе де Роберти — от пьянства, Вероккио и Бенедетто до Ровеццано — от простуды за работой и т. д.».

Не скорбишь, а веселишься, читая этот список, и думаешь, сколько имен уместилось в «Жизнеописании…», сколько людей с их творениями не канули в Лету, память о них осталась. Понятно, почему книга Вазари есть «неоценимый вклад» и «величайший памятник истории итальянского искусства». Свою биографию Вазари тоже, разумеется, поместил в книге, к себе он относится очень уважительно, можно даже сказать — слишком. Со временем текст «Жизнеописаний…» проштамповали комментариями, и никто не обвиняет автора в откровенном вранье, а если и высказывают нарекания, то любовно, уважительно и даже с некоторой долей умиления.

Иначе обстоит дело с книгой Бенвенуто Челлини. «Жизнь…» уже отнесли к классике эпохи Ренессанса, но самому автору явно не доверяют, сочувствуют, да, но общее настроение — мало ли какую судьбу может сочинить себе безмерно хвастливый и необузданно тщеславный человек! Персей прекрасен, спору нет, солонка — чудо, а книга — чистой воды беллетристика. И не забывайте — автор убийца! Но люди давно придумали понятие «дуэль», и откровенные убийства были не только узаконены, но снабжены чуть ли не рыцарской доблестью. Дантес-то не посредственного ювелира убил, а Пушкина — и ничего, его даже совесть не мучила. А ведь уже и век Просвещения пережили, и сам гуманизм вывернули наизнанку, придав ему новое значение.

А стиль «Жизни…»? Бенвенуто ведь тоже хотел, чтобы его рукопись откорректировали, придали ей «достойный вид». Он давал читать текст друзьям. Мастер слова Варки прочитал и вернул рукопись в том же виде, заявив, что править ее — только портить. Вот отрывок из его письма к Варки: «… ваша милость мне говорит, что эта простая речь о моей жизни больше вас удовлетворяет в этом чистом виде, нежели будучи подскобленной и подправленной другими, что показалось бы не настолько правдой, насколько я писал…»

Возьмем Кастильоне за образец. Он ведь как писал: «Каков же будет, о, Амур святейший, тот смертный язык, который в состоянии достойным образом воздать тебе хвалу! Ты — прекраснейший, добрейший, мудрейший! Ты происходишь от красоты, от добра, от мудрости божественной: в ней пребываешь, к ней, через нее, как в некий круг, возвращаешься. Ты, сладчайшая цепь мира, связь между небесным и земным, мягко склоняешь высшие добродетели к управлению низшими и,

обращая дух смертных к его Началу, соединяешь его с ним. Ты собираешь воедино элементы согласия. Ты побуждаешь природу творить, а то, что рождается, — развиваться в жизни. Вещи разъединенные связуешь, несовершенным даешь совершенство, несходным — сходство, враждебным — дружбу, земле — плоды, морю — покой, небу — свет жизненный. Ты — отец истинных наслаждений, изящества, мира, кротости, доброжелательства, враг грубой дикости, невежества, в целом начало и конец всякого блага. И так как ты любишь обитать в цветке прекрасного тела и в душе прекрасной и оттуда иногда показываться немного глазам и умам тех, которые достойны тебя видеть, то я думаю, что сейчас, здесь, среди нас — твоя светлица. Поэтому соблаговоли, Господи, услышать наши молитвы, влейся в наши сердца, блеском твоего священного огня освети наши потемки и, как надежный проводник, в этом слепом лабиринте укажи нам истинный путь».

А Бенвенуто писал: «Собака черная, как ежевика», или герцогиня «подняла неописуемый крик изумления», или «я был хорошо защищен кольчугой и наручами и со своей шпажкой сбоку и кинжалом быстро пустил себе дорогу под ноги», или «феррарцы народ жаднейший, и любо им чужое добро, каким бы способом им ни удалось его получить», или «долг человеческих тварей помогать друг другу», или «отдавшись в добычу гневу», или «я вынужден был взяться за свой кошелек, желая, чтобы моя работа шла немного больше, чем шагом» и т. д.

Франческо Фламини пишет: «Немногие собрания новелл содержат в себе такое изобилие своеобразных вымышленных типов, портретов и силуэтов, созданных в подражание действительности, сколько автобиография Челлини подобрала — я почти готов сказать: подглядела — в реальной жизни. В ней все изображено с такой четкостью линий и контуров, как если бы автор пользовался своим родным искусством, рисунком».

А вот Дживелегов: «И этот язык делает чудеса, когда Бенвенуто ломает его всячески, чтобы передать то, что красочной, пластичной чередой теснится в его памяти и просится на бумагу. Видения прошлого передаются так, как они когда-то запечатлелись в том удивительном фильтрующем аппарате, каким был глаз Бенвенуто. То был глаз ювелира, привыкший запоминать мельчайшие и сложнейшие рисунки — какие его интересуют, не иные. А интересует его, главным образом, если не исключительно, то, что касается его самого. Остального он просто не видит, как не видел Альп, Венеции, Неаполитанского залива. К счастью для потомства, вещей, интересующих Бенвенуто, в жизни XVI века оказалось довольно много».

Мой пересказ книги Бенвенуто сродни желанию напеть

вчерашний концерт Карузо. Но призываю: прочтите текст Бенвенуто в переводе Лозинского. Для человека, понимающего, что инструмент писателя — слово, чтение это будет истинным удовольствием.

Дживелегов: «Как все люди с мелкой душой, Вазари был необыкновенно тщеславен…. Он был целиком человеком герцога Козимо, его верным слугой, его поклонником, его панегиристом». Не в тщеславии дело. Бенвенуто тоже был необычайно тщеславен, но сам Вазари характеризует его как «…художника во всех своих делах гордого, смелого, быстрого, крайне живого и неистового человека, даже слишком хорошо умевшего говорить правду в глаза сильным мира сего и с таким же успехом, с каким он умел в искусстве пользоваться своими руками и своим талантом…».

Микеланджело тоже «умел говорить правду в глаза сильным мира сего», но в отличие от Бенвенуто он категорически отказался служить тирану Козимо. А уж как Вазари старался приручить строптивого гения и сделать его полноценным сыном Флоренции! Не удалось! Но когда Великий умер, «Козимо и Вазари — с согласия покладистых родственников — воровским способом, под видом тюка с товаром», как говорит сам Вазари, увезли из Рима его тело и с величайшей помпой похоронили в Санта-Кроче.

Конечно, не Вазари и не герцог Козимо вывозили тело покойного, а внучатый племянник Леонардо Буонарроти, единственный родственник, в судьбе которого Микеланджело принимал большое участие. Вывоз был осуществлен тайно, потому что Рим уже готовился к торжественным похоронам. Во Флоренции все было готово, от имени герцога была создана комиссия из двух лучших скульпторов и двух художников: Вазари, Бронзино, Амманнато и Челлини. Художникам было поручено художественное оформление церемониала похорон. У Челлини был свой проект, но, видимо, до обсуждения его дело не дошло, всем распоряжался Вазари. Сохранилось письмо Бенвенуто секретарю Флорентийской академии, в котором он не преминул съехидничать по этому поводу: «Прошу не сообщать этого каприза моей фантазии никому из художников и менее, чем кому-либо, синьору Джорджо Вазари, нашему сотоварищу, у которого такой богатый и редкий ум, что я боюсь, как бы мои проекты не смутили его чудных мыслей, что было бы бесконечно жалко».

Похороны происходили пышно. Торжественную речь произнес Бенедетто Варки. Бенвенуто не присутствовал на похоронах своего обожаемого учителя, он был болен.

Драма на охоте

День шел за днем, а герцог словно забыл про Бенвенуто. Никаких новых заказов не было, реальный заработок давали только ювелирные работы, а мастер хотел заниматься скульптурой. И тут вдруг блеснула надежда. Королева французская — Екатерина Медичи — послала мессира Бачо дель Бене попросить у герцога Тосканского взаймы денег. Бачо дель Бене был старый знакомец Бенвенуто. «Опознав друг друга во Флоренции», они много общались, и Бачо дель Бене от имени королевы сделал Бенвенуто весьма лестное приглашение.

— Бенвенуто, у вас сейчас есть большие заказы во Флоренции?

Какие там заказы, он вообще сидит без работы!

— Тогда от имени королевы говорю, что вас ждут во Франции.

За те пятнадцать лет, как Бенвенуто оставил Париж, много воды утекло. Давно умер Франциск I, на трон французский взошел его сын Генрих II, но и он успел умереть — погиб на турнире в 1559 году, — и королева французская пожелала, чтобы Бенвенуто «окончил гробницу» ее мужа. Сейчас над усыпальницей работает скульптор Даниелло да Вольтерра (тот самый ханжа, который «заштопал» фреску Микеланджело «Страшный суд», прикрыв грешникам причинные места). Да Вольтерра начал делать бронзового коня, но работа идет медленно, а в гробнице намечено «превеликое множество украшений».

Можно представить чувства Бенвенуто! Ехать во Францию — он мечтал об этом все последние годы. Его там ждут собственный замок, большая работа и великие милости, обещанные посланником королевы. Он уже решил, что дело сделано.

— Мы вернемся туда вместе! — весело сказал дель Бене.

Как бы не так… Герцог ссудил королеву просимой суммой — 100 тысяч дукатов, но не отпустил Бенвенуто, не отпустил под обидным предлогом, сказав дель Бене:

«— Бенвенуто — тот искусник, которого знает мир, но теперь он не желает больше работать».

Вот те на! И ведь не поспоришь, тем более если берешь деньги в долг. Мессиру дель Бене оставалось только склонить голову в поклоне, а на следующий день герцог со смехом сказал, что просто пошутил. Разумеется, к предыдущему разговору возвращаться не стали. Бенвенуто был потрясен, он не мог понять, почему герцог так несправедлив к нему.

1562 год. Весь двор во главе с герцогом уехал в Пизу, только

старший сын Франческо не поехал с семьей, он отбыл с визитом к королю испанскому Филиппу II. Герцогская семья поехала через сиенские болота, и по дороге два сына герцога заболели. «Схватил отраву этого дурного воздуха раньше остальных кардинал; и вот спустя несколько дней на него напала чумная лихорадка и вскорости его убила. Это был правый глаз герцога; он был красивый и добрый, и его было премного жаль» — так пишет Бенвенуто. За этим следует последняя фраза «Жизни…»: «Я дал пройти нескольким дням, пока не решил, что слезы высохли; затем поехал в Пизу».

Книга Бенвенуто кончается как-то очень вдруг, сразу, неожиданно. И за девять лет оставшейся жизни у него ни разу не возникло охоты продолжать ее. А ведь он написал еще два обширных трактата — о ювелирном деле и о скульптуре. Зачем он поехал в Пизу? Разумеется, надеясь получить заказ. Герцог-то знал, что больше всего на свете ему хочется работать, но заказа Бенвенуто не дал, видно, не до того было.

Распятие было закончено. Вазари так о нем пишет:

«Он же (Бенвенуто) изваял из мрамора в натуральную величину совсем круглое и большое Распятие, которое по своему правдоподобию — самая редкостная и прекрасная скульптура, какую только можно увидеть; недаром синьор герцог и хранит ее, как предмет особенно им ценимый, во дворце Питти, предполагая поместить его в капеллу или часовенку, которую он строит в этом дворце, впрочем, часовенка эта и не могла бы в наше время получить ничего другого более достойного ее и столь великого; словом, на такое произведение вдосталь и не нахвалишься».

Распятие было подарено королю испанскому Филиппу II и находилось в его замке — в Эскориале. Только в XIX веке было точно установлено, что эта работа принадлежит Бенвенуто Челлини.

Про загадочную смерть двух сыновей герцога Козимо современники рассказывали совсем другое. Разумеется, об этом не писали, но говорили, и говорили много. До отъезда в Пизу у герцога из семи сыновей осталось в живых пять. Тот, кого Бенвенуто в книге называет кардиналом, — Джованни, из хорошенького пухлощекого мальчика, которого мы можем увидеть на портрете кисти Бронзино, уже превратился в девятнадцатилетнего красавца юношу. Будущее сулит ему только радость. Гарцио — четвертый сын — ему пятнадцать.

Элеонора любила жить во дворце в Пизе. Роскошные парки и сады украшали эту усадьбу. Гарцио и Джованни отправились на охоту. Охота была удачной, была убита коза. Но братья не поделили трофей. Каждый утверждал, что именно его выстрел

прикончил животное. Спор перешел в драку, и дон Гарцио убил Джованни кинжалом, так говорили.

Бедная герцогиня Толедская, бедная Элеонора! Горе ее было поистине ужасным. Мы не знаем, сколько она пролила слез, как молилась. Но Гарцио был ее любимцем, и в конце концов она простила сына. А отец не простил. Когда Гарцио предстал перед Козимо, тот не выдержал: «Я не хочу иметь в своей семье сына Каина!» С этим воплем он пронзил Гарцио шпагой (по другой версии — задушил). Элеонора умерла с горя, ее похоронили вместе с сыновьями.

Это что касается сыновей. Теперь о дочерях. Дочь Мария, история сохранила нам дату ее рождения — 14 апреля 1542 года, — была красавица. В нее без памяти влюбился отцовский паж, девушка ответила ему взаимностью. А может, и любви то не было, а просто девичье любопытство взыграло. Их любовная связь была обнаружена. Отец был в бешенстве. Он хотел отдать руку дочери совсем другому человеку. Ну и отдал бы! Я не знаю, что помешало планам отца, но Мария была отравлена, а несчастный паж заключен в тюрьму. Он отсидел там пятнадцать лет, потом бежал, но наемный убийца отыскал его и зарезал.

Как там было на самом деле, мы не знаем и не узнаем никогда. Я думаю, что здесь много мифотворчества. Исследователи даже ближайшего времени не в состоянии разобраться, как все было «на самом деле» у Ленина и Сталина. На одно и то же событие десять точек зрения. Еще и сейчас спорят, убил Сталин свою жену или нет. Вроде договорились — сама застрелилась. Но для этого надо было поднять документы, опросить свидетелей. А что думал народ, узнавший «новость с пылу с жару», здесь было о чем поговорить, но страх всем сковывал язык.

Так было и во Флоренции XVI века. Но даже если эти истории про сыновей и дочерей Козимо I выдуманы, это говорит, каким жестоким, крутым и страшным был этот человек. Конечно, Бенвенуто был в курсе всех разговоров. Душно было при дворе, и он туда не лез.

Последние годы

Я не успела сказать, что Бенвенуто был уже женат. Женился он в шестьдесят с лишком лет как бы впопыхах, тайно ото всех, в жены взял свою экономку. В архивах отыскали ее имя — Пьетра ди Сальвадоре Париджи. Вазари пишет, что, не считая двух незаконных детей, у Бенвенуто было пять рожденных в браке. К жене и детям он был очень привязан. Остались документы, сообщающие, что Бенвенуто заботился о воспитании детей. Старшую дочь он учил игре на арфе, видно, память об отце, музыке и флейте была в нем всегда жива.

Был у него заказ от герцога, который Бенвенуто получил где-то в начале 60-х, но у него не лежало к нему сердце. Герцог сообщил Бенвенуто через своего секретаря, что хотел бы, чтобы мастер сделал «некие истории барельефом из бронзы вокруг хора Санта-Мария дель Фьоре». На первый взгляд вполне достойный заказ, но слишком много было «но». Во-первых, хоры были сделаны покойным Бандинелли. Бенвенуто даже от его имени приходил в ярость, а здесь ему заказывают «украшать его стряпню». Бенвенуто считал, что хор сделан неправильно, в нем не было «ни искусства, ни удобства, ни красоты, ни изящества». Во-вторых, заказанные барельефы должны были размещаться настолько низко, что они были бы не видны, а являлись бы, по сути дела, сборником грязи и «мочильней для собак».

Но Бенвенуто не позволил себе прямо отказаться от заказа, все, что приказывает его светлость, — закон. Герцог поручил старостам Санта-Мария дель Фьоре заключить договор с условием, что сам герцог будет платить 200 скудо в год (как всегда, жадничал его светлость), а остальное должны были добавлять старосты. Во Флоренции исстари существовали две организации для выполнения художественных работ: общественная и государственная. Институт общественного попечительства был создан старостами богатых цехов. Это называлось «opera». Главы цехов назначали цеховых мастеров членами попечительства, которые следили за строительством и содержанием церквей и зданий, заключали договоры, выбирали художников, архитекторов, мастеров и рабочих, поставляли строительные материалы и т. д. Opera Санта-Мария дель Фьоре был наиболее уважаем, Бенвенуто называет его «Постройкой».

Возразить герцогу Бенвенуто не мог, а со старостами Постройки можно было говорить начистоту. Он тут же начал их отговаривать от создания барельефа для хора, потому что на него пойдет слишком много бронзы, и все не впрок, и что лучше для

собора, если бы он, Бенвенуто, сделал средние двери, которые по красоте не будут уступать дверям Баптистерия, исполненным блистательным Гиберти. Более того, он соглашался написать в договоре, что если он не сделает бронзовые двери лучше, чем те, которые украшают Баптистерий, то он ничего не хочет за труды, «но если я их выполню сообразно своему обещанию, то я согласен, чтобы их оценили, а потом пусть дадут мне на тысячу скудо меньше того, во что людьми искусства они будут оценены». Горько это читать, прямо скажем.

Старостам очень понравилось предложение Бенвенуто, и они направились с этим к герцогу, уверенные, что получат положительный ответ. Не получили. Герцог сказал, что Бенвенуто всегда желает поступать наперекор его желанию. Ему заказаны барельефы к хорам, вот пусть он и делает. Бенвенуто добился аудиенции, герцог позволил ему высказаться.

Бенвенуто употребил все свое красноречие и уговорил-таки Козимо, что ранее заказанных барельефов хорошо бы сделать к этим хорам две кафедры, которые будут «две великие работы и будут славой его высокой светлости». Он обещал украсить эти кафедры «многими историями барельефом». Герцог поручил ему сделать модели для будущих кафедр.

Бенвенуто потратил на модели много сил и времени. Он сделал их несколько. Одна кафедра было восьмигранная, ей он уделил наибольшее внимание, и рисунок в ней был красивее прочих. Кроме того, эта кафедра больше соответствовала требованиям, которые к ней применялись. Трудность состояла в том, что он никак не мог попасть к герцогу на прием. Бенвенуто терпеливо ходил во дворец, и все никак. Наконец ему разрешили оставить там свои модели для просмотра.

Из всех сделанных моделей его светлость выбрал, с точки зрения Бенвенуто, самую некрасивую. Герцог вел себя милостиво, Бенвенуто удалось высказаться в защиту искусства, но сколько ни уговаривал он, сколько ни «метал бисер», Козимо остановился на квадратной кафедре. Но все разговоры были пустыми, кафедра так и не была построена, а барельефы для хора, сделанного Бандинелли, висели на Бенвенуто пять лет. Он их так и не сделал. На жизнь приходилось зарабатывать ювелирными работами.

И еще он писал. Два трактата были сочинены в эти годы — «Трактат о золотых дел мастерстве» и «Трактат о скульптуре». Как всегда, Бенвенуто отдался этой работе со всей страстью. В кватроченто и чинквеченто все писали трактаты — на любую тему. Леонардо, например, писал «Трактат о свете и тени», «Трактат о глазе», «Трактат о полете птиц» — всего не

перечислишь. Трактаты Бенвенуто были сугубо профессиональными — рекомендации по ювелирному делу и по искусству ваяния. В них он уделил внимание и собственной особе, не без этого, но, помимо чисто технических уроков и рекомендаций, там много рассуждений по поводу искусства вообще.

Бенвенуто поет гимн скульптуре, пытаясь от своего имени разрешить давний спор — что выше, живопись или ваяние? Естественно, он отдает пальму первенства последнему. Спору этому была уже сотня лет. «В пластическом искусстве самое главное — уметь изобразить нагого мужчину и нагую женщину», — пишет Бенвенуто.

А как ее изучишь — анатомию человека — без вскрытия трупов. Это было необходимо не только медицине, но и художникам. В Средневековье за подобное действо можно было угодить на костер. Вскрывать трупы позволил указ короля Сицилии, а по совместительству императора Священной Римской империи Фридриха II в первой половине XIII века. Уже тогда интерес к Античности и к строению человеческого тела был очень велик. Лекции по анатомии впервые в Европе стали читать в Болонском университете в 1316 году.

А эпоху Ренессанса любили и умели поговорить. В искусстве главными спорщиками были Леонардо и Микеланджело. Мнению титанов вторили ученики и почитатели. Леонардо безоговорочно отдает пальму первенства живописи. «Глаз, — пишет он, — есть окно человеческого тела, через которое человек глядит на свой путь и наслаждается красотой мира… Он есть глава астрономии, он создает космографию, он руководит всеми человеческими искусствами и направляет их. Он направляет человека в различные страны света. Он царит над математикой и дает материал для самых достоверных наук… Он породил архитектуру и перспективу, он же создал божественную живопись».

Поэзия, по Леонардо, — искусство слепых. «Дай мне вещь, — говорит он, — которую я мог бы видеть, не только слышать». Такое же у него отношение и к музыке. «Музыку нельзя назвать иначе как сестрой живописи, ибо она предмет слуха, второго чувства после зрения… Музыка, в отличие от живописи, умирает сразу после своего возникновения». Леонардо можно понять. При дворе Лоренцо Великолепного в чести было слово, герцог и сам был поэтом, некоторые считали его гениальным, живописи уделяли куда меньше внимания. Божественный Боттичелли был общим кумиром, но даже ему, не говоря о Гирландайо, приходилось искать работу на стороне. А Леонардо ценили в основном как музыканта (неожиданная параллель с Бенвенуто).

Не желая услаждать двор игрой на арфе, Леонардо уехал в Милан на службу к врагу Флоренции Лодовико Моро.

К ваянию Леонардо относится с уважением, но считает это искусство значительно ниже живописи, потому что в скульптуре нет полутонов, там нет тайны. Работа трудная, с эстетической точки зрения некрасивая, ваятель вечно мокрый от пота и еще припорошен мраморной пылью — со стороны он похож на мельника. Микеланджело вообще не считал себя живописцем, он относился к этому, можно сказать, с высокомерием, как к чему-то для себя чужеродному. Все его надежды и помыслы были связаны именно со скульптурой. Если бы не настойчивость и щедрость папы Юлия И, не было бы росписи Сикстинской капеллы. Между соперниками была разница в двадцать три года, понятно, что Микеланджело казался Леонардо мальчишкой, вздорным и заносчивым. Микеланджело действительно никогда не упускал случая подковырнуть старого мастера. Понятно, что в этом споре Бенвенуто был целиком на стороне своего учителя.

А. К. Дживелегов о Бенвенуто: «Ему улыбнулась слава как скульптору. Естественно, что это свое искусство он считал самым значительным и самым универсальным. Сколько копий переломал он, чтобы доказать преимущество скульптуры перед живописью! Когда Бенедетто Варки обратился к Микеланджело и другим художникам, в том числе и к Бенвенуто, с просьбой ответить на вопрос, какое из двух искусств благороднее, он яростно доказывал всюду преимущество скульптуры. Вот несколько характерных выдержек из письма к Варки: «Скульптура — мать всех искусств, в которых приходится иметь дело с рисунком. Хорошему, хорошей школы скульптору очень легко сделаться… лучшим живописцем, чем незнакомому основательно со скульптурой. Живопись не что иное, как отражение в ручье дерева, человека или еще чего-нибудь.

Различие между скульптурою и живописью — различие между вещью и тенью»».

Вот ведь как. Это значит, и «Тайная вечеря», и «Джоконда», и… сами продолжайте список — «отражение дерева в ручье»? Рисунок Бенвенуто больше ценит, что краски. В своем трактате он дает наставления ученикам, как нужно учиться рисованию. Прежде всего, надо уметь грамотно рисовать кости человеческого скелета: «После того как ты нарисовал и запомнил эти кости, ты начнешь рисовать чудеснейшую кость, которая идет посредине, между двумя бедренными костями. Эта кость удивительно красива». Дживелегов пишет, что «такими лирико-анатомическими наставлениями наполнено много страниц». Для Бенвенуто человек — прекрасное творение природы.

Бенвенуто смело можно назвать теоретиком искусства. В своем трактате о скульптуре он пишет, что ваятель должен иметь две модели для статуи, вначале делаешь маленькую, а потом большую — в размере окончательной работы. Он пишет: «Микеланджело Буонарроти работал обеими способами, но, убедившись после долгого опыта, что маленькие модели недостаточны, стал необыкновенно тщательно готовить большие модели по точному размеру мраморной фигуры. Это я видел собственными глазами в сакристии[4] Сан-Лоренцо. И всякий, кто берется работать с большой моделью, должен взять уголь и нарисовать главный фас своей статуи так, чтобы рисунок был точен. Ибо, если кто не обращал должного внимания на рисунок, того часто обманут железные инструменты. И лучший способ, который вообще существует, — это тот, которым пользовался великий Микеланджело. Он заключается в следующем. После того как нарисован главный фас, нужно начинать с этой стороны и снимать резцом мрамор, как если бы хотели сделать фигуру полурельефом, и таким образом постепенно открывать всю фигуру». Это было написано уже после смерти великого скульптора, и очень хорошим ответом служат стихи самого Микеланджело на этот счет:

Когда искусство в осененьи свыше
Задумает живой дать некий образ,
То замысел родит первоначально
Модель простую в материале скромном.

Но есть еще рождение второе.
Оно свершится молотка работой
Над горным камнем, и тогда тот образ
Затмит красою идеал предвечный.

К печати трактаты Бенвенуто были подготовлены писателем Герардо Спини. Желая придать им литературную форму, Спини их основательно переработал, но столетия спустя, а именно в 1857 году, они были изданы в своем подлинном виде по найденной в Венеции рукописи. Написал Бенвенуто и несколько «Рассуждений»: «Об искусстве рисования», «О зодчестве», «О распре, возникшей между ваятелями и живописцами по поводу правой стороны, предоставленной живописи на похоронах великого Микеланьоло Буонарроти».

«Жизнь…», по утверждению Бенвенуто, он начал писать в 1558 году, рассказ довел до 1562 года, писал, должно быть, еще несколько лет. Но в «Трактате о золотых дел мастерстве» он тоже

рассказывает о своей жизни, и некоторые места этих описаний разнятся с теми, которые есть в книге «Жизнь…». Так в «Трактате…» он сообщает, что начал писать свое бытописание в 1554 году, вернувшись из кратковременной поездки по церквям. Тогда он нашел своего государя «смутным», затем началась свара по поводу оплаты за Персея. «Я решил, что это моя беда происходит от небесных влияний, которые над нами властвуют; поэтому я принялся писать всю жизнь мою, и происхождение мое, и все, что я сделал на свете. И так написал все те годы, что я служил этому моему преславному господину герцогу Козимо, но, рассудив затем, насколько великие государи не любят, чтобы какой-либо их слуга, жалуясь, говорил им истину о своей правоте, я это исправил; и все те годы, что я служил моему господину герцогу Козимо, притом с великой мукой и не без слез, я их порвал и бросил их в огонь, с твердым намерением никогда больше их не писать». Эти строки написаны где-то между 1565 и 1568 годами. Лозинский считает, не исключено, что «порвал и бросил их в огонь» есть некое иносказание. Речь идет о той книге, которая дошла до нас, и дает некоторое объяснение, почему он не стал писать «Жизнь…» дальше.

Расскажу несколько подробнее о судьбе рукописи. Я не боюсь повтора, в заключение рассказа о жизни Бенвенуто Челлини эта информация будет звучать более внятно для читателя, чем рассказ в самом начале моей работы.

Бенвенуто, конечно, хотел опубликовать «Жизнь…», но не получилось. Времена были тяжелые, инквизиция, иезуиты, но это только мои догадки. После смерти Бенвенуто его рукопись неведомыми исследователям путями досталась знатному семейству Кавальканти. Тем не менее о рукописи знали, она ходила в списках, как наш самиздат. В конце XVII века Лоренцо Кавальканти подарил рукопись «Жизнь…» лингвисту и врачу Франческо Рени, рукопись понадобилась для издания словаря, в ней были россыпи словесного богатства. Наследники Рени отдали рукопись в библиотеку иезуитов. Эта библиотека в конце XVIII века перешла в ведение флорентийской конгрегации благотворительных школ, откуда потом и благополучно исчезла. Последний ее хозяин — букинист — хранил рукопись до самой своей смерти и завещал ее флорентийской библиотеке Mediceo-Laurenziana, где она хранится и по сей день.

Бенвенуто Челлини умер 13 февраля 1571 года и был с почестями похоронен в церкви Благовещения во Флоренции.

Франческо Медичи и Бьянка Капелло

Рассказ о Бенвенуто Челлини окончен, но мне хочется вдогонку рассказать одну историю касательно дома Козимо I Медичи, которая случилась на глазах у всей Флоренции. Бенвенуто Челлини тоже был ее свидетелем, но по понятным причинам не пишет об этом, нельзя было бросать тень на правящий дом. Дело касается Франческо Медичи, старшего сына Козимо, а Франческо всегда благоволили Бенвенуто.

Энциклопедия: «Франческо Медичи (1574–1587) держался направления отца, но значительно уступал ему талантами и находился в подчинении у своей второй жены Бьянки Капелло, влияние которой было особенно вредно для финансов».

Жила-была в Венеции во дворце на канале прелестная дева и звали ее Бьянка Капелло. Она была дочерью богатого патриция Бартоломео Капелло и племянницей епископа Аквилейского. Бьянка в раннем детстве лишилась матери и познала всю горечь сиротства, поскольку мачеха вполне соответствовала принятой в сказках традиции. Отец был строг и берег дочь пуще ока. Ей ни в коем случае не разрешалось смотреть в окна, выходящие на канал. Из дома она выходила только в церковь.

1563 год. В Венецию приезжает некто Пьетро Бонавентури. Молодого флорентийского клерка, как сказали бы сейчас, «белого воротничка», банк посылает «в командировку». Пьетро поселился у своего дяди Джанбатисты Бонавентури. На беду племянника, дом Джанбатиста находился рядом с палаццо патриция Капелло.

По одной из версий, Пьетро увидел Бьянку в церкви. Версия Стендаля мне больше нравится. Она поэтичнее. Юноша увидел Бьянку в маленьком оконце глухой стены, выходившей в проулок между роскошным палаццо и скромным жилищем дяди Джанбатисты Бонавентури. Красота девушки поразила молодого флорентийца. Бьянке было пятнадцать лет, она была сама невинности, а также трепет, восторг и ожидание. Наверное, девушка тоже заметила молодого человека, потому что желание подняться к маленькому оконцу участилось.

Пьетро бы одуматься вовремя. Как мог он, бедняк, претендовать на внимание прекрасной девы? Но юность безрассудна. Кроме того, как покажут дальнейшие события, Пьетро был отчаянный малый, склонность к интриге была у него в крови. И не будем забывать, что он был красив.

Друзья, а они уже завелись у него в Венеции, объяснили ему, кто есть его соседка, и рассказали, в какой строгости отец содержит дочь. Любопытство есть мать всех пороков. Теперь

каждый вечер он стоял в проулке, подняв голову к заветному оконцу, и ждал своего часа. Вначале он объяснялся знаками; прижимал руку к сердцу, хватался за голову, выражая отчаяние. Потом рискнул послать воздушный поцелуй. В ответ он получил благосклонную улыбку. Бьянке так хотелось глотнуть свежего воздуха. Она открыла створку окна…

Дальше все произошло словно само собой. Девушке удалось раздобыть ключ от калитки, выходившей в проулок. Она дожидалась часа, когда весь дом засыпал, и тихонько уходила на встречу со своим возлюбленным. Одна встреча, вторая. Потом влюбленные переместились в дом Пьетро.

Уходя из дворца, Бьянка оставляла калитку слегка приоткрытой. Однажды она слишком крепко заснула в объятиях любовника и проснулась позже обычного. Уже мальчик из булочной спешил по своим делам. Он заметил приоткрытую дверь — непорядок! — и потянул ее на себя. Замок защелкнулся, а минуту спустя Бьянка уже стояла у закрытой калитки. Здесь автор высказывает недоумение. Во-первых, почему столь разумная и практичная девушка не брала с собой ключ, а во-вторых, нет полной уверенности, что в Венеции в это время уже были «самозахлопывающиеся» замки. Но не будем мелочиться. Доверимся Стендалю.

Итак, Бьянка стоит перед закрытой калиткой, а это значит, что вскоре в доме обнаружат ее пропажу. Последствия могут быть самыми ужасными. Отец все разведает, он обязательно отыщет ее любовника. Ему, а может быть, и ей грозит смерть!

Бьянка кинулась назад в дом своего любовника. Пьетро не колебался ни минуты, они должны бежать. Но куда? По счастью, молодой человек вспомнил про своего знакомца, флорентийского купца, который жил на окраине Венеции. К нему и направили они свои стопы.

А уже утром весь город знал о скандале в доме Капелло. Бьянка не ошиблась в намерениях и настойчивости отца.

Очень скоро стало известно имя соблазнителя. Скандал был страшный. Взыграла гордость семьи. И не будем забывать, что два государства, Флоренция и Венеция, столетиями были соперниками в политике, торговле, в делах военных, судебных и прочее. Поэтому сенат безоговорочно поддержал притязания дома Капелло.

Был начат розыск. За поимку беглецов была назначена неслыханно большая сумма — тысяча дукатов. Две тысячи дукатов было обещано тому, что найдет Пьетро Бонавентури и убьет его. Десять тысяч шпионов, «двадцать тысяч курьеров» шарили по улицам, каналам и трюмам уплывающих кораблей в

поисках беглецов. А пока дядю Джанбатисту Бонавентури бросили в тюрьму (в ней он и умер). Служанку Бьянки тоже осудили, считалось, что она помогла беглецам.

А наши возлюбленные меж тем тряслись от страха в покоях флорентийского купца. Тот сам был в ужасе. Он и не предполагал, какое зло навлекает на себя, принимая молодую пару. Слава о красавице Бьянке Капелло уже вышла за пределы Венеции, беглецов искали и на материке.

Флорентийский купец не польстился на венецианскую награду. Он решил помогать беглецам до конца. Из Венеции уходило судно, груженное сеном (откуда в Венеции сено и зачем оно там? — *Авт.*), в этих «стогах» наши влюбленные и спрятались. С неимоверными трудностями они достигли Флоренции.

Но старые архивы Венеции нарушают стройный порядок романтического повествования. С документами не поспоришь. Оказывается, убежав из родительского дома, Бьянка прихватила с собой все драгоценности, которые ей удалось сыскать. Это частично объясняет ярость отца, дяди и проливает свет на сам факт побега. Не было несчастного случая, не было захлопнувшейся калитки, а был сознательный побег. Бьянке опостылела жизнь под замком рядом со сварливой мачехой и крутым отцом. Да и мало зазорного в том, что она взяла драгоценности, которые ей принадлежали по праву. Покойная мать оставила ей наследство, к которому она не имела доступа.

Спланированный побег говорит о сильном, целеустремленном характере. Бьянка Капелло была человеком поступка.

Молодые прибыли в Венецию и поселились в тайном жилище вдали от всех. Их история уже хорошо была известна в городе. Имя красавицы Бьянки было на устах у молодежи, ею восхищались и откровенно завидовали Пьетро Бонавентури. А он, бедный, боялся выйти из дома, а если все-таки решался, то вооружался с головы до ног — боялся венецианских шпионов. Бьянка жила затворницей, только вечерами, закрыв лицо полупрозрачным покрывалом, она садилась у окна, развлекаясь видом проходящего мимо люда. Здесь и увидел ее герцог Франческо Медичи. Он также был наслышан о таинственной венецианке и был полон любопытства. Даже под покрывалом он рассмотрел красоту девушки и влюбился в нее без памяти.

А вот проза жизни. Никакого тайного жилища, а более чем скромный дом родителей Бонавентури на площади Святого Марка. Больная, прикованная к постели мать, отец, который из кожи вон лез, чтобы прокормить семью. Сын Пьетро, надежда

семьи, потерял работу в банкирском доме Сальвиати. А скандальная слава его не давала возможности подыскать новую работу.

Родители Пьетро отнеслись к Бьянке настороженно. Им не по нраву и не по характеру было хранить в доме такое сокровище, как сбежавшая от отца патрицианка. Вначале надо было обезопасить себя, поженив молодых. Венчание произошло в доме Пьетро. Но это не успокоило Бьянку. Она боялась мести отца. Страх держал ее за горло, не оставляя ни днем ни ночью. Она почти не выходила из дому, разве что иногда, закрывшись покрывалом, посещала церковь. Через год после побега у Бьянки родилась дочь. Жизнь была трудной. В доме был один-единственный слуга, но и от него хозяева по бедности были вынуждены отказаться. Бьянке приходилось делать черную работу, о которой она понятия не имела в родительском доме.

Картина выглядит слишком мрачной. Ведь украденные драгоценности вроде бы были при ней. Но про нашу героиню столько написано, что не знаешь, какому автору верить. Одно достоверно, что в этот критический момент судьба улыбнулась молодой паре.

В 1564 году герцог Козимо I, устав от дел, решил взвалить государственные заботы на плечи наследника. Франческо с удовольствием взял в руки бразды правления. Правда, мысли его были заняты другим. Он был еще не женат, ему подыскивали среди европейских дворов невесту. А пока он принадлежал сам себе и мыслил поближе познакомиться с таинственной Бьянкой теперь уже Бонавентури. Но как, где?

По одной версии, Пьетро сам этому поспособствовал. Ему удалось «выйти» на герцога, и он познакомил его с женой. Вторая версия более правдоподобна, тем более что время сохранило нам имя участницы событий. Некто из свиты герцога решил извлечь выгоду из тайного желания герцога. Он уговорил жену Марчесу Мондрагоне найти способ сойтись поближе с Бьянкой. Умная женщина использовала для этой цели больную мать Пьетро.

Как-то утром в доме появляется почтенная синьора и говорит Бьянке, что ее зовет в гости весьма важная особа. Шепотом сообщается ее имя. У важной синьоры есть, оказывается, важные сведения, которые невозможно доверить бумаге. Также шепотом называется адрес. Бьянку ждут сегодня к обеду, она должна прийти одна.

В страхе и смятении молодая женщина советуется с мужем. Пьетро в нерешительности: а вдруг это ловушка? Но больная мать советует идти непременно. Мать знает имя этой дамы, она очень богата, мы люди бедные, нам необходимы покровители. Только

они могут поддержать и защитить нас.

Бьянка закрывает лицо и в урочный час спешит по указанному адресу. В доме синьоры Марчесы ее принимают с распростертыми объятиями. Шикарный стол, хозяйка сама любезность и предупредительность. Бьянка любопытствует: какие важные сведения ей хотят сообщить? Ах, важные сведения? Вот они. Во Флоренции есть люди, которые хотят помочь вам. Да, да, ваша судьба всех волнует. Скажите мне, дитя мое, в чем ваша нужда? Растроганная Бьянка рассказывает свою историю. Прошел год, но положение ее не улучшилось. Венеция скандалит, шлет во Флоренцию грозные депеши с требованием вернуть пару для справедливого суда. Бьянку выслушивают с полным вниманием и дают обещание прийти в этот же дом по первому зову.

Первый зов не заставил себя ждать. Уже через три дня Бьянка получает повторное приглашение прийти в дом синьоры Марчесы. Здесь уже хозяйка дома была откровенна:

— Дитя мое, а не желаете ли вы повторить свой рассказ самому герцогу Франческо? Лучшего покровителя вам не найти.

Бьянка смутилась. Она была умной женщиной, и подкладка этой истории стала ей видна полностью. Но в ее положении не выбирают.

— Право… Я не знаю… возможно ли? — проговорила Бьянка, подчиняясь этикету.

— Возможно. Наш государь видел вас и полон сочувствия.

Дверь отворилась, и в комнату вошел герцог. Госпожа Марчеса сразу вышла, оставив их наедине, а Бьянка бросилась на колени. Со слезами на глазах она умоляла герцога помочь ей. Рассказ ее был сбивчивым, но убедительным. Герцог выслушал все не перебивая, скупо обещал помочь и вышел из комнаты.

Да, он был влюблен, страсть его сжигала. В его возможностях было выбрать любую красавицу Тосканы, но ему была нужна именно эта. Потому что она была не просто женщина, а легенда, за нее дрались два государства. Ему казалось, что, побеждая Бьянку, он побеждает весь мир.

Эта встреча совершенно изменила судьбу Бьянки. Герцог был добр, деликатен, а главное, он исполнил то, что обещал. С помощью посланника в Венеции ему удалось несколько остудить страсти по поводу бегства Бьянки. Ему даже удалось вернуть наследство, оставленное ей матерью. В связи со скандалом это наследство было конфисковано, а здесь Бьянка получила на руки большую сумму — 6000 дукатов.

Впрочем, она теперь куда меньше нуждалась в деньгах. Сочувствуя бедной изгнаннице, герцог Франческо переселил ее с мужем в роскошный дом в лучшем квартале Флоренции.

Началась «жизнь втроем». Удивительно, что Пьетро находил такое положение дел вполне нормальным. Он получил высокое место при дворе и большое жалованье, познакомился с флорентийской знатью. Жизнь была прекрасны!

Меж тем дела с женитьбой герцога пришли к естественному завершению. Женой Франческо стала Иоанна Австрийская, дочь Фердинанда I. Свадьба состоялась в 1565 году во Флоренции. Народ ликовал. Очень скоро молодая герцогиня узнала, что у нее есть соперница. Случай вполне обычный для этого времени. У Иоанны при дворе была одна задача — родить наследника. И она рожала почти без передышки. И как на беду, все были девочки. От природы она не блистала особой красотой: бледна, худа, а тут еще все признаки беременности. При этом она была обидчива и ревнива. А муж находит утеху в объятиях красавицы Бьянки. Надо ли говорить, что жизнь ее была адом. Отец Козимо очень неодобрительно относился к связи сына с венецианкой, но никакие уговоры не действовали.

Так и жили, а через пять лет, в 1570 году, Пьетро зарезали. История была весьма скандальная. В новой роскошной жизни он совершенно потерял голову. Если у его жены есть возлюбленный, то почему и он не может завести себе любовницу? Мы не знаем, сколько их у него было, но история с Кассандрой Бонджиане из семьи Рицци стала для него роковой. Он соблазнил невинную девушку, и братья встали на защиту ее чести. Пьетро вел себя вызывающе, он даже не пожелал извиниться за содеянное зло. Он явно чувствовал себя под защитой правящего дома. Но герцог Франческо отказался его защищать. На Пьетро напали наемные убийцы и зарезали его. Это случилось зимой 1570 года.

Теперь Бьянка была свободна. Надо было мостить путь к трону. И не важно, что возлюбленный герцог женат. Иоанна не вечна. Главное, она должна родить герцогу сына-наследника, этим она навсегда привяжет к себе Франческо. Но после рождения дочери Бьянке никак не удавалось забеременеть. Что только она не предпринимала. Лечилась, посещала церковь, ходила к астрологам и гадалкам. Но ничего не помогало.

И тогда она решилась на обман. Рассказы о рождении Антонио (1576 год), которого Франческо Медичи признал своим сыном, многогранны и фантастичны. Одно в них правда — Бьянка длительно и очень искусно играла в беременность. Все признаки были налицо. Ее тошнило, ей хотелось кислого, она падала в обморок, потом стала тучнеть на глазах. Пользующий ее врач был подкуплен. Она так заморочила всем голову, что все окружение Бьянки и сам герцогский двор были уверены в ее беременности. Не верил только один человек — кардинал Фердинандо, брат

Франческо. Со временем этот умный человек займет тосканский престол. А пока он ненавидит Бьянку, ждет от нее подвоха и следит за каждым ее шагом.

Пришло время родов. Вот как описывает этот день Стендаль. Кардинал Фердинандо решил непременно присутствовать при столь важном событии. Бьянка кричала в своих покоях, изображая родовые муки, а Фердинандо прохаживался в гостиной и ждал, чем это все кончится. Наконец он дождался появления монаха, который спешил к роженице с молитвой. Кардинал благословил монаха, но, обнимая, обнаружил, что тот в рукаве прячет младенца. Монаху удалось, не разглашая тайны, пройти в покои Бьянки, родовые муки тут же кончились — родила!

У некоторых рассказчиков фантазия работает еще искуснее. Они говорят, что младенца доставили к Бьянке в футляре из-под скрипки. Но я верю другой, более правдоподобной версии. При доме Бьянки жили беременные женщины, целых три. Как говорится, не будем рисковать. Первый родившийся мальчик стал «сыном» Бьянки. Настоящая мать новорожденного довольствовалась хорошим вознаграждением и твердым обещанием молчать. Но служанка Джованна Санти рассказала о тайне рождения кардиналу Фердинандо. Бьянка узнала о предательстве служанки и поклялась отомстить и Джованне, и Фердинандо.

Как бы ни относился герцог к своему «сыну», тот все равно был незаконнорожденным. И для всех при дворе он был бастардом. Бьянку не любили в городе. Всех раздражала беззастенчивость, с которой она общалась с герцогом. Конечно, жалели скромную, тихую и несчастную Иоанну. И тут произошло чудо. Герцогиня, наконец, родила наследника, младенца Филиппа. Флоренция была вне себя от радости. Праздники продолжались много дней и ночей. Но торжество Иоанны было недолгим. В апреле 1578 года она умерла. Народ говорил об отравлении.

Теперь и герцог Франческо был свободен. Тут оба вспомнили, что еще при жизни Пьетро они поклялись друг другу обвенчаться, как только будет у них такая возможность. Надо только пережить необходимый по этикету траур. А пока Франческо пригласил Бьянку на жительство в свой дворец в качестве воспитательницы юных принцесс. Тайное венчание произошло пять месяцев спустя.

Сразу выяснилось, что Бьянка Капелло не только не опорочила честь Венеции, но принесла ей славу. 12 октября 1578 года во Флоренции состоялось официальное торжественное бракосочетание и коронация. Бьянка была провозглашена великой герцогиней Тосканы и коронованной дочерью

Венецианской республики. Более того, ее стали называть «дочерью Святого Марка», это был очень почетный титул. Праздники стоили и флорентийской казне, и венецианской много денег.

Маленькому Филиппу не суждено было стать правителем Тосканы. Он умер в пятилетнем возрасте. Отец был безутешен. Он не мог позволить себе совсем отойти от дел, но великая герцогиня приобрела во Флоренции очень большую власть. Герцогство ее продолжалось девять лет. Не знаю, насколько счастливы они были в браке, но умерли Франческо и Бьянка «в один день». Медицинский диагноз утверждает — малярия, но народ не обманешь. Все были уверены в отравлении, вопрос только, кто кого отравил.

Накануне в загородной вилле Поджо-а-Кайано состоялся праздничный ужин, на который был приглашен кардинал Фердинандо. Молва утверждает, что в этот раз Бьянка решила за все посчитаться со своим старым недругом. Именно из-за Фердинандо ее сын не мог претендовать на герцогский титул. Кроме того, кардинал, в отличие от мужа, был очень популярен в народе. Словом, хозяйка собственноручно приготовила сладкое блюдо, бланманже, и положила в него яд. Кардинал был предупрежден, а потому, несмотря на все уговоры, не притронулся в бланманже. А не посвященный в планы жены герцог притронулся. Не пропадать же добру!

Стендаль: «Бьянка не могла его удержать, так как она обнаружила бы свое преступление и навсегда утратила бы любовь мужа. Увидав, что все для нее кончено, она с такой же быстротой приняла решение, как и тогда, когда оказалась перед запертой дверью отцовского дома. Как и муж, она тоже положила себе бланманже, и оба скончались 19 октября 1587 года. Кардинал наследовал брату и под именем Фернандо I правил до 1608 года». Добавим, что Фернандо был одним из самых успешных правителей Тосканы.

Послесловие

В Италию я поехала в 1988 году по приглашению художницы и поэтессы Эвелины Шац, устроил мне эту поездку Юрий Маркович Нагибин, мой учитель и друг. Во Флоренции я прожила семнадцать дней — огромный срок для туриста. Объяснение простое. Я была во Флоренции в два заезда. Первый раз я жила там традиционно — неделю, после чего поехала в Рим и далее, а второй заезд был внеплановым — из-за забастовки я опоздала на обратный поезд и опять очутилась во Флоренции. Ужас был в том, что билетов на московский поезд не было, мне удалось уехать только через десять дней. «Ну что ты стонешь, — утешала меня хозяйка квартиры Анечка, — ты же не в Урюпинске застряла — во Флоренции. Наслаждайся!» И я продолжала наслаждаться, то есть продолжала с открытым ртом ходить по городским улицам, церквям и музеям.

В Италии я не жила в гостиницах, меня передавали с рук на руки одни друзья другим друзьям. Это была акция добрых русских эмигрантов, которые искренне хотели помочь нищим советским людям увидеть мир. Спасибо им всем. О Флоренции разговор особый.

Эвелина в Италии зарабатывала вовсе не поэзией, а переводом, она и препроводила меня к своей приятельнице, тоже синхронному переводчику, — Анечке Тур, в девичестве Воронцовой-Вельяминовой. Она была красавица, умница, у нее были уже взрослые дети, но выглядела она — дай бог каждому! Но что меня совершенно потрясло — она была прямая прапраправнучка Пушкина. Это линия Александра, старшего из сыновей. Дочь Александра Александровича Пушкина — Наталья Александровна — вышла замуж за Павла Аркадьевича Воронцова-Вельяминова, сын этой пары стал Анечкиным дедом. Семья Вельяминовых известна на Руси, они участвовали еще в Куликовской битве. Отец Анечки застал революцию ребенком, пяти лет не было. Заварушку в Петрограде семья пережила в Риге, все думали — вот все утихнет, и вернемся. Не вернулись, был Берлин, потом Париж.

В Ленинград отец Ани попал уже в 60-е, приехал с туристической группой. Там он познакомился с достойными людьми, через них вышел на Музей Пушкина на Мойке. Им он подарил единственную семейную реликвию — печатку Натальи Пушкиной — внучки поэта.

Аня была синхронным переводчиком, работающим с четырьмя языками, а по совместительству старостой

православной церкви в городе. Через Анины руки прошла вся советская элита, которая приезжала во Флоренцию. Она знала всех и вся. Когда я уезжала, со мной на перроне стоял курчавый мальчик Женя Кисин, с ним она тоже «работала».

Совершенно русская квартира, очень хорошие гравюры Петербурга на стенах, русская еда, русские книги в шкафах. Кто я для нее была — просто гостья из России, никому неведомая писательница, без языка (белорусский со словарем), перепуганная, придавленная обилием впечатлений, не в меру любопытная, денег в кулаке — только на музеи и подарки. Дома мы жили по карточкам. Помню, в Милане меня привели по блату в магазин оптовой продажи, и я долго не могла выбрать, что купить — двухлитровую бутыль оливкового масла или такого же размера шампунь. Остановилась на шампуни. Им потом целый год мылась вся семья.

Я старалась быть деликатной, с утра исчезала из дому, возвращалась под вечер, но Анечка все равно со мной много возилась. Она в Сиену на конференцию, я за ней хвостом. Какой-то швейцарец пренебрег конференцией, не приехал, я переночевала в забронированном для него номере. Анечка водила меня в оперу, показала дивные фрески Беноццо Гоццоли «Шествие волхвов» в капелле дворца Медичи-Риккарди — туристов туда не пускали. Это только название «волхвы», а по сути, портреты представителей семейства Медичи. Анечка свозила меня в деревню на «виллу», принадлежащую когда-то племяннику Микеланджело. Вилла мне не понравилась, одноэтажное каменное строение, все продуваемое сквозняками, холодные мраморные полы. Дом купил художник с женой, сейчас они обустраивались. Знала бы я тогда, что это «тот самый племянник», Леонардо Буонарроти, единственный наследник Великого, я бы совсем другими глазами смотрела на эту виллу.

Но тогда, во Флоренции, у меня и в мыслях не было Бенвенуто Челлини. Персей мне понравился, и бюст Бенвенуто на Старом мосту я запомнила, но лишь потому, что книгу его очень любил мой покойным муж. Он был физик-теоретик, человек безукоризненного литературного вкуса. Мне тогда «Жизнь…» Челлини показалась скучноватой.

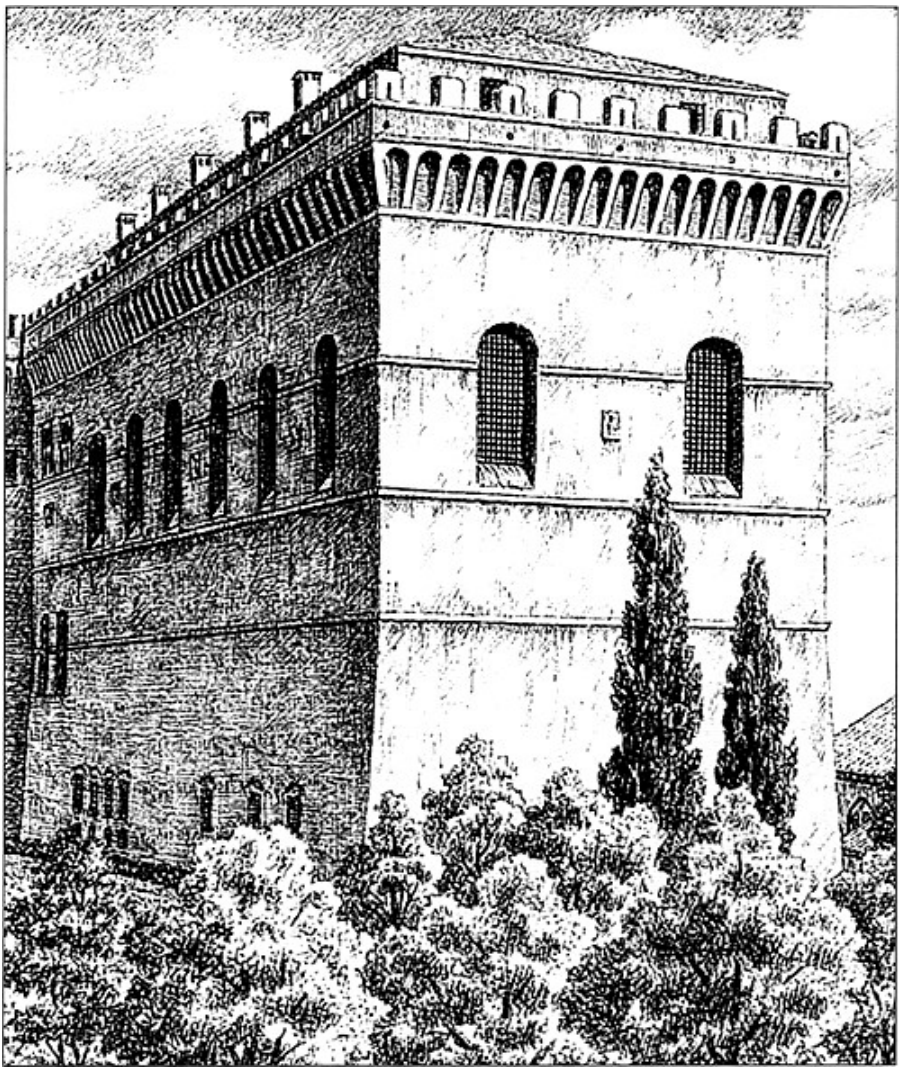
И вот прошло двадцать с гаком лет, и по флорентийским улицам стал водить меня, не молодую даму, а, попросту говоря, старуху, сам Бенвенуто Челлини. Ожили уже забытые площади, церкви стали участницами событий, и все кватроченто и чинквеченто раскрылись как флорентийская лилия. Я очень благодарна ему за это, я его полюбила всем сердцем. Спасибо, Бенвенуто.

Кто-то сказал, что наш век — век цитат. С одной стороны, это связано с компьютеризацией всей страны, с другой — понятие «плагиат» потеряло былую ценность. А главное — до нас все уже было написано, и лучше не скажешь, не то время. Моя книга о Бенвенуто, это, по сути дела, одна большая цитата, мои тут только любовь к герою, к Италии, любопытство и работоспособность.

И вот еще одна цитата, ей и окончим рассказ. Здесь все — гениальный ювелир, прекрасные дамы — любительницы «бранзулеток» (они были бы его заказчицами) и тень ангела.

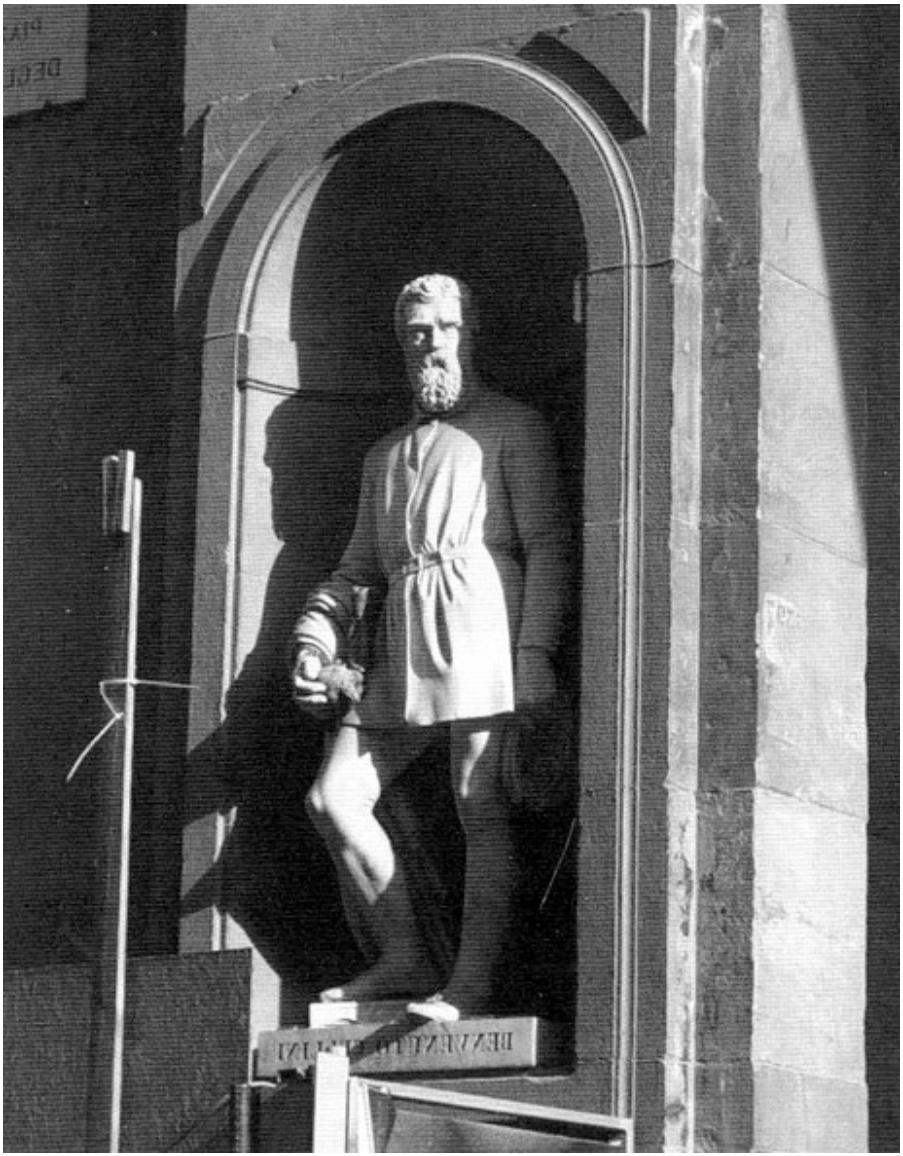
> На Старом мосту — теперь его починили, —
> где бюстует на фоне синих холмов Челлини,
> бойко торгуют всяческой бранзулеткой;
> волны перебирают ветку, журча, за веткой.
> И золотые пряди склоняющейся за редкой
> Вещью красавицы, роющейся меж коробок
> Под ненасытными взглядами молодых торговок,
> кажутся следом ангела в державе черноголовых.
>
> *Иосиф Бродский. Из «Декабря во Флоренции», 1976 год.*

Иллюстрации



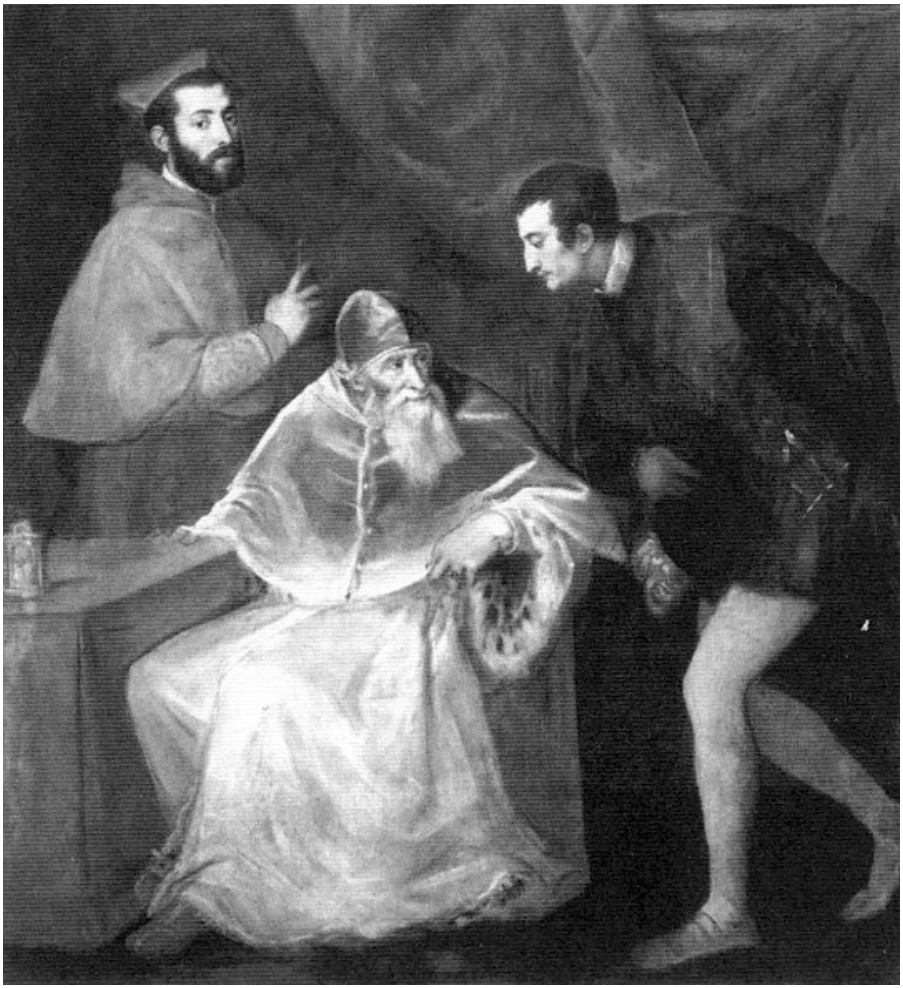
Сикстинская капелла. Рисунок Микеланджело

Бенвенуто Челлини. Неизвестный художник



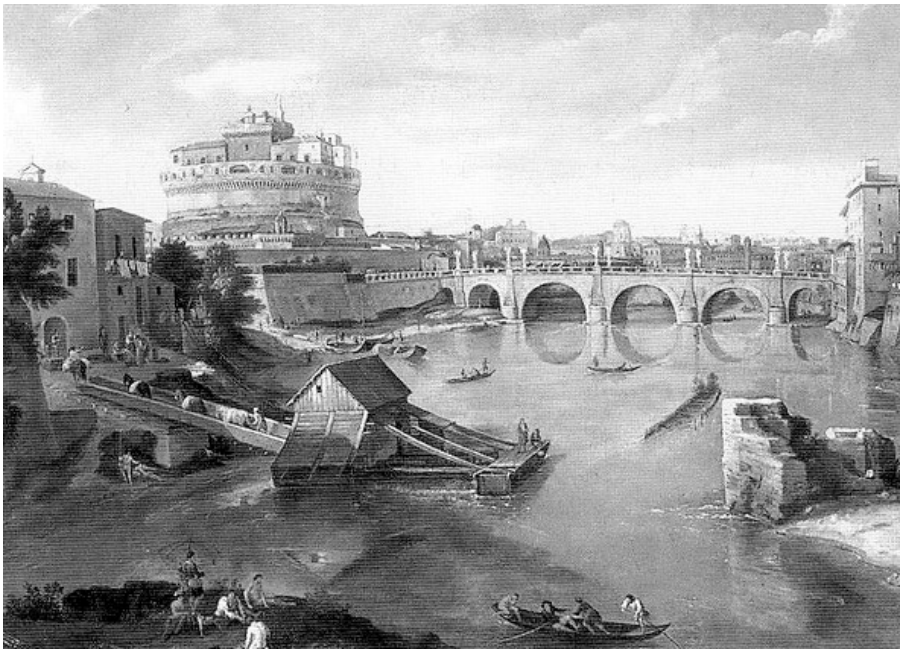
Бенвенуто Челлини. Скульптура во дворе Галереи Уффици

Портрет папы римского Климента VII. Художник А. Бронзино



Папа римский Павел III с внуками Алессандро и Оттавио Фарнезе. Художник Тициан

Папа римский Павел III. Художник Тициан



Башня Святого Ангела. Вид с юга. Художник К. ван Виттель

Башня Святого Ангела. Современный вид

Медаль с портретом кардинала П. Бембо. Работа Б. Челлини

Пегас у источника Иппокрены. Реверс медали. Работа Б. Челлини

Солонка Франциска I. Работа Б. Челлини

Король Франции Франциск I. Художник Ж. Клуэ

Франциск I посещает мастерскую Челлини. Художник Н. де Кейзер

Франциск I в мастерской Бенвенуто Челлини. Художник Ф. Подести

Барельеф «Нимфа Фонтенбло». Работа Б. Челлини

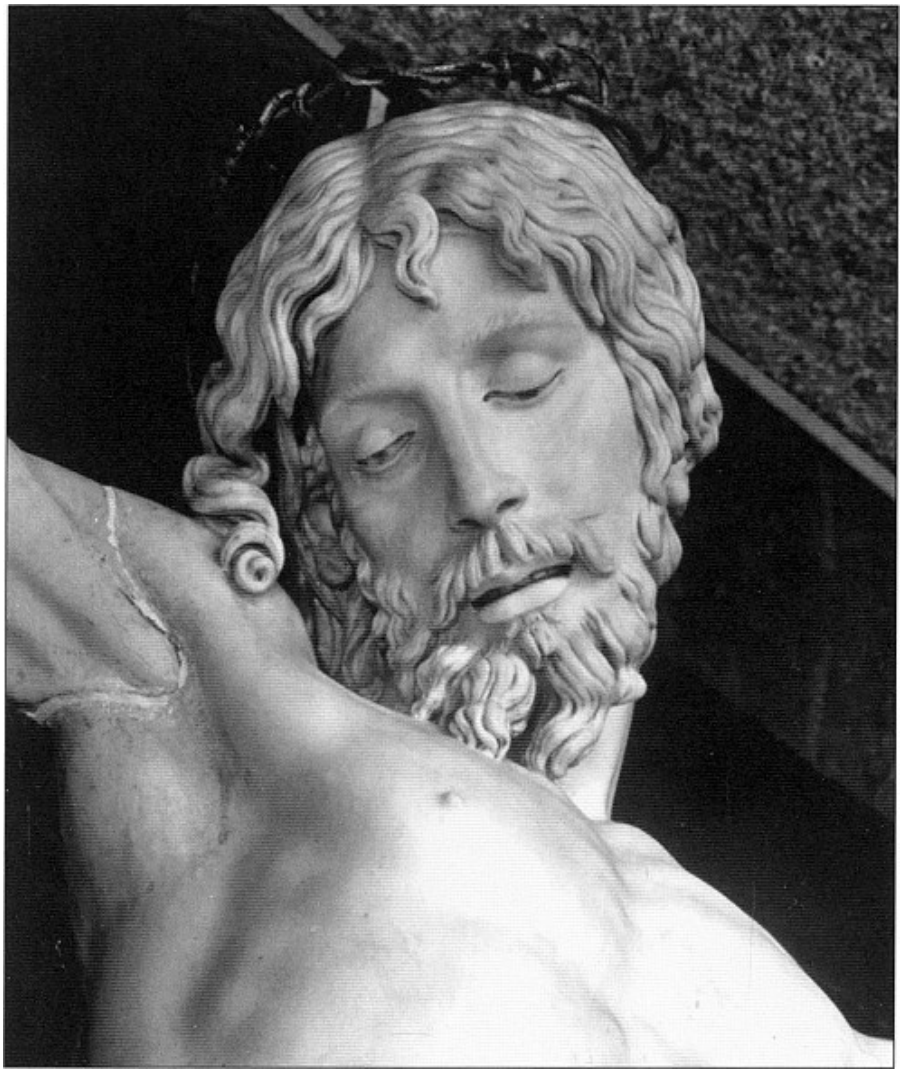
Замок Фонтенбло. Современный вид

Портрет Федерико Гонзага. Художник Тициан

Дж. Вазари. Автопортрет

Бюст Козимо I Медичи. Работа Б. Челлини

Персей. Работа Б. Челлини



Фрагмент мраморного Распятия. Работа Б. Челлини

Бенвенуто Челлини в своей мастерской. Неизвестный художник

Бюст Бенвенуто Челлини на Старом мосту во Флоренции. Современный вид

notes

Примечания

1

«Один дух и одна вера были в них» *(лат.)*.

«Затворены врата войны» *(лат.)*.

3

Во Флоренции — праздник Успения; 15 августа.

4

Сакристия — церковная ризница.